

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

JIM BUTCHER

A man in a dark trench coat and a fedora hat stands in a dark, rainy street. He is holding a long, thin stick or cane in his right hand. The background is a blurred, dark street scene with some lights and a car visible in the distance. The overall mood is gritty and noir.

PEACE TALKS

A NOVEL OF THE GREENE FILES

Annotation

Начинаются мирные переговоры и все сверхъестественные нации мира встречаются, чтобы договориться о прекращении текущих военных действий. Гарри Дрезден, единственный профессиональный чародей Чикаго, присоединяется к команде безопасности Белого Совета, чтобы убедиться, что переговоры останутся цивилизованными. Но получится ли у него добиться успеха, когда темные политические манипуляции угрожают самому существованию Чикаго – и всему, что ему дорого?

- [Джим Батчер](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
-

Джим Батчер
Мирные переговоры

Глава 1

Мой брат разрушил мою идеальную пробежку, сказав:

- Жюстина беременна.

Это совершенно выбило меня из моей ментальной зоны, и я внезапно почувствовал жжение в ногах и тяжелое дыхание. Я сбросил скорость и постепенно замедлился, пока не перешел на обычный прогулочный шаг. В голубом свете июльского предрассветного солнца Монтроуз-Бич был пустынен. Было еще не жарко. Вот почему я встал в половину-о-господи-какая-рань.

Томас тоже замедлился, пока мы не поравнялись. Его темные волосы были собраны в хвост на затылке. Как и я, он был в старой футболке, спортивных штанах и кроссовках. Но он принадлежал к тем мужчинам, что так красивы собой, что заставляли людей сомневаться, гадая - в чём тут подвох.

А еще он вампир.

- Давай разберёмся. Ты подвёз меня этим утром, - сказал я ему. - Мы проделали весь этот путь. Мы пробежали шесть миль по песку в абсолютном молчании. Весь город всё ещё тих и спокоен. Мы даже почти не встречали машин.

- И? - уточнил Томас.

Я хмуро насупился.

- И зачем ты это испортил?

Уголки его губ дрогнули.

- Извини, что испортил твое мужское время, Хемингуэй.

- Неее, - протянул я. Мы добрались до конца последнего круга, почти вернувшись к машинам. Я остановился, развернулся в сторону озера, перевел дух. Утяжеленный жилет, цеплялся за что-то у меня на плече, мешая движениям, и я крутанул раздраженно предплечьем.

Далеко над озером синева начала светлеть. Приближался рассвет.

Я спросил:

- Ты уверен?

Он ответил:

- Более чем.

Я бросил взгляд в его сторону. Идеальная симметрия его лица была напряжена до предела. Его глаза, что бывали иногда голубыми, но, как правило, серыми, теперь серебрились немного. Я знал этот взгляд. Томас был Голоден.

- Как это случилось? - спросил я его.

Он покосился, не повернув головы, и поднял брови.

- Тебе до сих пор не рассказали?

Я снова нахмурился:

- Я имею в виду, ты же был осторожен?

- Был, - подтвердил Томас. - К тому же мой вид почти что бесплоден. И тем не менее.

- И что будет теперь?

- В основном, как обычно. За исключением того, что Голод ребенка будет вытягивать жизненную энергию из Жюстины. Она будет основным блюдом на ближайшие семь с половиной месяцев.

Я внимательно на него посмотрел.

- Это опасно?

Он сглотнул.

- Согласно семейным записям, чуть больше пятидесяти процентов либо не доживают до родов, либо умирают вскоре после них.

- Адские колокола, - сказал я. Я продолжил смотреть на воду. Голубизна сменилась более светлой синевой, а затем и первым отливом золота. Чикаго начинал просыпаться вокруг нас. Шум с автострады начал постепенно нарастать. Птицы в заповеднике в конце пляжа начали петь.

- Я не знаю, что делать, - сказал Томас. - Если я её потеряю...

Он не закончил. Ему и не надо было. В этом многоточии была целая вселенная боли.

- Ты будешь в порядке, - сказал я. - Я помогу.

- Ты? - Томас переспросил со слабой улыбкой и она всего на секунду сделала его профиль светлее.

- К твоему сведению, я уже больше месяца - настоящий отец на полную ставку и Мэгги не умерла. Да я просто безумно талантлив в родительских штуках.

Улыбка погасла.

- Точно. Но... Гарри...

Я положил руку ему на плечо.

- Не выдумывай проблемы, - сказал я. - Достаточно тех, что уже навалились, не надо искать новые. Ей нужна забота. И что бы ни случилось, мы с этим справимся.

Он молча смотрел на меня, потом кивнул.

- А пока, - продолжил я. - тебе стоит сосредоточиться на том, чтобы позаботиться о себе, прежде, чем начать заботиться о ней.

- Я в порядке, - сказал он, отмахнувшись.

- А так и не скажешь.

Это заставило его дернуть головой в мою сторону и свирепо уставиться на меня. Выражение его лица изменилось. Внезапно он стал похож не столько на человека, сколько на нечто высеченное из мрамора. Злой, злой мрамор. Я почувствовал, как мои плечи напряглись в присутствии существа, которое, я знал, было действительно опасным.

Он продолжал сверлить меня взглядом, но ему приходилось заирать подбородок. Мой старший брат примерно шести футов ростом, но у меня - все шесть и девять. Обычно, когда я смотрю на него сверху вниз, у меня есть преимущество. Сегодня оно было меньше обычного, так как я неудачно встал в углубление.

Его голос был холоден.

- Оставь это, Гарри.

- А если не оставлю, - спросил я. - Ты меня ударишь?

Он сердито посмотрел на меня.

- Потому что, ну, ты знаешь. Я теперь Капитан Зима. Все может пойти не так, как ты думаешь.

Он усмехнулся.

- Пожалуйста. Я ж тебя свяжу по рукам и ногам твоими же внутренностями.

Я покосился на него. Затем я заговорил медленно и осторожно.

- Если ты не будешь заботиться о себе и вести себя, как здравомыслящий человек, - сказал я. - вероятно мы это проверим.

Он нахмурился и начал было говорить, лицо его потемнело.

- Нет, - просто сказал я. - Нет, ты не должен этого делать. Ты не можешь впасть в эмо-вампиристо-тоскливую спираль из-за всего этого. Потому что это эгоистично, а ты уже не можешь себе позволить так думать. Уже нет.

Некоторое время он смотрел на меня с яростью, затем задумчиво, затем встревоженно.

Волны накатывали на пляж.

- Я должен подумать о них, - сказал он.

- Хороший человек бы так и сделал, - сказал я.

Его серые глаза смотрели на озеро.

- Все теперь изменится, - сказал он.

- Точно.

- Мне страшно, - сказал он.

- Ага.

Что-то в языке его тела расслабилось, и внезапно он снова стал просто моим братом.

- Мне жаль, - сказал он, - что я вспылil. Я... не люблю разговаривать о вампирских делах с тобой.

- Ты предпочитаешь притворяться, что мы просто нормальные братья, с нормальными проблемами, - сказал я.

- А ты нет? - спросил он.

Некоторое время я смотрел себе под ноги.

- Может быть. Но ты не можешь игнорировать реальные вещи, только потому, что они неудобны. Я сяду на тебя и заставлю позаботиться о себе, если понадобится. Но для них будет лучше, если ты это сделаешь.

Он кивнул.

- Вероятно. У меня есть некоторые соображения, - сказал он. - Я работаю над этим. Достаточно хорошо?

Я поднял обе руки ладонями вверх.

- Я не твой отец, - сказал я. Затем настала моя очередь хмуриться.

- Со стороны семьи твоего отца не будет проблем?

- А когда от них не было проблем?

- Хех, - сказал я. Повисло молчание. Небо над озером начало набухать первой слабой полосой темно-оранжевого цвета. Он уже добрался до небоскребов позади нас. Свет неуклонно двигался вниз по стенам зданий.

- Иногда, - произнес Томас, - Я ненавижу то, что я есть. Ненавижу быть собой.

- Может, настало время поработать над этим, - сказал я ему. - Это реально не та вещь, которой можно научить маленького ребенка.

Он сердито посмотрел на меня. Потом сказал:

- Когда, черт возьми, ты успел забраться так глубоко?

- Опыту благодаря, мудрость я заслужил, - ответил я голосом Йоды.

Но в горле у меня странно защекотало, и я закашлялся. Я справлялся с этим дольше, чем следовало бы, и уже выпрямлялся, когда Томас сказал неожиданно жестким тоном:

- Гарри.

Я поднял глаза и увидел молодого человека, направляющегося к нам.

Карлос Рамирес был среднего роста, может быть, чуть больше среднего телосложения. Он изменился, приобретя солидный взрослый вид, хотя по какой-то причине я все еще ожидал увидеть долговязого парня лет двадцати с небольшим, когда бы я его ни увидел. Он отрастил свои темные волосы еще длиннее. Его кожа была бронзовой от происхождения и солнца. Он шел с трудом, прихрамывая и опираясь на толстую трость с вырезанными символами - его волшебный посох. На нем были джинсы, майка и легкая куртка. Рамирес был крепким, проверенным бойцом, хорошим человеком, чтобы иметь на своей стороне, и был одним из очень немногих людей в Белом Совете, кого я считал своим другом.

- Гарри, - сказал он. Он осторожно кивнул Томасу, - Рейт.

Мой брат кивнул в ответ.

- Давно не виделись.

- Со времен Провала, - согласился Рамирес.

- Карлос, - сказал я. - Как твоя спина?

- Теперь я знаю, когда пойдет дождь, - сказал он, одарив меня быстрой улыбкой. - Какое-то время я не буду много танцевать. Но я не буду скучать по этому проклятому креслу.

Он поднял руку. Я стукнулся с ним кулаками.

- Что привело тебя сюда с побережья?

- Дела Совета, - ответил он.

Томас кивнул и сказал:

- Я пойду.

- Не надо, - сказал Рамирес. - Сегодня утром это станет достоянием общественности. Маккой подумал, что было бы неплохо, если бы кто-то из твоих знакомых рассказал тебе об этом, Гарри.

Я хмыкнул и расстегнул чертов утяжеленный жилет. Дела Белого Совета, как правило, вызывали у меня головную боль.

- Что на этот раз?

- Мирные переговоры, - сказал Рамирес.

Я выгнул бровь.

- Что, серьезно? С Фоморами?

В последнее время сверхъестественный мир был как бы перевернут вверх дном. Какой-то псих сумел полностью уничтожить Красную коллегия вампиров, и образовавшийся вакуум дестабилизировал баланс сил, существовавший веками. Самым большим последствием хаоса стало то, что Фоморы, подводная держава, о которой почти никто не говорил при моей жизни, восстали с удвоенной силой, захватив территорию у различных держав и посеяв хаос среди обычных людей - в основном бедняков, переселенцев, людей без особых защитников, которые могли бы за них заступиться.

- Собрание подписантов Неблагого Соглашения, - подтвердил Рамирес. - На встречу приедут все крупные державы. Очевидно, Фоморы сами напросились. Они хотят разрешить наши разногласия. Все присылают своих представителей.

Я присвистнул. Это было бы уже кое-что. Собрание влиятельных представителей величайших сил в сверхъестественном мире, в то время, когда напряженность была высока, а нравы горячи. Мне стало жаль бедный городок, где должен был состояться этот маленький званый обед. На самом деле...

Я почувствовал, как у меня отвисла челюсть.

- Подожди. Они проведут его здесь? Здесь? В Чикаго?

Рамирес пожал плечами.

- Да, именно поэтому Маккой послал меня сказать тебе.

- Чья это дурацкая идея? - спросил я.

- Это еще одна причина, по которой Маккой послал меня, - усмехнулся Рамирес. - Местный барон предложил свое гостеприимство.

- Марконе? - потребовал я ответа.

Джентльмен Джонни Марконе, бывший барон Чикагской мафии, теперь был бароном Марконе, единственным смертным человеком, подписавшим Неблагое Соглашение. Ему это удалось несколько лет назад, и с тех пор он наращивал свою мощь.

- Этот трюк, который он провернул с Мэб этой весной, - сказал я, нахмурившись.

Рамирес пожал плечами и развел руками.

- Марконе загнал Никодимуса Архлеоне в угол и забрал все, что у него было, не нарушив ни одного из положений Соглашения. Говори, что хочешь об этом человеке, но он компетентен. Это произвело впечатление на многих людей.

- Да, - мрачно сказал я. - Это все он сам. Скажи мне, что Совет не хочет, чтобы я был нашим эмиссаром.

Рамирес моргнул.

- Погоди, что? О... О боже, Гарри, Я имею в виду... нет. Просто нет.

Мой брат прикрыл рот рукой и закашлялся. Я решил не обращать внимания на морщинки в уголках его глаз.

Рамирес откашлялся, прежде чем продолжить.

- Но они ожидают, что ты будешь связным Совета с Зимой, если понадобится, и обеспечивать безопасность для Старейшин Совета, которые будут присутствовать. Все будут соблюдать правила гостеприимства, но они привезут с собой свои собственные мускулы.

- Доверяй, но проверяй, - сказал я. Я с отвращением снял утяжеленный жилет и бросил его на берег. Он издал чрезвычайно весомый звук, когда упал.

Рамирес выгнул бровь.

- Господи, Гарри. Сколько эта штука весит?

- Двести двадцать, - ответил я.

Он покачал головой. На мгновение выражение его лица стало испытующим и задумчивым. Я научился узнавать этот взгляд - "Интересно, Гарри Дрезден все еще Гарри Дрезден или Королева Воздуха и Тьмы уже превратила его в своего личного монстра".

Я часто его вижу в последнее время. Иногда в зеркале.

Я снова посмотрел на свои ноги и принялся изучать землю. Я все лучше ее видел по мере того как солнце поднималось над горизонтом.

- Ты уверен, что Старейшины Совета хотят меня видеть в команде безопасности? - спросил я.

Рамирес уверенно кивнул.

- Я её возглавляю. Они сказали мне, что я могу выбрать свою собственную команду. Я выбираю тебя. Я хочу, чтобы ты был там.

- Там, где тебе будет легче присматривать за ним, - пробормотал Томас.

Рамирес усмехнулся и наклонил голову.

- Возможно. Или, может быть, я просто хочу увидеть, как еще несколько зданий сгорят дотла, - он кивнул мне и сказал: - Гарри. Я буду на связи.

Я кивнул в ответ.

- Хорошо было повидаться, Лос.

- Рейт, - произнес Рамирес.

- Страж Рамирес, - ответил мой брат.

Рамирес заковылял прочь, опираясь на трость, двигаясь без особой грации, но с немалой энергией.

- Ну, - сказал Томас. Он проводил Рамиреса взглядом и задумчиво прищурился. - Похоже, мне лучше поторопиться. Все скоро сильно осложниться.

- Ты этого не знаешь, - сказал я. - Может, это будет милый обед, и все вместе споют Кумбайю.

Он посмотрел на меня.

Я опять посмотрел себе под ноги и сказал:

- Точно. А может и нет.

Он фыркнул, хлопнул меня по руке и пошел обратно к машине, не сказав больше ни слова. Я знал, что он будет ждать меня.

Как только он ушел, я выбрался из ямы в песке и поднял свой утяжеленный жилет. Затем я повернулся и стал изучать ее, когда солнце начало по-настоящему всходить, и я наконец смог ясно видеть.

Я стоял на гуманоидном следе стопы. Он был более трех футов длиной.

Оглядевшись, я увидел, что они выстроились в линию, и между ними тянулось несколько ярдов. Цепочка следов вела к воде. Поднимающийся береговой бриз уже начал размывать очертания следов.

Возможно, их появление было полным совпадением. Да. А может, и нет.

Я перекинул утяжеленный жилет через плечо и поплелся обратно к машине. У меня возникло неприятное ощущение, что сейчас все снова пойдет наперекосяк.

Глава 2

Томас вернулся со мной домой, чтобы позавтракать после тренировки.

Ладно. Формально это был дом Молли. Но она почти не появлялась, а я жил там.

Посольство свартальвов в Чикаго представляло собой аккуратное маленькое здание в деловом районе, с лужайкой, которая представляла собой абсолютное зияющее пространство, если учесть стоимость недвижимости в городе. Это было похоже на здание, которое должно было быть полно людей в строгом трезвом деловом костюме, ведущих дела с деньгами и цифрами, которые были слишком сложными, суетивными и ужасно скучными, чтобы быть всем понятными.

Как оказалось, это было довольно близко к истине.

На подъездной дорожке стояла небольшая сторожевая будка, довольно свежая, и из за книги на меня поднял глаза невозмутимый мужчина в строгом дорогом костюме и темных очках. Мы остановились у окна, и я сказал:

- Фиолетовый мустанг улетает сегодня вечером.

Охранник уставился на меня.

- Ох... подожди, - сказал я и принялся ломать голову. - Печальные вторники не представляют никакой проблемы для местных властей?

Он продолжил пялиться на меня.

- Назовите, пожалуйста, ваши имена.

- Да ладно тебе, Остри, - сказал я. - Неужели мы должны каждое утро танцевать этот танец? Ты же знаешь, кто я. Черт возьми, вчера вечером мы целый час смотрели, как наши дети играют вместе.

- Я тогда не был на дежурстве, - сказал Остри совершенно нейтральным тоном, не поднимая глаз. - Назовите, пожалуйста, ваши имена.

- Один раз, - сказал я, - Всего один раз, это убьет тебя, если ты не будешь следовать протоколу?

Он снова посмотрел на меня пустым взглядом, медленно моргнул и сказал:

- Потенциально. Вот почему у нас есть протоколы безопасности.

Я одарил его своим самым чародейским взглядом, но безрезультатно. Потом я заворчал себе под нос, издавая в основном звуки Йосемита Сэма, и начал рыться в своей спортивной сумке.

- Меня зовут Гарри Дрезден, Зимний Рыцарь, вассал Молли Карпентер, Зимней Леди из двора сидхе, и я нахожусь под защитой на правах её гостя. Это Томас Рейт, тоже ее гость, друг Леди Эванны.

- Он один из любовников Эванны, - педантично поправил меня Остри. Он кивнул Томасу.

- Как дела, Остри, - сказал мой брат.

- Служба, - серьезно ответил Остри и открыл папку, пролистывая несколько страниц с фотографиями в верхнем углу. Он остановился на моей странице, тщательно сравнил изображение со мной, а затем еще одно с Томасом и кивнул. - Пароль, пожалуйста.

- Да, одну секунду, - в конце концов я нашел сложенный листок бумаги с еженедельными парольными фразами в глубине спортивной сумки. Я развернул его, стряхнул с него песок, сверился с ним и прочел, - «Все ваши база принадлежат нам». Что это вообще значит?"

Остри посмотрел на меня в отчаянии и вздохнул. Затем он посмотрел на Томаса.

- А ваша?

- "Крошечный паук поднялся по водосточному желобу", - быстро ответил Томас, даже не взглянув на чит-карту. Потому что ему больше нечем заняться, кроме как запоминать случайные парольные фразы.

Остри одобрительно кивнул, закрыл папку и убрал ее.

- Пожалуйста, подождите, - сказал он. Он нажал кнопку и пробормотал почти беззвучное слово, которое, как я знал, должно было обезвредить около двух тысяч смертоносных магических оберегов между мной и входной дверью. Затем он кивнул мне и сказал, - Вы можете войти.

- Спасибо, - сказал я.

Он немного откинулся на спинку стула, расслабляясь, и иллюзия ничем не примечательной человечности, которая покрывала свартальфа, стала жидкой и прозрачной. У Остри была серая кожа с мускулами гимнаста под ней, голова немного великоватая для остального тела, и абсолютно огромные черные глаза, как у того инопланетянина на видео вскрытия. Под внешней иллюзией

выражение его лица было расслабленным и приятным. - Моя Ингри хотела бы еще поиграть с Мэгги и Сэром Мышем.

- Мэгги это тоже понравится. Я свяжусь с миссис Остри?

Он кивнул.

- Это в ее зоне ответственности. Опять карты сегодня вечером?

- Я бы с радостью, но, кажется, не смогу, - сказал я.

Он нахмурился.

- Я предпочитаю иметь возможность планировать свои вечерние занятия.

- Служба, - пояснил я.

Его хмурость исчезла, и он вновь взялся за книгу.

- Тогда другое дело, конечно. Пожалуйста, дайте мне знать, когда вы освободитесь от ваших обязанностей.

Я кивнул ему и пошел вперед.

Кратко говоря, Остри был свартальвом. Дотошным, яростным приверженцем, нечеловечески дисциплинированным, непреклонно преданным своим понятиям о чести и долге - но еще и приятным человеком, если познакомиться с ним поближе. Всякое бывает, вы знаете?

Мы миновали еще два контрольно-пропускных пункта, один в вестибюле здания, а другой у лифта, который вел вниз, к большому подземному комплексу посольства. Один из других свартальвов посмотрел на мои водительские права, потом на меня и настоял на том, чтобы измерить мой рост и снять отпечатки пальцев, чтобы еще раз убедиться, что это действительно я, а не самозванец в костюме Гарри.

Наверное, мне не стоило так сильно возражать. Добавление большего количества проверок означало большую безопасность, даже если они иногда несколько злонамеренно применялись такими парнями, как Гедвиг только что. Тем не менее, особая смесь паранойи и пунктуальности свартальвов означала, что моя дочь будет в большей безопасности под их крышей. Но в иные дни это раздражало, и сегодня был один из таких дней.

Мы проскользнули в квартиру и обнаружили, что там все еще тускло, темно и прохладно. Я остановился на мгновение, чтобы поразиться чуду кондиционера летом. Магия и технологии не уживаются, а аура энергии вокруг такого волшебника, как я, играет злую шутку с почти всем, что было разработано после Второй

мировой войны. Я никогда не жил в доме, где кондиционер выдерживал бы больше нескольких дней, но свартальвы построили эту квартиру специально для Молли. Тут были работающий свет, работающее радио, работающая горячая вода и работающий кондиционер, и я понятия не имел, как умный народец смог это сделать. Свартальвы были знаменитыми мастерами. Говорят, если ты хочешь что-то сделать, они могут это сделать.

Может быть, мне стоит попросить у Молли телевизор. Или интернетную. . . штуку. Устройство. Одну из этих интернет-штучек. Я думаю, что раз все так без ума от интернета, там точно должно быть что-то классное.

Как бы то ни было, когда мы наконец добрались до гостиной, Мистер, мой большой серый кот, появился, как всегда, и бросился мне в ноги в приветственном плечевом блоке. Я наклонился, чтобы почесать его за ушами, как он любил, что он принял с большим великодушием, прежде чем отпустить меня продолжать делать мои дела. Он прошел мимо Томаса, потерся щекой о ногу моего брата один раз и то только для того, чтобы отметить его как свою собственность, затем удалился с царственным равнодушием. Мистер был уже не так молод, как раньше, но он все еще знал, кто управляет квартирой.

Моя дочь все еще спала на диване, укрытая тяжелым одеялом. Рядом с ней лежал лохматый серый бегемот размером с Клайдсдейльского тяжеловоза, мой Храмовый пес Мыш. Он даже не поднял головы и не открыл глаз, когда мы вошли. Он просто зевнул и поерзал в поисках более удобной позы, прежде чем выдохнуть и снова заснуть. У Мэгги перехватило дыхание, потом она протянула руку и погрузила ее в собачью шерсть. Они оба вздохнули во сне и снова замерли.

Я постоял немного, просто глядя на них сверху вниз.

В такие минуты Томас обычно пил кофе на кухне. Но сегодня он подошел ко мне и остановился, глядя на девочку и собаку.

- Проклятье, - сказал он.

Я кивнул.

- Большая ответственность.

- Да.

- Ты справишься.

Я повернулся и посмотрел на него. На его лице было какое-то выражение, которое я не мог определить, какая-то смесь тоски и нежной, изысканной боли.

- Я так не думаю, Гарри, - сказал он.

- Не будь идиотом, - сказал я. - Ты ее любишь. Ты полюбишь ребенка. Конечно, ты справишься.

Слабая грустная улыбка смешалась с другими выражениями его лица. Мы оба повернулись к спящему ребенку.

В этой тишине было что-то такое, чего я никогда не испытывал до того, как начал заботиться о Мэгги. Ощущение... сильного удовлетворения, подобного которому я никогда не знал. Вот она, спящая, счастливая, здоровая и в безопасности.

Я сделал глубокий успокаивающий вдох. Усталость улетучилась, но не из моего тела, а из чего-то более глубокого и бесконечно более важного. Мой брат одновременно выдохнул и стукнул меня кулаком по плечу. Потом он направился на кухню, а я в душ.

Я прогрел себя столько, сколько было нужно, и, одеваясь, услышал голоса с кухни.

- У молока нет чувств, - сказала Мэгги.

- Почему нет? - пропищал голос еще моложе.

- Потому что молоко неживое, - весело ответила Мэгги.

- Ох, - проследовала пауза. - Но оно же движется.

- Я его двигаю, - сказал Мэгги, - А потом оно какое-то время плещется само.

- Почему?

- Из-за гравитации, я думаю, - сказала Мэгги. - Или, может, мимпульса.

- Импульса, ты имеешь в виду? - спросил маленький голос

- Возможно, - серьезно ответила Мэгги.

- Тогда откуда ты это знаешь?

- Когда тебе исполнится десять, ты тоже будешь кое-что знать, - сказала Мэгги.

- Почему?

Войдя в маленькую кухню квартиры, я застал Мэгги в пижаме, которая старательно наводила беспорядок с помощью Мыша и вырезанного из дерева черепа. Маленькие зеленые точки света горели в глазницах черепа, как угольки какого-то странного огня. Половина

содержимого маленькой кладовки квартиры была свалена на кухонный стол.

Я посмотрела на Томаса, который сидел за кухонным столом с кружкой кофе. Он уже налил мне. Я подошел к нему и взял свою чашку, бормоча:

- Ты не подумал зайти сюда?

- Ты так давно был в душе, что я уже забыл, о чем думал в эти дни, - парировал он.

Я немного понизил голос.

- Как она справилась? - спросил я.

Он ответил в том же духе.

- Довольно неплохо. Мы обменялись приветствиями, установили зрительный контакт, и она, казалось, была счастлива сделать это, - сказал он. - Она спросила, не хочу ли я блинчиков.

- И ты согласился?

- Гарри, - сказал Томас. - Будь разумен. Каждый хочет, чтобы кто-то испек ему блинчики, мы просто слишком повзрослели, чтобы сказать это.

Я отхлебнул кофе, потому что с такой логикой спорить было невозможно.

Он тоже отхлебнул.

- Собираешься ее остановить?

Я смаковал совершенство кофе, и наслаждался этим первым глотком, прежде чем ответить.

- Думаю, мне стоит лучше все разведать.

Я отнес свою чашку на кухню и услышал, как Томас встал, чтобы последовать за мной.

Когда я оказался в поле зрения, глаза маленького деревянного черепа повернулись ко мне, и ее голос гордо провозгласил:

- Блины неживые!

- Правильно, - сказал я, обращаясь к духу внутри черепа. Лучше уж внутри этого деревянного, чем внутри моего, скажу я вам. С тех пор как новообразованный дух интеллекта воплотился в моем сознании, он рос, пока не стал слишком большим для этого пространства, что, по общему признанию, не заняло у нее много времени. Нам удалось успешно извлечь ее из моей головы, и она

поселилась в резном деревянном черепахе, приготовленном для нее. С тех пор мы учили ее и отвечали на бесконечные вопросы.

- Доброе утро, Боня.

- Утро - это когда солнце встает! - сказала маленькая черепаха. - Оно заканчивается в полдень!

Боня была полна кусочков информации, которые не были связаны ни с чем другим. Она могла бы рассказать вам подробности всех видов тайн Вселенной, но она понятия не имела, какое влияние эти тайны могут оказать на реальный мир. Что делало ее... кем-то, с кем нужно бережно обращаться.

- Опять верно, - сказал я. - Доброе утро, Мэгги.

- Привет, пап, - сказала Мэгги. - Я готовлю нам всем блины на завтрак.

- Это потрясающе, - сказал Томас, толкая меня в спину.

Мэгги бросила на него быстрый взгляд и застенчиво улыбнулась.

Мне не нужно было смотреть, чтобы понять, что он подмигнул ей в ответ. Я поднял брови.

- Да. Блины. Это что-то новенькое.

- Молли говорит, что надо быть храброй и пробовать новые вещи, чтобы расти, - серьезно сказала моя дочь. - А Томас говорит, что все любят блины.

- Все любят блины, - сказал Томас.

Я бросил на него прищуренный взгляд через плечо, чтобы он перестал мне помогать. Он вернул его с бесхитростной улыбкой.

- Ну да. Они не ошибаются, - серьезно сказал я. - Вам нужна помощь?

- Я сама могу все сделать, - сказала она. - Я знаю, как обращаться с плитой, а Бонни знает рецепт.

- Я знаю двести двадцать семь индивидуальных рецептов блинчиков! - Сказала Бонни. - Шестнадцать можно сделать с учетом текущего инвентаря кухни!

- Мы готовим по номеру семь, - серьезно сказала Мэгги. - Лучшему для начинающих.

Для меня это звучало как начало большого беспорядка. Мыш, я клянусь, выдал мне самодовольный вид и облизался. Это будет та еще работенка потом прибраться, но, вероятно, Мэгги будет полезно попробовать. Поэтому я наклонился, поцеловал ее в макушку и сказал:

- И дай мне знать, если тебе понадобится помощь, тыковка.

- Видите, мисс Мэгги, - сказал Томас. - Я же говорил.

Я остановился и посмотрел на него.

- Ты все это подстроил, чтобы получить блинчики?

Томас напустил на себя серьезный вид и чуть расширил глаза, глянув на Мэгги.

- Я не скажу, что я этого не делал.

Я закатил глаза.

Моя дочь захихикала.

- С мистером Томасом все в порядке, папа.

- Ты слишком мала. Вот что я скажу. Дай-ка мне разобраться с ним, - сказал я. - А ты сосредоточься на том, что ты делаешь, ладно? Будь осторожна.

- Хорошо, - сказала она. Она снова принялась за работу, и хотя ее глаза все еще были опухшими от сна, она сосредоточилась на работе с мгновенной утренней энергией, которой может обладать только тот, кто еще не открыл непреложную необходимость кофе.

Я устроился на диване неподалеку. Квартира состояла в основном из одной большой комнаты, разделявшей кухню, столовую и гостиную без перегородок. Две двери вели в спальни - Молли и мою. Ну, формально комната принадлежала Молли, но, насколько я знал, с тех пор, как я сюда переехал, она ни разу в ней не была, разве что пару раз заглядывала, гладила Мыша, щекотала Мэгги, делилась со мной какой-то радостной болтовней и снова уходила.

Давненько мы с ней нормально не разговаривали.

Квартира напоминала мне мое старое жилище в подвале пансиона Миссис Спанкелькриф. Только не было заплесневелого запаха старого подвала. И она была больше. И более ярко освещена. И новее. И совсем немного чище. И это было просто неправильно.

Несмотря на всю свою унылость, та жалкая квартирка была моим домом. Будь прокляты вампиры, что сожгли его дотла. Черт бы побрал Марконе за то, что он купил эту недвижимость и устроил свою новую штаб-квартиру на том месте, где раньше был дом.

Я скучал по нему.

А, ладно. Не было никакого смысла размышлять об этом. Жизнь никогда не станет прежней. Всегда есть какой-то крученный, летящий на тебя. Единственное, что оставалось - отбросить.

Томас выбрал место у стены, прислонился к ней так, чтобы видеть кухню, и отхлебнул кофе. Его глаза были сосредоточены на Мэгги с глубокомысленным вниманием.

- Жизнь опасна, да?

- Мыш даст мне знать, если возникнут проблемы, - сказал я.

- Хороший пес, - сказал Томас.

- Если хочешь, - сказал я, - могу написать брату Вану. Скажу ему, что ты хочешь щенка.

- Ты уже у него одного украл, - усмехнулся Томас.

- Случайно, - сказал я. - Плюс этот комок меха спрятался специально. Даже если брату Вану это не понравится, вряд ли он сможет возражать собаке.

- Что ж, - задумчиво произнес Томас, - он очень хороший пес.

- Чертовски хороший, - сказал я.

- Дай мне подумать об этом, - сказал Томас. - Много всего происходит.

Он все еще не сводил глаз с Мэгги.

- Эй, мужик, - сказал я. - Ты в порядке?

Он покосился на меня и слегка улыбнулся.

- Просто... очень много размышляю о будущем.

- Ну, - сказал я. - Оно понятно.

Я закрыл глаза и почувствовал, что мои конечности болят тупой, ровной пульсацией, которая шла в такт с моим сердцебиением. Внезапно я громко чихнул.

- Будь здоров, - быстро сказала Мэгги из кухни.

- Ммм, - отозвался я. - Спасибо.

Чихание вызвало волну ноющих ощущений в моих конечностях, которые исчезли через несколько секунд. Я открыл один глаз. Это было неправильно.

Мантия силы зимнего рыцаря была тем, что позволяло мне идти в ногу с моим братом вампиром, бегая по песку и нося двести фунтов лишнего веса. Одной из вещей, которые делала мантия, было притупление боли, до такой степени, что я ощущал ее только как напряженное, серебристое ощущение. Сломанные кости немного раздражали. Кровоточащая рана была чем-то отвлекающим - но я никогда, никогда просто не болел.

Вот только не теперь.

Дурацкая Зимняя мантия. Она создавала постоянную атаку первобытных, диких эмоций и желаний, которые были подобны раздутым версиям моих собственных инстинктов. Я ходил на интенсивные тренировки каждое утро, не потому что мне это нравилось. Я сделал это, потому что дисциплина и рутина помогали мне держать в узде более примитивные инстинкты. Ежедневные интенсивные упражнения заставляли мантию расходовать энергию на поддержание моего тела в рабочем состоянии - по моему расписанию, по моей воле - и в результате уменьшали количество давления, которое она могла оказывать на мои сознательные мысли. И хотя это делало меня способным игнорировать боль и выталкивать мое тело далеко за пределы нормальной человеческой выносливости, влияние мантии было постоянным раздражением, которое требовало постоянных усилий, чтобы держать ее в узде.

- Ого, - сказал Томас. - Ты в порядке, ботаник?

- Это было странно, - сказал я.

Мистер забрался на диван и устроился у меня на коленях, сунув голову мне под руку. Я машинально погладил его, и его тело завибрировало с мурлыканьем, похожим на бульканье кипящей воды.

Через секунду или две после этой мысли я снова чихнул, сильнее, и на этот раз болезненная волна усталости захлестнула меня с такой силой, что я чуть не упал на бок.

Кроме того, раздался лязг и плеск воды. Мистер прыгнул с моих колен и убежал. Мне потребовалось несколько попыток, чтобы сфокусировать взгляд, но когда я это сделал, то увидел металлический горшок с черной пластиковой ручкой, лежащий на боку на ковре передо мной. Маленькие струйки пара поднимались от мокрого ковра рядом с горшком.

Я моргнул, и мы с Томасом обменялись взглядами. По его лицу я понял, что он понятия не имеет, что только что произошло. Мы оба посмотрели на горшок.

Я нахмурился и наклонился, чтобы дотронуться до него. Он не был достаточно горячим, чтобы обжечь меня, но был близок к этому. Я моргнул и потянулся к ручке. Я поднял котелок. На пару секунд ручка показалась мне странно мягкой - и вдруг пластик, металл и вода задрожали и растаяли в прозрачную студенистую жидкость, которая

выпала из моих пальцев и расплескалась по ковру. Эктоплазма, сырая материя духовного мира.

Что за чертовщина?

Эктоплазма была странным веществом. Она могла быть сформирована магией и питаться энергией, и пока энергия продолжала вливаться, она сохраняла свою форму. Духи из Небывальщины могли выковать тела, чтобы использовать их в материальном мире, и бегать в них, словно это их собственная версия выхода в открытый космос. Но как только энергия перестанет вливаться, тело конструкции вернется к своей первоначальной форме - слизеподобной эктоплазме, которая сама сублимируется из материального мира и возвращается в Небывальщину в течение нескольких мгновений.

Так откуда же, черт возьми, взялся этот горшок?

Страж? У маленьких фейри, которые слонялись вокруг моего дома, определенно была полоса озорства шириной в милю. Может, кто-то из них подшутил надо мной?

Может быть. Но если так, то откуда проказник узнал, о чем я думаю?

Это было чертовски странно.

- Гарри? - спросил Томас.

- Чертовски странно, - сказал я и потерял нос, который совершенно внезапно распух. - Даже для меня.

- Папа? - позвала Мэгги.

- Хммм?

- Я не должна переворачивать блинчики до тех пор, пока они не станут коричнево-золотистыми, как сказала Бонни. Но я не вижу готовящуюся часть. Как мне узнать?

Я поднялся с дивана, прихватил горсть салфеток и направился на кухню.

- Тут есть хитрость, - сказал я. - Это видно по тому, как выглядит тесто на сырой стороне. Я тебе покажу.

- Хорошо.

Я начал обучать свою дочь тонкому искусству переворачивания блинов. Мы как раз приступили ко второму, когда где-то в одной из стен очень быстро зазвонил крошечный колокольчик - охранная сигнализация квартиры.

Мышь резко повернул голову к источнику звука и издал низкое рычание. Мэгги моргнула и неуверенно посмотрела на меня.

Томас оторвался от стены словно маленький напряженный сгусток тугой энергии. Он взглянул на меня, а затем пошел на кухню и взял один из больших поварских ножей из подставки.

- Кто-то идет, - сказал я. - Давай сначала посмотрим, что происходит. Теперь, как мы тренировались. Возьми Бонни, иди в мою комнату и положи ее в коробку. Оставайся там с ней, пригнись к полу и молчи. Ладно?

Мэгги выглядела неуверенно, но кивнула.

- Хорошо.

- Вперед.

Я закрыл за ней дверь спальни и поднял свой волшебный посох с места возле камина. Я вдруг пожалел, что не нашел способа потратить больше времени на свой личный магический арсенал. Я этого не сделал, потому что был занят тем, что был отцом, что отнимало гораздо больше времени, чем я считал возможным. У меня было очень мало времени, чтобы активно работать над моим снаряжением - очень интенсивная работа в течение нескольких часов. Все, что у меня было, это посох, который я вырезал на затерянном острове Предела Демона посреди озера Мичиган, мой взрывной жезл и небрежная версия моего старого браслета-щита, но они должны были сработать.

Что бы ни вызвало тревогу, казалось маловероятным, что оно могло пройти весь путь через охрану свартальвов, но если бы оно этого не сделало, тогда почему звенит моя охранная сигнализация?

- Что думаешь? - спросил Томас.

- Я думаю, что все, что проходит через службу безопасности свартальвов, чтобы попасть сюда, заставляет меня немного нервничать, - сказал я.

- О, значит, не один только я. Это мило.

Через несколько секунд тяжелая рука громко постучала в дверь квартиры.

Я проверил, чтобы быть абсолютно уверенным, что дверь в комнату с моей дочерью была плотно закрыта. А затем, сжимая посох, как винтовку, я молча шагнул вперед, чтобы открыть дверь, и мой брат последовал за мной.

Глава 3

Я призвал свою волю и направил силу в посох. Руны, спиралью протянувшиеся вдоль него, тлели изумрудным огнем, и от них поднимались крошечные струйки дыма. Чистый, дымный запах свежесгоревшего дерева пронизывал воздух. Стены были усеяны зелеными отсветами рун и символов.

Посох волшебника - это универсальный инструмент. Я мог использовать его, чтобы спроецировать любое количество сил или эффектов, когда возникала необходимость, и я убедился, что мой был готов сеять хаос или отражать энергию по мере необходимости. Томас в полной тишине подошел к стене рядом с дверью, где он был бы на расстоянии вытянутой руки от любого, кто вошел бы через нее. Он прижал нож к ноге и кивнул мне, когда был готов.

И я спокойно открыл входную дверь квартиры.

Там стоял старик. Он был на пару дюймов ниже среднего роста и полноват. Как и я, он носил посох, хотя его посох был намного короче и толще, чем мой. Несколько прядей белых и серебристых волос плавали вокруг его сияющей головы, хотя на коже, казалось, было больше печеночных пятен, чем я помнил с тех пор, как видел его в последний раз. Однако его темные глаза за стеклами очков блестели, и он был одет в простую белую хлопчатобумажную футболку, синий комбинезон и рабочие ботинки со стальными носками. Это был мой наставник Эбинизер Маккой, один из Старейшин Белого Совета.

А ещё он был моим дедом.

Старик посмотрел на меня, задумчиво нахмутив брови, изучая сначала стоящего меня, а затем - мой зеленый светящийся посох.

- Новодел, - заметил он. - Тяжёлый, полагаю. Может быть, немного грубоват.

- У меня был только перочинный нож, - сказал я. - Никакой наждачной бумаги. Пришлось использовать камни.

- А, - сказал он. - Могу я войти?

Я посмотрел мимо Эбинизера туда, где в коридоре стоял Остри, засунув руку в карман костюма и прижав два пальца к уху. Его губы шевелились, хотя я не мог расслышать, что он говорил.

- Остри? Что с сигнализацией?

Остри, видимо, прислушался к тому, что донеслось до его уха, и кивнул. Он не вынимал руки из кармана пиджака, пока отвечал мне.

- Этот человек известен свартальвам, - сказал он. - Он силовик Белого Совета чародеев и известен своей чрезвычайной опасностью. Он не следовал протоколам безопасности.

- У меня нет сорока восьми часов, чтобы ждать результатов анализа ДНК, даже если бы я тебе их дал, прорычал Эбинизер. - Я же говорил тебе. Этри меня знает. Он за меня поручится.

Послышался странный, почти журчащий звук, и вдруг еще дюжина свартальвов, похожих на Аустри, выскользнула из пола, словно он был сделан из воды. У них было несколько видов оружия, как современного, так и древнего, но они не двинулись с места, чтобы напасть. Импульсивные реакции не были частью их природы. Выражение их лиц было непроницаемым, но определенно не дружелюбным.

Остри посмотрел на Эбинизера, а затем на меня.

- Чародей Дрезден? Можно ли считать этого человека гостем Мисс Карпентер?

- Думаю, так будет проще для нас всех, - сказал я.

- Проще? - спросил Остри. - Неважно, насколько это проще или сложнее. Он гость Мисс Карпентер или нет?

- Он гость, - сказал я. - Позвольте ему войти. Я возьму на себя ответственность за его поведение, пока он здесь.

Остри нахмурился на долгое мгновение, на его лице появилось несколько оттенков сомнения. Но он лишь вытащил руку из пиджака и кивнул мне. Повинуясь жесту, он и остальные члены свартальфской службы безопасности прошли по коридору и скрылись из виду.

- Упрямы, не так ли? - спросил я.

- Гораздо более, чем это, - сказал Эбинизер.

- Ты специально на них наехал, - сказал я.

- Не сразу. Но один из них повёл себя чванливо.

- И ты решил пойти по головам?

Что-то озорное сверкнуло в глубине его глаз.

- Им полезно, чтобы время от времени кто-то напоминал им, что они не могут контролировать все, и что Старейшина Совета может

ходить, где ему вздумается. - В уголках его глаз появились морщинки. - Этот последний парень действительно меня достал.

- Гетвиг, - сказал я. - Ворчун. Он всегда очень параноиден.

Я позволил силе выйти из моего посоха, и руны перестали светиться, свет угас. Я махнул рукой в сторону Томаса, и брат отошел от двери. Потом я отступил в сторону и шире распахнул перед дедом дверь.

- Заходи.

Старик почти ничего не упустил. Он вошел со спокойным, настороженным видом человека, который не сосредоточен на чем-то одном, потому что он воспринимает всё, и немедленно развернул свой посох, чтобы указать прямо на Томаса.

- Что эта штука здесь делает? - требовательно спросил он.

Брови Томаса взлетели.

- Штука? Довольно спорное заявление от палача Белого Совета.

Насколько мне было известно, мой дед не знал, что у нас с Томасом была общая мать, его дочь. Он не знал, что у него есть еще один внук. У Эбинизера были... некоторые предрассудки насчет Белой Коллегии вампиров.

(Паранет называл их шлюпирами, но я отказывался поддаваться подобным глупостям, если только не подворачивался удобный случай).

- Вампир, - прорычал мой дед, - до сих пор ты был полезным союзником для молодого Дрездена. Не порти все, привлекая мое внимание.

Глаза Томаса блеснули чуть ярче, и он изобразил на лице улыбку, которую обычно надевал, когда был вне себя от ярости.

- Я слышу много громких разговоров от парня, который позволил себе подобраться так близко к кому-то вроде меня, не имея даже поднятого щита.

- Ах ты, скользкий маленький засранец! - начал мой дед.

Вонь горящего теста наполнил воздух, и я подошел к плите, где перевернул блин, который сгорел во время ссоры. Затем я с излишней силой швырнул лопаточку обратно на прилавок и произнес, шипя от яда:

- Джентльмены, мне же не нужно напоминать вам обоим, что вы гости в моем доме?

И это ударило их обоих, как ведро холодной воды.

В нашем мире, пожалуй, ближе всего к незыблемым законам стоят древние традиции права гостя и права хозяина. В них гостей чествуют и обращаются с ними как с членами собственной семьи хозяина. А они, в свою очередь, должны вести себя как почтительные члены собственной семьи хозяина.

И в этом случае мы все были настоящей семьей, только мой дед этого не знал.

Но Томас отступил немного назад, его напряженная фигура вышла из своей хищной позы, и мой дед опустил свой посох и повернулся, пока он частично не отвернулся от Томаса.

- Извини, Гарри, - сказал Томас. - Это не повторится.

Я кивнул ему и взглянул на старика.

- Я приношу тебе свои извинения, - сказал мне мой дед, делая особые ударения на местоимениях. - Не стоило так вести себя в твоём доме. Извини.

Ну, ясно, что это утро не войдет ни в чей фотоальбом. Но и похоронами дело не кончится. Завоевывайте свои победы там, где вы можете их получить, я полагаю.

- Спасибо, - сказал я им обоим. Я протянул руку, и Томас передал мне рукоятку кухонного ножа.

Я убрал нож и откашлялся, глядя на деда.

Он посмотрел на Томаса, и в его взгляде была угроза. Затем он резко выпрямился и заговорил непринужденным тоном:

- Уж не блинами ли тут пахнет? - спросил он, ставя посох в угол у двери.

Я поставил свой рядом.

- Точно. Просто готовлю завтрак.

- Гарри, - сказал Томас, - мне надо идти.

- Ты не должен, - сказал я.

Он взглянул на Эбинизера и сжал губы.

- Нет, я должен.

- Томас, - начал я.

Мой брат поднял руку, чтобы остановить меня, лицо его было как грозная туча, и вышел.

Дед смотрел ему вслед, пока за ним не закрылась дверь. Потом он взглянул на меня из-под косматых бровей.

- Ну спасибо, - сказал я.

- Тебе бы стоило меня поблагодарить, - сказал он без всякого энтузиазма. - Говорю тебе, ты не знаешь их так, как думаешь.

- Белая коллегия может быть довольно плохой, - сказал я. - Но с этим все в порядке.

- Именно так тебе скажут все, кого они когда-либо соблазняли, - нахмурившись, сказал мой дед. Но он поднял руку, и его тон стал извиняющимся. - Послушай, Хосс. Ваш бизнес - это ваше личное дело. Я же не приезжаю сюда все время, пытаюсь управлять твоей жизнью. И мне не следовало бросать гаечный ключ в то, что у тебя было с вампиром. Но ты молод, а у меня есть опыт общения с ними и взгляд на них, которого нет у тебя. Я не хочу, чтобы ты узнавал это на собственном горьком опыте, вот и все.

Я нахмурился, глядя на старика.

Если он объяснял свои доводы вместо того, чтобы предоставить мне додуматься до всего самому, он волновался.

- Вот он! - сказал Эбинизер, улыбаясь, когда Мышь подошел поприветствовать его. Он ласково потрепал собаку по ушам. - У меня не так много времени, поэтому я сразу перейду к делу. У тебя неприятности.

Угу, - сказал я. Я вернулся на кухню и вылил тесто на сковородку. - Впервые после Чичен Ицы мы разговариваем с глазу на глаз. Все по делу, а, сэр?

Он на мгновение задумался, его глаза слегка сузились.

- С той ночи у нас у всех было полно дел, - сказал он. - Люди умирали. Ты даже не представляешь, каково это было.

- Я тоже по тебе скучал, - сказал я. - Я тоже рад видеть тебя живым и невредимым.

- На это нет времени, - сказал он.

- Блинчики? - спросил я. - Я всегда очень голоден после утренней пробежки.

Голос старика стал тверже.

- Я не шучу, внук, - сказал он. - Перед главным Советом было выдвинуто предложение полностью лишить тебя статуса чародея Белого Совета.

Я резко выгнул бровь.

- Ага. Сначала Совет заставляет меня надеть один из этих проклятых серых плащей, хочу я того или нет. А теперь они

заговорили об исключении? Да это прямо удар.

- И будут еще, если это предложение примут, - сказал он с жаром в голосе. Затем он явно воспользовался моментом, чтобы заставить себя успокоиться. - Гарри, я тоже хочу наверстать упущенное. Я хочу поговорить. Разрядить атмосферу. И мы это сделаем. Но прямо сейчас не время позволять эмоциям управлять своей жизнью.

Я нахмурился, глядя на блин. В последнее время у меня было много практики сдерживания своих эмоций.

- Хорошо, - сказал я. - Передышка. На сегодня. Под каким предлогом Совет хочет это проверить?

- Совокупность разных факторов, - ответил он. - Например, твое необычное повышение до звания полноправного чародея. Количество участия в громких делах. То, что ты открыто работаешь чародеем уже больше десяти лет. И не последнюю роль сыграет конфликт интересов, который основывается на твоей службе Королеве Мэб. Службе, которая подвела проверенного чародея возле тебя под влияние Мэб.

- Это все правда, - сказал я. - Я никому об этом не лгал. Все запротоколировано. Так в чем проблема?

- Проблема в том, что в Белом Совете все сложнее завоевать доверие, - сказал Эбинизер. - Твой выбор сделал тебя изгоем. Подозрение само собой в эти беспокойные времена падает на тебя.

Я перевернул блин. Время было рассчитано правильно. Он был золотисто-коричневый.

- Если они выпнут меня, - произнес я, рассуждая вслух, - это означает, что я больше не буду под защитой Белого Совета. Я не буду официальным чародеем.

- За эти годы ты нажил себе много врагов, - сказал Эбинизер. - Как и я. Если тебя изгонят из Совета, твои враги, да и мои тоже, поймут, что ты находишься в ослабленном положении. Они будут действовать. Насколько Мэб сможет тебя защитить?

- Мэб, - сказал я, - это вообще не гарант безопасности. На самом деле, она обеспечивает как раз противоположное. По ее мнению, единственный способ меня защитить - это перерезать мне горло и похоронить в янтаре.

Эта шутка не вызвала у старика улыбки. Он уставился на меня с морщинистой строгостью.

Я вздохнул.

- В обязанности Мэб не входит защита ее Рыцаря. Все как раз наоборот. Если кто-то придет и убьет меня, стало быть, я был недостаточно силен в первую очередь для того, чтобы быть ее Рыцарем.

- Ты не воспринимаешь это всерьез, - сказал он.

Я стряхнул блин в тарелку и налил в сковороду следующий.

- Если все станет плохо, я всегда могу вернуться на Предел Демона.

- Господи, если бы они только знали всю правду об этом месте, - пробормотал Эбинизер. - И что потом? Останешься в ловушке на острове до конца жизни, боясь и шагу с него ступить?

- Тогда не допустите, чтобы это предложение дошло до общего голосования, - сказал я. - Вы же Старейшина Совета. Используйте свое положение. Возьмите под свой контроль.

- Не могу, - сказал Эбинизер. - Без кворума это будет общее голосование, а четверо Старейшин будут присутствовать на мирных переговорах, когда оно состоится.

Мой желудок немного скрутило.

- Кто именно?

- Я, Кристос, Слушающий Ветер и Марта Либерти.

- Ох, - тихо сказал я. Мой дед был хитрым старым лисом, с густой сетью союзов по всему белому совету - и почти таким же количеством врагов. Сам Мерлин терпеть не мог Эбинизера, и из трех Старейшин Совета, которые будут председательствовать на следующем заседании, только Привратник когда-либо проявлял ко мне хоть какую-то симпатию. Даже если голосование пройдет только среди Старейшин, я проиграю два к одному. Конечно, я не был уверен, как бы я справился с остальной частью Белого Совета. Чародеи живут долго, если только не рискуют понапрасну. Если вы посмотрите толкование "напрасного риска" в словаре Белого Совета, увидите там мою фотографию. И мой адрес. И все мои персональные данные. И мое личное дело из средней школы.

- Тебе надо переговорить с некоторыми из них лицом к лицу, - сказал Эбинизер. - Пожать несколько рук. Убедить их, что они знают, кто ты. Заверить их. У тебя всего несколько дней, но, если ты поторопишься, думаю, сможешь собрать достаточно поддержки, чтобы победить.

- Нет, - произнес я. - Не смогу. Не пренебрегая своими обязанностями Стража и Зимнего Рыцаря.

- Что? - спросил он.

Я рассказал ему о своей встрече с Рамиресом этим утром.

- Мне поручено приглядывать за вами на встрече и поддерживать связь с Зимой.

Старик изрыгнул проклятие.

- Ага, - сказал я.

Большая часть моей поддержки в Совете Старейшин была отослана точно в то же время, когда я получил громкое задание обеспечить безопасность мирного саммита. Между тем, из волшебников, которые действительно знали меня, Рамирес и его группа были единственными, кто, вероятно, могли бы выступить на моей стороне - и их тоже отправили на саммит.

- Меня подставляют.

- Мгм, - согласился Эбинизер.

- Это Мерлин? - спросил я. - Выглядит вполне в его стиле.

- Возможно, - сказал мой дед. - Но с другой стороны, Кристос последнее время тоже раздает много поручений. Трудно сказать, откуда это взялось.

Я перевернул блин. Если бы я не провел много лет рядом со стариком, я бы не заметил ничего в его тоне, но в его словах присутствовала некая особая выразительность, заставившая меня взглянуть на него. Он сказал Кристос, но имел в виду...

- Черный Совет, - сказал я.

Он состроил гримасу сначала мне, затем стенам.

Черный совет был тайной организацией. Некоторые неизвестные люди в магическом сообществе причиняли много зла в моей жизни в течение последних лет десяти и даже больше. Их цели были не яснее, чем их личности, но было очевидно, что они чертовски опасны. Чародей Кристос вошел в Совет Старейшин при странных обстоятельствах - обстоятельствах, которые, казалось, указывали на то, что Черный Совет обладает властью внутри Совета в том числе. Белый Совет, который был неуклюжим и суетливым и не интересовался ничем, кроме своей собственной политики, был достаточно жуткой, но нормальной вещью, но Белый Совет, которым управляли люди, с

которыми я сталкивался на протяжении многих лет, был кошмаром, о котором едва стоило думать.

Некоторые из нас собрались вместе, чтобы посмотреть, сможем ли мы предотвратить это. Поскольку тайные общества в Белом Совете рассматривались как свидетельство заговора с целью его свержения, мы должны были быть очень, очень осторожны с нашей маленькой группой заговорщиков. Тем более что мы вроде как плели заговор против Белого Совета, даже если делали это для его же блага.

- Я делаю проверку трижды на дню, а маленький народец следит, чтобы не было прослушки, - сказал я. - Никто нас не слушает.

- Хорошо, - сказал Эбинизер. - Да. Независимо от того, является ли Кристос слугой или марионеткой Черного Совета, думаю, можно уверенно сказать, что они хотят, чтобы ты ушел.

- Так что еще новенького? - спросил я.

- Не любезничай, - сказал Эбинизер. - Они проворачивали свои замыслы, и иногда ты вмешивался, но они никогда не нападали на тебя напрямую.

- Наверное, я слишком часто становился головной болью.

- Я хочу сказать, - произнес он, - что бы тут не происходило... твое устранение стало для них приоритетным.

Я перевернул очередной блинчик. Я покачал головой. Часть теста разбрызгалась и размазалась. Я не испугался, если так уж... но Черный Совет делал уже кое-какие жуткие вещи.

- Что вы думаете? - спросил я его.

- Я думаю, эти люди не собираются о себе объявлять, - сказал он. - Они не собираются нападать на тебя напрямую, не будут действовать очевидно, и точно не собираются сдаваться, - он прищурился, глядя на меня. - Это голосование - просто буря, которой они собираются отвлечь тебя.

- Так мы его игнорируем?

- Буря все еще может тебя прикончить, обращаешь ты на нее внимание или нет, - сказал он. - Нам все еще надо с ней справиться. Вот что делает ее отличным отвлекающим маневром.

- Тогда что нам делать?

- Не слишком сосредотачивайся на создаваемой вокруг ситуации. Они хотят, чтобы ты был в этом настолько занят, что не увидел, когда появится настоящая проблема.

Я испек еще один блин, и поставил тарелку с ними на стол. Я разделил их между нами, и мы с дедом ели в тишине.

- Хорошо, - сказал он. - Спасибо.

Мы закончили завтракать, и мой наставник покачал головой.

- Я посмотрю, что смогу сделать с этим голосованием. А ты, тем временем, делай, что должен.

- Для чего? - спросил я.

- Чтобы выжить, - сказал он. Он прищурился, ни на что конкретно не глядя и добавил, - До сих пор тебе, в некотором роде, было легко.

- Легко? - переспросил я.

- У тебя были проблемы, - сказал он. - И во всех из них, ты сыграл в Ланселота. Ты вступил в открытое сражение и одержал победу.

- Не во всех.

- Больше, чем у многих других, - сказал он. - Когда-то я был таким же. Как ты сейчас.

Повисла тишина, и я не стал пытаться заполнить ее.

- Ты все глубже увязаешь в проблемах, парень. Ставки становятся выше.

- Что это значит?

- Последние несколько лет показали им, что ты не из тех, кого легко убрать прямым путем. Они начнут пробовать альтернативные способы.

- Вроде каких? - спросил я.

- По старинке, - сказал он устало, - как это обычно и происходит. Я думаю, кто-то, от кого ты не ожидаешь, ударит тебя в спину, Хосс.

Глава 4

Из глубины квартиры донесся очень тихий звук, и старик вскочил на ноги со скоростью уличного кота. Прежде чем он сунуться туда, он прошипел какое-то слово, и его посох пролетел через комнату прямо ему в руку.

- Эй, эй, эй! - сказал я, вставая и разводя руки. - Не могли бы вы немного расслабиться?

- Кто это? - требовательно спросил он. Он адресовал мне тяжелый взгляд. - Кто?

- Я только что накормил вас блинчиками, - пробормотал я. Насколько напряженными были события в жизни старика, что он так реагировал? - Звезды и камни.

- Не говори так, - сказал он, и тон его голоса стал более знакомым и ворчливым. - Ты даже не знаешь, что это значит.

- Парень, у которого я это узнал, не стал меня учить, - ответил я. - Не могли бы вы расслабиться на пять секунд? Пожалуйста?

Он сердито посмотрел на меня. Он лишь немного опустил посох.

- С какой стати?

- Потому что я бы не хотел, чтобы моя дочь заставила своего прадеда напугать ее до смерти при первой же встрече, - сказал я.

При этих словах старик моргнул. Дважды. Он резко опустил посох.

- Что? Она здесь? Она была здесь? Все это время?

- У нее проблемы с новыми людьми, - тихо сказал я. - Ей очень тяжело.

Я посмотрел на Мыша и дернул подбородком в сторону спальни. Большой пес послушно встал и пошел к двери, чтобы успокоить девочку.

- И ты позволил вампиру быть рядом с ней? - прошептал шокированно мой дед.

- Мэгги? - тихо позвал я. - Пожалуйста, выходи. Я думаю, тебе стоит кое с кем познакомиться.

Дверь чуточку приоткрылась. Я разглядел кусочек ее лица и один карий глаз, настороженно выглядывающий наружу.

- Я хочу, чтобы ты познакомилась со своим прадедушкой, - тихо сказал я. - На самом деле, я не думал, что все сложится именно так, - сказал я, взглянув на старика, - Но я думаю, что мы получили то, что получили. Ну же, тыковка.

Дверь приоткрылась еще немного. Она протянула руку и ощупала все вокруг, пока ее пальцы не нашли мех Мыша. Она зарылась ими ему в гриву и очень медленно открыла дверь. Она смотрела на Эбинизера, не двигаясь и не говоря ни слова.

- Мэгги, - тихо сказал он. Его голос звучал грубо. - Здравствуй, юная леди.

Она слегка ему кивнула.

Эбинизер кивнул в ответ. Затем он повернулся ко мне, и гнев, которого я никогда раньше не видел, вспыхнул в его глазах. Он открыл рот, чтобы заговорить.

Прежде чем он успел это сделать, я бросил на него предостерегающий взгляд и сказал:

- Как насчет того, чтобы мы пошли в сад, где Мыш сможет размять ноги?

- Хорошо, - ответила Мэгги.

Старик бросил на меня пронзительный взгляд. Выражение на его лице сменилось, и он снова повернулся к моей дочери с нежной улыбкой.

- Звучит неплохо, - сказал он.

Я стоял рядом с Эбинизером и смотрел, как Мэгги и Мыш играют с детьми свартальвов.

Сад был великолепен, окруженный парой деревьев, росших во внутреннем дворе в самом центре посольства свартальвов. Трава и цветы были посажены со вкусом, оставляя достаточно места детям, чтобы бегать и играть в прятки. Дети свартальвов - странные маленькие существа, с серой кожей их родителей и совершенно огромными глазами, действительно очаровательны. В посольстве жило с полдюжины детей того же возраста, они играли с Мэгги, и все они любили Мыша, который вовлекал их всех в игру в пятнашки, легко отскакивая от них, извиваясь и уворачиваясь, несмотря на всю свою массу мышц.

В саду было несколько свартальвов. Они держали вежливую физическую и психологическую дистанцию от нас, явно чувствуя

напряжение, в данный момент сквозящее между мной и стариком.

- Ты с ума сошел? - спросил меня Эбинизер.

- Я делаю выбор, - сказал я.

- Ты мог бы с тем же успехом подарить ей футболку с нарисованными мишенями, - сказал он. Он говорил слишком тихо, чтобы его могли слышать дети. - Ты растишь этого ребенка рядом с собой, и делаешь ее этим мишенью. Господи Боже, вампиры уже о ней знают.

- Она уже некоторое время жила в безопасном доме вдали от меня, - сказал я. - Сработало так себе.

- А что случилось с домом Карпентеров? - сказал он. - Не считая штаб-квартиры в Эдинбурге, это самое защищенное место. Почему бы не оставить ее там?

- Потому что ее отец там не живет, - ответил я.

Старик поднял глаза к небу, словно умоляя Всевышнего ниспослать ему терпения.

- Ты чертов дурак.

Я заскрежетал зубами.

- У тебя есть идеи получше?

- Ей нужно быть в безопасном месте. Где-нибудь подальше от тебя. По крайней мере, до тех пор, пока она не проявит свой собственный потенциал, чтобы научиться защищаться.

- Если она вообще его проявит.

- Если она этого не сделает, наш мир убьет ее.

Тут я почувствовал, как растет мой собственный гнев.

- Полагаю, ты бы поступил иначе.

- Я уже поступил иначе, - отрезал он. - Я позаботился, чтобы твоя мать выросла вдали от опасностей моей жизни.

- Ну и как это сработало? - спросил я его. - Давай спросим у мамы. Ой, стой. Не сможем. Она мертва.

Внезапно стало очень тихо. Я не уверен, не потускнел ли солнечный свет буквально потускнел на несколько секунд. Но свартальвы вдруг отошли от нас еще дальше.

Голос старика превратился в негромкий рокот.

- Что ты мне только сказал, мальчик?

- Она мертва, - сказал я, четко выговаривая слова. - Твоя дочь, которую ты спрятал где-то в безопасном месте для ее же защиты,

теперь мертва. Ты не можешь кидать в меня камни.

Старик выглядел словно изваяние из старой слоновой кости. Он ничего не сказал.

- Монстры уже пытались убить Мэгги. И я их остановил, - сказал я. - И если они попробуют снова, я опять их остановлю. Ей не нужно безопасное место. Но ей нужен ее отец.

- Как ты смеешь, - прошептал старик.

- Возможно, я не самый лучший родитель на свете, - сказал я. - Но я здесь. Я в ее жизни. И этому нет замены. Нет. Никогда не было. И никогда не будет.

- Ты идиот, - процедил Эбинизер сквозь зубы. - Ты хоть знаешь, что могут эти твои домовладельцы?

- Строго исполнять свои клятвы, - выплюнул я.

- Пацан, - сказал он. - Не дави на меня.

- Почему? Что вы собираетесь сделать? Позволить мне исчезнуть в системе усыновления? Для моего же блага, конечно.

Голова старика мотнулась, словно я отвесил ему пощечину.

- Мама умерла, когда я родился, - монотонно произнес я. - Папа - когда я только пошел в детский сад. А ты просто оставил меня одного.

Эбинизер отвернулся от меня и ссутулился.

- Вероятно, ты думал, что это для моей защиты, - закончил я, без всякого выражения. - Но это означало и то, что ты меня бросил. И это больно. Это оставило шрамы. Я даже не знал, что ты существуешь, и я до сих пор на тебя зол. - Я смотрел, как дети гонялись за Мышом. Он мог бегать часами и не запыхаться. А еще у них был мячик. - Она уже достаточно натерпелась. Я не позволю и ей через это пройти.

Его затылок и лысая макушка покраснели. Я услышал, как хрустнули костяшки пальцев, когда его грубые сильные руки сжались в кулаки.

- Пацан, - прорычал он. - Ты плохо соображаешь. Не продумываешь все до конца.

- Ни один из нас.

- Твоя мать мертва, - сказал Эбинизер. - Твой отец мертв. Женщина, что родила тебе ребенка, тоже мертва. И ты тут - общий знаменатель. Разве не очевидно, что необходимо отбросить свои собственные чувства в сторону?

Я почувствовал вспышку ярости и боли, настолько сильную, что на секунду мне показалось, что я вот-вот потеряю контроль - и это не имело никакого отношения к Зимней мантии

- Что я вижу, - сказал я, - так это маленькую девочку, которая нуждается в ее отце, который ее любит. Я не смогу этого делать, если меня там не будет.

- Ты ошибаешься.

- Может быть, - сказал я. - Но она - мой ребенок. Это мой выбор. Он покачал головой.

- И, поскольку я заметил, что моя жизнь временами напоминает плохо написанную мексиканскую мыльную оперу, - продолжил я. - Я хочу, чтобы вы кое-что знали.

- Что?

- Я думаю, что прямо сейчас ты раздумываешь, как бы защитить ее, схватив и спрятав где-нибудь в безопасном месте. Если ты пойдешь на это, я верну ее. Если понадобится - через ваш труп, сэр.

Старик повернулся и уставился на меня, его лицо было как грозная туча. Я вернул ему взгляд. Не моргая.

- Пацан, - сказал Эбинизер. В его голосе послышался слабый шотландский акцент. - Ты идешь туда, куда не хочешь идти.

- Не в первый раз. Не в последний.

Старик воинственно выпятил челюсть и глубоко вздохнул.

- Джентльмены, - произнес новый голос, глубокий и богатый. - Джентльмены, прошу прощения.

Мы со стариком вдвоем уставились на незваного гостя.

Перед нами стоял свартальв в темно-синем шелковом костюме. Он был выше, чем Остри, и более мускулистый. Выражение его лица было спокойным и абсолютно твердым.

- Джентльмены, вы гости в моем доме. Эта ваша демонстрация в лучшем случае неприлична.

Я моргнул и медленно огляделся. Игра в саду прекратилась. Дети свартальвов сбежали и спрятались за спинами своих родителей. Мэгги стояла на полпути между другими детьми и своей семьей, балансируя на одной ноге, как будто собираясь бежать, обеими руками отчаянно цепляясь за гриву Мыша. Большой пес встал между ребенком и нами, адресовав мне очень неодобрительный взгляд.

Полагаю, наши голоса звучали не так уже тихо, как мы думали.

- Этри, - сказал мой дед. Он кивнул и добавил, - у нас тут... личная беседа.

Этри, глава свартальвского посольства, бросил на Эбинизера взгляд, в котором не было ни сочувствия, ни понимания.

- Перенесите ее в другое место. Вы пугаете детей моего народа. Пока вы находитесь в моем доме, МакКой, вы будете вести себя вежливо и благопристойно.

Заявление было прямым, бескомпромиссным, и в нем не было даже намек на то, что может быть хоть как-то иначе. Я поднял бровь, глядя на свартальва. Я знал, что он пользовался большим уважением в сверхъестественном сообществе, что обычно говорило о большой личной силе, но только дурак мог противостоять Эбинизеру МакКою.

(Да. Я отдаю себе отчет, о чем это говорит; я делал это уже минут как десять.)

Старик сделал неторопливый вздох и после огляделся. Его взгляд задержался на Мэгги, и внезапно он, казалось, слегка сдуся. Это было все равно, что наблюдать, как он стареет на десяток-другой лет за пару фраз.

И я вдруг по-настоящему подумал о том, что сказал в гневе, и мне стало стыдно.

- Конечно, - сказал старик. - Я приношу официальные извинения за то, что дискуссия вышла из-под контроля и что я потревожил детей вашего народа. Мне нет оправдания и я прошу простить мою неосмотрительность.

- Да, - сказал я. - Тоже самое. Я тоже.

Этри с минуту смотрел на Эбинизера, потом перевел взгляд на меня и слегка закатил глаза, прежде чем кивнуть.

- Полагаю, этот визит окончен, чародей МакКой. Я пришлю ваши вещи к главным воротам.

- Нет, погодите, - сказал я. - Сэр, я не имел в виду...

- Разумеется, вы правы, Этри, - сказал резким голосом Эбинизер. Он начал отворачиваться.

- Сэр, - сказал я.

- Пора идти, - устало сказал Эбинизер. - Надо делать работу.

И он ушел.

Я не видел, как Остри вошел в сад, но охранник тихо шагнул вперед, чтобы последовать за стариком. Я изобразил ему жест "будь

полегче".

На секунду лицо свартальва застыло, но потом что-то вроде сочувствия смягчило его, и он кивнул мне в ответ.

Этри смотрел ему вслед. Затем он бросил на меня непроницаемый взгляд, покачал головой и ушел. Остальные свартальвы последовали за ним.

Как только все ушли, Мэгги поспешила ко мне и обняла за пояс. Я отцепил ее, поднял и прижал к себе.

- Это была моя вина? - спросила она меня дрожащим голосом. - Я хотела... хотела поговорить с дедушкой, но не смогла произнести ни слова. Я не хотела, чтобы он разозлился и ушел.

Мое горло сдавило, и я закрыл глаза, прежде чем слезы успели сбежать.

- Ты не виновата, тыковка. Это не твоя вина. Ты отлично справилась.

Она вцепилась мне в шею так крепко, что мне стало не по себе.

- Тогда почему он разозлился?

- Иногда взрослые не соглашаются друг с другом, - сказал я. - Иногда они злятся и говорят вещи, которые причиняют боль, хотя они этого не хотят. Но это пройдет. Вот увидишь.

- О, - сказала она.

Мышь подошел ко мне и прильнул к ногам молчаливой поддержкой.

- Дедушка придет на Рождество? - спросила она.

- Может быть.

- Хорошо, - сказала она. - Ты на меня злишься?

- Нет, - ответил я и поцеловал её в макушку. - Ты моя тыковка.

- Хорошо, - сказала она. - Я все еще хочу блинчики.

- Пойдем приготовим, - сказал я.

Хвост Мыша с надеждой забарабанил по моей ноге.

Но сначала мы все на мгновение замерли, утешаясь близостью друг друга.

Глава 5

- Конечно, все прошло хреново, - сказала Кэррин. - Это же была стычка с кем-то из родных. Поверь мне, семейные ссоры самые худшие.

- Семья еще не объединилась, а уже ругается, - пожаловался я.

- Судя по тому, что я видела, выглядит она довольно объединенной, - сухо сказала она.

- Ну да, конечно. У меня никогда не было возможностей поругаться с семьей, - сказал я.

- У меня были, - сказала она. - Все заботятся о всех остальных, так что когда ты выходишь из себя и говоришь что-то ужасное, это задевает еще больше. И слишком многие вещи остаются недосказанными. Это самое худшее, я думаю. Все думают, что знают остальных лучше, чем они сами, так что молчание ты заполняешь вещами, которые на самом никто не говорил. И не думал. И не думал говорить.

Я нахмурился и спросил:

- Это ваше профессиональное мнение, доктор Мёрфи?

Она фыркнула, замолчала и сжала мою руку своей. Ее хватка была маленькой, сильной и теплой. В последнее время мы часто держались за руки.

Я пришел, чтобы приготовить ей ужин. Мои кулинарные способности скромны, но вполне пригодны, и мы оба вдоволь наелись жареной в духовке курицей с картофелем и свежим салатом. Кэррин с трудом передвигалась по кухне со своими плечом и ногой, и всеми эти фиксаторами, которые ей приходилось носить, чтобы держать их неподвижными. И ее уже тошнило от еды, которую можно было заказать с доставкой, после того, как она пролежала несколько недель.

Я приходил пару раз в неделю и готовил ей ужин, когда дети Карпентеров могли посидеть с Мэгги.

- К слову о докторях, - ровно произнес я, - что тебе сегодня сказал врач?

- Первый раунд операции прошел хорошо, - сказала она. Она выдохнула и положила голову мне на плечо. Мы сидели на диване у

нее в гостиной, раненая нога покоилась на пуфике, который я для нее раздобыл. Она была крохотной штучкой, ростом около пяти, весьма мускулистых, футов. Светлые волосы, чистые, но растрепанные. Трудно держать их порядке, когда ты орудуешь всего одной рукой. Никакого макияжа.

И она выглядела уставшей. Кэррин Мёрфи находила невозможность работать во время выздоровления весьма утомительной.

Она получала ранения из-за меня. Я в них не был повинен, как я продолжал себе твердить, но по итогу, она оказывалась там, где её травмировали, потому что я попросил ее там быть. Можно сколько угодно спорить о свободе воли, причинно-следственных связях и личном выборе, но дело в том, что если бы я не втянул ее в это дело, она, вероятно, сейчас была бы на одной из своих тренировок по боевым искусствам.

- Второй раунд может начаться на следующей неделе, - продолжила она своим профессиональным голосом, бесстрастным, лишенным всяких эмоций и используемым в основном, когда ее что-то очень, очень расстраивало. - Еще три месяца гипсовых повязок и фиксаторов, а потом еще полугодовая терапия, отучающая от обезболивающих, и если все пройдет очень, очень хорошо, он думает, что я смогу ходить без трости. До тех пор, пока мне надо будет делать это очень быстро.

Я нахмурился.

- А как же твои тренировки?

- Повреждения, - сказала она, голос ее был не столько спокойным, сколько... мертвым. - В колене, плече, локте. Они рассчитывают вернуть мне пятьдесят процентов. Основной функции. Не спортивной.

Я вспомнил ее крик, когда Никодимус пнул ее в колено. Жуткий, влажный хруст, когда он спокойно вырвал ее руку из основания, повредив плечо и одновременно чрезмерно растянув локоть. Он сделал это намеренно, причинил столько вреда, столько боли, сколько мог.

- Я больше не смогу быть собой, - прошептала она.

У нее и раньше были травмы, и она оправилась от них.

Но у всего есть свой предел. Она лишь человек.

Мы сидели в тишине, нарушаемой лишь мерным тиканьем старых дедушкиных часов.

- Если есть что-то... - начала она.

Я покачал головой.

- Когда дело касается исцеления, магия не шибко опережает медицину. Наши учатся у ваших. Если только ты не хочешь сделку с дьяволом.

- Нет, - твердо ответила она.

Я кивнул. Больше мне добавить было нечего.

- Мне жаль, - сказал я в завершение.

Она качнула головой.

- Не надо, Я уже плакалась раньше. И буду плакаться потом. Но прямо сейчас я не хочу об этом думать. Давай сменим тему.

Я попытался что-нибудь придумать. Вышло так себе. Поэтому я просто её поцеловал.

- Плохой из тебя рассказчик, Дрезден, - пробормотала она мне в рот. А затем закрыла глаза и присоединилась к поцелую, и всё остальное начало уходить на задний план.

Поцелуи - то, с чем я должен быть осторожен. Секунд через двадцать после того, как её дыхание смешалось с моим, Зимняя мантия начала безумствовать в голой похоти. Проклятая аура силы, данная мне Мэб, позволяла творить невероятные вещи, но барабанный бой секса и насилия, играющий в моих мыслях, никогда не исчезал. Так что через двадцать секунд моё дыхание участилось, а через тридцать мою голову осаждали импульсы Того, Что Делать с Кэррин, а когда прошла минута, я заставил себя вспомнить, что я сильнее, чем думал, и должен быть осторожнее, чтобы не стиснуть руки и не прижать её к себе.

Хотя, если честно, она реагировала почти так же, и у неё не было злобной фейской ауры, на которую можно было бы это списать.

Так что, возможно, это была не мантия. Возможно, это был всего лишь я, что пугало.

Или, возможно, это были всего лишь... мы.

Что вообще-то было удивительной мыслью.

Она запустила пальцы мне в волосы, крепко их сжала и выдохнула:

- Окей. Ты гений переговоров. Это именно то, что мне нужно.

- Ты уве..., - начал было я.

- Боже, перестань болтать, Гарри, - прорычала она, и ее рука интимным движением скользнула мне под рубашку. - Я устала ждать.

Ты устал ждать. Мы устали ждать.

Я издал неопределенный звук согласия, переходящий в рычание. Затем ее рот снова нашел мой и заглушил звук, а мое сердцебиение ускорилося до уровня безумного подростка. Как и ее. Наши вздохи участились, синхронизировались, а затем моя рука скользнула по ее бедру, и она издала звук желания, который лишил меня способности думать о чем-либо вообще.

- Сейчас, - выдохнула она. Затем она издала кучу звуков, состоящих из гласных и согласных, пока одежду снимали или хотя бы сдвигали. Я немного помог ей со своей, потому что, в конце концов, у нее была только одна работоспособная рука. Она продолжала уговаривать меня поторопиться, хотя и без слов. А потом я опустился на колени на пол, и она растянулась передо мной на диване, наши бедра соединились, и я наклонился, чтобы снова найти ее рот и...

...и я почувствовал, как она напряглась от внезапной боли, почувствовал, как у нее перехватило дыхание. Ее плечо или нога, не знаю точно, но, проклятье, она же должна восстанавливаться, а не... заниматься спортом.

Ее глаза широко распахнулись. Она моргнула несколько раз и спросила:

- Что?

- Я... - промямлил я. - Я не уверен...

Она схватила меня за рубашку здоровой рукой и притянула к себе, сверкая глазами.

- Я не из стекла сделана, Гарри. Я этого хочу. Хоть раз в жизни, не мог бы ты закрыть свой рот, перестать думать, и просто сделать.

Я посмотрел вниз и произнес:

- Эм.

Кэррин посмотрела вниз, затем опять на меня. Она на секунду закатила глаза к потолку, и я клянусь вам, у нее на лице было еще большее сексуальное разочарование, чем у меня. Затем она сдвинулась, разделяя нас, и медленно выдохнула.

- Дрезден, - сказала она. - эта твоя рыцарская самоидентификация часто вызывает симпатию. Но прямо сейчас, я хочу врезать ей по яйцам.

- Я не хочу делать тебе больно, - сказал я. - Извини.

Она снова закатила глаза и потянула меня вниз, чтобы обнять за шею, пока я старался не наваливаться на нее. Она поцеловала меня в висок и очень нежно сказала:

- Я знаю. Ты милый идиот.

Я осторожно обнял ее и прижал к себе. И тут кто-то резко постучал в парадную дверь.

Я подпрыгнул, нагишом, и судорожно попытался привести в порядок одежду. Мёрфи задергалась, пытаясь проделать все то же самое одной рукой и двумя почти неподвижными конечностями. Мы оба остановились, заметив это, а потом заметили, что оба заметили, и разразились нелепым смехом, продолжая одеваться.

- Дверь, - хихикнула Мёрфи, натягивая стеганый плед на голые ноги. Я кое-как добрался до нее, выглянул в глазок, узнал звонившего и слегка приоткрыл дверь, скрывая при этом, что мои брюки сползли до колен.

На крыльце стояли копы.

Двое мужчин ожидали там с вежливыми, нейтральными лицами полицейских. Я узнал одного из них, хотя давно уже не видел. Ростом он был чуть выше среднего, симпатичный, темные волосы пострижены как у морпеха, хотя он и добавил густые усы к своему образу, которые, предположительно, были призваны недурно оттенять его голубые глаза. На нем был слишком дорогой для его зарплаты костюм, а под мышкой он держал толстый конверт из манильской бумаги.

- Детектив Рудольф, - сказал я, натягивая штаны. И продолжил тем тоном, что обычно приберегается для фраз вроде "Распни его или я перережу тебе глотку", - Как здорово снова тебя видеть.

- Дрезден, - сказал Рудольф, на мгновение усмехнувшись. - Здорово. Двоих одним ударом. Мисс Мёрфи дома?

Он сделал небольшое ударение на обращении, просто чтобы напомнить всем, что она больше не полицейский. Мне захотелось ему врезать. Я мужественно сдержался и сказал:

- Сейчас не самое подходящее время. Она все еще восстанавливается после полученных травм.

- Полученных прошлой зимой, - заметил Рудольф.

Я выгнул бровь. Травмы Мёрфи, полученные во время нашей небольшой вылазки со сворой психов-убийц и социопатов, не были

связаны с огнестрельными ранениями, и они произошли не на месте преступления. Медицинскому учреждению не нужно было сообщать о них в полицию, а это означало, что копы рыскали и разнюхивали информацию о них. Это было нехорошо.

Мёрфи помогла мне с одним налетом. Мы грабанули Ад. Ну, ладно, ад. Целью не было ничего, что бы находилось под юрисдикцией чикагской полиции, но мы вроде как должны были попасть туда через подвал банка, и в результате он оказался довольно основательно разрушен. К тому же там была охрана. И полиция, которая окружила банк. И копы, через которых мы прошли по пути оттуда. Мы старались убедиться, что никто не будет убит, но один из наших партнеров все равно завалил охранника.

Что делало нас соучастниками убийства, по крайней мере, согласно закону. И они не были неправы.

- Да, те самые травмы, - сказал я ему. - Так что проваливай.

- Или что? - мягко спросил Рудольф.

- Или, если у вас нет ордера на вход или какой-то правдоподобной причины, полагаю, Мёрф в суде отправит ваши управленческие задницы прямо в Царствие Небесное.

- Может, я буду настаивать, - улыбаясь, сказал Рудольф.

- С удовольствием посмотрел бы на это, - искренне ответил я. Мантия снова заговорила со мной, советуя, что раз уж я не хочу сбросить поднакопившееся напряжение на готовой женщине, то выбить все высокомерие из Рудольфа было бы приемлемой заменой.

- Не-а, - сказал второй полицейский скупающим, отстраненным голосом. - Вы бы это не сделали, сэр.

Я глянул на второго парня. Он был где-то около пяти футов шести дюймов - во всех трех измерениях. Я на самом деле не припоминаю, чтобы видел до этого парня, столь же крепко сложенного. Он был одет в сшитый на заказ костюм, потому что сомневаюсь, что ему подошло бы что-то готовое, но изготовлен он был из нейтральных, простых материалов, предназначенных, чтобы сливаться с фоном делового мира. Волосы с проседью были коротко пострижены, а лицо покрыто грубой щетиной, которая, подозреваю, появилась секунд через десять после того, как он закончил бриться. Что-то в том, как он держался, в том, что его глаза не были сфокусированы на чем-то конкретном,

натолкнуло меня на мысль, что он знает, что делает, гораздо лучше большинства.

Я не был знаком с полицейскими из отдела внутренних расследований так, как со Специальными Расследованиями, или с патрульными копами окрестных районов.

- Они сделали вас партнером Руди, да? - сказал я. - Гарри Дрезден.

- Детектив Брэдли, - сказал он. - Сэр, в интересах мисс Мёрфи переговорить с нами сейчас.

- Или мы можем сделать это в центре, - сказал Рудольф. - Мне все равно, где.

- Рудольф, - сказал я приятным голосом. - Ты знаешь, сколько времени требуется, чтобы смыть засохшую кровь с усов, вытекшую из сломанного носа?

- Гарри, - сказала Кэррин с дивана с укором в голосе. - Поумерь свой пыл, - она жестом изобразила извинение, скрывшись из поля зрения мужчин за дверью. - Давайте с этим просто покончим.

Я сердито посмотрел на мужчин и сказал:

- Я оставляю за собой право выпнуть...

- Гарри, - вздохнула Мёрфи.

- ...попросить вас уйти, если увижу, что она начинает уставать, - спокойно закончил я. Я посмотрел мимо Рудольфа на старшего мужчину и сказал, - Хорошо?

- Почему ты... - сказал Рудольф.

Человекоподобный танк Брэдли опустил руку на плечо Рудольфа. Его пальцы слегка сжались, и Рудольф закрыл рот, а затем бросил на него быстрый, жесткий взгляд.

- Сэр, - сказал Брэдли, - ни в чьих интересах излишне напрягать раненую женщину. Мы будем кратки.

Я нахмурился и сказал:

- Ладно. Заходите.

Они вошли и спросили разрешения присесть. Как угодно. Я не стал садиться. Я подошел и встал позади Кэррин, прислонившись к стене и скрестив руки на груди.

- Мёрфи, - сказал Брэдли.

Кэррин осторожно кивнула ему. Я знал ее достаточно, чтобы распознать в этом жесте уважение, если не симпатию.

- Брэдли. Выкладывай, Рудольф. Что ты здесь делаешь?

Рудольф открыл конверт и достал оттуда несколько листов бумаги с отпечатанными цветными фотографиями. Он бросил их на кофейный столик. Я взял их и передал Кэррин, не спуская с копов глаз.

Она просматривала фотографии, и я чувствовал, как в ней растёт напряжение. Она передала мне фотографии.

Одна из них была кадром с камеры наблюдения на улице Чикаго. Я не опознал место, но разобрал размытый снимок Мёрфи в её маленьком внедорожнике, который нёсся по зимней улице.

Другие были сняты снаружи банка и с наблюдательных камер внутри. Паршивой погоды и магии в воздухе было достаточно много, чтобы все кадры получились размытыми и искаженными, но на одном из них виднелась пара парней, выходящих из двери банка. Один из них был среднего роста, а второй очень высоким.

Это был снимок меня и наемника по имени Грей во время завершения ограбления, полученный с расстояния. Завеса, под которой мы находились, вероятно, мерцала, либо же снимок был сделан прежде, чем она зафиксировалась и скрыла нас ото всех. Как бы то ни было, но получились только очертания. Наши лица нельзя было разобрать в искаженных изображениях. Тем не менее, в Чикаго не так много парней баскетбольного роста, грабящих банки. Да и в любом другом месте. Все остальные изображения были столь же расплывчаты или даже хуже, но на всех имелся узнаваемый силуэт того же высокого парня, хотя ни одно из них не показывало мое лицо, кроме последнего. В этом я бежал по тротуару, и любой, у кого есть глаза, то есть большинство людей, которые могут оказаться присяжными, смогли бы узнать мой образ.

- Этот ваш снимок, - сказал Рудольф Кэррин, - сделан в тот же день, когда вы получили свои травмы. Чертовское совпадение.

- Да ну? - спокойно ответила она. - Рудольф, каждый в Чикаго попадает на камеру раз в день. Или на три.

- Они не гоняют в опасных условиях, - сказал Рудольф.

- Внутренние расследования решили в Чикаго начать бороться с пробками? - спросила Кэррин. - После того, как вы очистили город от всей коррупции?

- Гонка по центральным улицам сквозь ледяную бурю, - сказал Брэдли. - Почти одновременно с сообщениями о бандитских разборках.

- Я пыталась успеть домой к своим сериалам, - сказала она сухим тоном.

- Машина в итоге разбита, не так ли?

- Ошибки юношеской нетерпеливости, - сказала Кэррин, указывая на свой гипс. - Я достаточно ясно выразилась об этом.

Брэдли кивнул.

- Переговорили с вашим врачом. Говорит, что не видел травм, как у вас, от аварий. Слишком точные. Говорит, это явно целенаправленное насилие.

- Он ошибся, - сказала Кэррин. - И нарушил врачебную тайну.

- И ваш известный сообщник, - продолжил Брэдли, будто она ничего и не сказала. - У нас есть и с ним фотографии.

- Прекрасная твоя фотография, Дрезден, - сказал Рудольф. - На тротуаре возле здания, где мы на следующий день нашли тело. - Он сверился с записной книжкой в кармане. - Некого Харви Моррисона, дипломированного аудитора.

Кэррин адресовала ему свое коповское лицо, а я обошелся своим чародейским, но это было тяжело. У меня внутри все упало. Харви Моррисон умер плохо, несмотря на все мои попытки спасти ему жизнь. Копы находят мало смешного в телах убитых мужчин и женщин, особенно в местах, не связанных с преступным миром.

Неспособность кого-то спасти - не то же самое, что убийство, но со стороны это все выглядит весьма одинаково.

Брэдли продолжил.

- Моррисон был частым посетителем Верити Траст банка. Который был ограблен на следующий день. Его особое хранилище было вскрыто во время ограбления. В это время произошло несколько взрывов и большая перестрелка, - он кивнул на фотографии. - На других снимках запечатлен подозреваемый в грабеже банка ростом от шести футов восьми дюймов до шести футов одиннадцати дюймов. - Он безучастно на меня посмотрел. - Шесть и... девять. Не так ли, Дрезден?

- Я съедаю целую порцию хлопьев каждое утро, - сказал я.

- Умник, - прошипел Рудольф. - Продолжай острить. Теперь я взял тебя за задницу.

- Остришь? - спросил я его. Я мотнул головой в сторону Брэдли и ткнул пальцем в Рудольфа. - Кто так говорит?

- Он может быть прав, - тихо сказал Брэдли. Он перевел взгляд с меня на Кэррин. - Мы копаем. В этом мы хороши.

- Так и есть, - признала Кэррин.

Брэдли кивнул.

- Твоя семья хорошо послужила этому городу, Мёрфи. Может быть, вам обоим будет лучше, если вы поговорите с нами прежде, чем мы раскопаем что-то еще.

Кэррин не смотрела на меня, а я не смотрел на нее. Нам не нужно было сверяться по этой конкретной теме. Как и у большинства людей в мире, у копов не было много времени на мир сверхъестественного. Они бы тупо смотрели на нас, если бы мы попытались рассказать им об ограблении, совершенном одержимыми демонами, двухтысячелетними маньяками, нами самими, оборотнем, снежным человеком, армией-одного-человека и пиромантом. Они бы решили, что мы пытаемся доказать свою невменяемость и упрятали бы нас.

Способность человечества отрицать то, что находится прямо перед ним, ошеломляет. Черт возьми, Рудольф своими глазами видел, как луп-гару разнес на куски Чикагский полицейский участок, и все еще отрицал это.

- Я не знаю, что вам поведать, - сказала Кэррин. - На этой фотографии я просто пытаюсь попасть домой сквозь шторм. Я ничего не знаю об этом аудиторе.

- А я вообще ничего не знаю, - сказал я. - За исключением, что в Чикаголенде живет тысяча человек ростом шесть футов восемь дюймов и выше. И фотография может быть любого из них. Надеюсь, у вас действительно большая комната для опознаний.

- А эта фотография? На которой вы? - вежливо спросил Брэдли.

- Думаю, я бежал на поезд. - сказал я. Я пытался быть бесхитростным.

Брэдли совершенно точно не купился на это. Он посмотрел на нас обоих и затем вздохнул.

- Да. Окей.

Рудольф резко встал и сказал:

- Ладно, мы пытались.

Брэдли пристально посмотрел на Рудольфа. Затем он встал и тихо сказал:

- Я сейчас выйду. Подожди меня.

- Я не твой долбаный младший напарник, - прорычал Рудольф. - Я твой старший офицер.

- Да, сэр, - сказал Брэдли. - И я скоро выйду.

Рудольф с отвращением посмотрел на него. Затем он глянул на меня, ткнул в меня указательным пальцем и сказал:

- Я с нетерпением жду, когда увижу тебя за решеткой, Дрезден.

- Да, валяй, - сказал я ему.

Рудольф ухмыльнулся мне. Потом Кэррин.

Она уставилась на него. У нее хороший взгляд. Ухмылка Рудольфа померкла и он резко вышел, не сказав больше ни слова.

- Придурок, - выдохнула Кэррин после того как за ним закрылась дверь. Она посмотрела на Брэдли и сказала, - Он? Seriously?

Брэдли пожал плечами, создав впечатление тектонического сдвига.

- Работа должна быть выполнена. Кто-то должен её делать.

- Да, - тихо сказала Кэррин.

- Псы на охоте, - сказал он. - Вопрос времени, когда они возьмут след. Вы с Дрезденом оба ходили по лезвию долгое время. В этот раз вы перешли черту.

- Не понимаю, о чем ты говоришь, - сказала Кэррин.

- Проклятье, - ответил Брэдли. Он провел рукой по коротко стриженной голове. - Ладно. Если ты так хочешь, доиграем до конца.

- Делай свою работу, - сказала Кэррин. - Как и всегда.

- Да, - Брэдли покачал головой. - Рудольф перешел на личности. Непрофессионально. Сожалею об этом.

- Я ничего лучше от него и не ждала, - сказала Кэррин. - Не твоя вина.

- Эй, - сказал я. - А почему дело получил отдел внутренних расследований? Почему не отдел убийств?

Он пожал плечами.

- Мёрфи была из наших, полагаю. Ты, типа, тоже.

Мёрфи пристально глядела на него мгновение. Потом произнесла:

- Спасибо, что зашел, Брэдли.

Брэдли вежливо кивнул.

- Да. Спасибо за уделенное время. Надеюсь, вам скоро станет лучше, мисс Мёрфи.

Он тоже ушел, аккуратно закрыв на собой дверь, словно не хотел сломать ее пополам. Возможно, раньше у него бывали подобные проблемы.

После его ухода я сделал глубокий вдох. Потом подошел к двери, проводил их взглядом и кивнул Кэррин, когда они скрылись из виду.

- Что ты узнала от него? - спросил я. - Я не уловил.

- Потому что я была одной из них, он предполагает, - сказала Мёрфи. - Брэдли ни о чем не гадает. Он не знает, почему ОВР получили это дело.

Я потер переносицу и рыкнул.

- Кто-то дергает за ниточки из-за кулис. Они передали дело своему человеку. Рудольфу.

- А Рудольфом владеет Марконе, - сказала Кэррин. Она поджала губы. - По крайней мере, мы так предполагаем.

Я хмыкнул.

- А кто еще мог им завладеть? У кого еще есть столько влияния в этом городе?

Она покачала головой.

- Не того человека спрашиваешь.

- Ха, - сказал я. - Надо еще кое-что выяснить. Что нам ожидать?

- Брэдли похож на голодную собаку с костью, - сказала она. - Он идет по следу и он не сбивается. Он не заминает дела. Не играет в игры.

- Неудивительно, что он в его возрасте подчиненный Рудольфа, - сказал я. - К счастью, на нашей стороне есть такая мелочь, как тот факт, что мы не убивали Харви. Или парня в банке.

Кэррин фыркнула.

- Мы там были и мы лжем об этом полиции. Этого уже хватило бы, чтобы посадить нас на какое-то время. А еще наша ДНК была на месте преступления, и они могут найти свидетелей, которые видели нас на улице, или еще больше фотографий с камер. Или...

- Или кто-то может сделать так, что появится еще больше доказательств, - сказал я.

Она кивнула.

- Они могли бы раздуть это дело. Это может... плохо закончиться.

- Тогда что же нам делать?

Она выгнула бровь, глядя на меня.

- Делать? Мы что, злодеи из детективного романа Брэдли? Может, стоит попытаться снять его с дела? Уничтожить улики? Найти кого-то, кто возьмет вину на себя?

Я хмыкнул.

- Тем не менее.

- Мы мало что можем сделать, - тихо сказала она. - Разве что узнать побольше, что происходит. У меня осталось несколько каналов. Проверю.

- Я добавлю в свой список дел выяснение спонсора Рудольфа, - сказал я.

Она кивнула.

- Думаешь, это может помешать страннейшему съезду?

- Может и так, - сказал я. Я долго думал об этом, а потом сказал, - когда я уйду, позвони Баттерсу.

Кэррин приподняла бровь, глядя на меня.

- Налицо все признаки превращения шоу в акулье торнадо, - сказал я. - Пусть он расскажет. Всем. Имею в виду, всем в Паранете.

- Что расскажет?

- Держать глаза открытыми, сообщать, если что увидят, и быть готовыми, - сказал я. - Кто-то затевает что-то крупное. Я чувствую это.

Кэррин кивнула, и ее взгляд метнулся к дедушкиным часам у стены.

- У тебя же есть еще немного времени до того момента, когда надо возвращаться? - спросила она.

- Да?

Она кивнула. Ее голубые глаза смотрели очень прямо.

- Иди сюда.

Я вздернул бровь.

- Эм. На этот счет существенно не изменилось. Я не уверен, что...

Она издала безумный смешок.

- Адаптируйся и преодолевай, Гарри. Я умная. А у тебя, по крайней мере, неплохое воображение. Вдвоем мы что-нибудь придумаем. - Ее глаза сузились. - Сейчас. Иди. Сюда.

Было бы невероятно невежливо отказать леди. Так что я пошел.

Глава 6

Возможно, я чувствовал себя достаточно самодовольно на обратном пути к машине.

Но у моей няньки было раннее утро, так что как бы приятно это ни звучало, оставаться дольше я не мог. Я должен идти делать ответственные родительские штуки.

Я насвистывал, садясь в Монстромобиль и заставляя его с ревом пробудиться. Это был старый катафалк сороковых годов, выкрашенный в темно-синие и фиолетовые тона, с пламенем на капоте и передних крыльях. Он не был изящным. В нем не было ничего даже близкого к изяществу. Но, думаю, раз уж и во мне ничего такого не было, это был подходящий для меня транспорт.

Машина заурчала, возвращаясь к жизни, и я повернулся, положил руку на спинку переднего сиденья, чтобы посмотреть назад, пока выезжал с подъездной дорожки Кэррин, и чуть не получил чертов сердечный приступ.

Два монстра сидели на заднем сидении.

Мои рефлексy сработали, я вздрогнул, изогнулся в талии, поднимая вверх левую руку, ту, что с моим самодельным браслетом с щитом. Я испустил искаженный, бессвязный крик, когда моя воля прорвалась сквозь него, и медный браслет взорвался небольшим облаком зелено-желтых искр, когда между мной и угрозой встал щит. Моя правая рука сомкнулась, словно жесткая когтистая лапа, и маленькая сфера той же зелено-желтой энергии возникла в клетке моих пальцев, шипя и плюясь злобным жаром.

Колеблющийся, неустойчивый свет мерцал и вспыхивал с маниакальной нерегулярностью, и у меня появился шанс осознать угрозу.

Ни один из монстров не двигался, и оба они были прекрасны.

Тот, что слева от меня, был женщиной, выглядевшей так, словно она вступила в блистательную осень юной красоты. Ее волосы были темнее могилы гробовщика, а серебристо-серые глаза отражали всполохи зеленого и золотого света моей подготовленной магии. Ее зубы были белыми и идеальными, а улыбка выглядела достаточно

острой, чтобы перерезать горло. Она была одета в белый костюм и сидела, скрестив ноги и сложив руки на коленях.

- Новые цвета, - произнесла она бархатисто-ровным и спокойным голосом. - Раньше щит был голубым. Что изменилось?

- Он заключил союз с могущественной сущностью-стражем, - сказал второй монстр, женщина, что сидела рядом с первой. Она была тощей, как прут арматуры, но холоднее и тверже, а ее опалесцирующие зеленые глаза были слишком большими, чтобы быть чисто человеческими. Серебристо-белые волосы ниспадали ей на плечи, словно прекрасная шелковая ткань. Ее голос звучал спокойно и четко, и она была одета в голубое платье ледяного оттенка, которому место на подиуме. - Это не мешает его обязанностям.

Я переводил взгляд с одной женщины на другую. Мое сердцебиение начало замедляться, когда мое сознание начало улавливать тот факт, что я, видимо, не подвергся нападению.

Но это не означало, что мне ничего не грозит.

Я молча досчитал до пяти, медленно вздохнул и решил быть спокойным, осторожным и вежливым.

- Лара Рейт, - сказал я первому монстру, слегка склонив голову. Потом я повернулся ко второму и сделал тоже самое, разве что чуть ниже. - Королева Мэб.

- Так приятно видеть вас снова, Гарри, - сказала Лара, ее острая улыбка стала шире, когда она заправила прядь темных волос за ухо. - Мне нравятся ваши волосы. Выглядите совершенно по-волчьи. Как давно это было?

- Со времен той заварушки на острове, - сказал я. - Как поживает бизнес королевы вампиров?

Что-то озорное мелькнуло в ее глазах, когда она их широко открыла.

- Развивается. Иногда мне кажется, что я вот-вот взорвусь при виде открывающихся передо мной чудесных возможностей.

- До тех пор, пока вы их не проворачиваете в моей машине, - сказал я. - Привет, Мэб.

Второй монстр молча на меня уставился. Мэб была чокнутой феири старой закалки, Королевой Воздуха и Тьмы, и ее терпимость к моей обычной беззаботности имела пределы. Причем такие пределы, что у меня до сих пор была небольшая шишка на черепе еще с тех пор,

когда она разбила мою голову о внутреннюю обшивку лифта. Она посмотрела на меня так, как кошки смотрят на любое существо подходящего размера, для того чтобы быть съеденным, и сказала:

- Это, на самом деле, моя машина.

- А, - сказал я. - Точно. Ладно. Это корпоративная тачка.

Мэб продолжила, словно я и не говорил.

- И Мисс Рейт вольна взрываться внутри или нет, как она посчитает нужным.

- Эм, - сказал я. - Думаю, она использовала "взорваться" как мета...

- Особенно, с учетом того шокирующего проявления дурного тона, что ты сейчас демонстрируешь, - она пристально посмотрела на мои руки, а затем в глаза. - Ты собираешься атаковать меня и мою гостью или нет, мой Рыцарь?

Я вздрогнул и вспомнил, что мой щит и энергия для атаки все еще пылали и пульсировали между нами. Я ослабил свою волю и позволил заклинаниям развеяться, пока не осталось ничего, кроме мороси неэффективно потраченной энергии, словно искры из костра сыплющейся из моего браслета.

- О, точно, - сказал я. - Эм. Прошу прощения.

- Я сожалею, у моего Рыцаря... чрезмерные проблемы с самоконтролем, - произнесла Мэб, поворачиваясь к Ларе. - Надеюсь, это не наложит негативного оттенка на эту встречу.

- Напротив, - сказала Лара. - Я нахожу это достаточно очаровательным.

Выражение лица Мэб было непроницаемо.

- Ваш ответ никак не повлияет на мое хорошее о вас мнение, мисс Рейт. Мой Рыцарь не нуждается в поощрении.

- Эй! - сказал я.

В уголках глаз Лары появились морщинки.

- Подумайте об этом, как если бы вы столкнулись с новым видом пищи. - Она посмотрела на меня, и ее глаза стали на несколько оттенков бледнее. - Чем-то существенным и редко получаемым.

Мэб на мгновение задумалась. Потом она улыбнулась. Своей пугающей улыбкой. Я имею в виду, почти все, что Мэб делает, пугает, но ее улыбка просто нервирует.

- Только пока вы осознаете, что мой Рыцарь - часть моего дома. Не пытайтесь есть мою кашу, мисс Рейт. Вы не найдете ее ни горячей, ни холодной, ни правильной, потому что, в отличие от Златовласки, медведи вас съедят. Я понятно выразилась?

- Предельно, - сказала Лара, склонив голову перед Мэб. Ее глаза на мгновение задержались на мне. - Вы уверены, что моя просьба не доставит много хлопот?

- Такие вещи - прямая часть его обязанностей, - сказала Мэб. - Если вы посчитаете его приемлемым.

- О боже, - сказала Лара снова глядя на меня. - О да.

Мне не очень понравилось, к чему клонится разговор, так что я прочистил горло и сказал:

- Дамы. Я сижу здесь. Я вас слышу.

- Тогда у тебя не возникнет проблем с пониманием твоих поручений, - сказала Мэб. - Зимний двор должен мисс Рейт три услуги.

- Три? - выпалил я. - Я продирался через Арктис Тор, спасая свою жизнь, сражался с старейшим фобофагом, только чтобы заполучить одну услугу!

Мэб перевела взгляд на меня.

- И ты получил должное воздаяние за свои деяния.

- Я получил пончик!

- Вряд ли меня волнует, что ты потратил свою услугу на что-то столь легкомысленное, - сказала Мэб.

Я нахмурился.

- Что, черт возьми, она сделала?

- Использовала свой разум, - сказала Мэб. - В отличие от некоторых.

- Эй! - сказал я.

- Она изъявила желание получить эти услуги, - сказала Мэб. - Я уже согласовала одну из них. Я передаю ответственность за обеспечение исполнения оставшихся двух в твои руки.

Я моргнул, а потом прищурился.

- Вы... что?

Мэб моргнула, и, кажется, едва удержалась от того, чтобы не закатить раздраженно глаза.

- Две услуги. Она может спросить их с тебя во время приближающейся конференции. И ты исполнишь все, что она

попросит со всей энергией, искренностью и предусмотрительностью... на которую ты способен. Ты в этом не подведешь меня.

- Тут такая штука, - сказал я. - Я типа уже занят. Вы знаете это. Я уже охраняю совет Старейшин и обеспечиваю связь между Советом и фейри.

- Мои время и внимание бесконечно важнее твоих, - сказала Мэб.
- Теперь у тебя больше работы. Перестань ныть, прекрати свои интрижки и выполняй свои обязанности.

- Две услуги, - сказал я.

- Ни больше, ни меньше, - сказала Мэб.

- Просто... что бы она ни попросила, вы ждете, я исполню.

- Я ожидаю, что она проявит уважение моему Двору и моим возможностям, - сказала Мэб. - Я ожидаю, что она не попросит у тебя ничего такого, чего она бы не попросила у меня. В рамках этих ограничений - да.

Я поперхнулся и сказал:

- Предположим, она попросит у меня что-то украсть?

- Я ожидаю, ты добудешь это.

- Предположим, она попросит меня сжечь здание?

- Я ожидаю гору великолепного пепла.

- Предположим, она попросит меня кого-то убить?

- Я ожидаю, что их тела будут надлежащим образом устранены, сказала Мэб. Она наклонилась вперед и прищурилась. - Если ты сделаешь что-то меньшее, то навлечешь позор и бесчестье на мое имя, мой трон и на всю Зиму. - Ее голос упал до шепота. - Предлагаю тебе обдумать последствия этого.

Я не посмотрел ей в глаза. Я видел, как Мэб поступала с теми, кто ей попросту не нравился, и тем более выставлял ее в плохом свете. Мой предшественник умолял меня убить его. Он был чудовищем, когда выполнял мою работу, но Мэб уничтожила его, превратив в сломанную, хнычущую массу клеток, прежде чем позволила ему умереть.

И если я дам ей повод, она сделает со мной то же самое. Нет.

Она сделает хуже. Гораздо хуже.

Я взглянул на Лару, которая наблюдала за мной с гораздо менее нечеловеческим, но не менее непроницаемым кошачьим выражением лица Мэб. Будучи эффективной королевой Белой Коллегии, Лара была

полноправным монстром. Она была умна, целеустремленна и чертовски опасна. Ходили слухи, что теперь она владеет политиками от побережья до побережья в Соединенных Штатах, и что ее честолюбие заставляло ее идти еще дальше. Лара была вполне способна попросить меня сделать что-то, выходящее за рамки любой действующей совести.

Но Лара так же было чертовски умна. Она должна была знать, что у меня есть пределы- и что мой договор с Мэб не изменил этого. Если она скажет мне сделать что-то бессовестное, я скажу ей, куда она может это засунуть.

Что убьет меня. Уничтожит. Сверхничтожит.

Я снова посмотрел на Мэб. Ее лицо было чистым и неподвижным, как гранит.

Лара была правящим пером в рамках Неблагого Соглашения, Женевской конвенции сверхъестественного мира. Если я скажу "нет", если я брошу вызов Мэб в ее присутствии, то в лучшем случае заполучу наказание Прометея. Но если я скажу "да", я могу попасть в гораздо большие неприятности. Если я что и знал насчет оплаты услуг фейри, так то, что они никогда не бывают простыми.

У меня не было ничего, кроме паршивого выбора. Впрочем, разве это ново?

- Отлично, - сказал я. - Как угодно.

- Великолепно, - сказала Мэб. - Мисс Рейт?

Лара кивнула, ее большие, сияющие глаза не отрывались от моего лица.

- Принято.

- Тогда наши дела на сегодня окончены, - сказала Мэб.

Внезапно налетел ледяной ветер, такой неуместный в летний вечер, что стекла машины покрылись туманным конденсатом, а мне пришлось зажмуриться и прикрыть глаза рукой.

Когда я вновь обрел способность видеть, Мэб и Лара исчезли, и я в Монстромобиле был один.

- Королева драмы, - пробормотал я и принялся опускать оконные стекла. Несколько минутами позже стекла очистились, а я уже ехал по дороге домой, бормоча проклятия по поводу безжалостной природы Королев Фейре.

Я услышал вой сирен за пару кварталов. Внезапно встревожившись, я выжал педаль газа, подъезжая по улице к посольству свартальвов.

Я забеспокоился еще больше, когда увидел дым в воздухе, а когда увидел, как пожарные машины разворачиваются на территории, тревога переросла в чистую панику.

Пламя взметнулось на сорок футов в воздух над комплексом, когда здание загорелось.

Посольство было в огне - и моя дочь была внутри.

Глава 7

Я припарковал Монстрмобиль в квартале оттуда и побежал. Мне не очень-то хотелось, чтобы меня остановил благонамеренный спасатель, так что бежал я под завесой. Мне так же не хотелось отсутствовать еще дольше, так что бежал я с олимпийской скоростью. Возможно было бы лучше, если бы я не перепрыгнул через капот последней полицейской машины. Коп, стоявший рядом с водительской дверью, вытаращил глаза и стал возиться с рацией, что, я думаю, вполне объяснимо, когда мимо пробегают низкобюджетная версия Хищника.

Нет ни единой причины иметь угрожающий твоей душе источник силы внутри, который ты не собираешься использовать, если твоя дочь в опасности.

Именно из-за этих рассуждений ты и попал в эту передрагу, Дрезден, не так ли?

Заткнись, я.

Свартальвы, должно быть, отключили всю внешнюю охрану, иначе пожарные не смогли бы даже близко подойти. Наверное, для Остри было невыносимо ослаблять защиту для кучки людей. Я прошел мимо маленькой будки охраны и никого в ней не увидел.

Парадная дверь здания была открыта, и из нее валил дым, затуманивая все, что находилось на расстоянии тридцати-сорока футов. Две команды пожарных со шлангами уже развернулись у двери и заливали помещение водой, очевидно, готовясь проникнуть внутрь. Мне не хотелось загореться или чтобы меня облили из шланга, поэтому я обошел вокруг здания, минуя парадный вход. С одной стороны здания имелся запасной выход, а с другой - запасной вход, через который доставлялись посылки.

Земля внезапно стала жидкой под моими ногами, заставляя меня замедлить шаг или упасть на нее. Свартальвы манипулировали землей так же, как смертные пластилином, только с помощью магии, очевидно, и я сразу же опустил завесу, подняв руки:

- Эй, эй, это я! Гарри Дрезден!

Голова свартальва поднялась из земли без всякой сопутствующей иллюзии, огромные темные глаза дважды моргнули и уставились на меня.

- А, - сказал свартальв, поднимаясь выше над землей, и я узнал этот голос. Это была сестра Этри, Эванна, его заместитель. Ее волосы были светлыми и такими шелковисто-тонкими, что свисали вокруг головы довольно редкими прядями. Еще одна ее часть поднялась из земли, одетая в простую рубашку того же цвета, что и ее волосы.

- Чародей, мне было велено разыскать тебя. Мне нужно, чтобы ты пошел со мной.

- Моя дочь, - сказал я. - Я должен добраться до нее.

- Именно, - сказала Эванна резким голосом. Она протянула мне руку.

Я стиснул зубы и сказал:

- Мы пойдем сквозь землю?

- Если позволите, - сказала она.

- Ненавижу это, - сказал я. - Без обид.

Затем я сделал глубокий вздох и взял ее за руку.

Я могу ходить сквозь землю. Технически. То есть, если я очень, очень, действительно очень захочу, я смогу. Чародеи могут почти все, что делают сверхъестественные существа, если над этим захотеть поработать.

Только зачем мне это нужно?

Рука Эванны потянула меня вниз, и я погрузился в землю, как будто она внезапно стала густым желе со вкусом грязи. Мы начали движение, и земля прошла сквозь нас самым тревожным образом, какой только можно себе представить. Я чувствовал, как земля скрежещет в каждом дюйме моей кожи, как будто я пробираюсь сквозь мелкий песок, и моя одежда ничего не делает, чтобы остановить это ощущение. Хуже того, он застревал у меня в ресницах, заставляя меня моргать и держать руку перед глазами - что так же не принесло никакой пользы.

Хуже всего было призрачное ощущение земли во рту, в носу и щекотание в горле. Технически, я думаю, что она использовала магию, чтобы перемещать наши молекулы вокруг и сквозь те, из которых состояла земля вокруг нас. Практически, я наслаждался опытом

медленной и мучительной пескоструйной обработки, включая удар по вкусовым рецепторам ошеломляющими минеральными ощущениями.

Серьезно. Это отвратительно.

Мы вышли из-под земли в один из жилых коридоров под главным зданием, которое, по-видимому, весело горело где-то над нами. Вы бы не догадались об этом. В воздухе не было ни дыма, ни звуков пожара, ни струй воды сверху.

Я боролся с желанием сплюнуть, когда Эванна отпустила мою руку - и с забавой смотрела на мою гримасу.

- Смертным это неприятно, я знаю. Вам нужна чашка воды?

Я приподнял бровь и посмотрел на нее сверху вниз. Сильно, сильно сверху. Эванна на шесть дюймов ниже Кэррин, хотя у них было что-то общее в том, что касалось похожего крепкого, мускулистого тела.

- Вы мне покровительствуете?

- Чародей. С чего бы мне так поступать? - она пошла, а я пошел за ней.

- Я не знаком с этим уровнем, - сказал я.

- Мы на уровень ниже наших гостевых апартаментов и домов персонала. Это семейные покои, - ответила Эванна. - Этри, мои, наших партнеров и детей, нескольких кузин время от времени, - сказала она. Ее ноги бесшумно ступали по каменному полу.

- Ух. Разве вы не должны уходить? Ну там, пожар и всякое такое?

Эванна подняла голову, чтобы посмотреть на меня.

- Мы приняли меры предосторожности.

- Предосторожности?

- С такими гостями, как вы, это казалось разумным, - сказала она. Это было сказано с каменным лицом и сухим тоном. - До нас доходили слухи, что другие здания сгорали дотла. Верхние этажи были изолированы от нижних помещений. Если административные кабинеты сгорят до кучи пепла, это не коснется этих уровней

Я резко выдохнул, издав звук облегчения.

Она наклонила свою голову ко мне.

- Ваша дочь в безопасности. Мы полагаем.

- В смысле "вы полагаете"? - спросил я.

- Как только начался пожар, охрана попыталась проникнуть в ваши апартаменты, - сказала она. - Страж не позволил нам забрать ее.

Мне вдруг подурнело.

- Мыш. Вы же, ребята, не...

Эванна пристально посмотрела на меня. Затем выражение ее лица немного смягчилось.

- Нет, конечно же нет. Характер Храмовых Стражей хорошо известен. Мы никогда не пожелаем причинить вред такому существу, если только в этом не будет большой нужды. И мы не причиняем вреда детям. Вот почему меня послали следить за тобой.

Я выгнул бровь.

- Подождите. Вы говорите, что не можете пойти забрать ее.

Эванна пожала тонким плечом.

- Страж выглядел очень решительно.

Я сделал несколько шагов, размышляя. Она была права насчет Мыша. Он был хорошим псом. Или, может быть, даже Хорошим псом. Но он обладал безошибочной способностью определять, когда кто-то или что-то враждебно настроено. Он скорее умрет, чем позволит причинить вред Мэгги.

Что означает, что если Мыш охранял ее от свартальвов...

Мне оставалось предположить, что они делали нечто, что не было сочтено им хорошим. Они были очень замкнутым народом и не были людьми. Они не обязательно могли думать или чувствовать так, как я от них ожидал. Я какое-то время жил среди них и хотя общаться с ними было достаточно комфортно, я не позволял себе обманываться тем, что знаю их.

Эванна смотрела на моё лицо и я внезапно понял, что она читает его выражение. Её собственное лицо стало совершенно пустым, полностью лишённым эмоций, пока она меня рассматривала.

- Что тут происходит? - осторожно спросил я.

- Вы скажите мне, - ответила она.

Я издал раздражённый звук.

- Адские колокола, Эванна, откуда мне знать? Я весь вечер был у своей девушки и только что вернулся.

Она резко повернулась лицом ко мне с таким выражением, будто я не был на два фута выше и двести фунтов тяжелее её.

- Стой, - жёстко сказала она.

Я так и сделал.

Она сузила глаза и процедила:

- Повтори ещё раз.

- Почему все так удивляются, что у меня есть девушка? - спросил я.

Она прикрыла глаза на мгновение, будто считая до трёх, и открыла их снова.

- Не это. Ваше объяснение событий.

- О, - сказал я. И начал было отвечать, но остановился в последнюю секунду, взяв момент на подумать. Я только-только встретил Эванну, но она выглядела удивительно напряжённой по меркам свартальфов - то есть прилагала все усилия, чтобы не дать ничего о себе понять по лицу или позе. Мне стало интересно, что ещё она скрывала.

Я осмотрелся. Затем сосредоточился и использовал свои чародейские чувства, смотря глубже. Я ощущал движущуюся вокруг нас энергию, чуял изменения в камне под моими ногами, в нескольких отдельных местах.

Эванна была не одна. Ещё полдюжины сотрудников службы безопасности посольства следили за нами, двигаясь в безопасной толще камня.

Свартальфы были вежливы и послали симпатичного и очаровательного похитителя, чтобы окружить меня - но вне зависимости, я внезапно понял, что являюсь заключённым в сопровождении. И мои последующие слова будут значить очень многое.

В такие моменты я обычно говорю правду, так как у меня недостаточно интеллектуальной мощи, чтобы помнить всю необходимую ложь. Она имеет свойство накапливаться.

- Я был у своей девушки весь вечер, - повторил я. - И прибыл только что. Я понятия не имею, что происходит.

Пока я говорил, её глаза были закрыты. Потом она медленно их открыла и тихо произнесла:

- Вы говорите правду.

- Без шуток! - выпалил я. - Эванна, я знаю, что я гость, но ты официально начинаешь меня пугать. Я хочу видеть свою дочь, пожалуйста.

- Ты на правах гостя, - тихо сказала она. Затем кивнула и произнесла, - Сюда.

Мы поднялись по лестнице, прошли через холл и череду дверей и внезапно очутились на территории, которую я узнал - в холле снаружи моих апартаментов. У двери собралось несколько свартальфов из охраны и они общались между собой, пока подходили мы с Эванной.

- ...бессмысленно, - говорил один из них. - Замок открыт. Она должна открываться.

- Возможно, замок удерживается заклинанием, - ответил второй.

Первый в порядке демонстрации покрутил дверную ручку. Та свободно повернулась, как и было положено при открытом замке.

- Смотри.

- Значит, возьмём таран, - сказал второй.

- Вы сломаете дерево, - пояснил я им, подойдя ближе. - И всё равно не сможете пройти.

Второй свартальф обернулся ко мне с хмурым выражением.

- Вы установили дополнительную защиту, не уведомив охрану?

- Именно.

- Это явно против нашей корпоративной политики!

- Умоляю, Гедвиг, - сказал я. - Для парня, который ставит магические мины по всему газону, ты слишком чувствителен.

- Вы могли угрожать безопасности всех, кто тут находится..

Я покачал головой.

- Это совершенно пассивная силовая плоскость. Распространяется также вдоль стен по каждой стороне. Никому не вредит, но вам понадобится танк, чтобы её проломить.

И мне потребовались очень долгие выходные, чтобы её установить.

Гедвиг нахмурился.

- Это проявление недоверия можно счесть оскорблением гостеприимства свартальфов.

- Моё недоверие?! - выпалил я. - Да ты, блин, шутишь...

Я поднял бровь, повернулся к Эванне и спросил:

- Неужели в языке вашего народа нет места иронии?

- Успокойся, Гедвиг, - сказала Эванна. - Мистер Дрезден, вы можете открыть дверь?

- Это легко, если у вас есть ключ, - сказал я. Я извлёк металлический дверной ключ из кармана и перевернул его так, чтобы

она увидела пентакль, изображённый на его основании. - Думаю, лучше будет, если я войду один, чтобы поговорить с Мышом. Ладно?

Эванна кивнула.

- Да будет так.

- Но, моя леди... - начал Гедвиг.

Она подняла руку ладонью к нему и охранник немедленно закрыл рот.

Я кивнул и прикоснулся ключом к дверной ручке. Энергия, заключенная в ключе, прошла через металл в плоскость силы, лежащую за ним, нарушая его поток и замыкая его поле.

- Скоро вернусь, - сказал я и открыл дверь, приглядывая за двумя охранниками. Гедвиг выглядел так, будто хотел протиснуться мимо меня, но остался стоять позади Эванны, когда я вошел и закрыл за собой дверь.

- Папа! - сказала Мэгги. - Ты дома! Что происходит?

Моя дочь сидела на обеденном столе, как можно ближе к середине, а ее няня, Хоуп Карпентер, сидела рядом с ней, заботливо обняв ее за плечи. Мыш мерно расхаживал вокруг стола, опустив голову и шмыгая носом. Он взглянул на меня и слегка дернул ушами в знак приветствия, прежде чем вернуться к своему обходу.

- Гарри, - сказала Хоуп. Это была очень серьезная молодая женщина, к которой юность была необычайно щедра. Став опытным отцом и все такое, за последние три или четыре месяца, я по-новому понял, как Майкл волнуется о том, как будут обращаться с его прекрасной темно-русой дочерью, особенно учитывая что...

Звезды и камни, на самом деле Мэгги не настолько уж и младше Хоуп. Неужели через несколько лет и я буду страдать отцовской заботой? Я буду. И эта мысль была довольно пугающей. Или унижительной. Или все вместе.

Аргх. У тебя и так достаточно проблем, не изобретай новые, Дрезден.

- Здоров, Хоббит, - сказал я и ободряюще улыбнулся ей. - Эм. Как так вышло, что вы, ребята, на столе?

- Потому что они все время пытаются пройти сквозь пол и достать нас! - сказала Мэгги дрожащим от страха голосом.

В этот момент Мыш повернулся всем телом, его серая грива взметнулась. Примерно в трех футах от стола каменный пол внезапно

покрылся рябью, и из-под земли начал подниматься свартальв.

Мыш бросился к незваному гостю, в последнюю секунду поднялся на задние лапы, а затем опустился на передние, прямо на приближающегося свартальва, издавая звук, бьющий посуду, который лаем можно было назвать только технически. Это был скорее взрывной рев, и мерцающие голубые искры сорвались из его гривы, когда он ударил, и волна сверхъестественной энергии пронеслась через комнату, как вспышка призрачной молнии. Времени хватило только на то, чтобы увидеть, как свартальв вздрогнул, а потом пол снова стал полом, и Мыш снова принялся бережливо расхаживать вокруг стола.

- Вот так, - сказала Мэгги. - Мы ведь даже не нарушали никаких правил. Взять их, Мыш!

- И как долго это продолжается? - спросил я.

Хоуп покачала головой и сказала:

- Д-двадцать минут? Полчаса? Только что мы лежали на диване, а потом эти штуковины попытались нас схватить. И если бы не Мыш, у них бы получилось.

Я почувствовал, как мои челюсти сжались так сильно, что зубы закрипели в знак протеста. Затем я повернулся, поднял свой посох, и сказал:

- Оставайтесь здесь. Молодец, парень, продолжай в том же духе. Я попытаюсь разобраться с этим.

Мыш, не переставая патрулировать вокруг девочек, издал одобрителный звук.

Я повернулся и вышел в коридор. Должно быть, я выглядел немного сердито, потому что Гедвиг и его спутник взглянули на меня, выхватили оружие - пистолет в одной руке и тонкий кинжал с волнистым лезвием в другой - и попятились друг от друга, так что оказались по бокам от меня. Они не направляли пистолеты прямо на меня и не бросались на меня с ножами, но все в их жестах говорило мне, что они без колебаний выстрелят, если понадобится.

Эванна стояла на том же месте, выражение ее лица было вежливо нейтральным, и смотрела на меня выжидающе.

Я не повысил голос - но даже не попытался спрятать гнев в нем.

- Почему ваши люди запугивают двух детей? Чем они вас обидели?

- Ничего, - сказала Эванна. - Мы лишь хотели взять их под охрану и вывести из здания через запасной туннель.

- Я думал, вы сказали, что опасности пожара нет.

- Я сказала, - ответила Эванна.

- Я только что видел, как один из ваших людей пытался схватить их, - сказал я. - Скажите им прекратить. Прямо сейчас.

Эванна моргнула на меня, затем повернулась и что-то прорычала Хедвигу. Он стиснул зубы, но кивнул, убрал оружие в кобуру и опустился на пол.

- Твой гнев неуместен, чародей, - сказала Эванна, высекая слова. - Ты нет тот, кто был обижен. Пролилась кровь, и виновные будут должны вернуть долг.

- Какое, черт возьми, это имеет отношение ко мне? - потребовал я ответа.

Эванна уставилась на меня своими огромными темными глазами и сказала:

- Я покажу тебе, если желаешь.

- Желаю, - сказал я.

Она жестом приказала другому охраннику опустить оружие, затем повернулась и пошла. Она двигалась быстро для такой крошечной штучки, и я поспешил, чтобы не отстать от нее.

- Сегодня вечером в крепость проник убийца, - сказала она.

- Что? - спросил я. - Как это произошло? Ваши меры безопасности просто безумны.

- Так, как обычно такие вещи происходят, - сказала она. - Через предательство. Убийца добрался до деловых покоев моего брата. Раздались взрывы, от которых начался пожар. Несколько охранников были ранены. Один заслонил собой Этри и поплатился жизнью за свою преданность.

Я откинул голову назад и почувствовал, как гнев испаряется, быстро превращаясь в чистую тревогу. Кто-то пытался сбить с ног того, кто был равносител главе государства, и подобрался очень близко. Этри не был незначительной фигурой в сверхъестественном мире - он был самым тяжелым нападающим, которого я знал среди своего народа, а они, в свою очередь, были самыми искусными и серьезными кузнецами, ремесленниками и дизайнерами на планете. Черт возьми, я сам регулярно покупал у них материалы, необходимые

для изготовления магических компонентов. Они были дорогими и стоили каждого пенни, даже тогда, когда у меня не было спортивного носка с бриллиантами, спрятанного под матрасом на черный день.

- Я не знал, - сказал я гораздо тише. - Кого вы потеряли?

- Остри, - сказала Эванна, - который верно служил нашей семье на протяжении семисот лет.

Для меня это было словно удар под дых. Остри был странным, но он был порядочным парнем и очень любил своих детей.

- Адские колокола, - сказал я. - Я... я сожалею вашей потере.

Эванна кивнула мне.

Она провела меня по коридору, по которому я никогда не спускался, в помещение, которое могло быть только оперативным штабом.

Это была огромная комната с двадцатифутовым потолком, разбитая на определенные организованные зоны. В одном углу находилась оружейная комната, оцетинившаяся оружием - не только современным, не только архаичным, но и таким, которое я не мог даже опознать. Напротив него находился медицинский пункт, биологически изолированный за прозрачными пластиковыми занавесками. С той стороны деловито расхаживали свартальвы в совершенно нормальных на вид медицинских халатах.

Одна из каталок тихо стояла, игнорируемая. На ней лежала маленькая фигурка, полностью прикрытая окровавленной простыней. Остри.

Я перевел взгляд на небольшую стоянку, где находились несколько машин, что-то похожее на колесницу, баркас викингов, который, казалось, был сделан из какого-то мерцающего серебра, и множество предметов, которые, опять же, не поддавались определению. В дальнем конце комнаты находилось то, что должно было быть командно-контрольной зоной, с несколькими столами, расположенными кружком вокруг центральной рабочей зоны, освещенной светом десятков листов тонкого хрусталя, которые свартальвы использовали как экраны мониторов.

Пока я таращил глаза, подошел Этри, одетый в обычную одежду для мужчины-свартальва, который не притворялся человеком - короткую набедренную повязку. Он выглядел ужасно. На одной из его скул виднелся распухший синяк, а на голом плече - невероятно

болезненный ожог. Его огромные темные глаза не были спокойны. В них была такая глубокая злость, что я почти чувствовал, как дрожит земля под его ногами.

Он поднял правую руку. Эванна подняла свою левую, положила ее на его на мгновение, и сказала:

- Господин брат мой.

- Сестра, - ответил Этри. Он посмотрел на меня. - Что ты узнала?

- Похоже, он не причастен к событиям, - сказала она.

Этри даже нахмурился на секунду. Затем произнес:

- Ты уверена?

- Насколько я могу быть уверена, - сказала Эванна.

- Я не причастен, - сказал я. - Ради всего святого, неужели вы думаете, что я бы попытался вас убить, или помочь вас убить, пока моя дочь находится прямо в этой крепости?

Этри посмотрела на меня и издала рычащий звук. Затем какой-то свартальв крикнул что-то на их родном языке, и Этри оглянулся через плечо в сторону командного центра.

- Я должен идти. Сестра, прошу меня извинить. Он повернулся, чтобы уйти, и сказал через плечо: - открытость - это наша политика с союзниками. Покажи ему.

- Покажи мне что? - спросил я.

- Сюда, - сказала Эванна и прошла вглубь штаба, к последней секции - ряду кубов около пяти квадратных футов, сделанных из толстых, тяжелых прутьев какого-то темного металла, который я не мог идентифицировать, отгороженных парой слоев таких же прутьев - зоне заточения.

Нам пришлось пройти через пару ворот, чтобы попасть внутрь, и они закрылись за нами с тяжелыми, очень громкими ударами металла о металл. Только одна из камер внутри была занята, и ее окружали несколько очень бдительных, очень тяжело экипированных свартальвов и одетых в бронежилеты, каждый из которых держал какое-то органическое на вид, закрученное орудие, сделанное из чего-то вроде серебра.

- Убийца, - безэмоционально произнесла Эванна. - Существо, хорошо известное, как ваш частый союзник.

Мое сердце внезапно защемило.

Человек без рубашки, свернувшийся калачиком на полу клетки, был жестоко избит. Его трясло от боли, а может, и от шока. Не было видно и дюйма кожи, которая не была бы покрыта синяками, порезами и засохшей кровью. Одна из его ног была сломана... Я не знаю, как именно. Она выглядела так, как будто попала в какую-то промышленную машину. Она был скручена под невероятным углом и, казалось, форму ей придавал только ботинок.

Я узнал ботинок.

Я видел его на пляже этим утром.

Убийца поднял голову в нашу сторону. У него не было зубов во рту, запекшемся от крови. Его лицо было гротескно распухшим, один глаз полностью закрыт.

Это был мой брат.

Это был Томас.

Глава 8

Брат уставился на меня в ответ. Его лицо дернулось в начале грустной, беспомощной улыбки, но этот жест заставил его поморщиться от боли, когда он сформировал ее. Его голова снова опустилась, и он лежал, дрожа, слишком слабый, чтобы поднять глаза.

Я стоял в шоке и смотрел в течение очень долгого, молчаливого момента. Я чувствовал давление внимания Эванны на меня.

- Я знаю, что он иногда приходил сюда, - сказал я. Мой брат жил в ужасе от того, что медленно убивал Жюстину, питаясь ее жизненной силой. Так что иногда он находил себе других добровольных партнеров. Что в его ситуации было, пожалуй, самым моральным поступком, на который он был способен.

Когда ты инкуб, жизнь немного странная.

- В частности, он навещал меня, - сказала Эванна, - а также некоторых других придворных женщин, время от времени. Мой народ всегда был влюблен в красоту, прежде всего. - Она сделала шаг ближе к клетке и обратилась к Томасу: - и это чудесное создание занималось не столько любовью, сколько искусством. Ослепительно красивым, страстным искусством. - Ее голос стал тверже. - Действительно, ослепительно. Такая трата.

Я опустил взгляд, закрыл глаза и представил себе камеры, потом штаб, потом самый быстрый, не горящий путь из посольства свартальвов. Я попытался добавить все, что знал о том, где находятся силы безопасности, потому что в зависимости от ответа на мой следующий вопрос, я мог бы взять их всех на себя.

Вот что значит жить за всей этой охраной: если она может сдерживать угрозы снаружи, она может так же легко удержать вас внутри.

- Что с ним будет? - спросил я.

- Правосудие, - ответила Эванна, с отчетливой ноткой презрения в голосе. - Он начал атаку через семь минут после того, как вступил в силу официальный договор о мирном саммите. По закону Соглашений, это делает его преступление тем, что должно быть оценено по основополагающим принципам, изложенным внутри. Нейтральный

эmissар будет назначен для расследования и будет служить арбитром его судьбы.

Я сосредоточил взгляд на пальцах ног и немного расслабился. Если этот вопрос должен был решаться Соглашениями, то это означало, что время еще есть. Нужно будет выбрать эmissара, на которого согласятся и свартальвы, и Белая Коллегия, а на само расследование потребуется время. Это означало, что мне не нужно было выходить в сиянии славы или, по крайней мере, окровавленным, в этот самый момент.

Эванна подошла ближе к клетке и опустилась на колени, лицом к Томасу.

- Остри был моим близким другом. Если бы это зависело только от меня, я бы похоронила тебя в камне с достаточным количеством воздуха, чтобы дать тебе время почувствовать, что ты умираешь от удушья, Томас Рейт. Ты умрешь за это. Или начнется война, какой этот мир не видел уже тысячу лет.

А потом она плюнула на него.

Мои руки крепко сжались на твердом дубовом посохе, и я сделал полшага вперед.

Четверо охранников мгновенно навели на меня оружие. И учитывая, что я даже не знал, что это за чертовщина и на что они способны, было бы немного рискованно пытаться защититься от них.

И кроме того. Соглашения были в действии. И пока так продолжается, я лицом нации, и мои действия отражались на Белом Совете в целом - и на Зимнем Дворе в придачу. Ради всего святого. Я был лицом двух наций: не ради власти, только во имя потенциальной катастрофы.

Адские колокола.

Эванна не отводила взгляда от Томаса и обращала на меня так мало внимания, что я должен был понять, что она была уверена, что ее люди могут уничтожить меня прежде, чем я смогу сделать что-нибудь плохое. Учитывая, кем были свартальвы - люди, которых даже скандинавские боги не хотели злить - я был склонен воспринимать ее всерьез.

- Ну, Рейт? - сказала она тихим голосом. - Есть что сказать?

Похоже, ни ее гнев, ни презрение, ни вопрос не произвели на него должного впечатления. Мой брат оставался безмолвным и

неподвижным, если не считать непроизвольных спазмов мышц и вздрагиваний от боли.

- Я была о тебе лучшего мнения, Томас, - сказала Эванна. - Если у тебя были проблемы с моим народом, ты мог бы прийти к нам как друг.

Затем она встала и пошла прочь, с нестигаемой спиной. Похоже, ей было все равно, последую я за ней или нет, и я немного нервничал, что могу оказаться запертым в камере - так что последовал за ней.

Когда мы уходили, чей-то голос прохрипел:

- Га'и.

От этого звука стало больно. Я собрался с духом, чтобы выглядеть спокойно и уверенно, и повернулся к брату.

По запекшейся крови на его щеке медленно бежала бледно-алая слеза.

- Жссн. СЖссн.

Он не мог сказать "Жюстина".

- Все в порядке, - мягко сказал я. - Я знаю. Я позабочусь о ней.

От моих словаx что-то в нем сломалось. Он содрогался от мучительных рыданий. Он издавал звуки животного, умирающего от невыносимой боли.

Я закрыл глаза и вздохнул, желая смахнуть слезы прежде, чем они успеют пролиться. Затем я повернулся к нему спиной и оставил его в объятиях людей, которые причинили ему эту боль и которые намеревались лишить его жизни.

Какой у меня был выбор?

Мой брат, мой единственный брат, только что дал собранию самых древних и могущественных сверхъестественных существ на планете превосходную причину убить его. За час он умудрился поставить себя в такое положение, что ему предстояло привлечь к себе больше внимания и больше неприятностей от более опасных людей, чем мне когда-либо удавалось сделать в своей жизни.

Верьте мне. Я делаю это каждый день на работе. Я знаю, о чем говорю.

Звезды и камни, Томас, ты идиот. Что ты натворил?

Глава 9

- Что случилось, папа? - спросила меня Мэгги.

Мы вернулись в квартиру, и, когда я попросил ее, она послушно достала из шкафа свою сваливательную сумку.

Да, я знаю, это звучит немного параноидально - учить ребенка держать сумку с запасными вещами, закусками, основными медицинскими принадлежностями и водой на случай, если ей вдруг понадобится бежать. Но с другой стороны, большинству детей тоже не приходилось столкнуться с возможностью того, что враги могут пробраться сквозь пол и схватить их.

Я воспитываю свою дочь так, чтоб пережить то, что иногда может быть рядом из-за того, кто ее отец, и в настоящее время ее лучшая стратегия выживания - почти всегда быть готовой убежать.

- Я не могу объяснить прямо сейчас, - сказал я. Я проскользнул мимо нее в ее комнату и схватил сумку для боулинга, в которой был деревянный череп Бонни, затем закрепил остальную часть моего собственного ограниченного снаряжения вместе со сваливательной сумкой. - Мы отвезем Хоббита домой, а ты поживешь у Карпендеров несколько дней. Как это звучит?

Мэгги посмотрела на меня очень серьезными юными глазами.

- У тебя неприятности?"

- Я не попадаю в неприятности, - сказал я и подмигнул ей. - Я устраиваю неприятности плохим парням.

- Все будет хорошо, карапуз, - сказала Хоуп и по-сестрински обняла мою дочь за плечи. - Я прекрасно знаю это упражнение. Ты можешь спать в моей комнате. У меня есть ноутбук. Мы можем смотреть на Netflix забавные вещи, сколько захотим.

Мэгги слегка прильнула к Хоуп, но ее глаза не отрывались от меня.

- Папа, почему свартальвы злы на нас?

- Они не злы, но что-то их напугало, - сказал я. - Они будут раздраженными какое-то время. Хоуп, ты не могла бы достать немного тунца из холодильника и положить в переноску Мистера, чтобы он туда запрыгнул? Я не хочу оставлять его здесь одного.

- Конечно, Гарри, - сказала Хоуп и приступила к делу.

- Они раздражены? И ты поэтому меня отправляешь обратно? - спросила Мэгги.

Я был полностью готов к походу, быстрому и эффективному, потому что у меня была сотня дел, и сон только что стал невозможным в обозримом будущем - и хотя я готовился к этому, я забыл, что моя дочь все еще была, в некотором смысле, очень маленькой. Поэтому я сделал паузу. Я выбросил все остальное из головы и повернулся, чтобы упасть перед ней на колени и обнять. Она крепко обняла меня в ответ, ее тонкие маленькие ручки обвились вокруг моей шеи. Мыш перестал расхаживать по комнате, подошел к Мэгги, устроился у нее за спиной и прислонился к ней плечом.

- Ох, тыковка, - сказал я. - Я не отправляю тебя обратно. Мне лишь нужен кто-то, кто присмотрит за тобой, пока я не вернусь.

- Потому что тут чудовища?

- Похоже на это, - сказал я.

- А ты сражаешься с чудовищами?

- Когда с ними необходимо сразиться, - сказал я. Хотя иногда это было гораздо труднее определить, чем я всегда предполагал.

Ее объятия стали чуть крепче и отчаяннее.

- А если ты не вернешься?

Это была та часть, где в фильмах отец-квазигерой должен пообещать своей маленькой девочке, что с ним все будет в порядке, и велеть не беспокоиться о нем. В кино у них много дел, и они должны двигать сюжет, иначе зрителям станет скучно и они начнут чатиться.

Я не так уж долго был отцом. Но Мэгги заслуживала большего, чем быстрый репортаж и четырехсекундное объятие, пока я мучительно выглядел на камеру.

Поэтому я отодвинулся от нее и положил руки ей на плечи. Они казались очень тонкими и хрупкими, хотя я объективно знал, что она была такой же крепкой, как и любой ребенок. У нее были очень большие карие глаза и очень неуверенное выражение лица.

- Первое, ты должна знать, что твой отец - крутой сукин сын, - тихо сказал я.

Ее глаза распахнулись.

- Папа!

- Я должен говорить правду, - сказал я. - И я буду сражаться, чтобы вернуться домой к тебе целым и невредимым. Всегда. Я сильный, и я вроде как умный, и у меня есть много сильных, умных союзников, которые помогут мне. Но во-вторых, ты должна знать, что я позаботился о тебе. Если со мной что-то случится, Майкл и Черити уже согласились присматривать за тобой. Мы подписали официальные бумаги и все такое. И Мыш всегда будет с тобой. Тебя всегда будут любить. Всегда.

- Вуф, - сказал Мыш, тихо, но твердо.

- И даже если я умру, - мягко сказал я, - часть меня останется здесь. Даже если ты меня не увидишь и не услышишь, я буду рядом. Смерть не может убрать тебя с моих глаз, тыковка. Я просто буду наблюдать за тобой из соседней комнаты.

Я не шутил. Я сотрудничал с эктомантом и все такое. Если бы кому-то удалось прихлопнуть меня, у моей дочери все еще была бы одна чрезвычайно свирепая тень, присматривающая за ней во сне, защищающая ее от духовного нападения и охраняющая ее сны - и консультирующий Архангел, чтобы контролировать умственную и эмоциональную функцию этой тени.

Мало того, у нее будут учителя, которые будут ждать ее, если она когда-нибудь разовьет в себе таланты, ведущие на странную сторону улицы. Люди, которых я знал и которым доверял, которые не были сумасшедшими зимними фейри. Я поделился своими желаниями с Мэб, которая считала преданность своим обязанностям сеньора гораздо более постоянной силой, чем гравитация. Она согласилась сделать все от моего имени, если я умру как верный прихвостень - и на таких обещаниях я доверял Мэб больше, чем кому-либо еще, кого я когда-либо встречал.

Каждый папа, который любит свою маленькую девочку, взял бы такой страховой полис, если бы мог.

Я мог.

Мэгги несколько раз кивнула мне, а потом очень серьезно сказала:

- Иногда ты немного жуткий. Ты должен это знать. Обычные папы не говорят такие вещи.

Я попытался улыбнуться ей, но мои глаза затуманились.

Она обняла меня еще крепче и сказала:

- Я предпочитаю тебя. Делающего мне блинчики.

- Я тоже, - сказал я и поцеловал ее в волосы.

- Не дай им добраться до тебя, - сказала она. - Сделай все правильно и надери их... их попы.

- Когда тебе исполнится восемнадцать, - сказал я, - сможешь говорить "задницы".

Она хихикнула и кивнула мне в шею.

- Сделай все правильно? - спросил я. - Где ты этому научилась?

- От мистера Карпентера, - сказала она. - Он говорит, что делать все правильно - это первое и последнее, что должно делать каждый день. И это то, что ты всегда пытаешься сделать.

- Хорошо, - сказал я. - В этих делах он большой специалист.

- Он говорит, ты, - сказала Мэгги. - Что ты хороший человек. Лучший из тех, кого он знает.

Я ничего не сказал в ответ. Не мог. Горло сдавило. Хвост Мыша стукнулся о мою лодыжку, как пушистая бейсбольная бита.

- Гарри, - позвала Хоуп. - Мистер в переноске.

Я закашлялся, хмыкнул и поднялся.

- Ладно, ребята, - сказал я. - Берите свои вещи и держитесь поближе. Доставим вас на место.

- А что потом? - спросила моя дочь.

Я взял ее за руку и подмигнул ей.

- А потом папа пойдет на работу.

Глава 10

Я высадил девочек у дома Майкла и Черити. Я разговаривал с Майклом меньше трех секунд, прежде чем он вызвался присмотреть за Мэгги, пока я не закончу. И, учитывая, что дом отставного рыцаря Креста был неприступной крепостью против сверхъестественных сил, она будет в большей безопасности, чем где-либо еще в городе.

Единственным недостатком ангельского охранного агентства Майкла было то, что оно ничего не могло сделать, чтобы защитить его и его семью от смертных - вот почему Молли тайно купила дом, который был выставлен на продажу через улицу, тремя домами ниже, и приказала отряду Фей Зимнего двора занять позицию. Любые обычные силы, атакующие дом Карпентеров, столкнулись бы с боевым отрядом разъяренных сидхе с бронежилетами, штурмовыми винтовками, сверхчеловеческой ловкостью - и подавляющим подкреплением в пути.

У нас с Молли были схожие взгляды на защиту семьи.

Кстати, об этом.

Карлос и Совет очень скоро услышат о том, что произошло, и я не сомневался, что они захотят встретиться по поводу последствий явного покушения Белого двора на Этри накануне мирной конференции. Как только это произойдет, мне, без сомнения, добавят обязанностей - так что сейчас самое время начать присматривать за братом.

Я пошел навестить Жюстину.

Я достаточно часто навещал брата в его доме, чтобы швейцар узнал меня и впустил кивком головы. Томас и Жюстина жили в одном из самых шикарных домов на Голд-Косте.

Я подошел к квартире Томаса и постучал, и Жюстина впустила меня с теплой улыбкой и объятиями. От нее пахло клубникой.

- Привет, Гарри.

- Жюстина, - сказал я. Она была среднего роста и такого великолепного типажа, который редко увидишь на обложках журналов. Длинные волосы, ставшие серебристо-белые в начале четвертого десятка лет, большие темные глаза, бледная кожа, все настолько прекрасно, насколько вы только можете представить. Она была одета в

тонкую хлопчатобумажную мужскую пижаму, которая удобно сидела на ней, и ее волосы были свободно заплетены, с отовсюду выбивающимися прядями.

Еще не было заметно, разве что Ну, они говорят о сиянии, которое излучают беременные женщины. Они не светятся буквально, но сила ауры беременной женщины часто кажется усиленной присутствием нерожденного ребенка, горящего более ярко и заметно для тех, кто может видеть. Я не делал никаких усилий, чтобы воспринимать рассматриваемые энергии, и я не особенно чувствителен, но даже я мог видеть мерцающие, призрачные цвета, неуловимо танцующие вокруг ее головы и плеч.

Жюстина спала, когда швейцар позвонил ей, чтобы сообщить, что я иду, но даже сонной и дезориентированной, ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, что что-то не так. Она прожила долгое время в мире чудовищ, будучи немного умнее, чем казалась, и став очень, очень наблюдательной. Она взглянула мне в лицо и напряглась. Она заговорила не сразу - напротив, я видел, что ей потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки, сохраняя нейтральное выражение лица, и когда она заговорила, это был спокойный тон, который не выдавал ее эмоций.

- Что случилось?

Жюстина была милым и нежным человеком. Мне претило говорить что-либо, что могло бы причинить ей боль. Но не было ни единого варианта не причинить ей боль.

Так что я рассказал ей. Короткими фразами.

Она ошеломленно уставилась на меня огромными глазами.

- Я... - Она сглотнула. - А Лара знает?

Я выгнул бровь. Это был умный вопрос, но не тот, который я ожидал услышать от Жюстины. Когда люди узнают о том, что близкий человек находится под угрозой, их реакции редко бывают сразу рациональными - сначала идет эмоциональная реакция, так заявляет о себе страх, и только после этой непосредственной эмоциональной реакции начинает действовать логика. Томас попал в беду, и было несколько способов вытащить его оттуда. Самым разумным было бы политическое решение - и для такого рода исправления Лара была гораздо более тяжелым нападающим, чем я когда-либо мог стать.

Мой брат часто ссорился со своей старшей сестрой, что-то о неприязни к представителям власти, о которых я ничего не знаю. В последнее время, однако, он был в лучших отношениях с Белой коллегией и, следовательно, с Ларой. Ее работа состояла в том, чтобы защищать свой народ от всех желающих на политическом уровне, и вполне естественно было искать защиты от политической угрозы.

Лара так же была чудовищем. Хищником. Она могла быть очень привлекательным, очень приятным, вежливым и учтивым монстром - но только глупец мог забыть, кем она была, даже на секунду. Вы не показываете хищникам слабости. Вы не просите их о помощи. И только эти факторы должны были поставить Лару по крайней мере на второе место в списке людей запаниковавшей девушки, которые могли помочь.

Но... Лара, вероятно, была самым умным человеком, к которому можно было обратиться за помощью. Я просто ожидал, что это займет несколько минут беспристрастных рассуждений, чтобы донести это до Жюстины. Может быть, это моя вина. Возможно, я бездумно предположил, что Жюстина слишком красива, чтобы быть умной, и слишком влюблена в моего брата, чтобы быть рациональной.

Надо быть осторожнее с предположениями. При моей работе они могут тебя убить.

- Если еще не знает, скоро узнает, - сказал я. - Я сразу пошел к тебе.

Она отрывисто кивнула.

- Как он?

- Жить будет, - сказал я. Я видел его и в худшем состоянии. Однажды. Но не было смысла мучить ее подробностями. - А свартальвы - приверженцы протокола. Они не просто убьют его. Они будут соблюдать Соглашения.

- Ты уверен? - спросила меня Жюстина.

- Если бы ты знала их, - сказал я. - Ты бы не спрашивала. Я уверен.

Жюстина медленно выдохнула.

- Я... Где мои манеры? Входи, пожалуйста. Присаживайся.

- Спасибо, - сказал я и так и сделал. Квартира Томаса была выполнена в стиле ар-деко и отделана нержавеющей сталью. Это было великолепно с эстетической точки зрения, и мне жутко не нравилось.

Постоянное присутствие там Жюстины все изменило. Мебель стала мягче и уютнее, чем в прошлом, и стало больше приятного беспорядка, включая книги и множество различных ремесленных проектов, плюс появилась небольшая зона для шитья в углу, в котором раньше стояла только большая дорогушая ваза.

Я сел в угол дивана, поближе к тому любовному гнездышку, где обычно сидели Томас и Жюстина вместе.

Жюстина села на свою сторону их дивана, поджав под себя ноги, и выглядела очень маленькой.

- Это плохо, - тихо сказала она. - Не так ли?

- Это... - Я выдохнул, тщательно подбирая слова. - Противно. Это не та проблема, которую я могу взорвать или сжечь.

- Думаешь, он сможет выкрутиться? - спросила она.

Адские колокола. Если и был какой-то выход из этой ситуации, то я не представлял, как ему это удастся. У свартальвов были свои пороки и добродетели: те, кто никогда не обижает других, не видят особой ценности в прощении. Томас предал их. Они не успокоятся, пока чаша весов не будет уравновешена их удовлетворением.

- Я думаю, - сказал я, - что еще не все закончено. Вполне возможно, что эмиссар найдет способ разрешить ситуацию без дальнейших жертв.

Ее темные глаза внимательно следили за моим лицом.

- Ты думаешь, что так и будет?

- Я не знаю, - сказал я. - Мы почти не разговаривали, но Томас хотел, чтобы я приехал к тебе и убедил тебя, что он тебя любит.

Она нетерпеливо фыркнула и скрестила руки на груди.

- Если он любил меня, то почему... - Она прикусила губу и склонила голову, напускная маска дала трещину. Она вздрагивала в тишине какое-то время, прежде чем ее голос прозвучал снова, выцветший и потрескавшийся по краям. - Но почему? Почему, Гарри? Я не понимаю, почему он так поступил.

Проклятье. Я тоже не понимал. События развивались так быстро, что у меня не было времени сесть и задать себе несколько простых вопросов. Например, какого черта мой брат пытался убить короля свартальвов? Было ли это вообще тем, что произошло? Или это было только то, что произошло с точки зрения свартальвов?

Что сделал мой брат? Зачем он это сделал?

Еще больше вопросов, на которые нужны ответы. В таком случае, мне потребуется рулон газетной бумаги, чтоб все их записать.

Что ж. Ответим на несколько вопросов. Начиная с того, почему мой брат напал на свартальвов. И почему Этри все еще жив, если мой брат намеревался убить его? Что бы вы ни говорили о Томасе, он хорош в бою. Действительно хорош. Я видел, как он брался за ружье и клинок больше раз, чем мог сосчитать.

И каждый раз, когда он делал это, мой брат вступал в бой с ясным умом и намеренно. Томас умел драться, но делал это не ради забавы. Так что в этом крылся ответ на один из вопросов.

- Что бы он ни сделал, - сказал я. - У него была веская причина.

- Какая причина? - спросила она срывающимся голосом.

- Будь я проклят, если знаю, - сказал я.

- Он рассказал тебе, - сказала она. - Обо мне. Нас.

Она положила руку на живот.

- Да, - сказал я. - Эм. Поздравляю.

- Но что если он... если он не вернется домой...

Я сидел, чувствуя себя беспомощным.

- Эй... Жюстина, эй... Он все еще жив. И я позабочусь, чтобы так и было.

Она посмотрела на меня, распущенные волосы прилипли к слезинкам на ее лице.

- Ты?

О боже.

Когда она посмотрела на меня, я понял, что какая-то часть меня приняла решение, не связавшись с моим сознанием. Снова.

Я собирался сохранить жизнь моему брату или умереть, пытаюсь. Не имело значения, кто стоял на пути. Даже если это были Этри, Мэб, Лара и весь Белый Совет в придачу.

О господи.

Усиливались циклические ветра. Беспрецедентные количества акул сбивались в стаю. Студийные боссы скрывались с контрактами на сиквелы фильмов, до бесконечности.

- Да, - тихо сказал я. - Я.

Она наклонилась вперед, в ее глазах была мольба.

- Ты обещаешь, Гарри? Ты?

- Да, - сказал я. - Я. Даю слово. Жюстина.

Потом она сломалась, склонившись над руками, которыми она баюкала свой еще плоский живот, и всхлипнула.

Я не мог сесть на то место на диванчике, где должен был сидеть мой брат. Но я опустился на колени рядом с ней и обнял ее за плечи.

- Эй. Эй. Я здесь.

Жюстина обмякла и заплакала.

Глава 11

Я стоял в коридоре, после того как Жюстина закрыла за мной дверь, и чувствовал себя ужасно.

Мой брат умрет, если я ничего не сделаю.

Жюстина была разбита горем. Я мог только сидеть, как деревянный болванчик, обнимая ее и говорить: “Ну, ну.”

Моя квартира в доме свартальвов явно осталась в прошлом. Как бы ни складывались дела с Томасом, я не собирался держать Мэгги в одном здании с людьми, которые либо убили моего брата, либо жаждали отомстить ему. Так что даже если я переживу следующие несколько дней, я собирался приглядывать за движением на той стороне, что никогда не помешает.

Кроме того, были еще такие мелочи, как мирные переговоры с Фоморами, политические беспорядки внутри Белого СоветаА и возможность того, что я буду изгнан из него. Что лично меня не очень огорчало. Белый Совет был в основном головной болью всю мою жизнь, но... они также дали мне приют в своей общине. За эти годы я нажил себе немало врагов. Одна из причин, по которой они не приходили все время открыто убивать меня, заключалась в том, что Белый Совет маячил на заднем плане, хранители тайн Вселенной, мужчины и женщины, которые могли протянуть руку из любой точки мира и нанести удар своим врагам. В последний раз, когда кто-то из подписавших Соглашения наций попытался открыто напасть на меня напрямую, какой-то негодяй скинул спутник с орбиты прямо ему на голову.

Конечно, у него были свои причины для этого, но что касается всего мира, то Белый Совет говорил просто и ясно: связываясь с одним из нас, ты связываешься со всеми нами.

Если они проголосуют против меня, это покровительство исчезнет. Никто не прикроет меня, даже теоретически.

Никто, кроме Мэб.

Конечно, в определенных обстоятельствах я доверял Мэб свою спину больше, чем кому-либо из живых. Может, она и чудовище, но сдержала слово и осталась на стороне своего народа. Но даже в этом

случае я не питал иллюзий относительно того, что она хочет, чтобы я был более податлив к ее различным потребностям. Она хотела, чтобы я был злее, холоднее, темнее, безумнее, потому что это сделало бы меня более способным выполнять работу Зимнего Рыцаря. Я знал, что Мэб не сможет слишком сильно толкнуть меня в этом направлении, потому что это разозлит некоторых людей в Совете - а объединенный Белый Совет был силой, которой даже Мэб не могла бросить вызов.

Но если бы я был изгнан из милости Совета . . . Что ж. Без угрозы действий вплоть до тотальной войны, чтобы защитить чародея с хорошей репутацией, Мэб была бы свободна сделать намного больше, чем предложить мне свежие печенки, когда дело дошло бы до подталкивания меня к темной стороне.

Я постоял там некоторое время, раздумывая. Томас отправился в охоту на Этри. Это было личным? Вряд ли. Томас был, кхем, в фаворе у свартальвов. Особенно у женщин. Я не думаю, что он хоть раз даже говорил с Этри.

Тогда, было ли это как-то связано с ревностью? Может быть Томасу пришлось защищаться, или пытаться донести что-то до ревнивого дружка? Или брата?

Опять же, сомнительно. Свартальвы не понимали концепции сексуальной моногамии. Их пары основывались на общих ценностях, биологических или иных, и за пределами железного кодекса чести, когда дело касалось заботы о потомстве, они находили обычный человеческий подход к сексуальности сбивающим с толку. Если бы я сел обедать с Этри и заявил, что трахнул его сестру, Этри счел бы это замечание небрежным интересом и поинтересовался, понравилось ли мне.

Окей, я сейчас скажу кое-то немного злое - мой брат вообще не сложный парень. Ему нравится, по порядку, Жюстина, секс, физические упражнения, еда и питье, а иногда и драка с кем-то, кто нарывается. Последнее, по-видимому, не включало в себя Этри и его людей, которые, как группа, были примерно такими же угрожающими, как амиши в ваш обычный день. Так что причин, по которым Томас захотел бы убить Этри, было немного.

А может быть, он и не хотел. Предположим, что я был среднестатистическим завоевателем мира, смутьяном с манией

величия, и я хотел, чтобы Томас убрал кого-нибудь для меня. Как мне заставить его сделать это?

Очевидный ответ. Когда я уходил, она все еще вытирала слезы, которые время от времени появлялись на ее щеках.

Если кто-то угрожал Жюстине, то, по крайней мере, за ней следили. Но кто мог это сделать?

Чтобы ответить на этот вопрос, полагаю, что должен выяснить, кто наблюдает за ней, и расспросить их.

Я хрустнул костяшками пальцев и принялся за работу.

Я быстро осмотрел коридор перед их квартирой и ожидаемо ничего не нашел. Лара и ее охранники уже осмотрели это место, а мой брат унаследовал остатки маминого могущества. Он не был даже близко похож на чародея, но у него было достаточно сил, чтобы разбираться в магических схемах, и было бы чертовски трудно шнырять по этому коридору, накладывая заклинания для слежки в течение часа или двух, оставаясь незамеченным.

Я провел второй, более тщательный осмотр, чтобы быть уверенным, а затем пошел наружу, медленно, с открытыми чувствами, чтобы воспринимать любые магические силы, которые могли бы тут присутствовать. Я даже быстро посмотрел на швейцара Зрением - опасной практикой открытия разума перед сырой энергией мироздания. Зрением ты видишь вещи такими, какие они есть, и запоминаешь все, что видишь, и никакие чары не могут от этого скрыться.

У меня ничего не было. Швейцар был чист, говоря магическим языком, или, по крайней мере, не пострадал от психической атаки, которая могла бы его принудить. Кто-то мог бы так же легко его подкупить, предположил я, хотя был уверена, что люди из Службы безопасности Лары достаточно хорошо прикрыли бы его. Черт возьми, если уж на то пошло, я предположил, что швейцар был одним из людей Лары. Это было бы вполне в ее стиле.

Поэтому я отправился на поиски снаружи, так же чутко реагируя как на любые магические проделки, так и на любую обиденную подозрительную активность. Я осторожно обошел здание, все мои чувства были открыты, и нашел... абсолютно ничего.

В этом не было никакого чертова смысла, поэтому я проделал это снова, только медленнее и тщательнее, не закончив до полуночи. По-

видимому, вокруг было очень много ничего. Но, по крайней мере, мне потребовалось полтора часа, чтобы определить это.

Я прорычал что-то себе под нос, повернулся, чтобы снова уйти, и приготовил Зрение, чтобы быть абсолютно уверенным, что ничего не пропустил.

- Когда собака слишком сильно гонится за запахом, - сказал мужской голос позади меня, - она не следит за своим собственным следом. Чародей должен быть лучше.

Я совершенно не подпрыгнул от неожиданности. Ни чуточки. Я спокойно повернулся и с огромным достоинством посмотрел на говорившего со стоическим спокойствием, и никто из вас не может доказать обратное.

Я обернулся и увидел Эбинизера, выходящего из-за завесы с обрубок посоха в руке. Он смотрел на меня довольно долго, его морщинистое лицо было лишено каких-либо эмоций.

- Немного поздно становиться вашим учеником теперь, сэр, - сказал я.

- Ты удивишься, - ответил старик. - Хосс...

- Занят, - резко сказал я. - Работаю. Как вы меня нашли?

Старик стиснул зубы и с минуту смотрел в никуда.

- Гарри, о Томасе Рейте ходят слухи. Как только я узнал, кого удерживают свартальвы, я решил, что ты будешь в одном из двух мест. Это было первым.

- Если хотите стать детективом, можете год поработать у меня подмастерьем, - сказал я. - Если моя лицензия еще действительна. Честно говоря, я был слишком занят, чтобы уделять Чикаго столько внимания, сколько он считает нужным.

- Хосс, Томас Рейт не твоя забота, - сказал Эбинизер.

Черта с два не моя.

- Черта с два не моя, сэр, - сказал я. - Я обязан ему жизнью, несколько раз.

- Дело не в этом, мальчик, - сказал Эбинизер, с трудом сохраняя спокойствие в голосе. - Это не о правильном и неправильном. Речь идет о власти и территории.

У меня болели ноги. И я не ребенок, чтобы выслушивать лекции о том, как устроен этот проклятый мир.

- Знаете, забавно, как часто я слышу, что люди, которые собираются сделать что-то ужасное, говорят о правильном и неправильном, - сказал я. - Это словно, как если бы они знали, что собираются сделать что-то ужасное, и просто не хотят столкнуться с какими-либо негативными последствиями, связанными с их выбором.

Мускулы у основания челюстей старика вздулись так, что стало казаться, будто он контрабандой перевозит грецкие орехи.

- Прошу прощения?

- Он мой союзник, - сказал я. - Мой друг. Я помню, как вы когда-то рассказывали мне о том, как надо отвечать на преданность. Что когда вы получаете ее, вы должны ответить тем же, иначе можно начать смотреть на этих людей, как на вещи, которые можно использовать.

- Я говорил как на монеты, которые надо потратить, - отрезал старик, и в его голосе чувствовался жар. Что было признанием того, что я был прав, помимо прочего.

Мы обменялись взглядами, и выражение его лица сказало мне, что он знает, о чем я думаю, и это разозлило его еще больше.

- Ты думаешь, что знаешь мир, - сказал старик. - Ты еще только начинаешь. Ты еще не видел, как это бывает. Как это может быть плохо. Как жестоко.

Я вспомнил лицо Сьюзен. В самом конце. И ярость, которая прошла сквозь меня, была раскаленной и странно далекой, как увидеть фейерверк из пролетающего самолета. До меня донесся запах древесного дыма, и аллея внезапно наполнилась золотисто-зеленым светом от рун моего посоха.

- Может быть, я что-то видел, - ответил я, и мой голос звучал совершенно спокойно.

Морщины на лице старика стали плотнее и глубже при резкой смене освещения, лицо его потемнело, а голос стал мягким и молящим.

- Ты опустил ноги в воду и думаешь, что знаешь океан. Боже мой, мальчик, надеюсь, ты никогда не увидишь того, что видел я. Но если ты будешь продолжать в том же духе, то получишь что-то еще хуже. Я пытаюсь защитить тебя от ошибок, которые чуть не убили меня. Это убило так много людей, о которых я заботился.

Я подумал о Кэррин. О Никодимусе, умышленно, эффективно ломающем её тело. Насовсем. Это была одна из тех тихих, околосимних ночей. Я был достаточно близко, чтобы услышать, как рвется хрящ.

Руны на моем посохе начали чернеть, и зрачки сузились.

Внутри моей головы голос Кэррин тихо предупреждал меня о том, что ссоры с семьей причиняют гораздо больше боли. Но голос моего гнева был гораздо громче. К этому времени Зимняя мантия была настороже и заинтересовалась происходящим, посылая толчки адреналина в мой организм, готовя меня к бою.

Я вложил в свой голос столько гнева, сколько смог, это был мой единственный выход.

- Сьюзен испробовала твой вариант. И если бы они были умнее, а не одержимы жадной мести, Красная коллегия могла бы убить Мэгги в тот же день вместе с ее матерью, тобой и мной. Так что расскажи мне еще раз, какой это замечательный план - отослать ее.

- Тебе вообще не следовало вмешиваться в дела вампиров, - прорычал Эбинизер. - Боже мой, мальчик. Разве ты не видишь, что натворил?

- Я поступил правильно, - выплюнул я.

- Как это справедливо с твоей стороны, - парировал старик. - Я уверен, что это большое утешение для семей тех, кто был убит, чтобы ты мог оказаться правым. - Он в отчаянии ударил концом посоха по земле, и в бетоне вокруг него появились трещины. - Черт возьми, парень. Длительные последствия твоих действий стоили жизней. Они продолжают стоять жизней. И если ты сделаешь это, если ты защитишь этого вампира, у тебя не будет никаких шансов сохранить защиту Белого Совета.

- Если я поступлю правильно, они бросят меня на съедение волкам, да?

- Глянь в зеркало, - резко сказал Эбинизер. - Ты и есть волк. В этом-то все и дело.

Эти слова словно врезали мне поддых.

И все стихло.

Остался только звук моего хриплого дыхания.

- Когда Красная Коллегия забрала Сьюзан, - наконец сказал я, - Белый Совет решил, что я должен не делать ничего.

Не знаю, как это прозвучало. Но старик посмотрел на меня с таким выражением, какого я никогда раньше не видел на его лице. А потом он медленно-медленно затоптался на каблуках, расставив ноги, и его взгляд сфокусировался на середине моей груди.

- Когда они забрали Мэгги, - сказал я, и у меня перехватило горло.
- Белый Совет заставил бы меня сделать то же самое.

- Это другое, - сказал Эбинизер, и в его голосе прозвучало явное предупреждение. - Вампир вовсе не невинен. Он пролил первую кровь. Весы будут уравновешены. От этого никуда не деться.

Я не помню, как вызвал свой щит, но мой браслет с медной лентой внезапно засверкал зеленовато-золотыми искрами и был готов к бою.

- Его использовали.

Старик передернул плечами, поднял левую руку с растопыренными пальцами. Он не утруждал себя игрушками, как я, за исключением своего посоха. Когда главному драчуну Белого Совета требуется щит, он желает, чтобы так оно и было. Никаких безделушек не требуется.

- Это не то место, где у нас есть власть, - настаивал он, словно пытаясь просверлить словами насквозь мой толстый череп. - Он не из наших.

- Он один из моих! - закричал я, ударив своим посохом, и огонь зашипел там, где он ударился о землю, вспыхнув огненным кругом, который оставил черное кольцо, выжженное на бетоне.

Старик сердито посмотрел на меня и выпятил челюсть.

- Парень, скажи мне, что ты не настолько глуп, чтобы попробовать это.

Зимняя мантия немедленно потребовала крови, вызова, насилия.

Я начал набирать силу.

Старик почувствовал это и сделал то же самое.

Вселенная слегка развернулась в его сторону, едва заметный изгиб света, незначительное колебание гравитации, дрожь в самой земле, когда Эбинизер пил энергию из самой земли. Вот насколько больше силы старик впитывал, чем я.

В моей голове все, что я мог слышать, это крик Мэгги. Ей часто снились кошмары о том, как Красная коллегия пришла за ее приемной семьей. И он хотел поставить интересы Совета выше этого? Выше её?

- О, я более чем глуп, - сказал я сквозь стиснутые зубы.

И вот тогда каждый волосок на моей шее внезапно встал дыбом, до самых пяток. Мурашки пробежали по всему моему телу, и первобытная, первозданная волна абсолютного ужаса пронеслась через мой рептильный мозг, полностью вытеснив все рациональные мысли в моей голове.

Для чародея это... далеко от идеала. Контроль над нашими собственными мыслями и эмоциями жизненно важен. В противном случае, всякие ужасные вещи могут случиться. Первый урок, который получает каждый практик - это как успокоить и сфокусировать свой ум. И перед лицом этого бессмысленного страха я побежал на первый урок, позволив эмоциям утихнуть, ища спокойствия, терпения, равновесия.

Я не получил ничего из этого. Но этого было достаточно, чтобы я отогнал ужас и начал вырабатывать некоторую степень рациональной мысли.

Это не было результатом какого-то случайного вихря энергии. Сосредоточенный ужас был не чем иным, как психическим расстройством, психической атакой, психическим эквивалентом пронзительного крика, достаточно громкого, чтобы лопнули барабанные перепонки - и что бы это ни было, этого еще не было видно.

В спящем городе вокруг меня сотни или тысячи людей только что были схвачены когтями кошмаров преследования и бессмысленного страха. Те, кто не спал и не знал, с чем имеет дело, могли истолковать это как кратковременную пугающую галлюцинацию, мигрень или просто головокружение.

Старик пришел в себя быстрее меня, и к тому времени, когда я прочистил голову, он уже смотрел в ночь, стиснув зубы.

- Это то, что я думаю? - спросил я его дрожащим голосом.

- Иные, - мрачно подтвердил он. - Кто-то только что им свистнул.

- Супер, - сказал я. - Мне бы хотелось хоть раз ошибиться в таких вещах.

Старик фыркнул.

- Если бы ты был Иным, что бы ты делал в Чикаго накануне большой мирной конференции?

Вопрос был почти бессмысленным. Иные были существами из-за пределов реальности, из-за пределов нашей Вселенной. Они не были людьми. Они и близко не походили на людей. Они были отвратительны, и они были опасны, и они... они были слишком чужими, чтобы их можно было понять. Есть Иные, которые хотят съесть твое лицо, а есть и остальные, которые не занимаются подобными глупостями.

Возможно, это демоны. Но демоны, вызванные смертными, - единственный способ для них проникнуть в нашу реальность. У них всегда есть смертная цель, и не всегда рациональная.

- Попытался как-то помешать этому, - предположил я. - Если старейшина Совета был разорван на части чудовищами, это склонит вину на сторону фоморов.

- Определенно плохой способ начать переговоры, - согласился Эбинизер. - И я не думаю, что мы....

Внезапно он замер и на что-то уставился.

Я проследил его взгляд.

В углу переулка, где один из карнизов здания образовывал темный альков, на пересечении земли и двух стен появились голубые полосы света.

- Ох, адские колокола, - выдохнул я. - Это то, о чем я думаю?

- Вероятно, - проворчал старик, оглядываясь по сторонам. - Насколько хорошо ты знаешь этот квартал?

- Это Чикаго, - сказал я.

- Хорошо. Нам нужно место без людей или чего-то такого, что может загореться.

Я посмотрел на него и сказал:

- Это Чикаго.

Свет в углу странно перемещался, извивался, закручивался в спирали, которые должны были существовать только на картинах Эшера. Камень здания искривлялся и растягивался, а затем заколебался и вскипел как тесто для блинчиков, и что-то начало появляться из камня на пересечении трёх линий света. Моя грудь внезапно завибрировала, словно я стоял в бассейне напротив сливной трубы, и приступ тошноты чуть не сбил меня с ног.

То, что проникло в наш мир, было размером с лошадь, но ниже, длиннее и стройнее. Оно было с виду похоже на собаку, в целом -

четвероногое, ноги более-менее похожие, а вот все остальное какое-то неправильно. По бокам тянулись ряды коротких мощно выглядящих щупалец. Более тонкое и длинное щупальце извивалось хлыстом там, где должен был бы быть хвост. Ноги были широко расставлены, напоминая в целом орлиные когти, приспособленные хватить добычу, а там, где должна быть голова было ничто иное, как огромное гнездо с еще большим количеством щупалец. У него было что-то вроде шкуры, состоящей из слизи вместо меха, и плоти, хлюпающей о плоть.

- Гончие, - сказал Эбенизер с чистым отвращением в голосе. - Проклятые штуки.

Старик выглядел усталым и упрямым, как камень, сопротивляющийся морю со времен последнего ледникового периода. Его выражение лица было раздраженным.

Но потом я заметил одну из самых ужасающих вещей, которые я видел в своей жизни.

Руки Эбенизера МакКоя тряслись.

Конец его посоха дрожал вместе с ними.

Мой наставник, мой учитель, самый опасный чародей на планете был напуган.

Он встал между псом и мной и поднял левую руку, пока тварь застыла на мгновение, роняя слизь на землю. Дюжины маленьких ртов с зазубренными зубами открылись по бокам, ловя жаркий летний воздух так тяжело, словно он был чем-то, чем эти существа могли дышать только частично.

Затем гончая пригнулась, её тело змеиным движением обратилось против нас. Группа щупалец вокруг её головы начала дрожать и колебаться в странном ритме, движения становились всё более и более энергичными, и из этого существа вырвался странный стонущий звук, стремительно спускающийся по шкале слышимого диапазона, пока все щупальца не взвились в едином быстром движении, и внезапно не полетели вперед со звуком таким глубоким, что я скорее почувствовал, а не услышал его.

Старик поднял руку с одним резким словом, и стена чистой магической силы вспыхнула между нами, её поверхность была покрыта сигилами, формулами и рунами, которых я никогда прежде не видел, стена такой плотности и сложности, что я впервые за долгое время почувствовал себя юным и неуклюжим.

Что-то ударило стену с видимым эффектом, посылая рябь преобразовываемой энергии по поверхности, внезапно сделав её непрозрачной, с распространяющимися концентрическими кругами, и земля задрожала так резко, что загудела и защекотала подошвы моих ног прямо сквозь подошвы ботинок.

Эбенизер крикнул:

- Концентрированный огонь действует лучше всего!

А затем вспыхнул свет, громынуло, и невидимое цунами подхватило меня и сбilo с ног.

Упав, я увидел, как защитная стена старика разбилась, когда тысяча фунтов Иного прорвалось через неё. Осколки света разлетелись во всех направлениях, когда когти гончей разорвали щит на кусочки. Освободившаяся энергия была громадной, там, где она коснулась пса, на плоти гончей появились огненные пятна в форме рун, но существо затрясло головой, сбрасывая пламя словно воду, и хлестнуло старика когтем с невообразимой быстротой.

Я лежал, ошеломлённый, но Эбенизер уже участвовал в этом танце раньше. Старик не пытался ставить на скорость против Иного. Он уже уходил с пути когтей, когда существо только решило атаковать, и оно промахнулось на несколько дюймов. Гнездо щупальцев, растущих из шеи существа, зазмеились в сторону старика и за ними последовало тело гончей.

Старик поднял правую руку над головой и опустил её с другим звонким словом, невидимая сила обрушилась на гончую сверху, как свая. Но когда магический удар достиг цели, шкура гончей зашевелилась тошнотворной волной, щупальца замерцали. Раздался оглушительный скрежет, и бетон вокруг ужасающего пса превратился в гравий, хотя пёс лишь пошатнулся.

Прежде, чем Иной смог восстановиться, старик поднял конец посоха на шесть дюймов над своей головой, прокричал слово и высвободил луч огня, не толще нити и ярче долбанного полуденного солнца.

Гончая перекатилась, и вместо того, чтобы разрезать существо пополам, заклинание моего деда отрезало маленькие несколько щупальцев по бокам существа и две трети его хвоста.

Несколько щупальцев Иного, дико дрожа, устремились к Эбенизеру, и хотя я не мог что-то слышать, воздух дрожал как

колонки на большом концерте, воздух вокруг них колыхался от чего, то похожего на волны летней жары на асфальте.

Край этого конуса дрожащего воздуха, исходившего от щупалец Иного, задел моего деда. Старик коротко удивленно вздохнул, пошатнулся и рухнул.

Внезапный ужас за деда обрушился на меня, смешавшись с растерянностью и гневом, возникшими мгновения назад, как бензин смешивается с нефтью.

И Зимняя мантия радостно бросила спичку.

Я ткнул в существо концом своего посоха и крикнул:

- Forzare!

Ещё раз гончая пригнулась, щупальца задрожали, но огненное заклинание старика сожгло половину из них, и с этой стороны моё заклинание врезалось в пса как разогнавшийся Фольксваген. Раздался удар и тысячефунтовый Иной пошатнулся, сделав несколько шагов в сторону, царапая когтями бетон в попытке сопротивления. Эта штука была невероятно могущественной.

Правильно. Видите ли, сверхъестественная сила- это то, что можно эффективно использовать, если упираешься в землю или какую-то поверхность, иначе, нанося сверхъестественный удар или швыряя тягач, всё, что вы делаете, - это отбрасываете себя назад. Выведите кого-то суперсильного из равновесия или поднимите от земли, и он будет и близко не так опасен, как был секунду назад.

Так что пока гончая еще скользила по бетону, я призвал свою силу, собрал её в маленькую точку, ясно сфокусировался на цели и крикнул "Forzare!" снова, и отправил тварь прямиком от земли. Когда она взлетела, я снова отчаянно собрал энергию, ожидая, когда линия моего выстрела поравняется с раненым Эбенизером боком существа. Когда оно упало на землю, я сфокусировался и крикнул снова, освободив даже ещё больше энергии.

В этот раз телекнетический удар врезался в тварь как какой-то громадный бульдозер, и она отлетела вниз по улице через ближайший переулок и скрылась из вида. Мгновение спустя в отдалении я услышал как нечто врезалось во что-то, что звучало как почти пустая городская мусорка

Я пошатнулся, внезапно почувствовав головокружение и усталость от выполнения трёх энергоемких заклинаний один за

другим. Я споткнулся, и мне пришлось опереться на свой посох, чтобы не упасть, но я добрался до Эбенизера и помог ему сесть.

- Что случилось? - спросил я его.

Его голос звучал грубо:

- Инфразвуковая атака. Как рёв тигра. Супер низкие ноты, ниже того, что может услышать человек, способный заставить твои органы вибрировать. Может иметь несколько эффектов... - Он осоловело моргнул несколько раз и затем сказал: - Адское дело, попытаться его остановить. Помоги мне встать.

Я пьяно помог: - Насколько круты эти твари?

- Очень, - сказал он. Он поднял посох и моргнул ещё несколько раз, затем огляделся и кивнул: - Чертовски трудно убить.

- Значит, у нас мало времени, - сказал я.

- Вдали от чужих глаз и свободное от людей.

- Поземная парковка менее, чем в кварта отсюда, - сказал я. - Сюд...

Мой задыхающийся голос умолк.

Потому что внезапно углы всех зданий вокруг нас начали светиться голубым огнём.

- Звёзды и камни, - выдохнул старик. - Они послали всю стаю.

- Надо добраться до моей машины, - сказал я.

- В твоей машине есть прямые углы? - спросил Эбенизер. - Потому что, если есть, эти твари придут к нам прямо через приборную панель или задние сиденья. - Он потрянул головой. - Наш единственный шанс - связать и изгнать их. Пошевеливайся, мальчик, веди нас на ту парковку.

Здания вокруг нас выгибались и искривлялись и глубокий низкий звук начал опускаться ниже диапазона человеческого слуха.

- Чем быстрее, тем лучше, - сказал старый чародей.

- Точно, - ответил я и заставил своё усталое тело начать движение. - Идём.

Глава 12

Мы бежали и гончие преследовали нас.

Я не был уверен, как много из них сели нам на хвост. Их было больше полудюжины, но меньше двадцати. Они издавали странный легкий скрежет и выбивали облачки искр, двигаясь по бетону, когда их острые как сталь когти касались земли. Они цеплялись за стены зданий как огромные пауки, те же когти вгрызались к кирпичи и бетон, легко выдерживая их вес.

Я вёл нас вниз по переулку в противоположную сторону от места, куда я швырнул первую гончую, через улицу и затем вниз по переулку за ним.

- Они следуют за нами на расстоянии, - заметил я. Всё это кардио в последнее время сослужило мне хорошую службу. Моё сердце работало, я тяжело дышал и едва замечал это.

- Они осознают, что мы опасны, - старик задыхался. - Они ранее не имели дел с нашей реальностью или существами, которые могли бы причинить им вред. Это заставляет их колебаться.

- Сюда, - сказал я и свернул ко въезду на подземную парковку, махнув в сторону деревянного шлагбаума, пропускающего машины. Я замедлился достаточно, чтобы старик меня догнал. Ему бег давался не так легко, как мне.

Позади нас, гончие... не столько скакали, сколько передвигались рывками, будто им приходилось останавливаться, чтобы обдумать каждое следующее движение, прежде чем совершить его. Они были убийственно быстрыми при движении, абсолютно размытыми от скорости, но когда они останавливались - они были неподвижны словно статуи, не считая мельтешения щупалец на боках. На ком-то одном из них это выглядело бы глупо. Но когда ты видишь эти стремительные, внезапные движения чертовой дюжины или около того, это нервирует. Что-то было в этих движениях исключительно примитивное, как у рептилий, или даже насекомых. Это выглядело бы жутко, будь гончие размером с собак. Но когда они размером с лошадь - это просто ужасает.

- Лучше всего огонь, - продолжил старик, угрюмо поспевая за мной. - Что-то магическое они могу стряхнуть более или менее успешно. Естественный огонь отлично с ними справляется.

- Какая разница, какой источник у огня? - спросил я.

- Разница в том, что всё, что мы создаём своей волей, они могут по большей части стряхнуть, - сказал он. - У меня нет времени проводить для тебя семинар на тему намеренного и естественного воздействия на вселенную, пока ты не завершишь мой курс "Почему это чертовски глупо - доверять вампирам".

Подземная парковка была построена под жилым домом над нами, так что верхний ее уровень был практически заполнен. Места для масштабной битвы тут не было, что означало, что наш путь лежал только вниз. Как правило, когда ты убегаешь от чего-то, двигаться вверх или вниз - плохая идея. Чем выше или ниже ты забираешься, тем меньше у тебя остается путей к отступлению, а когда тебя кто-то преследует, оставлять как можно больше путей отступления открытыми - это отличный способ остаться в живых.

Я бросил на старика обеспокоенный взгляд, спускаясь вниз. Он огляделся вокруг и пришёл к тому же выводу, что и я: - Ничего не поделаешь, Хосс. Вниз.

- Нет нужды втягивать Белую Коллегию в это, - сказал я ему, спускаясь первым. - Они еще не вовлечены.

- Ты здесь в первую очередь потому, что ты решил, что защищаешь любовницу вампира, - проворчал старик. - И к твоему сведению, они призвали этих тварей и послали их за тобой.

Я бросил взгляд назад на первых двух-трёх гончих, скользивших вокруг по углам пандуса позади нас и испускавших дрожащие в груди звуки. Перед нами, там, где стены, крыша и пол образовывали угол, начал сиять болезненный голубой свет.

- Не в стиле Лары, - выдохнул я, ведя нас на уровень ниже. - Она действует скрытно в политике, но с личными врагами она более открытая. Если бы она захотела моей смерти, она бы пришла ко мне с ножом. В этом формате она прямолинейная.

- До тех пор, когда она вдруг перестанет такой быть, а ты уже будешь достаточно мертв, чтобы пожаловаться, что вампиры стали скрытными, - проворчал Эбенизер.

Мы вышли на нижний уровень парковки. Он был почти пуст. Мы были близки к концу твёрдой почвы в этой части города: самые низкие углубления бетона были заполнены водой, от которой исходил застарелый запах плесени и грибка. Мы были на уровне воды озера или чуть ниже.

- Места вроде этого не слишком хорошо реагируют на взрывы и всякое такое, - заметил я, оглядевшись.

- И оно недостаточно низко, чтобы получить достаточно воды, чтобы погрузиться в неё, - добавил он. - Хорошо, мальчик. Время начать учить тебя этим делам со звезднорождённым.

Я моргнул и чуть не споткнулся о собственные ноги.

- Пойдите-ка, что? Вы собираетесь начать говорить об этом... сейчас?!

Он раздражённо стукнул меня по плечу.

- У нас есть может быть полминуты. Ты хочешь прогуляться по аллее воспоминаний?

- Чёртовы чародеи, - пожаловался я, потирая плечо. - Ладно, расскажите мне.

- Каждые два-три поколения чародеев, - сказал Эбенизер, - звёзды выстраиваются в нужную линию, и в течении нескольких часов прожектором проходят по земле. Любой ребёнок, рожденный под этим светом...

- Звезднорождённый. Я понял, - сказал я. - Но что это значит?

- Силу против Иных, - прорычал старик. - Среди прочего, их разум не может быть магически испорчен при контакте с чем-то Извне. Что означает...

Мои глаза расширились.

- Адские колокола, - выдохнул я.

Видите ли, когда что-то приходит извне в нашу повседневную реальности, есть всего несколько способов взаимодействия с ними. В первую очередь, они на самом деле не здесь, в физическом смысле. Они приходят из-за границ мира смертных, и это означает создание тела из эктоплазмы и насыщение его достаточным количеством энергии, чтобы служить своего рода аватаром или дроном для сверхъестественного создания, которое всё ещё остаётся в безопасности в домашней реальности. Это то, что сделали гончие, когда они пришли в Чикаго возиться с нами.

Сражаться с чем-то вроде этого обычно сложно. Тела, в которых они обитают, обычно не нуждаются в таких вещах, как, например, чувство боли, и требуется вкладывать значительное количество дополнительной энергии, чтобы удар попал в цель. Сражаться с ними физически, вынуждает вас разрушать структура их тела, ломая суставы и кости до тех пор, пока они просто не перестанут работать.

Для любого существа с физическими размерами и выносливостью этих гончих, намного проще связать и изгнать их - просто противопоставить свою волю против их, и изгнать их из тел, которые они создали, когда пришли сюда. Но это было всё равно, что вывалить свой мозг в туалете автобусной станции: вы просто не знаете, что подцепите, и чародеи часто путающиеся с Иными (или даже более странными существами из нашей собственной реальности) , как правило становились несколько ненормальными из-за загрязнения прямым контактом с чужеродным, нечеловеческим разумом. Вот почему есть целый Закон Магии о выходе за пределы Внешних Врат.

Но если я был защищён от подобного влияния...

Это и была причина, почему Немезида, например, открылась мне, но никогда на самом деле не атаковала меня в попытке взять контроль над моими мыслями и действиями? Потому что на самом деле не могла? Это имело смысл, учитывая мой предыдущий опыт столкновений с Иными, когда другие были обездвижены их атаками, пока я всё ещё был способен действовать. Это означало, что я не только могу сопротивляться их влиянию, но и мог противостоять этим тварям, разум против разума, без страха короткого замыкания в мозгах.

Старик подразумевал, что я изгоню их, поймав в круг и выставив прямо из нашей реальности.

- Как мы собираемся собрать их в круге? - спросил я.

Эбенизер прислонил посох к своему телу, достал из комбинезона складной нож и ответил: - Ловушка.

Он вонзил нож в свою руку и провернул, кровь небольшой струйкой потекла из раны и закапала на землю. Первая из гончих появилась на верху пандуса позади нас и испустила пронзительным стон, её щупальца задрожали в такт падающим каплям. Она продвинулась на несколько футов к нам размытым пятном, а затем снова застыла как какой-то причудливый глубоководный хищник.

- Итак, вот и упражнение, - сказал Эбенизер, передавая мне нож. Если ему и было больно, это не сказывалось на его голосе. - В первую очередь защитный круг. Действует одновременно. Запах крови сведёт их с ума, и они будут пытаться достать меня. Пока они это делают, ты рисуешь круг, активируешь его, и затем изгоняешь их. - Он взглянул на меня. - И просто, чтобы я был уверен, что ты усвоил урок, пожалуйста, обрати так же внимание на то, что ни один из пунктов этого плана не включает вампиров.

Углы на нижнем уровне парковки начали мерцать болезненным голубым светом.

- Сэр, - прорычал я, принимая нож. Я наклонился и быстро обошёл нас по кругу, кончик ножа царапал бетон, пока я не получил замкнутую фигуру, которая выглядела более-менее как круг. Я вошёл в него, коснулся линии и напряг волю, почувствовав, как магический круг возникает вокруг нас словно невидимая стена энергии. - Бывает подходящее время и место для всего. Но не сейчас.

Я протянул ему нож за рукоять. Старик сжал кулак несколько раз, чтобы убедиться, что кровь продолжает капает. Затем он сложил нож и убрал его, взял посох и поднял его обеими руками вертикально, держа параллельно позвоночнику, осторожно удерживая его внутри круга. Гончие начали прорываться в наш мир. Ещё полдюжины присоединились к ним, спустившись по пандусу беспорядочными скачками, а затем просто сели и стали ждать.

- Уверен? - спросил он. - Может мы перекинемся парой слов с твоими верными союзниками-вампирами, которые находятся здесь в час нужды?

Я посмотрел на него:

- Это дешёвый трюк и ты это знаешь.

- Одиннадцать, двенадцать, - считал старик, - тринадцать, ага. Вся стая здесь. Теперь это становится серьёзным.

- Думаешь эти твари умные?

- Чертовски умные, - сказал он. - Но настолько целеустремлённые и чуждые, что трудно сказать.

- Тогда они попытаются остановить меня, когда я буду рисовать круг, - сказал я. - Нам нужна дымовая завеса, но у них нет глаз. Ведь нет? У них нет глаз на затылке или чего-нибудь в это роде?

- Ты не хочешь этого знать, - ответил старик.

Внезапно три гончие переместились совсем близко к нам, размахивая щупальцами. Одна из них врезалась в границу круга. Последовала вспышка света, серия злобных огненных искр, и дрожащая басовая нота боли, а затем три гончие снова замерли. Одна из них с поджаренным щупальцем, была не более, чем в паре футов от меня.

Я сглотнул и окинул взглядом круг. Магический круг защищал от всех существ, призванных в мир смертных, включая Иных, но если любой твёрдый предмет пересечёт царапину на бетоне, круг рухнет, и мы окажемся во власти этих тварей.

- Но они ориентируются по звуку? - спросил я.

- Как летучие мыши.

Гончая возле меня поднялась на задние лапы, щупальца, дрожали, словно ища способ обойти энергетическую завесу круга. Когда кончики щупальцев коснулись круга, раздался резкий хлюпающий звук, и они отскочили в маленькой вспышке искр с тихим стоном боли.

- Никаких зубов, - заметил я, моё горло пересохло. - Просто из нездорового любопытства, что случится, если они, эээ... доберутся до нас?

- Они утащат нас в один из этих углов, - сказал Эбенизер, - и перенесут нас туда, откуда они пришли.

Я сглотнул.

- И что потом?

Старик выглядел немного обеспокоено и сказал то, что для чародея было сродни ругательству: - Я не знаю.

Я моргнул и почувствовал, как мои глаза расширяются. - О, - я снова сглотнул и сказал: - Это довольно серьёзные существа. Я не уверен, что смогу захватить их всех за раз.

- Здесь нет нескольких существ, - сказал он. - Только одно, которое бежит тут в разных телах. Пакетная сделка, Хосс. Ты не можешь изгнать одного, не изгнав их всех.

Я посмотрел мимо Эбенизера туда, где был припаркован старый пикап, единственная машина на нижнем уровне.

- Тогда мы должны усилить давление, - сказал я, кивая на старый грузовик.

- Кольцо огня? - спросил он.

- Кольцо огня, - сказал я. - Чёрт, было бы у меня вед...

Чихание застало меня врасплох. Оно появилось из ниоткуда и было громче, чем должно было быть, мой голос сорвался на середине. Последовал прилив напряжения и энергии, головокружительная вспышка непроизвольно затраченной магической энергии, и слишком много эктоплазмы вышло из моего носа.

Раздался стук и оцинкованное стальное ведро на пять галлонов упало на землю у моих ног и покатилося. Эбенизер выругался и воткнул свой посох в ведро, пригвоздив его к земле за дюйм или два прежде, чем оно смогло нарушить круг и убить нас.

- Ведро, - неубедительно закончил я. Мои ноздри были полностью забиты эктоплазмой. Тьфу. - Простите. Исчезнет через секунду.

Старик моргнул, уставившись на ведро. - Адские колокола, мальчик. Призывалки? В твоём возрасте?

- Призыв-что? - спросил я.

Старик поднял правую руку, прошептал слово, его пальцы сложились в сложной небольшой последовательности, ведро окутал прилив воли старика, и вместо того, чтобы растаять и исчезнуть в эктоплазме, оно осталось твёрдым, когда старик наклонился и поднял его. - Призывалки. Я рассказывал тебе о них.

- Нет, не рассказывали, сэр.

Старик нахмурился. - Ты уверен? Может ты просто не слушал. Как с вампирами.

- Ты серьёзно? Правда? - Требовательно спросил я, ткнув рукой в надвигающийся на нас ужас из щупалец. - Прямо сейчас?

- Он сунул мне ведро. - Каждый раз, когда ты с ними связываешься, ты обжигаяешься, - сказал он. - Мальчик, когда ты собираешься включить свою голову?

Я забрал у него ведро.

Внезапно, без звука, без всякого сигнала, все псы согнулись в одинаковой стойке, и их щупальца начали вибрировать одновременно.

- Иди! - прогремел Эбенизер. - Быстро!

Правильно. Пока включить голову. Может быть гончие и не могли физически достать нас, но все тринадцать тварей обрушат на нас чистый физический бас все одновременно, я абсолютно уверен, что мы не выйдем с этой парковки.

В идеальном мире, я смог бы сломать круг, сделать себя невидимым для врагов, просто проскользнуть мимо них и позволить

старика удерживать их внимание, пока я рисую круг.

Но вместо этого мне пришлось довольствоваться розыгрышем на день рождения, который я приготовил для Баттерса.

Для начала, выйти из круга.

Как только я это сделал, гончие напряглись, их мышцы и усики задрожали.

В то же время, Эбенизер начал отступать, чтобы прижаться спиной к ближайшей колонне, поддерживающей парковку, даже возведя новую стену невидимой энергии позади себя. - Подходите, огромные уродливые звери.

Щупальца гончих на головах вспыхнули, последовав за стариком, загрохотали, завибрировали, и дозвуковые раскаты грома наполнили воздух, моя голова закружилась.

Я встал, собрал свою волю, поднял правую руку, растопырил пальцы и зарычал: - Consulere rex!

Заклинание не было ужасно сложным. Оно в основном имитировало гудок. Только... немного больше. И оно играли мелодию.

Ладно, слушайте. Вам придётся поверить мне, чёртов рёв тиранозавра рекса, играющего "С днём рождения тебя" на полную громкость, это абсолютно подходящий подарок для Уолдо Баттерса.

Звук, наполнивший гараж, не был похож на рожок. Или на оркестр. Или на гудок поезда. Он, фактически, был на уровне 160 децибел. Не 165, потому что когда я попробовал так много, у меня разбились все стаканы на кухне, а мои волосы загорелись.

Я не шучу.

Для записи, это примерно такая же интенсивность звука, как при взлёте пассажирского самолёта. А теперь представьте какого находиться в относительно маленьком, незакрытом, звукоотражающем пространстве с таким огромным количеством шума.

Нет, не надо. Если вы никогда так не делали, вы не сможете представить.

Звук походил не столько на шум, сколько на то, что его бросили в огромную бочку нефти. Мгновенно я почувствовал, что не могу сделать нормальный вдох. Я чувствовал давление на кожу и боль в ушах, как когда ты ныряешь на дно глубокого бассейна. Я уронил свой посох на землю, чтобы закрыть руками уши, но лучше не стало. Эта

громкость ощущалась всем телом. Маленьким чудом было то, что у меня хватило ума удерживать ведро.

Я планировал побежать к грузовику, но я на самом деле не рассчитал, насколько чертовски громким окажется это заклинание. Так что вместо этого я шатался по дороге, едва способный удерживаться на ногах и идти по прямой.

Гончим было хуже, чем мне. Под натиском моей "дин-серенады", они упали в чистой агонии, взмахивая усиками, дико хлопая щупальцами на головах, как какая-то ящерица с капюшоном, получающая разряды тока. Теперь они не выли, а если и кричали, это было незаметно.

Иногда лучшая защита - Это Ти Рекс.

Я пьяно упал всего лишь дважды на моём пути к грузовику. Затем началась сложная часть.

Я вынужден был отнять мои руки от ушей, и ээ... музыка, казалось, вот-вот разорвёт мои барабанные перепонки. Я опустил ведро, присел у грузовика и воззвал к Зиме.

Быть Зимнем Рыцарем не очень весело. Эта Мантия на повседневной основе означала, что я должен сражаться и работаться каждый день, чтобы оставаться более-менее собой. Эта проклятая штука заставляла меня думать о вещах о которых я бы предпочёл не думать, и желать того, чего бы я не хотел желать. То, что ты - Зимний Рыцарь, не помогает тебе стать хорошим отцом, или делать лучшие блинчики. Это не помогает тебе в понимании философии, создании красоты, или знаниях садоводства.

Что оно делает, так это превращает тебя в адскую машину в бою.

Я схватил грузовик за раму, используя край моего защищённого заклинаниями кожаного пыльника, чтобы защитить руки, напряг спину и ноги и встал.

Это было сложно. Было чертовски больно, когда край рамы все массой грузовика врезался мне в руки, даже через пыльник. Мои мышцы протестующе завопили, но абсолютный холод Зимнего льда заполнил мои мысли и конечности, противостоя боли то ли заглушая физическую боль, то ли добавляя мне столько дополнительной боли, что простая физическая пытка казалось незначительной.

Пикап задрожал и заскрипел в моих руках, и, подперев его моими плечами и ногами, я поменял хватку и перевернул машину на бок.

Пошатываясь под натиском продолжающейся "дино-серенады", я сжал правую руку в кулак и устоял на грузовик, пока не нашел пластик бензобака. Потом я вонзил в него кулак и прямо сквозь стенку бака.

Я вырвал кулак и одновременно поднял ведро другой рукой. Бензин залил мою рубашку, а затем всё-таки полился в ведро. Пять галлонов чертовски быстро наполняются из дыры размером с кулак. Как только он перелился через край, я повернулся и поплелся обратно к кругу.

И моя "дино-серенада" закончилась.

Тишина ударила меня как дубинка. Я упал на колено, едва способный удерживать ведро, и ахнул.

Как только я это сделал, я предупредил о себе гончих. Большинство из них собралось вокруг Эбенизера, который был защищен столькими слоями энергии, что его фигура искажалась для моего взгляда, но одно из этих ужасающих созданий было в трёх футах слева от меня.

Другое менее, чем в шести дюймах справа.

Наступило ошеломлённое, застывшее мгновение, когда никто из нас не двигался, и мир вокруг нас был одним большим послезвучием от звонка, размеров с небоскрёб. И затем мой собственный, к сожалению, непримечательный голос добавил в тишину в финале заклинания "И всего наилучшего!"

Усики возбуждённо затряслись.

Щупальца гневно замерцали.

Я сорвался на бег, выплёскивая бензин из моего ведра.

- Сэр! - крикнул я.

Гончая прыгнула на меня, тысяча фунтов щупалец, когтей и мускулов.

Я пригнулся, рефлексy острые и быстрые, как звук выстрела ясным зимним вечером.

Когти впились мне в спину.

Защитные заклинания на пыльнике выдержали, и весь этот пот и дискомфорт того стоили.

Эбенизар тем временем пережил взрыв инфразвука, который стоя использовала незадолго до того, как сработало моё заклинание, и с тех пор он не терял времени зря. С одним словом он указал на бетонный

пол парковки, и облако мелких обломков щебня взмыло вверх по идеальному кругу, когда старик вырыл траншею глубиной два дюйма и шириной четыре в твёрдом полу.

Три пса ударили его, одно мгновение они были неподвижны, а в следующее двигались как змеи, ведомые какой-то единой ужасной волей. Старик отбросил одного из них ударом посоха и взрывом кинетической энергии, которая швырнула Иного в бетонный потолок и вернула назад в дожде щебня. Второй удар попал ему прямо в грудь вытянутыми когтями, и раздался треск высвобождаемой энергии, которая звучала как огромная ловушка для насекомых, размером с катушку Тесла. Пес отскочил от старика, его когти почернели. Но третья гончая ударила его в ногу, и хотя щит старика защитил его от удара, естественные последствия первого закона Ньютона и резкий удар, подкосивший ногу, были тяжелы для старика. Он упал, охнув, когда другая тройка гончих расплылась в пределах досягаемости у основания колонны.

Иные приблизились к моему деду, раскрывая когти и щупальца. Вспышки света, жужжащие завывания электричества, вонь обугленной плоти и низкие стоны наполняли воздух, когда старик боролся с ними, его тело было заключено в броню чистой воли, по сравнению с которой мои собственные защитные заклинания казались грубыми и примитивными.

Я побежал помочь ему, и, когда я это сделал, я почувствовал, как падающий тон дозвукового рёва ударил меня в спину, ощущение странно напомнило струю воды с низким давлением.

Одно мгновение я двигался нормально, а в следующее уже весь гараж стал размытым пятном. Мои внутренности превратились в оду, колени в желе. Всё, что я смог сделать, это опустить руку на землю и перейти к походке с тремя точками опоры, чтобы просто продолжать двигаться, не упасть, не уронить ведро и не разлить его содержимое повсюду. Пока я продвигался вперёд, земля продолжала вращаться против часовой стрелки, и не важно, как мой рациональный мозг настаивал на то, что такого не может быть, моё внутреннее ухо это не воспринимало.

Позади меня гончие внезапно рванули вперёд, размытые от скорости.

Я прошёл через нижний конец круга, который старик прорезал вокруг себя, с гончими на хвосте, и ещё двое летели ко мне к другой стороны круга. Они уже были на середине прыжка.

С пола из-под горы врагов, закричал старик, и внезапно поднялся порыв ветра. Он подхватил двух гончих с силой, достаточной, чтобы поднять их над моей головой и швырнуть их мимо меня, прямо на стаю, которая меня преследовала, ненадолго прервав их продвижение.

И старик сделал это из-под кучи из девяти других тварей, пытавшихся схватить его своими щупальцами и разорвать его на кусочки.

Вот это чародей, народ.

Я преодолел оставшееся расстояние до конца круга Эбенизера. Я не мог пролить бензин на его нижнем конце. Гравитация не была нашим другом. Но я достиг противоположной стороны круга и вылил бензин так быстро, как мог, не выплёскивая его из маленькой траншеи в бетоне.

Одна из гончих издала завывающий крик, прозвучавший тревожно, и половина существ над Эбенизером оставили его и бросились ко мне.

Гончим, вероятно, следовало лучше продумать свои действия, если они хотели уйти от воздействия человека такими навыками, как у моего деда. Выкрикнутое слово послало вспышку пламени, вырвавшуюся с поверхности его тела, распространяя волну белого-голубого света в форме Эбенизера, и гончие вокруг него отпрянули. Старик хлопнул правой ладонью по земле, тихо прорычал фразу, и гравитация внезапно возросла вокруг псов, приближающихся ко мне, притягивая их к земле, пока они безуспешно боролись с весом собственных тел.

Псы над Эбенизером восстановились от вспышки пламени и вбросились на него снова. Теперь он не мог сражаться, по крайней мере удерживая рвущихся ко мне псов.

Иные кинулись к нему, и снова вспыхнуло световое шоу, когда защита старика сопротивлялась и выбрасывала искры обратно в них. В это мгновение только сила ума моего деда и его воля стояли между ним и смертью.

Тем временем четверо, которые изначально были рядом со мной, судорожно бросились обратно в бой, кружа вокруг поля повышенной

гравитации, которое удерживало их товарищей.

Я поднял глаза и увидел, как гончие расплываются, двигаясь к моему лицу, именно в то место, в котором я не хотел их видеть, но я бросился в круг, потому что именно там я на самом деле хотел их видеть, обернувшись на ходу, чтобы увидеть, как гончие прыгают ко мне группой так плотно, что каждая из четырех гончих касалась других, вытянув когти и щупальца, в одном из тех моментов, которые, казалось, длились вечно.

Как только их хвосты пересекли границу круга, я сфокусировал мою волю на жёлобе на полу, щелкнул пальцами и крикнул “Flickum bicus!”.

Моя воля перенесла огонь в бензин в круге, единственная маленькая ослепляющая вспышка света, и пламя взвилось с низким звуком, словно вздохнуло какое-то огромное существо. Огонь стремительно мчался по границе круга, и тот загорался чистым синим пламенем.

Работающая магия внутри круга была интенсивна. Делать такое в кольце огня, где пламя замыкало круг, это... как оказаться в комнате, в которой стены, пол и потолок зеркальные, с бесконечными отражениями, вращающимися во всех направлениях. Все, что вы делаете с магией внутри огненного кольца обычно наращивает мощь очень, очень быстро. Фрагменты энергии, отражаясь внутри него, рекомбинировали мощным, непредсказуемым образом, настолько мощным и непредсказуемым, что фактически, хоть эта техника и не считалась чёрной магией сама по себе, она была в списке заклинаний и действий, по которым Стражи обнаруживали потенциал чернокнижника в любом одарённом чародее. Вот насколько это было опасно.

Подумайте о кольце огня, как о... ну, об экспериментальном ядерном реакторе. Так или иначе случится что-то грандиозное. Если это изгнание выйдет из под контроля, нечто весьма похожее на небольшой ядерный взрыв, случится по середине Золотого Берега.

Хорошая новость заключалась в том, что это был как раз тот вид магии, в котором я был хорошо - перемещение огромного количество энергии по прямой. Даже лучше, что Иные были в круге со мной, так как это означало, что мне не нужны были их части, чтобы создать канал для заклинания.

Конечно, так же это означало, что они могли вырвать моё лицо пока я пытаюсь это сделать.

Боже, люблю работать под давлением.

Я бросился на землю и откатился в сторону, когда первый из псов приблизился ко мне. Я пнул его каблуком прямо в мягкое гнездо щупалец так сильно, как только мог. Это немного отвлекло от меня тварь и, кажется, дезориентировало его на достаточное время, чтобы я прокричал: - "Гончие углов, я изгоняю вас!"

Я наполнил мой голос своей волей и внезапно обычно невидимая завеса круга ожила зелёно-золотым огнём, мириады лент крошечного пламени тянулись до потолка парковки, но вместо того, чтобы оставаться устойчивой колонной, кольцо огня пульсировало, разрасталось и опадало снова. Мерцание и вспышки посыпались из камня, где воля Эбенизера удерживала гравитацию против четверых псов. Еще больше искр взвились над его защитными заклинаниями, большие, яркие, они двигались как светлячки в жуткой эмуляции чего-то живого.

Когда я добавил свой голос к этому, пламя стало почти невыносимым, из тринадцати глоток разом вырвался низкий вой, и каждый пёс повернулся, чтобы броситься ко мне.

Как только старик освободился от них, он тут же поднял левую руку и ударил ладонью по бетону. Бетон застонал, когда сила тяжести снова увеличилась, волоча собак, которые, несмотря на их сопротивление, неумолимо повалились на пол.

Лицо старика стало пурпурным от усилия от заклинания, выражение его лица исказилось в агонии.

Бог мой, он мог убить себя прямо у меня на глазах.

Он не мог выдерживать такое усилие долго.

- Гончие, слуги Внешней Ночи, этот мир не предназначен для вас!

- крикнул я им. - Я изгоняю вас!

Снова послышался хор низких стонов, но беспомощные псы не могли сломать хватку воли Эбенизера МакКоя.

Кроме одного, того, кто оказался ближе всего ко мне.

Старик, удерживая свою защиту и работающее заклинание земли, на выполнение которого у меня ушла бы по крайней мере минута, создал второе заклинание земли с такой точностью, что он исключил

меня из действия возросшей гравитации, поймав всех гончих в свою сеть.

Что ж. Двенадцать из тринадцати. Последняя гончая начала вытаскивать себя из гравитационного колодца, направляясь ко мне, и в тот момент, когда её передние когти преодолели увеличенную гравитацию, её ноги согнулись, приготовившись к прыжку, которые должен был закончиться у меня на горле. Она освободилась и прыгнула.

Кольцо огня начало издавать завывающих звук, свет мерцал и мигал в нескольких спектрах цветов, испускать которые огонь не мог. Энергия в воздухе стала такой густой, что у меня зудели глаза, а ещё даже не добавил пока к этому свою волю. Если ли бы я защищался от пса, оставив изгнание, я не мог предсказать, что случилось бы со всей этой собранной энергией.

Поэтому я стоял на месте, когда пёс вырвался из-под усиленной гравитации, и крикнул: "Псы Тиндала, возвращайтесь в Пустоту, которая ждет вас! Я изгоняю вас!" Я поднял свой посох обеими руками и начал высвобождать свою волю.

И я почувствовал их.

В своей голове.

Почувствовал Извне.

Я не буду пытаться объяснить вас на что был похож этот опыт. Если этого не случилось с вами, то у нас просто не единой точки отсчёта.

Это ранило. По крайней мере это я могу сказать. Зимняя Мантия ни черта не делала против такого рода боли. Боль такой же хороший способ подумать об этом, как и любой другой. Прикосновение их мыслей к твоим походило на то, что ты лижешь замёрзшее железо, в то время как твоя голова болит из-за мороженного.

Их мысли, или какое-то безумие, казавшееся ими, начали пожирать мои. Мне казалось, что мой разум разрывает на кусочки рой муравьёв. И затем всего на мгновение инопланетный способ мышления обрёл смысл, и я увидел картинку с их точки зрения - существо, состоящее из когерентного света, колона светящихся энергетических центров, и чистый ужас, стоящий как обелиск перед гончими, разряд ужасающей молнии извивался вокруг его поднятых кулаков, головы и плеч, словно миниатюрная гроза.

Я видел то, что видели они, когда смотрели на меня.

И я чувствовал их страх.

Зимняя мантия взвыла с внезапным голодом, Зимняя сила хлынула в меня, и мороз добрался до каждой поверхности на парковке с треском, напоминающим бассейн, полный камней. Уверенность захлестнула меня, чувство слияния цели, воли, желания и веры - уверенность в том, что именно такие моменты были именно причиной, почему я вообще существовал.

- Изыди! - проревел я и опустил посох, освобождая мою волю.

И внутри огненного кольца, реальность обратилась в ураган призрачной энергии, случайного света и звука, стремительных вспышек света и цвета. Я почувствовал, как гончие подняли свою волю против моей, и их смялась как зачерствевший кукурузный хлеб. Я вырвал их из их эктоплазменных тел ли отправил их невидимые нематериальные задницы кричать обратно в Пустоту за пределы всего Сущего.

Когти тринадцатого пса были может в восьми дюймах от кончика моего носа, когда энергия взвыла и закрутись в круге, как только изгоняющее заклинание подхватила гончих. Внезапно раздался вытягивающий звук, застонавший в ночи вокруг нас, сильная дрожь в воздухе - а затем они просто исчезли.

Так что вместо того, чтобы быть расчленённым тысячефунтовым монстром, тысяча фунтов слизистой эктоплазмы врезалось мне в грудь, мгновенно опрокинув меня на задницу и протаскив 15 футов по полу.

Эктоплазма еще двенадцати гончих разлилась по уже потухшему кольцу огня и начала заливать всю парковку.

Эбенизер наклонился, чтобы лечь на бок, затем перекатился на спину, дыша так тяжело, словно только что пробежал вверх по лестница, в то время как грязный поток эктоплазмы глубиной три или четыре дюйма бежал мимо него. Это выглядело как вечеринка на съемках Капли.

Я попытался смахнуть слизь с пальцев, но не преуспел. Вещество было похоже на сопли, но более липкое, и если бы не тот факт, что оно сублимируется и исчезнет примерно через четверть часа, оно бы нанесло серьёзный крон моему гардеробу за эти годы.

Но в этот момент я был покрыт прозрачными желатиновыми соплями.

Мы оба молчали мгновение, пока Эбенизер не прохрипел: - Видишь? И никакой вампир не нужен.

Я посмотрел на старика, уставший от такой траты энергии. Затем я спросил: - Почему вы там сильно ненавидите их, сэр?

Он взглянул на меня и на мгновение задумался. Затем он спросил меня" - Почему ты ненавидел тех вурдалаков, которых убил в лагере Кабум?

Я нахмурился и отвёл взгляд. Я не гордился тем, что сделал в тот день. Но я не был уверен что не поступил бы так всё равно. О том, что эти вурдалаки сделали с паркой детей, которых я помогал учить, было невыносимо даже думать.

Как и о том, как закончили вурдалаки.

Я использовал муравьёв.

Старик вздохнул. Когда я снова посмотрел на него, его глаза были закрыты. Его щёки выглядели впалыми. И у него было выражение безнадежной усталости, которой я никогда не видел. Когда он заговорил, он не открыл глаз.

- Видишь? Ты знаешь почему. Я ненавижу их, потому что знаю их. Потому что они забрали кого-то у меня.

- Маму? - спросил я.

Его челюсть сжалась.

- Её тоже. То, что ты сделал с Красными было чертовски ужасно, Хосс. Но часть меня, которая знает их, думает, что это лишь хорошее начало. Да поможет мне Бог, иногда я не уверен, что не согласен.

- Вампирам Красной Коллегии становятся, убивая человека. Каждый из них убийца. Белая Коллегия не такая. Они просто такими рождаются. И они не все одинаковые, - сказал я.

- Это игра, в которую они играю очень долгое время, Хосс, - сказал он. "Ты увидишь это сам. Если проживёшь достаточно долго.

Он выдохнул и сел. Затем он поднял свой посох и поднялся на ноги. Его лицо выглядело неправильно. По крайней мере, оно не было пурпурным, но было слишком бледным, его губы, возможно, немного серыми. Его глаза были как у изголодавшегося человека.

- Лучше всего, если мы уйдём с улицы и укроемся где-то, - сказал он. Если у них хватит смекалки и ресурсов, кто бы ни послал этих

тварей, он может попытаться снова.

- Нет, сказал я. - Нет, пока вы не расскажите мне что-то обо всех этих вещах со звезднорождённым.

Он пару раз сжал челюсти. Затем он сказал:

- Я говорил тебе. Ты был рождён в правильное время в правильном месте. В результате ты... - Он вздохнул, словно пытаясь найти объяснение. - Твоя жизненная сила резонирует с частотой, которая зеркально противоположна силе Иных. Они не могут забрать твою свободу воли. Они уязвимы перед твоей силой. Чёрт, ты можешь ударить их и они действительно почувствуют боль.

Что ж. Удар в что-то вроде лица заставило ты гончую вздрогнуть на три четверти секунды.

- Давайте считать это планом Б.

- Хорошая идея, - сказал Эбенизер.

Я нахмурился:

- Эти штуки со звезднорождёнными. Это случается всё время?

Старик, казалось, задумался прежде, чем ответить.

- Каждые шестьсот шестьдесят шесть лет.

- Почему? - спросил я его. - Для чего это? Что приближается?

Старик тряхнул головой.

- Урок на сегодня окончен. Я уже сказал больше, чем должен был.

- Подожди минуту, - сказал я.

- Хосс, сказал он тихим голосом, похожим на гранит. - Нет ничего, что ты можешь сделать для того вампира, кроме как пойти на дно вместе с ним. Брось это. - Он закрыл глаза и заговорил сквозь сжатые зубы: - Или я заставлю тебя это бросить.

Я ожидал почувствовать ярость от его слов. Я никогда не реагировал хорошо на авторитарные жесты.

Но я не чувствовал злость.

Только... боль.

- Ты не доверяешь моим суждениям, - сказал я тихо.

- Конечно доверяю, сказал он хмуро. - Но я забочусь о тебе даже больше, и ты завяз по уши в болоте с аллигаторами и ты не думаешь сейчас ясно. - Он отбросил комок эктоплазмы, который грозился попасть ему в глаза. - Ты знаешь меня. Я не хочу делать этого с тобой, Хосс. Не заставляй меня.

Я на мгновение задумался о том, что собираюсь сказать.

Я всегда знал Эбенизера МакКоя как грубого, резкого, жёсткого, бесстрашного и неизменно доброго человека, еще до того, как я узнал, что он мой дедушка

Я хотел рассказать ему о его другом внуке. Но я понимал ту ненависть, которую он чувствует. Я понимал это, потому что и сам это чувствовал. Это было той ненавистью, которые немногие испытывают в развитых странах, ненависть, которая идёт от крови и смерти, когда близких тебя людей ранят и убивают. Застарелая ненависть. Вооружённая. Первобытная.

Если бы кто-то когда-то открыл бы мне, что эти вурдалаки были на самом деле моими потомками, я не знаю как отреагировал бы, за исключением того, что это было бы неразумно и что-нибудь бы сгорело.

Я не мог рассчитывать на моего дедушку. Я мог быть всем, что было нужно моему брату.

- Сэр, - сказал я наконец. - Вы знаете меня. Когда кто-то, о ком забочусь в беде, я пройду через всё, что потребуется, чтобы помочь ему. - Мои следующие слова вышли шёпотом. - Не заставляйте меня проходить через вас, сэр.

Он сузил глаза.

- Думаешь, ты сможешь, Хосс?

- Пока всё хорошо.

- Сказал человек, упавший с тридцатого этажа.

Мы оба застыли на мгновение, роняя эктоплазму, никто из нас не двигался.

- Звёзды и камни, - вздохнул старик в конце концов. - Иди остынь. Подумай об этом. Поспи с этим, - его голос стал твёрже. - Может ты изменишь мнение.

- Может один из нас изменит.

- Один из них, - он выплюнул последнее слово, словно он было сделано из кислоты, - не стоит того, чтобы твоя дочь осталась сиротой.

- Это не о том, кто такие они, - сказал я тихо. - Это он том, кто я. И об примере, который я подаю.

Старик на мгновение уставился на меня, выражение его лица не читалось.

Затем он повернулся и медленно пошел прочь, его плечи поникли, его челюсти сжаты. По пути он исчез за занавесом, которая, как и

большая часть его магии, была лучше всего, что я мог сделать. Я остался стоять один в пустом гараже.

Я посмотрел на обломки вокруг и закрыл глаза.

Семья усложняла всё.

Проклятье.

Глава 13

- Гончие Тиндалоса реальны, да? - спросил Баттерс. - Странно.

- Что ж. В каком-то значении "реального", - сказал я. - Лавкрафта выгнали из Венатори Умброрум за то, что он возился с исследованиями Общества Туле. Не знаю многих подробностей, но, по-видимому, на самом деле его кишки пожрал вовсе не рак. Это было... что-то более буквальное.

Я сидел за маленьким столиком в кухне квартиры Баттерса. Я снял пыльник и положил обе руки на стол ладонями вверх. Баттерс сидел напротив меня в свободной спортивной одежде. На столе рядом с ним лежал ящик с инструментами санитара, и сейчас он разглядывал мои руки сквозь толстые стекла, которые теперь носил в виде надежно закрепленных спортивных очков.

Баттерс был невысокого роста, лет сорока с небольшим, и стал еще меньше с тех пор, как пришел в форму. Теперь он весь был сделан из канатов. Может быть, пять футов пять дюймов, но если бы он весил больше ста сорока фунтов, я бы съел свой пыльник без соли. Его волосы были темными, вьющимися, неухоженными, но это могло быть причиной моего появления у его двери в нерабочее время.

- Боже, - пробормотал Баттерс, вытирая салфеткой глубокие порезы на моих руках. - У тебя в ранах моторное масло.

- Это проблема?

Он посмотрел на меня сонным, безразличным взглядом.

- Учитывая весь мусор, из которого он состоит, да. Да, это проблема, - он вздохнул. - Надо его удалить. Извини, чувак.

Я кивнул.

- Давай просто покончим с этим.

После этого было примерно двадцать минут воды, раствора Бетадина и щетки с жесткой щетиной, которыми терли рану и область вокруг раны. Могло быть и хуже. Баттерс мог использовать йод. Могло быть и хуже, но и это был вовсе не пикник. Руки очень чувствительны.

Двадцать минут спустя я вспотел и был раздражен, а Баттерс недовольно смотрел на раны.

- Это все, что я могу сделать. Я перевяжу их, но тебе придется менять повязки каждый день и следить, чтоб не появилась инфекция. Но в целях профилактики, пока не получишь неуязвимую кожу, купи перчатки, чтобы защитить руки, Халк.

- Неплохая идея, - сказал я. - Насколько серьезны повреждения?

У меня есть проблема с ощущением боли. Это часть пакета "Зимний Рыцарь". Когда со мной что-то происходит, я вроде как замечаю это, но постоянная боль просто уходит на задний план. Так что плохие вещи могут случаться со мной без моего ведома, если я не использую свою голову.

- Я не думаю, что есть какие-то повреждения в рабочей структуре твоих рук, - сказал Баттерс. - Но человеческое тело на самом деле не создано для переворачивания грузовиков, чувак. Ты... развил что-то типа максимального потенциала для своего роста и телосложения, но твои суставы все еще человеческие суставы. Твои хрящи - это все еще только хрящи, и даже если твое тело действительно залечит повреждения, у него есть точка невозврата. И твои кости все еще просто сделаны из костей. - Он покачал головой. - Seriously. В один прекрасный день ты попытаешься поднять что-то слишком тяжелое, и даже если мышцы справятся с этим, твои кости и суставы не смогут этого сделать.

- И как это будет выглядеть? - задался я вопросом вслух.

- Несчастный случай на производстве, - сказал Баттерс. Он еще раз тщательно вытер мои руки, а затем начал перевязывать раны. - Окей. Так Белый Совет хочет устроить тебе неприятности. Так что же еще нового?

Баттерс не был в курсе концепции Черного Совета, тайной группы волшебников, которые были туманны и не могли быть идентифицированы с абсолютной уверенностью, работая над целями, которые в лучшем случае казались гнусными. Эту информацию держали в тайне чародеи, посвятившие себя борьбе с ними. Отчасти потому, что у нас было мало веских доказательств о Черном Совете, о том, чего они хотят и кто их члены, а отчасти потому, что плохим парням было бы труднее действовать против нас, если они даже не были уверены, кто их враг.

Баттерс заслуживал доверия, но Черный Совет был чародейской проблемой.

- Точно, - сказал я. - Встретился с новым боссом. Такой же, как и старый.

Баттерс одарил меня взглядом, потому что я не очень хороший шпион, а лгать другу - это не совсем естественно для меня. Но он пожал плечами и пропустил это мимо ушей.

- Окей, - он зевнул. - Когда ты звонил, сказал что-то о проблемах со здоровьем, во множественном числе. Что еще тебя беспокоит?

Я поведал ему о чихе и призывалках.

Его глаза сузились, и он сказал:

- Это же не какая-то шутка, которую ты пытаешься провернуть с новичком в игре? Потому что я вроде как ожидал этого.

- Что? Нет, это бред, - сказала я, изо всех сил стараясь не думать о моей “дино-серенаде”, которая должна была состояться в его день рождения. - Это настоящая проблема, чувак.

- Ну точно, - сказал Баттерс, снимая резиновые перчатки и начиная прибираться. - Как угодно.

О, из всех сумасшедших вещей, которые случались в моей жизни, я бы никогда не подумал, что мои случайно произвольно вызываемые предметы из ничего будут кем-то замечены. Все эти штуки происходят прямо сейчас, и в этот момент Баттер решил отгородиться от меня стеной?

Я опять чихнул. Сильно.

Раздался оглушительный грохот, когда кусок каменной стены, примерно в четыре квадратных фута, приземлился на кухонный пол Баттерса с такой силой, что столы и стулья подпрыгнули на полу. Баттерс взвизгнул и упал навзничь со стула обратным кувырком, который поставил его на ноги прямо рядом с держателем ножа для стейка на стойке. Он схватился за нож прежде, чем я успел подняться на ноги.

Маленький парень. Но быстрый. Рыцарей Меча никогда нельзя недооценивать.

- Бот, - сказал я, неловко вытирая нос рукой, - Бот, теберь ты бидишь?

Баттерс молча смотрел на каменную стену. Затем он вздрогнул, когда она задрожала, стала прозрачной, а затем распалась на галлоны и галлоны эктоплазмы. Сверхъестественный желатин медленно растекался по полу, как тестовая проба для ремейка Капли.

- Окей, - сказал Баттерс. - Так... это просто случилось. - Он посмотрел на эктоплазму, потом на меня и покачал головой. - Твоя жизнь, Гарри. Какого черта?

- Не сбавивай беня, - сказал я. Я плюхнулся на кухонный пол, взял бумажное полотенце и попытался высморкаться. Это была типа проблема. Потребовалось несколько бумажных полотенец, чтобы высморкать всю эктоплазму и начать нормально дышать. - Послушай, я не могу случайно создавать вещи, появляющиеся из ниоткуда.

- Я судмедэксперт, - простонал Баттерс. - Господи, Гарри! Какой-то вирус, который взаимодействует с твоей нервной системой, твоим мозгом или твоим долбаным подсознанием? Это то, с чем надо идти к Мэйо или Джонсу Хопкинсу. Или вообще в школу профессора Ксавье.

- Ни один из этих парней не достаточно странный. А ты достаточно.

Он положил нож обратно и развел руками.

- А. Окей. Это всегда чих?

- Пока что да, - сказал я.

- Тогда сходи за лекарством, которое ты принимаешь, когда у тебя простуда. Может быть, если ты прекратишь чихать, то перестанешь и колдовать.

Я посмотрел прямо на него и сказал, оскорбленно:

- Это я мог и сам решить.

- Странно, - сказал он, - это почти как если бы ты был проклятым взрослым, который мог бы принимать некоторые здравые решения о своем здоровье, если б захотел.

Я показал ему оттопыренный средний палец, безучастно отмечая боль раненой руки.

- А как насчет тошноты? Я чувствую, что застрял на одном из тех аттракционов, где катают по кругу.

- Инфразвук - довольно дикая и неизведанная штука, - сказал Баттерс. - Существует слишком много потенциальных применений оружия и военной связи для него, и это трудноизучаемо, поэтому и нет тонны общедоступных исследований. Но, поскольку Паранет есть Паранет, я нашел некоторых исследователей Бигфутов, которые утверждают, что Бигфут использует его все время, чтобы побудить людей покинуть место его обитания. Тигры и другие крупные хищники тоже используют его как часть рёва. Знаешь все эти истории

про мороз по коже у людей, которые слышат тигриный рык? Это инфразвук, воздействующий на парасимпатическую нервную систему.

- Спасибо, что подтвердил, что инфразвук реален и оказывает реальное воздействие на людей, - сказал я, - но я вроде как сам это выяснил. Как мы это исправим?

- По словам этих Бигфутовых ребят, в основном то, что требуется для восстановления, - это крепкий сон. Так что, если ты будешь продолжать обращаться ко мне, как к своему лечащему врачу, вот: прими две таблетки аспирина и позвони мне утром.

Я поморщился.

- Да, выспаться это не вариант, пожалуй.

- Конечно, нет. - Баттерс вздохнул. Он подошел к шкафу, достал пластиковую бутылку и бросил ее мне.

- Противоаллергическое? - скептически спросил я.

- Ты теперь врач? - Баттерс подошел к раковине и налил чашку воды.

- Может, я просто судмедэксперт.

Баттерс окунул палец в воду и щелкнул им в мою сторону, затем осторожно смахнул слизь и поставил чашку на стол передо мной.

- Дифенгидрамин, - сказал он. - Чих обычно вызывает гистаминная реакция. Это антигистаминное средство. Должно помочь. Возьми две.

Я сделал так, как мне было сказано, не произнеся никаких внятных жалоб, тем самым доказав, что я не противный, упрямый тупица, который возмущается любым авторитетом, указывающим ему, что делать. Я имею в виду, что теперь это задокументировано. Так что все решено.

Я услышал тихий звук и посмотрел на дверь в кухню, когда в ней появилась молодая женщина. У Энди были длинные, волнистые рыжие волосы и потрясающие формы. На ней был изумрудно-зеленый махровый халат, который она придерживала запахнутым одной рукой, ее глаза были сонными, и она была, возможно, самым очаровательным оборотнем, которого я знал.

- Уолдо? Что это был за взрыв? Что случилось с полом? О, Гарри, - она еще плотнее запахнула халат и подпоясала его. - Я не знала, что ты здесь.

- Энди, - сказал я. - Прости. Не хотел тебя будить.

Она устало улыбнулась мне.

- Ходят слухи, что всё становится напряженнее.

- Слухи верны, - сказал я. - Хорошо бы тебе поспать как можно дольше, на случай, если ты понадобишься.

- И все же, - запротестовал Баттерс, - ты разбудил меня, как я заметил.

- Для тебя сонное время было вчера, - сказал я. - Сейчас ты мне нужен.

Послышались мягкие шаги, и второй женский голос спросил:

- Все в порядке?

Появилась еще одна молодая женщина, стройная, но сильная, с ногами, как у бегуна на длинные дистанции, в футболке "Мстителей", достаточно большой, чтобы служить ей платьем. У нее были очень тонкие мышиного цвета волосы до плеч, и она щурила свои большие карие глаза из-за отсутствия очков, а на одной стороне узкого лица остались следы от подушки.

- О, - сказала она. - Боже мой. Привет, Гарри. Я, гм, ночью тут. После онлайн-вечеринки. О, ты поранил руки?

- Марси, - сказал я, вероятно второму самому симпатичному оборотню, которого я знал. - Гм, привет. Да, просто попросил старого Дока Баттерса взглянуть и убедиться, что я не аннулировал гарантию."

- Ох, - сказала Марси, - Ох, вижу.

Последовало долгое, неловкое молчание, в котором Баттерс стал достаточно розовым, чтобы рекламировать осведомленность о раке молочной железы, и во время которого Марси смотрела на все в квартире, кроме меня.

- О, да ради Бога, - сказала Энди. - Он взрослый человек, ребята. И я устала. Делай выводы, Гарри. Ты не сильно ошибешься. И я не собираюсь разгребать этот бардак.

Она повернулась, взяла Марси за руку и решительно направилась в спальню. Щеки Марси вспыхнули ярким румянцем, но она пошла с Энди.

Я посмотрел на Баттерса, чьи мочки ушей можно было принять за тамалес, и приподнял бровь.

Маленький парень глубоко вздохнул. Затем он сказал, спокойно и искренно:

- Гарри, подразни меня этим или испорти мне все, и я выбью тебе зубы.

И он сказал это правильно.

Я имею в виду, что есть способ передать вашу искреннюю готовность совершить насилие. Большинство людей, кажется, думают, что это включает в себя много криков и размахивания руками. По-настоящему опасные люди не чувствуют необходимости кричать об этом. Искреннее предупреждение такого рода требует большей уверенности, которая приходит только из опыта.

Баттерс получил Меч только в конце зимы. Он работал на полную катушку всего около месяца. Но я видел, как он сражался с самым страшным и опасным плохим парнем, которого я лично знал - и Баттерс победил.

И вот он стоит передо мной, как ворчливый барсук. Он велел мне отступить и заставил меня захотеть сделать это.

Черт. Малыш совсем меня перерос.

Я поднял руки ладонями вверх в знак мира и сказал:

- Но я оставляю за собой право поговорить с тобой об этом позже.

- О Боже, неужели нельзя без этого?- Сказал Баттерс. Он пошел рыться в холодильнике, беспокойный и неуютный, как школьник, застигнутый с журналами для взрослых. - Мы вроде как держим это в секрете.

- В секрете, хах?

- Слушай, - жалобно сказал он, - я, честно говоря, не совсем понимаю, как это случилось, и никому не позволю все испортить.

- Баттерс, - сказал я. Я подождал, пока он повернется и посмотрит на меня. - Это же не ты сидишь у меня на кухне и не просишь меня о помощи. Я почти уверен, что ты можешь сам делать выбор в своей собственной проклятой жизни. А в моем доме слишком много стекла, чтобы бросать в кого-то камни.

Его глаза изучали мое лицо какое-то мгновение, прежде чем напряжение покинуло его.

- Да. Да, хорошо. Извини, чувак.

- Не за что извиняться, - сказал я. Я оглянулся туда, где исчезли женщины, и открыл рот. Затем я задумчиво провел языком по зубам и закрыл рот.

Честно говоря, это действительно поразительно, как много проблем это позволяет избежать. Я должен задуматься, чтобы делать это почаще.

- Ну, - сказал Баттерс тоном человека, возвращающегося к делу. - Паранет послал предварительное предупреждение. Каждый, кто что-то увидит, сообщит об этом. Как насчет некоторых деталей?

Я кивнул и рассказал ему, что происходит с Соглашением наций и их мирными переговорами, и что случилось с Томасом.

Он слушал, и выражение его лица становилось все более озабоченным.

- Это звучит, гм, как будто это может стать интереснее.

Что-то в его тоне заставило меня поднять на него глаза.

- А?

- Саня в городе, - объяснил Баттерс. - В отеле рядом с аэропортом. Он как раз пересаживался через аэропорт О'Хара, но его рейс задержали. Семь раз.

В настоящее время во всем мире действовали два Рыцаря. Двое. И Рыцари Меча (или Креста, в зависимости от того, как вы смотрите на их профессиональные приоритеты), как правило, появлялись там, где они были нужны больше всего, всегда по чистой случайности. На самом деле совпадение было настолько чертовски чистым, что в основном говорило мне, что это не так. У меня сомнительные отношения с Богом - но, судя по времени появления Рыцарей, которых Он спонсировал, Он был бы чертовски хорошим туристическим агентом.

- А, - сказал я. - Хм. Может быть, Саня заедет на пару дней. Вы, ребята, могли бы обмениваться рыцарскими историями или еще чем-нибудь.

Баттерс натянуто улыбнулся мне.

- Точно. Чем я могу тебе помочь?

Я покачал головой.

- Я уже понял, что вы, ребята, появляетесь именно там, где вас хочет видеть Всевышний, и я, вероятно, достаточно умен, чтобы не пихать никого локтями. Так что все зависит от тебя. Как думаешь, где ты сделаешь больше всего хорошего?

Он посмотрел на меня с минуту.

- Я беспокоюсь о людях Паранета, - тихо сказал он.

Магический талант, как и все остальное - не все получают одинаковое количество. Есть такие люди, как я, которые могут использовать силы Вселенной, как если бы они были их личными игрушками. И потом, есть люди, которые, будучи одаренными, просто не могут сделать так много. У неимущих магического мира было незавидное положение в жизни - они знали о мире паранормальных явлений, но не обладали достаточной личной силой, чтобы влиять на него.

Во всяком случае, до Паранета. Использование Интернета сделало для неимущих нечто такое, чего раньше никто не делал - оно объединило их. Встречи с людьми, дружба, координация действий - все это стало более возможно делать в относительной безопасности, и это создало нечто столь же мощное, как и огромный врожденный магический талант: сообщество. В наши дни сверхъестественным хищникам все меньше и меньше везло в борьбе с неимущими, поскольку они координировали свои действия, сообщали друг другу о возможных угрозах - и объединяли свои индивидуально невыразительные таланты в скоординированные усилия, которые делали их, в некотором смысле, почти такими же сильными, как и сами чародеи.

Но хотя они и собрали достаточно сил, чтобы держать паразитов на расстоянии, они все еще не могли противостоять шторму, подобному тому, что назревал.

- Согласен, - тихо сказал я. - И они знают тебя. Доверяют тебе. Работай с ними. Соберите все разведданные, какие сможете, и согласуйте их с Мерфи.

- А как же Томас? - Баттерс не знал, что Томас был моим братом, но он знал, что он был союзником, с которым мы сражались слишком много раз, чтобы думать о том, чтобы оставить его позади.

- Я над этим как раз работаю, - ответил я. - Возможно, дипломатическое решение - самое лучшее.

Баттерс поскользнулся на слизи и чуть не упал на задницу. Вместо этого он ухватился за столешницу и приподнялся. Затем он пристально посмотрел на меня, сдерживая улыбку, и сказал:

- Кто ты и что ты сделал с Гарри Дрезденом?

Я сердито посмотрел на него и встал, стараясь сохранить равновесие среди эктоплазмы на полу. Оно уже сублимировалась.

Может быть, половина уже исчезла. Я снова влез в свой пыльник.

- Я не предпочитаю взрывать и сжигать все дотла. Это как-то само собой получается.

Баттерс кивнул.

- Каков твой следующий шаг?

- Дипломатия, - сказал я. - С вампирской королевой.

- Ты ведь не собираешься идти в шато один?

Шато Рейт был штаб-квартирой Белой Коллегии в этих местах.

- Точно.

Баттерс вздохнул.

- Я возьму свою сумку.

- Не надо, - сказал я ему. - Мэб и Лара заключили сделку, и Мэб ясно дала понять, что Ларе можно, а что нельзя. Она будет вести себя хорошо.

Баттерс нахмурился.

- Ты уверен?

Я кивнул.

- Отдохни немного. Возможно, ты действительно понадобишься мне в ближайшие дни.

Он перевел взгляд с меня на спальню, его совесть боролась со всем остальным.

- Окей, - наконец сказал он. - Удачи, Гарри.

- У меня только одна удача, - я кивком поблагодарил Баттерса, схватил посох и отправился навестить Лару Рейт.

Глава 14

Поместье Рейт находится примерно в часе езды к северу от города, в сельской местности, где ближайший сосед слишком далеко, чтобы слышать ваш крик. Место окружено чащей старых огромных деревьев, в основном дубов, которые выглядят так, как будто они были пересажены из Шервудского леса.

Черт, учитывая, сколько денег и власти было у Белой Коллегии, возможно, так оно и было.

Подъехав к воротам поместья на Монстромобиле, я обнаружил, что их охраняет полдюжины мужчин в полном тактическом снаряжении и бронежилетах. Они вовсе не шутили. Когда я остановил машину, пятеро мужчин направили на меня автоматы, а один подошел к машине. Его спина была напряжена, плечи расправлены, манеры расслаблены. Свою личную охрану Лара набирала почти исключительно из бывших военных, в основном морских пехотинцев.

Мужчина, подошедший к моей машине, обладал солидной смесью худощавого атлетизма молодости и обветренных граней опыта. Он даже не потрудился дружелюбно улыбнуться. Я уже сталкивался с ним раньше. Его звали Райли.

- Чем могу помочь, сэр?

- Выглядят как АРСы, - сказал я. Я прищурился, глядя на направленное на меня оружие. - Но с реально большими стволами. Беовульфы?

Райли пожал плечами.

- Чем могу помочь?

- Я должен встретиться с мисс Рейт, - сказал я.

- Территория закрыта на ночь.

Я посмотрел на него и положил руку на стекло, удобно откинувшись на спинку сиденья. Лара не нанимала болванов, так что я имел дело с профессионалом. В большинстве случаев, когда случалось что-то подобное, я обычно реагировал... неблагоприятно. Но я был здесь, чтобы говорить о дипломатическом решении. Я был в некотором роде новичком в этом, но мне казалось, что взрывать вещи и стучать

задницей людей Лары по чайнику, вероятно, не будет удачным началом.

И кроме того. Я был готов поспорить, что у остальных пяти или шести парней, которых я сейчас не видел, есть ракетница или что-то в этом роде, и мне не нужно еще добавлять взрыв к моему списку проблем.

Поэтому я улыбнулся охраннику и сказал:

- Мы с тобой пересекались в деле Лютера. Для твоего босса все обернулось не так уж хорошо, но ты уберег его от настоящей катастрофы - и мы оба сдержали свое слово.

Райли посмотрел на меня и хмыкнул в знак согласия.

- Я тут помощи ради, - сказал я. - Звони в дом. Ты не пожалеешь.

Секунду он смотрел на меня сверху вниз. Затем он подошел к караульному помещению и позвонил по телефону, в то время как несколько чрезвычайно тяжелых орудий, известных своей способностью останавливать машины, упорно целились мне в голову. Его лицо побледнело еще больше, и он махнул другим охранникам, заставляя их опустить оружие и отойти в сторону. Он указал на меня, потом на калитку, и калитка загудела и начала открываться.

Прежде чем я успел включить передачу и тронуться, из темноты за забором выехал Хаммер. Военный грузовик был выкрашен черным, а на его крыше на штырьке висел настоящий Браунинг М2. Хаммер обогнал меня, и когда моя машина поехала, второй грузовик, оснащенный вторым пулеметом, остановился позади меня. Райли вскочил на подножку второй машины, держа винтовку наготове одной рукой, и мы двинулись вперед. По-видимому, у меня сопровождение до самого дома.

Мы проехали пару миль через Шервуд, пока не выехали из-за деревьев на лужайку большого поместья, где уже бывал несколько раз. Пока мы ехали, я чувствовал тонкие паутинки магии, сплетенные вдоль дороги. Мы двигались слишком быстро, чтобы я мог что-то понять из того, что чувствовал, но картина в целом была довольно ясной - Лара закрыла свои владения какой-то магической защитой.

Но где она смогла найти кого-то, кто то для нее сделал?

Рэйт Мэнор был угрюмым замком, построенным в загородном французском стиле где-то в восемнадцатом веке, только с большим количеством горгулий и готических черт, смутно напоминающих

Нотр-Дам. Ну, знаете, до пожара. Наши машины припарковались перед домом, и Райли подошел, чтобы открыть мне дверь.

- Мы позаботимся о вашей машине, пока вы будете внутри, сэр, - сказал он и протянул руку за моими ключами.

Забота о моей машине может означать многое, в том числе разбор ее на части в поисках жучков и бомб. Я посмотрел на него.

- Лишь после того, как будут признаны мои права гостя, - сказал я.

- Вы гость мисс Рейт и находитесь под ее защитой, - подтвердил он.

Я хмыкнул и протянул ему ключи. Потом я несколько секунд поднимался по ступенькам, Райли шел за мной. Я открыл дверь и вошел внутрь, как будто я был у себя дома.

Большой старый дом казался мрачным и угрюмым даже в солнечный день. Темной же ночью он выглядел как декорация из мультфильма про Скуби-Ду. Внутри было мало света, только несколько тонких пятнышек, тут и там, на произведениях искусства, разбросанных повсюду. Я начал поворачиваться, чтобы спросить у Райли, где все, но Райли остановился за дверью и осторожно закрыл ее, оставив меня одного в полумраке.

Я недолго был один. Послышались твердые щелчки чьих-то каблучков, приближающихся по деревянному полу. Я не хотел предполагать, что это женщина. Рэйт Мэнор был именно таким местом.

Высокая фигура в облегающем черном деловом костюме приблизилась ко мне через одну из полос тусклого света. Темно-рыжие волосы, коротко подстриженные, внимательные глаза цвета морской волны - со шрамами в уголках. Она двигалась как атлет и выглядела лет на тридцать, но что-то в том, как она смотрела на меня, когда подошла ближе, заставило меня насторожиться, и я обратил внимание на то, что ее костяшки пальцев были распухшими от шрамов.

- Добрый вечер, мистер Дрезден, - сказала она, слегка улыбаясь. - Если вы последуете за мной, я отведу вас к мисс Рейт.

- Да, хорошо, - сказал я, и мы проследовали вглубь поместья. Помещение выглядело так, словно его обставили в Лувре. Я жил в квартирах, строительство которых обходилось дешевле, чем стоимость нескольких квадратных футов замка.

Мне понадобилось секунд двадцать, чтобы окончательно убедиться в своей догадке.

- Что, Ваддерунг устроил какую-то подвальную распродажу по сдаче своих валькирий в аренду?

- "Монок Секьюритиз" много кому предоставляет своих консультантов, сэр, - сказала рыжая. Она одарила меня улыбкой, в которой было слишком много зубов, и ее голос превратился в мурлыканье. - Хотя мне было бы интересно узнать, что вы подразумеваете под "подвальной распродажей".

Валькирии были сверхчеловечески сильны, быстры и выносливы и обладали тем опытом, который приходит с возрастом. И они не просто любили сражаться - они жаждали этого. Я и раньше видел валькирию в деле. Я не особенно хотел прикалываться над одной из них, и эта валькирия шла с какой-то устойчивой, неизбежной уверенностью, которая говорила, что стенам было бы неплохо держаться подальше от ее пути.

- Это не было оскорблением лично для вас, - сказал я. - Я играюсь.

- Разве я не кажусь вам игривой?- спросила она.

- Выглядите так, будто играете жестко, - сказал я.

Женщина издала смешок, который вырвался прямо из ее живота.

- У вас есть глаза, и вы ими пользуетесь, seidrmaðr, - она задумчиво посмотрела на меня. - Большинство мужчин не умеют проявлять уважение.

- Неужели так сложно их поправить?

- Нет, не сложно, - спокойно сказала она. - Моя сестра говорит, вы хороши в неприятностях.

- Сестра? - спросил я. - Ох, Сигрун Гард?

- Очевидно, - сказала она. Она протянула мне левую руку. - Фрейдис Гард.

- Гарри, - я пожал ее руку. Ее хватка напоминала пневматический зажим, а мои забинтованные руки были очень чувствительны. - Ой, будьте со мной помягче.

Она снова рассмеялась.

- Я кое-что слышала о вас, но вы, должно быть, особенный. Лара никому не позволяет прерывать эту часть ее дня.

- Это, наверное, проще, чем менять потом весь ландшафт, - сказал я.

- Должно быть, так оно и есть, - сказала Фрейдис. Она подошла к двери, остановилась и указала совершенно неуместным жестом Ванны Уайт в ее сторону. - И вот мы на месте.

Так что я открыл дверь и прошел внутрь Додзё Рейт.

Я имею в виду, когда у вас в доме пять газиллионов комнат, одна из них, очевидно, должна быть додзё. Однозначно.

Комната была ярко освещена, резко контрастируя с остальным домом. Стены были белыми, с них свисало несколько белых шелковых знамен, на которых были нарисованы черные кандзи. Я знал достаточно, чтобы распознать надпись, но не настолько, чтобы прочитать ее. Тренировочный пол был сделан из гладкого дерева с татами, покрывающими большую его часть.

Посреди тренировочного зала стояла женщина в белом кимоно, держа в руках гладкий круглый посох, который назывался бо. Она проходила через тренировочную рутину, вращая оружие дугообразным пятном вокруг себя и перед собой. Звук оружия, рассекающего воздух быстрее, чем обычный человек мог бы им двигать, был ровным свистом.

Она повернулась и посмотрела на меня, все еще нанося удары, вращаясь, толкая пустой воздух. У Лары Рейт были скулы, способные расщеплять атомы, яркие серо-серебристые глаза, способные сверлить сталь, и улыбка, которая могла стать более жестокой, чем нож-потрошитель. Ее иссиня-черные волосы были длинными и ниспадали бы на поясницу, если бы не были собраны в беспорядочный пучок. Она застыла посреди своей тренировки, тело полностью остановилось, превратив ее из дервиша в манекен. Демонстрация совершенного контроля была более чем впечатляющей. И интересной.

Но это была Лара. Я никогда не был в ее присутствии, не чувствуя сильного влечения к ней, и я вовсе не был уверен, что это было потому, что она была вампиром Белой Коллегии и самым близким к определению суккуба существом, которое можно айти по эту сторону ада. Это было больше связано с ней. Лара была красива и опасна, как голодная тигрица, и очень, очень умна.

Она на секунду встретила со мной взглядом, а затем слегка улыбнулась.

- Если ты хочешь поговорить со мной прямо сейчас, Гарри, - сказала она, -ними туфли и возьми бо.

- Ох, да ладно, - сказал я.

Она выгнула бровь.

- Я никому не уделяю время своей тренировки, - сказала она. - Это мой дом. Ты пришел ко мне. Прими мои условия или уходи, Дрезден.

Я выдохнул.

Сделать то, что она просит, было для нее приемлемым способом обойти традиционную защиту моего права гостя. В конце концов, если бы мы были в додзё, тренировались, и что-то плохое случилось со мной, это могло бы быть прискорбным несчастным случаем. В конце концов, боевая подготовка сама по себе опасна. Или, предположил я, она может заявить, что я пытался убить ее, как Томас пытался убить Этри. На самом деле, я мог видеть своего рода безрассудную логику в том, что Лара попыталась бы мутить воду вокруг ситуации Томаса, создав аналогичную ситуацию со мной, а затем бросив вину на более широкий заговор. Чушь собачья, но кто-то, достаточно отчаявшийся помочь семье, мог бы убедить себя в этом.

Я прикусил губу. Но только не Лара Рейт. Совсем не в ее стиле.

Лара была самым скользким и коварным вампиром в корзине психопатов-социопатов. Я действительно не видел в ней такого же гедонистического монстра, как во многих других вампирах Белой Коллегии, которых я встречал - она была чем-то гораздо более опасным. Она была дисциплинированной, с жестким самоконтролем, и она не уступала ни демоническому паразиту, который делал ее монстром, ни любому другому, кто пытался заставить ее делать то, что она не хотела делать.

Если бы Лара хотела моей смерти, это бы уже случилось. Это было бы неожиданно, быстро и хорошо исполнено, и у меня, вероятно, было бы мало шансов ответить. Возможно, я даже не понял бы, что произошло. Я видел, как Лара дралась - и она видела, как я делал то же самое. Ни один из нас не был заинтересован давать другому шанс на ответный удар.

Но во времени я был ограничен. Тратить его на пререкания с Ларой из-за протокола - брату не поможет. Поэтому я стиснул зубы и скинул кроссовки.

Лара наблюдала за этим, и ее улыбка стала немного порочнее

- Хороший мальчик.

- Ну, это совершенно очевидно, - сказал я и присел, чтобы снять носки. Я встал, не снимая плаща, и взял свой собственный бо с простой деревянной стойки, стоящей чуть в стороне от тренировочной площадки. Я размял поврежденные руки и поморщился от боли. Боль уже становилась все менее заметной, по мере того как Зимняя мантия заполняла поврежденные нервные окончания с отдаленным ощущением холода.

Я обошел Лару, встал перед ней и занял позицию наготове, свободно сжимая посох, большая часть которого была вытянута передо мной на уровне талии, как будто кто-то протягивал вилы с сеном.

Лара повернулась ко мне и, улыбаясь, поклонилась в пояс.

- По-европейски.

Мерфи также показывала мне много всяких азиатских штук, но я не хотел, чтобы Лара знала об этом.

- Я учился в Хог-Холлоу, штат Миссури, - сказал я. - Но мой первый учитель был шотландцем.

- Большую часть восемнадцатого века я провела в Японии, - она сама заняла позицию наготове, держа посох вертикально, нижний конец которого был направлен в мою сторону.

- Я думал, что в то время она была закрыта для всех посторонних.

Она ухмыльнулась и слегка качнула бедром, отчего мне захотелось убежать.

- Ты меня видел?

- Эм. Точно, - сказал я.

Её улыбка стала теплее.

- Чего же ты хочешь, Гарри?

Я направил посох в ее сторону в простом ударе. Она легко парировала удар и отразила его с такой силой, что оружие чуть не вырвалось у меня из рук. Я восстановил оружие и равновесие, отступая от удара, который пришелся на ковер, где моя босая нога была мгновением раньше. Удар был силен достаточно, чтобы по комнате разнесся треск, как от удара наотмашь.

- Адские колокола, Лара! - сказал я.

- Боль - лучший учитель, - сказала она. - Я не пропускаю удары. И тебе не следует.

Она атаковала на меня сильным, быстрым ударом на уровне моих лодыжек. Я поймал его концом посоха и отбросил ее оружие назад.

- Ты слышала про Томаса.
- И про твой визит к нему, и про твой визит к Жюстине позже, да,
- сказала она. - Что он тебе сказал?

Я покачал головой.

- Все, что он произнес это имя Жюстины. И едва-едва это сказал.
Они здорово раздробили ему рот.

Я провел еще одну атаку вне досягаемости для Лары и повел её вдоль края циновки. Она была высокой для женщины, но я высок для кого угодно. У меня, вероятно, было больше фута преимущества в досягаемости до неё, и я начал использовать это. Шесты трещали друг о друга снова и снова, и я едва избежал раздробления костяшек пальцев. Она была быстрее меня и более опытна в чисто техническом смысле. Но это единственное, что решает в настоящих драках. Это схватка медведя против горного льва - если я ее подловлю и смогу использовать свою силу и выносливость, у нее будут проблемы. Я продолжал прижимать ее к углам циновки, и она все время ускользала, при этом не сходя с нее, на шаг впереди меня.

Но есть и другие способы замедлить людей.

- Мои люди прикрывают Жюстину, - сказала Лара. - Насколько это вообще возможно, если не изолировать ее тут.

- Она беременна, - сказал я.

Лара пропустила шаг, и я был готов. Я ткнул концом бо ей в колено. Она избежала этого, но лишь приняв удар икрой ноги, через кимоно, и зашипела от боли. Она ответила ударом по моей голове, от которого я уклонился, а затем снова встала на одну ногу, держа оружие наготове для защиты или нападения, ее глаза сузились.

Если бы это было по-настоящему, бой закончился бы в считанные мгновения. Или, по крайней мере, прелюдия. Мы оба перешли бы к использованию сверхъестественных способностей, и одному Богу известно, в какой хаос это бы вылилось. Я отошел назад, уперся концом бо в пол и согнулся в легком поклоне.

Лара настороженно посмотрела на меня, а затем, как могла, повторила мои движения на одной ноге, что выглядело превосходно.

- Ты уверен? - спросила Лара мгновение спустя, несколько раз вращая лодыжкой на ноге.

- Томас был, - сказал я.

- И они не сказали м... - Лара сжала губы. Затем она встала в более агрессивную позу, навроде моей, и я встал настороже, чтобы соответствовать ей. Мы атаковали и парировали на мгновение, кружа. - Ты рассказывал о нем его деду? - спросила она.

Я запнулся, и Лара послала мне удар, прямо в пряжку ремня, сбив меня с ног, так что я упал на задницу.

Я немного посидел на полу, глядя на Лару, которая опустила свой посох и поклонилась точно так же, как я, и спокойно смотрела на меня.

Она знала о нас с Томасом. Я имею в виду, я знал об этом, но она собрала достаточно данных, чтобы понять, кто такой Эбинизер. Белая Коллегия имела репутацию коварных интриганов. Связи с ними, независимо от их источника, у большинства сверхъестественного мира вызывали подозрения. Если связь Эбинизера (и моя) с Белой Коллегией станет достоянием общественности, последствия в нашей нынешней ситуации будут... неприятными.

И у Эбинизера не просто проблемы с вампирами: постоянно выходят новые главы и дополнения. Так что потенциально это по-настоящему первоклассный беспорядок.

- Я знала с самого начала, - нетерпеливо сказала она, словно прочитав мои мысли. - Я присутствовала, когда мой отец был одержим твоей матерью. Он заставил меня играть роль няни для Томаса. Я часто слышала их разговоры, потому что, очевидно, никто в моей семье не понимает, каким смертоносным оружием может быть умение слушать, и однажды она оставила Томаса на мое попечение, когда навещала Маккоя. А после ее смерти я помогла отцу повесить ее портрет в этой его маленькой психопатической эгоистичной галерее.

Я кивнул.

- Но ты никогда об этом не говорила. И не пыталась использовать в качестве давления.

- Нет, - ответила она. - Потому что именно я меняла Томасу подгузники после того, как его мать сбежала от нашего отца. Одевала его. Кормила его с ложечки. Научила его читать. - Она покачала головой, не сводя глаз с одного из знамен. - Я безжалостнее многих, Дрезден. Но даже для меня есть пределы. Большая часть этих ограничений связана с семьей.

- Поэтому ты не использовала это против него, - сказал я. - Но почему ты не использовала это против меня?

- Ты никогда не давал мне повода драться так грязно, - ответила она. - И я не смогла бы использовать это против тебя, не подвергнув опасности и моего брата.

- Тогда ты понимаешь, почему я хочу ему помочь, - сказал я.

- Мы оба этого хотим.

- Тогда вытащи его, - сказал я. - Ты ведь можешь это сделать, правда? Договориться с Этри и его людьми?

Черты ее лица слегка изменились. Каким-то образом они стали бледнее, и теперь больше подходили мраморной статуе, чем живому человеку.

- Невозможно.

- Нет ничего невозможного, - сказал я.

Она подняла тонкую белую руку.

- В сложившейся ситуации это так. Мне показали предварительные доказательства. Томас вошел в их посольство под ложным предлогом, менее чем через десять минут после начала перемирия мирных переговоров, и попытался убить их короля. На камеру. Если я стану отрицать и оправдывать его действия, у Этри не останется иного выбора, кроме как предположить, что это я послала Томаса убить его.

- Люди Этри выглядят скучными, но у них мироощущение викингов, - тихо сказала я.

- Да, - ответила Лара - Если они поверят, что я пыталась причинить вред Этри, они начнут войну, в которой я вовсе не уверена, что хочу сражаться, - она издала смешок, в котором было что-то истеричное. - Томас не мог бы все испортить еще больше, даже если бы у него был год для планирования.

- Должно быть что-то, что ты можешь сделать, - сказал я. - Как на счет виры?

Лара скривилась.

- Этот погибший свартальв...

- Остри, - сказал я. - Его звали Остри.

Она смотрела на меня на мгновение, с беспокойным выражением.

- Остри, ладно. Он погиб, защищая главу государства. Это преступление против свартальвов как нации, а не только отдельной личности. Вира - это то, что используют правители, когда они оба

хотят избежать конфликта. Этри - не хочет, - она снова покачала головой. - Наш брат вне моей политической досягаемости.

Я нахмурился.

- Ну, тогда зачем тебе все эти морские пехотинцы?

Лара посмотрела на меня так, словно я был ребенком, который не смог отбить самый слабый и медленный мячик.

- Если я попытаюсь силой забрать его с территории свартальвов, это будет означать не только крупную военную операцию против дракона в его логове, но и нарушение их суверенной территории, определенной в соглашениях. Тогда Мэб не останется нейтральной - она будет обязана им помочь. Она может даже послать за мной своего охотника. - Она покачала головой. - Возможно, я захочу и смогу пойти против Этри и его людей ради моего идиота брата, если не будет другого выхода. Но я не могу и не буду вести свой народ в суицидальную войну против свартальвов, Мэб и других наций, подписавших Соглашения.

Она отвела взгляд, посмотрела на одно из знамен и его иероглифы и, казалось, на мгновение устыдилась.

- Даже внутри моей собственной Коллегии моя власть имеет пределы. Если бы я попытаюсь сделать что-то неразумное, меня сместят.

Я медленно выдохнул.

Какое-то время она молчала.

- Почему, - спросил я ее. - Почему он это сделал?

Она покачала головой.

- Я надеялась, что ты знаешь что-то, чего не знаю я, чародей. Это не деяние моих рук, и он не дал мне ни малейшего намека на то, что это произойдет - вероятно, чтобы обеспечить мне достаточно возможностей избежать войны. Что, я полагаю, указывает на то, что несмотря на этот идиотизм, он не желал зла.

- Драка окончена, - сказал я.

- Да.

- И переговоры тоже.

- Похоже, что так.

- Но мы должны что-то предпринять.

Выражение лица Лары стало совершенно непроницаемым.

- Очевидно. Я открыта для идей.

- Мы должны создать больше возможностей, - сказал я.

Она кивнула с задумчивым выражением лица.

- Я буду работать в зале на торжестве завтра вечером. Возможно, там можно будет найти какие-то рычаги воздействия.

- Возможно? Может быть? - я отрицательно покачал головой я, вставая. - Наш брат умрет, если мы ничего не предпримем. Если тебя это не беспокоит...

Лара приблизилась ко мне черно-бело-серебристым пятном, которое преодолело двадцать футов за меньшее время, чем мне потребовалось, чтобы моргнуть. Бледными руками она схватила мою пыльник и швырнула меня на циновку с такой силой, что я увидел звезды. К тому времени, как я смахнул несколько из них из поля зрения, Лара уже сидела на мне верхом, одна рука была обернута в плащ, другая поднята, словно нож, и напряжена, готовая вцепиться мне в горло.

- Не смей, - прошипела она, склоняясь ко мне, - говорить мне, чего стоит моя семья. Или что я готова сделать для них.

Мне особо нечего было сказать. Мы оба трепещали. Я поймал себя на том, что смотрю на ее губы.

Глаза Лары стали ярче, переливаясь, словно зеркала. Секунду она смотрела на меня, тяжело дыша от напряжения, вызванного столь быстрым движением.

У меня были очень интересные ощущения от восприятия ее веса на себе. Как и у моего... тела. Иногда мое тело излишне переполнено энтузиазмом.

Кроме того, Зимняя мантия обезумела. Мантия не просто открывала доступ к бескрайним источникам силы Фейри, давала доступ к большей физической силе и скорости. Зима была средоточием всего примитивного и первобытного. Они были охотниками, налетчиками, захватчиками. Не стоило искать у Зимнего двора объятий. Ты не найдешь ничего, что бы не пригвоздило твои ребра к позвонкам, но если ты хочешь дикого, животного секса, это сюда. Пришли по адресу. В смысле, вас могут разорвать на части в процессе, но для Зимы это мелочи.

Мантия решила, что Лара фантастична. Что она нуждается в ком-то, кто сорвет с нее одежду и займется с ней многочасовыми физическими упражнениями, и по ее мнению, этим кем-то должен

быть я. Мое тело поддержало эту концепцию. Оно поддержало ее настолько сильно, что я почувствовал, как медленное, чувственное напряжение наполнило мои мышцы, прижимая мое тело к ней немного плотнее, в тех местах, где мы соприкасались.

- Ох, - тихо выдохнула Лара. Глаза ее засияли словно зеркала.

Я опустил глаза и отвернулся, пока все не усложнилось еще больше. Стало не сильно лучше. Теперь я мог видеть одну из ее ног, расположенную с этой стороны, и она не была скрыта складками кимоно. Ее безупречная бледная кожа покрывала великолепные мускулы. У нее даже ноги красивые.

Она прильнула ближе и вдохнула через нос. От этой близости у меня закружилась голова - помимо всего прочего.

Я сосредоточился сквозь... ну, не боль, но потребности быстро нарастают в этом направлении. Я оттолкнул глупые идеи своего тела подальше и заговорил спокойным, монотонным голосом.

- Лара, - тихо сказал я.

- Да? - выдохнула она.

- Это случайность, - спросил я ее, - или ты собралась меня использовать?

Я старался говорить спокойным, ясным и непринужденным тоном. Но получилось чертовски ниже, тише и более хрипло, чем задумывалось. Потому что, единственное, о чем я в этот момент думал - как сильно я хотел бросить ее на кровать и начать срывать одежду. За этим стремлением не было никаких мыслей и эмоций, только первобытная физическая потребность тела, требующего удовлетворения.

Интересно, она чувствует что-то похожее?

Ее бледные глаза неотрывно смотрели на меня, и выглядела она, словно думала о чем-то еще. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы облизать губы и ответить.

- Скорее... и то, и другое. Я могу использовать по своему желанию. Но не всегда могу не использовать.

Я сглотнул.

- Тогда слезь с меня, - по крайней мере, слова вышли правильные.
- Это деловой визит. Я пришел, чтобы найти способ помочь Томасу. А не для развлечения с главным сексуальным хищником.

Лара моргнула, глаза ее потемнели на несколько оттенков. Ее губы медленно растянулись в искренней улыбке.

- Как ты меня назвал? - спросила она.

- Ты меня услышала, - сказал я.

Напряжение покинуло ее. Мгновением спустя она уже поднялась на ноги и отошла на несколько шагов от меня. Мне пришлось заставить себя опустить руки и не хвататься за ее одежду, когда она отсранилась.

- Что ж, - сказала она. - Ты не ошибся.

Я медленно выдохнул и затолкал Зимнюю мантию и ее дурацкие первобытные инстинкты обратно на задворки. Не уверен, что испытал облегчение, когда Лара отошла, но наверное, для нее это было проще.

Она отвернулась и сказала:

- Чем больше силы, тем меньше гибкости, чародей. - Она покачала головой. - Белая Коллегия принадлежит мне. Но я не могу ее разрушить безрассудными деяниями. Даже ради моего идиота-брата, - качала она головой. - Если ничего не изменится, у меня не будет другого выбора, кроме как отречься от него.

- Без твоей поддержки, - очень тихо сказал я. - у него вообще нет шансов.

Она закрыла глаза и выдохнула. Затем повернулась ко мне, пристально глядя глядя своими серыми глаза, столь глубокими, что казались почти голубыми, и произнесла:

- Нет, Гарри. Один все еще есть.

Я сглотнул и сказал:

- Ох.

Я.

Глава 15

Монстромобиль не создавался для гонок. У него не было гидроусилителя руля или тормозной мощности - только мощность - и он потреблял около двух галлонов на милю.

Я настроился на обратный путь. Райли и пулемёт проводили меня обратно к воротам. Я свернул от поместья на неосвещённую просёлочную дорогу, которая выведет меня обратно на шоссе. Приближался колдовской час, и летняя ночь была насыщена жарой и дождем, который не пролился. Окна начали запотевать, когда вампирский Грейсленд удалялся позади меня и с трудом его оставил.

Мой брат был в беде и Лара не собиралась ему помогать.

Я яростно думал, как его вытащить. Белый Совет сделает ничего полезного, если Лара не обратится к ним с официальной просьбой - действие, которое должно произойти открыто, и которое люди Этри обязательно сочтут молчаливым признанием вины в отношении Томаса. Мэб не поможет Томасу. Он интересовал её только как замену Рыцарю на случай, если со мной что-нибудь случится, а она могла меня обмануть на этот счёт. Она не делала ничего во имя доброты. Если я не смогу показать ей пользу для Зимы в деле спасения моего брата, он будет волновать её не более, чем пол, по которому она идёт.

Два моих единственных источника дипломатической силы не собирались помогать, и я был чертовски уверен, что не смогу проникнуть в полностью защищённую крепость свартальвов и вытащить его оттуда самостоятельно. Это было бы самоубийством и для меня и для Томаса. Если я пойду на это и прихвачу друзей для поддержки, будет ли это считаться суицидальным убийством?

Боже, я чувствовал себя больным. И усталым. Дурацкие гончие. Дурацкие таблетки от аллергии.

Что я должен был делать?

У меня заурчало в животе. Я раздумывал не заскочить ли мне в круглосуточную бургерную, когда я доберусь до шоссе. С одной стороны, моему телу определено требовалось топливо. С другой, мой желудок чувствовал, что он, вероятно, будет возражать против добавления чего-либо в него. Я рылся в карманах в поисках монетки,

когда передо мной на дороге показались серые фигуры. Я ударил по тормозам и оставил за собой широкие полосы резины на дороге, сражаясь с большой старой машиной в попытке остановиться.

Я остановился так, что нос машины был направлен в сорняки, а фары отбрасывали резкий конус белого света отчасти на дорогу, а отчасти на густые деревья, которые окружали нас.

Я заглушил двигатель и уставился через окно со стороны водителя на четырёх Стражей, перегородивших мне дорогу.

Рамирес стоял в середине команды и чуть впереди, опираясь на трость, его тёмные глаза смотрели твёрдо. Он был первым, кто встретил бы мой бампер, если бы я не смог остановить машину. Исчезла повседневная гражданская одежда, он был одет в тактическую экипировку по версии Белого Совета, дополненную его серым плащом Стража.

Справа от него стоял Дикий Билл Майерс. Дикий Билл раздался в ширину, в свои двадцать с лишним лет, у него прибавилось мускулатуры и плотности зрелого тела. Он отрастил бороду и она больше не была тонкой и пятнистой как раньше. Теперь он чем-то напоминал мне Гризли Адамса. Его плащ казался короче, чем он был в начале войны с Красной Коллегией - Дикий Билл тогда ещё не закончил расти. Вместо одного из зачарованных мечей, которые носили большинство авторитетных Стражей, у Дикого Билла был охотничий нож, над которым он постоянно работал в течение многих лет. Он был на поясе напротив револьвера, который весил столько же, сколько моя нога.

С левой стороны дороги в тених, отбрасываемых моими фарами, стояла Йошимо, которая запрещала всем называть её по имени. Рамиресу потребовалась пара лет, чтобы узнать, что она Юки, и я уверен, что она ему этого не простила. Это была девочка из Окинавы, ростом около 5 футов и 4 дюймов, она носила катану на бедре и штурмовую винтовку на ремне на плече. Она могла использовать и то и другое как звезда Кинг Конга.

Четвёртый член команды Рамиреса стоял слева от него, пристально глядя на мои фары. Это был стройный, щеголеватый молодой человек, одетый в сшитый на заказ костюм верблюжьего цвета и аккуратно дополняющий образ котелок. Чендлер тоже экспериментировал с растительностью на лице, и сейчас носил густые

свирепые усы Фредди Меркьюри. Это могло бы смотреться глупо с его одеждой, но Чендлер, будучи Чендлером носил их с размахом. Может быть этому способствовала прогулочная трость со строгим орнаментом. Он был единственным из всех четверых, кто не был одет для битвы, но Чендлер всегда придерживался мнения, что надо поддерживать цивилизованные формы общения даже сильнее, чем это необходимо.

Мы впятером прошли через многое, хотя Чендлер обычно был нашим куратором и контактным лицом, а не работал в поле.

Никто из них не улыбался.

Я мог узнать боевой настрой, когда его видел.

Гарри, подумал я про себя. Эти дети могли тут оказаться, чтобы навредить тебе.

Я сидел в машине ещё мгновение, пока двигатель щёлкал. Затем я сказал:

- На будущее, вам, ребята, возможно стоит искать переход. Или может быть взрослого, который переведёт вас за ручку.

- Нам нужно поговорить, Гарри, - сказал Рамирес. - Есть минутка?

Я посмотрел на него и затем задумался.

- Как ты наложил отслеживающее заклинание?

- Правое запястье, - ответил он.

Я взглянул на него, затем поднял правую руку и присмотрелся. Мне пришлось поворачивать руку вокруг большого пальца до тех пор, пока она не оказалась почти полностью повернутой от меня, чтобы заметить точку чёрных чернил на внешней стороне моего запястья.

Рамирес поднял правую руку и пошевелил мизинцем, где на коже виднелась точно такое же пятнышко чернил.

- Вау, - сказал я ровным тоном. - Не доверяешь мне с самого начала, хах?

Он пожал плечами.

- Я довольно ясно выразил свои намерения, - сказал он. - Если ты не хочешь, чтобы другие считали тебя ненадёжным, чувак, может не стоит делать тёмные дела в тёмные времена с тёмными людьми. - Он кивнул назад в сторону Шато. - Ну же, Гарри. Это мы. Упрости всё. Поговори со мной.

- Может быть ты не знаешь про мои взаимоотношения со всем простым, - сказал я. Я взглянул на Рамиреса. Затем на остальных. -

Привет, ребята. Что происходит?

Йошимо взглянула на меня со своим самурайским выражением лица. Дикий Билл поднял подбородок в почти бессознательном жесте признательности. Чендлер закатил глаза и вышел вперёд, потянув свою руку, и сказал с идеальным Оксфордским акцентом:

- Гарри, рад тебя видеть, мужик.

Рамирес и остальные напряглись, когда Чендлер вышел на их линию огня - термин, который среди чародеев мог быть особенно буквальным. Я воспользовался возможностью выйти из Монстромобиля и посмотрел на его протянутую руку со скептически поднятой бровью.

Кобальтово-голубые глаза Чендлера блеснули, и он поднял руку, показывая мне свои пальцы. Я внимательно осмотрел их, затем обменялся с Чендлером сердечным рукопожатием, глянув на Ремиреса поверх на голову более низкого, чем я, человека.

- Как продвигается диссертация? - спросил я его.

- Порочно политически, - сказал он, улыбнувшись. - История такая сложная штука на Континенте.

- Думаю, большинство людей не может просто пойти и поговорить с теми, кто жил во то время, - сказал я.

- Точно. Сводит с ума, - сказал Чендлер. - Мне жаль, что мы делаем это, Гарри. Но ты должен признать, старина, что у тебя был чертовски странный день. Ну или так может показаться со стороны.

Я ответил добродушно нахмурившись и плохо воспроизводя его акцент:

- О, правда? И как же, если ты не возражаешь, что я спрашиваю?

Улыбка Чендлера не дрогнула. Но каким-то образом стала похожей на каменную.

- Никто не может быть настолько лицемерным, Дрезден. Зимняя Леди предоставляет тебе квартиру в посольстве свартальвов. Вскоре после этого, известный агент Лары Рейт и твой частый союзник проникает внутрь каким-то образом и пытается убить Этри. Через несколько часов, ты наносишь визит второй половинке убийцы, а затем встречаешься с мисс Рейт.

- Гм, - сказал я. - Конечно, я имею в виду, когда ты представил всё так, я вижу, как это могло показаться немного подозрительным.

- У меня на родине существует древняя традиция изворотливого мышления, - сказал Чендлер. - Возможно, это сделало меня циничным

и жестоким, но это выглядит для меня так, словно в этих событиях присутствует беспокоящее число связей. Это заставляет меня задуматься, был ли ты полностью честен с нами.

Я поднял запястье так, чтобы было видно пятно черных чернил, нанесенных Рамиресом.

- Ты собираешься читать мне лекцию о том, как быть открытым и честным? И, серьезно, чернила, после всего того, что было в последний раз с настоящим предателем в Совете? О чем вы думали?

Чендлер выгнул бровь. Он бросил взгляд через плечо на Рамиреса и сказал:

- Верное замечание. - Он шагнул ближе и понизил голос. - Но всё равно, Дрезден. Это чертовски странно. Возможно сейчас подходящее время "сровняться" с нами, говоря по простому.

Мгновение я изучал лицо Чендлера, затем посмотрел на остальных Стражей.

- Как вы решали, кто будет хорошим копом? - тихо спросил я их. - Камень, ножницы, бумага?

- Не будь дураком, - ответил Чендлер. - Будучи академиком, я постоянно сталкиваюсь с темпераментными потенциальными психами. Я был очевидным выбором. И мы тянули соломинку.

- Псих, да? - спросил я.

- Тут есть определённые вопросы о том сколько твоей воли всё ещё принадлежит тебе, да, - откровенно сказал Чендлер.

- Я сам по себе, более-менее, - ответил я.

- Да, что ж, ты бы так думал бы, не так ли? - сказал Чендлер с кривой улыбкой. - Ты видишь наше затруднительное положение. Чтобы здесь не разворачивалось, мы это не совсем понимаем. И в наших интересах узнать как можно больше.

То как он это сказал, было чем-то новым. Он не использовал слово "мы" инклюзивно, типа, мы все здесь друзья. Он использовал это слово как исключаящий термин. Мы, все мы, не ты.

Он имел ввиду меня как кого-то не из Белого Совета. Его яркие голубые глаза смотрели прямо на меня почти умоляюще, когда он это говорил, желая, чтобы я понял сообщение. Я увидел огонёк узнавания в его глазах, когда он увидел, как я перевариваю то, что он на самом деле сказал: учти, Гарри, Белый Совет теперь рассматривает тебя как угрозу.

Это голосование не сулило мне ничего хорошего.

- Понимаю, - сказал я, поспешно отводя взгляд от его глаз. Я слегка кивнул Чендлеру в знак благодарности, и он приподнял брови в знак признательности. - Слушайте, вам, ребята, не о чем беспокоиться. Вы сказали мне, что хотите, чтобы я поддерживал связь с Зимними. Хорошо. Я поддерживаю связь. Мэб сказала мне присматривать за Ларой, - технически я более-менее не лгал, - и я пошёл поговорить с ней.

Рамирес кивнул.

- Что ты обнаружил?

- Она сказала, что не имеет понятия о том, почему он это сделал, - сказал я. - Прямо сейчас похоже, что она хочет отречься от него перед народами Соглашения.

- И ты веришь ей? - спросил Рамирес.

- Нет причин не верить, - ответил я.

Йошимо прошипела:

- Вампирам нельзя доверять.

Интенсивность этих слов была, ох, действительно угрожающей.

- Я не доверяю вампиру, - сказал я ей. - Я доверяю своему разуму. Лара Рейт всегда полностью поддерживала Соглашение. Эти мирные переговоры станут для них важным испытанием. Она не стала бы раскачивать лодку прямо перед их началом.

- Если только у неё нет далеко идущих планов и это часть них. - сказал Рамирес. Он взглянул на Йошимо и кивнул.

Йошимо посмотрела на меня, нахмурилась и начала что-то говорить. Дикий Билл положил руку ей на плечо. Она оглянулась на него, на её лице промелькнуло заметное напряжение, но затем оно снова разгладилось, как маска. Затем она подошла ко мне, с пустыми руками, и остановилась в паре футов напротив. Я понял, что напрягся.

Как только я это сделал, появились пушки Йошимо и Дикого Билла, они не указывали точно на меня, пальцы не касались спусковых крючков, но стволы были всего на расстоянии шага от моей груди и с такого расстояния профессионалы не промахнулись бы.

- Полегче, - сказал Чендлер, его голос был ужасно спокойным и мягким. - Полегче, ребята. Давайте не делать из этого того, чем это не является.

- Какого чёрта здесь происходит, народ? - спросил я.

- Мы пытаемся помочь тебе, Гарри, - сказал Рамирес, голос как камень. - Но ты, чёрт возьми, не упрощаешь дело.

- Ставя на меня трекер? - спросил я гораздо более мягко, чем я чувствовал в этот момент. - Останавливая мою машину? Направляя на меня оружие? У тебя чертовски странное представление о том, как выглядит помощь, Карлос.

- Мы должны знать, что ты не скомпрометирован, - сказал Чендлер всё тем же успокаивающим тоном. - Дрезден, будь разумным. Последний раз, когда с членом совета, работающим на твоём уровне, что-то пошло не так, он связал главу Стражей заклинанием, передал неизмеримое количество разведданных нашим врагам, что привело к десяткам тысяч смертей, и призвал злодея, который чуть не стёр большую часть Белого Совета.

- Ты думаешь, я новый Пибоди, - прорычал я.

- Я думаю, все здесь хотят показать Совету, что это не так, - сказал Чендлер. Он беспомощно поднял руки. - Мы живём в беспокойное время и играем с очень высокими ставками, Гарри.

- Мы друзья, - сказал я.

- Так позволь нам быть твоими друзьями, - умоляюще сказал Чендлер.

- Йошимо просто собирает улики, - сказал Рамирес. - Она не собирается ранить тебя.

Я сжал челюсть несколько раз.

Последний раз, когда я сталкивался с таким количеством Стражей, был когда они пришли арестовать меня после смерти Джастина ДюМорна. Мне было шестнадцать. Я помню насколько кошмарными были эти мрачные спартанские фигуры.

И те люди не прошли через войну, как эти ребята. Сражаться как безумные против безжалостной Красной Коллегии, всегда отступая, изо всех сил пытаясь выжить, и наконец переломить ситуацию к долгому безобразному тупиковому состоянию. Возможно я смотрел на самую опытную и опасную команду Стражей на планете.

Я знал их.

Они знали меня.

Битва между нами была бы быстрая и грязная, и никто из нас не играл бы честно и не пропускал бы удары. Я научил их действовать лучше, чем это.

- Имейте в виду, - сказал я очень тихим голосом, - что любое заклинание, которые вы накладываете на меня, вы так же накладываете на левую руку Мэб и её персонального палача. Если это будет неудачный удар, она может принять это близко к сердцу. Она может даже рассердиться.

Несколько секунда после этого, вы могли слышать дыхание деревьев. Дикий Билл и Чендлер переглянулись.

- Сделай это, - сказал Рамирес.

Йошимо опустила свою винтовку так, чтобы она повисла на ремне. Затем подняла руки, сделала ими несколько резких движений и пробормотала что-то, прозвучавшее низко и резко. Как я и ожидал, вокруг меня повеял ветерок в такт движениям её рук, и затем порыв ветра вернулся к Йошимо. Она сделала ещё несколько точных геометрических движений руками, и воздух вокруг неё замерцал искрами красного и оранжевого света. Йошимо мгновение изучала мерцание и нахмурилась, затем ударила рукой по воздуху, заканчивая заклинание. Она отвернулась от меня.

- Ну, - спросил Рамирес.

- Он был по меньше мере с одним сексуальным партнёром за последние несколько часов, - сказала Йошимо. Её голос казался мягким и спокойным, но за ним угадывался ядовитый, кипящий гнев.

И, как только я осознал, что они делают, мой собственный гнев начал опасно нарастать. Совет совал свой нос в мои дела всю мою сознательную жизнь. Не стоило его совать ещё и сюда. Моё сердце начало биться чаще.

- Кто это был? - спросил меня Рамирес тяжёлым голосом.

- Наглость, - прорычал я.

- Это была Лара? - надавил он. Его челюсть словно окаменела. - Гарри, она добралась до тебя?

Мои пальцы сжали посох так, что дерево затрещало.

- Ты переходишь проклятую черту, Карлос.

- Гарри, - начал Чендлер умиротворяющим тоном. Он потянулся и дружески положил руку мне на плечо.

Я стряхнул её.

Чендлер зашипел и убрал руку, держа её близко к телу.

- Мы должны знать, Дрезден, - сказал Рамирес. - С кем ты спал сегодня ночью?

- Из-за того, что твоя сексуальная жизнь - полная катастрофа, не переноси на меня это дерьмо, - прорычал я.

Лицо Карлоса побледнело, но его выражение лица не изменилось.

- Верю. Кто?

- Я внезапно вспомнил, почему у меня проблемы с властями, - сказал я. - Иди на хрен, Рамирес. И скажи тому, кто приказал тебе это сделать, перестать толочь воду в ступе.

- Мне приказала это сделать капитан Люччо, - тихо сказал Рамирес. - Она всё ещё твой друг. И она тоже хочет тебе помочь.

- Мне не нужна помощь такого рода, - сказал я. - Предполагается, что мы на одной стороне.

- Так и есть, - решительно сказал Чендлер. Затем его лицо изменилось. - Если только... мы не на одной, полагаю.

- Каждое слово, которое я вам сказал - правдиво, - огрызнулся я. Или по крайней мере не лживо. - С меня достаточно дерьма от Белого Совета для одной ночи.

- Гарри, давай проясним всё вместе с капитаном, - сказал Чендлер. - Вернись в Эдинбург с нами. Поговорим об это, да?

Это было рациональное предложение и оно было абсолютно неприемлемо, потому что у Томаса не было столько времени, чтобы я провёл целый день на враждебном разборе полётов в Эдинбурге. Такие штуки основательны и утомительны. Возможно, я проходил через них раз или два.

Это не оставляло мне выбора.

- Я говорил, - ответил я. - Вы не слушали. Проблема с вашей стороны. - я взглянул на Рамиреса. - У меня много работы. Уйди с дороги. Или арестуй меня. - Я опустил на землю мой посох и тряхнул браслетом с щитами, чтобы всё прояснить. - Если ты сможешь.

Стало по-настоящему тихо. Никто не поднимал на меня глаз, всё внимание было приковано в Рамиресу.

Он медленно выдохнул. Затем сказал, - Боже мой, Гарри, ты собираешься ничего упрощать, правда?

- Из нас двоих, - сказал я, - кто здесь определённо оскорбил другого? Ты подозреваешь, что я мог что-то натворить. И ты определённо оскорбил меня, пытаясь это выяснить. И ты сделал это первым.

- Мы оба делали вещи, которые предпочли бы не делать, как Стражи, - ответил он. - Это наша работа. - Он тряхнул головой и, тяжело опираясь на трость, похромал с дороги. - Завтра в шесть вечера совещание по вопросам безопасности в "Четырёх Сезонах" перед встречей. Мы зарегистрированы под именем МакКоя.

Я наклонил голову и сузил глаза: - Я всё ещё в команде, а?

- Держи друзей близко, - сказал Рамирес.

Я вытолкнул дыхание в пародии на смешон и повернулся обратно к Монстромобилю.

- Гарри, - окликнул Рамирес.

Я остановился, не оборачиваясь к нему.

- Я надеюсь, что я не прав, - сказал он. - Я надеюсь, что мне придётся извиниться перед тобой позже. Боже, я буду рад сделать это. Пожалуйста, поверь, что по крайней мере это правда.

В эту секунду я не чувствовал ничего, кроме усталости.

Тайны - тяжёлые, тяжёлые штуки. Носите с собой слишком много слишком долго, и их вес сломает вам жизнь.

Я хотел сказать всем прогуляться, поговорить с Рамиресом наедине, и рассказать ему всё. Карлос был хорошим человеком. Он поступил бы правильно. Но профессиональная паранойя Белого Совета делала это невозможным. Чёрт, если они думали, что я обратился против них, они рассмотрят тот факт, что я хочу поговорить с Рамиресом наедине, как доказательство того, что я пытаюсь изолировать Рамиреса, чтобы обернуть и его. Другие Стражи может даже не дадут нам поговорить. И даже если бы мы поговорили, если Карлос действительно думает, что я превратился в чью-то марионетку, он мог бы поговорить со мной и доложить обо всём, что бы сказал Совету в попытке выяснить, какую дезинформацию я попытался им скормить. Если бы он знал, что я собираюсь освободить Томаса, у него была отличная причина задержать меня, чтобы предотвратить инцидент, который может быстро вырваться из-под контроля.

Страх - это тюрьма. Но когда вы объединяете его с секретами, он становится особенно ядовитым, злобным. Это изолирует нас друг от друга, мы не способны слышать друг друга ясно.

- Ты, - сказал я бесцветным голосом. - Извинишься.

Затем я сел в машину и снова поехал.

Один.

Глава 16

Я был усталым и больным, и это означало, что я не форме для работы, для которой важно внимание к деталям, но я не знала, как ещё поступить.

К чёрту всё это. Если я должен сделать всё один, я это сделаю.

Я начал планировать наперёд.

Так что, поев фастфуда, я остановился на станции дальнотойщиков на шоссе и принял душ. Я тщательно споласкивался так долго, пока не убедился что отслеживающее заклинание Рамиреса больше не действует на меня. Я так же оттер чернильное пятно вместе с парой слоёв кожи, чтобы он не смог наложить это заклинание снова. Когда это было сделано, я сделал несколько покупок и отправился обратно.

Мне нужно было немного уединения, так что я выбрал случайное направление подальше от людей, а затем начал следовать за своими инстинктами, пока не остался чертовски уверен, что никто не преследует меня физически. Я оказался в государственном парке Иллинойс Бич, когда небо на востоке стало тёмно-синим после нескольких часов полной темноты. Он был примерно в семи милях от берега озера Мичиган, и состоял в основном гальки, дюн и болот с низкими кустами и иногда более высокими деревьями. Я нашёл парковку около церкви недалеко от парка, взял свои вещи и направился внутрь. Парк должен был открыться только после рассвета, так что я посматривал, нет ли поблизости рейнджеров или других любителей путаться под ногами Здесь работали настоящие профессионалы.

Что было к лучшему, ведь когда ты призываешь могущественное создание из другого измерения, на тебе лежит большая ответственность.

Прежде всего, вы приводите кого-то могущественного и опасного в наш мир. Не имеет значения, пытаетесь вы призвать ангела, или позвать одного из Падших, вы должны принять это во внимание. Даже доброжелательные существа могут вас убить, даже не осознавая, что происходит, пока не станет слишком поздно. Злобные создания, конечно же попытаются вас убить. Поэтому местоположение очень

важно, если вы хотите хотя бы шанс убежать от этого, прежде всего. Если вы сможете найти место, которое каким-то образом перекликается с сущностью существа, которого вы призываете, это даст вам небольшое преимущество, и вы затратите меньше энергии, проводя его в наш мир.

Далее, сдерживание. В соответствии с первым пунктом, вам нужно каким-то образом убедиться что та штука, которую вы призвали, не выйдет и не начнёт делать всё, что ей заблагорассудится. Большинство тварей просто уйдут, превратив всё это путешествие в никуда в пустую трату времени.

И наконец, мотивация. Создания из-за пределов мира смертных обычно не работают бесплатно. После того, как вы уговорите их оставить вас, либо убить прямо сейчас, вам потребуется что-то, чтобы подсластить пилюлю.

Я нашёл идеальную точку, когда прошёл весь путь пушком и достиг берега озера. Свет менялся, обещая приближающийся рассвет, но на самом деле ещё не стало светлее. Я оказался у начала песчано-галечного пляжа, который резко пересекался с густыми деревьями. У основания самого большого дерева лежали обломки явно незаконного дома на дереве, который кто-то построил десять или двадцать лет назад. Я все еще мог найти то, что осталось от планок, которые были прибиты к стволу дерева, образуя импровизированную лестницу.

Идеально.

Я поставил сумку с вещами на землю и начал раскладывать их по кругу, который нарисовал посохом на песчаной почве. В верхней части круга стояла штормовая свеча и журнал с изображением самой странной поп-певицы, работавшей в то время—она была одета в наряд, сделанный в основном из старых шин, и который был не слишком теплым. рядом со следующей свечой стояла банка холодного "Доктора Пеппера". Я открыл ее и прислушался, как она шипит от давления, а затем потрескивает в предрассветной тишине, восторженно пузырясь. Рядом с другой свечой я положил арбузную шипучку в пластиковой обертке. Я открыл обертку, оставив на ней похожую на драгоценный камень конфету, и воздух наполнился ее сладким ароматом и острым ароматом искусственного арбуза.

Рядом со следующей свечой лежал лист грубой наждачной бумаги, неровной стороной вверх. Я положил на него руку и медленно

провел ладонью по камешкам и клею, чувствуя, как они мягко царапают мою кожу. А рядом с пятой и последней свечой стояла банка "Нутеллы".

Я дважды проверил расположение ингредиентов, убедился, что круг замкнулся, а затем наклонился и коснулся его одним пальцем и направил свою волю. Энергия закружилась вокруг круга в песке и сразу же поднялась невидимым занавесом, закрывая землю внутри него, отрезая внутреннюю часть круга от мира смертных за изолирующим барьером.

Затем я закрыл глаза, очистил мысли и начал шептать имя.

- Маргарет Кэтрин Аманда Карпентер, - ритмично пропел я, - я зову тебя."

Свечи мерцали и плясали, хотя ветра не было. Их цвета начали смещаться и меняться, казалось бы, случайным образом, по всему спектру.

- Маргарет Кэтрин Аманда Карпентер, - прошептал я, - ты мне нужна."

Позади меня деревья взорвались движением, и я вздрогнул и обернулся. Стая стервятников, потревоженных после вечернего отдыха, взмыла в воздух, хлопая крыльями в миниатюрном грохоте. Им потребовалось несколько секунд, чтобы освободиться, а затем они исчезли в темноте воздуха, оставив после себя дрожь и несколько падающих черных перьев.

Я глубоко вздохнул и собрала всю свою волю в кулак. - Маргарет Кэтрин Аманда Карпентер, - сказал я громче и тверже. "Нам нужно поговорить. Ну же, Молли."

При третьем названии энергия хлынула из меня в круг. Свечи там вспыхнули дождем искр в дюжине цветов, и мне пришлось моргнуть и отвести взгляд.

Когда я оглянулся в круге силы стояла самая молодая королева фейри.

Молли Карпентер была высокой молодой женщиной, и когда я смотрел на нее, то всегда думал о мечах и ножах. Она стала очень худой, живя на улицах и сражаясь с вторжениями фоморов, еще тогда, когда я был почти мертв, и хотя ее положение улучшилось, очевидно, ее диета не изменилась. ее скулы выглядели так, как будто TSA будет нервничать, позволяя ей сесть в самолет, и эта худоба

распространялась на ее шею, создавая тени, которые были немного слишком глубокими и резкими. Ее голубые глаза всегда были прекрасны, но были ли они чуть более раскосыми, чем раньше, или это был просто искусный макияж?

Зимняя Леди была одета в серый деловой костюм с невысокими каблуками и стояла, отставив бедро в сторону и опершись на него кулаком. Ее серебристо-белые волосы были заплетены в тщательно уложенную косу, которая плотно прилегала к голове, и ни одна прядь не выбивалась наружу. Выражение ее лица было озадаченным, и она держала тлеющий сотовый телефон в одной руке.

Она посмотрела на телефон, вздохнула и бросила бесполезный хлам на землю.

- Привет, Молли, - сказал я.

- Гарри, - сказала она. - Именно по этой причине у меня есть телефон.”

“Это деловой разговор, - сказал я тихим, низким голосом. - Рыцаря с Дамой.”

Молли медленно вдохнула. “Я . . . о. Я вижу.”

“Ситуация становится напряженной, - сказал я. - Стражи решили, что я представляю угрозу. За мной следят, и сейчас они делают какие-то дрянные технические странности с мобильными телефонами. Нельзя было рисковать и звонить, чтобы исключить участие Рамиреса.”

При упоминании о Стражах по лицу Молли пробежала уродливая тень. Она покачала головой, положила руки на живот и сказала: Это самое странное чувство-быть призванным.”

- Похоже, так оно и есть, - сказал я. - Я прошу прощения за доставленные неудобства.

Зимняя Леди посмотрела на меня несколько секунд, прежде чем произнести голосом Молли: - извинения приняты. Она оглядела круг, рассматривая предметы, задействованные в призыве, и быстро набросилась на банку с Нутеллой. - Ага! Платеж. Теперь мы в расчете.- Она открыла банку, схватила кольцо и надела его на указательный палец левой руки. Затем она окунула кольцо в воду и закрыла глаза, слизывая с него конфету. - О Боже, - сказала она. “Я не ела уже полтора дня.”

- Адские колокола, Падаван, - сказал я. - Нутелла и кукурузный сироп, вероятно, не самая подходящая еда для начала.

- Наверное, нет” - согласилась она и зачерпнула еще большую порцию. “Ты собираешься выпустить меня из круга или как?”

- Честно говоря, - сказал я, - мне немного любопытно, сможешь ли ты сделать это сама. Я имею в виду, что ты все еще человек. Этот круг не сможет удержать Молли.”

- Она подняла брови. - Гарри, если хочешь, можешь пустить меня на щепки. Мне станет лучше. Теперь ты бессмертен, помнишь? Она подняла руку и потянулась, чтобы коснуться плоскости круга. Кончик ее пальца расплющился, как будто был прижат к совершенно прозрачному стеклу. “Я человек. Но эта мантия не похожа на твою. Это на порядок сложнее. Это не то, что ты надеваешь, как плащ. Теперь все это проходит через меня. Перемещивается.- Она печально покачала головой. “Я думаю, что могла бы покинуть этот круг—но не без того, чтобы не оставить большую часть себя. Что бы ни осталось, этого не будет . . . точно. Найди кого-нибудь другого, с кем можно поэкспериментировать.”

Холодное чувство распространилось по мне, начиная прямо за пряжкой ремня.

Потому что этот круг не должен был удержать Молли.

Это означало, что то существо, которое разговаривает со мной . . . все было не так, как я помнил. Молли приняла мантию Зимней леди и стала чем-то, что больше не было человеком. Она имела дело с силами, которые я в буквальном смысле не мог понять. Это давление могло изменить ее облик, превратить во что-то другое, что-то опасное.

И я подумал, что Рамирес, должно быть, именно так и думает обо мне.

Молли определенно стала кем-то более темным и опасным.

Но она все еще была Молли. Все та же девушка, которую я встретил много лет назад, все та же молодая женщина, которую я тренировал, все та же женщина, которая сражалась на моей стороне слишком много раз, чтобы можно было легко сосчитать. Инстинкты подсказывали мне, что ее следует опасаться. И мои инстинкты были правы.

Но люди-это часто не односторонни. Теперь Молли была очень красивым и очень опасным монстром. Но она также была Падаваном.

А еще она была моим другом.

Я наклонился и разорвал круг рукой, выпустив его энергию обратно во Вселенную с неслышным хлопком.

Молли выдохнула и спокойно вышла из круга. Она долго смотрела на меня и сказала: “Боже, ты выглядишь усталым.”

Я наклонил голову и неожиданно улыбнулся. “Ты имеешь в виду “старым”.’”

- Выветренный, - возразила она. - Как Арагорн.”

Я рассмеялся в ответ. Как волшебник, я мог ожидать трех столетий и перемен. А может, и больше. Мне оставалось еще десять лет и перемены, прежде чем мое тело начнет привыкать к тому, как оно будет выглядеть большую часть моей жизни. - Хочешь узнать секрет?”

“Конечно.”

“Только молодые думают, что быть названным старым-это оскорбление, - сказал я, все еще улыбаясь. “Я тот, кто я есть, независимо от того, как это называется. Никто не может изменить это, независимо от того, как его называют. И в основном означает, что меня еще ничего не убило.”

Молли одарила меня легкой горькой улыбкой. - Одна вещь помогла.”

“Я просил тебя помочь мне с этим, - сказал я сурово. “Тебе пришлось сделать чертовски трудный выбор, и ты выбрала верность своему другу. Я никогда этого не забуду, Молли.

“Я тоже, - тихо сказала она.

Я поджал губы. Нет вины, подобной вине волшебника, потому что нет высокомерия, подобного высокомерию волшебника. Мы привыкли к тому, что у нас так много власти, так много возможностей что-то изменить, что мы также склонны считать, что все, что происходит, также является нашей ответственностью. Добавьте несколько кусочков человеческой порядочности, когда вы действительно беспокоитесь о результатах своих действий для других, и вы закончите с большим количеством сожалений.

Потому что это трудно, это очень, очень трудно, на самом деле чертовски почти невозможно, применять силу власть без каких-либо неожиданных последствий. Не имеет значения, что это за сила—магия, мускулы, политический пост, электричество, моральный авторитет.

Используйте любую из них, и вы обнаружите, что в результате происходят вещи, которых вы не ожидали.

Когда эти последствия-перегоревшая лампочка, ничего страшного.

Но иногда страдают люди. Иногда они даже умирают. Иногда невинные. Иногда друзья.

Молли, вероятно, не собиралась прощать себя за то, что её помощь едва не закончилось самоубийством. Там было много отрицательных последствий, во всех мыслимых масштабах. В этом было очень мало вины Молли, прямо или косвенно, но она была движущей силой в этой действии, и она, вероятно, чувствовала себя по крайней мере так же плохо, как и я, и я был намного больше в центре событий.

И, будучи волшебником, я чувствовал себя чертовски виноватым за то, что втянул ее в это. У меня не было особого выбора, если я хотел спасти жизнь своей дочери, но хотя цена была достойной, ее все равно нужно было заплатить—и Молли выложила холодные, твердые наличные.

Она была настолько холодная и жесткая, что МЭБ даже выбрала ее в качестве новой зимней Леди.

Внезапно я подумал, что, возможно, был недостаточно строг к себе. Я имею в виду, черт возьми, по крайней мере, когда я стал зимним рыцарем, я сделал выбор. Я был загнан в угол, и все мои варианты были отстойными, но я, по крайней мере, выторговал свою сделку у Мэб.

С Молли никто не советовался, а политика Мэб в отношении любого несогласия была кристально ясна: смириться с этим или умереть.

Конечно, для таких заядлых диссидентов, как я, это создавало довольно простую контрполитику, когда я уставал от дерьма Мэб: Согласись с этим или убей меня. У Мэб было много чего, но нерациональности среди этого не было, и пока было легче смириться со мной, чем заменить меня, мы достигли состояния равновесия. Я предположил, что Молли пришла к такому же решению.

Я положил руку ей на плечо, слегка сжал и снова улыбнулся. “Эй. Это было тяжело для всех. Но мы прошли через это. И получив все эти шрамы мы должны были чему то научиться, верно?”

“Я не уверена, что эта логика работает, - сказала она, криво улыбнувшись мне.

“Я думаю об этом как об идиотской версии оптимизма, - сказал я. Я посмотрел на светлеющее небо. - Насколько ты осведомлена о текущих событиях?”

Она тоже посмотрела в ту сторону. “Я работаю в Восточной России уже две недели, - сказала она. “Я чертовски занята.”

- Хорошо, - сказал я и рассказал ей о последних событиях. Всё. За исключением Баттерса, Энди и Марси, потому что Баттерс попросил меня и потому что я сам не знал, что об этом думать.

“Прежде чем мы пойдем дальше я хочу прояснить, - спросила она, - моя квартира действительно сгорела?”

Нет.

Она кивнула и выдохнула. “Так . . . давай посмотрим . . . Она закрыла глаза и на мгновение задумалась о том, что я ей сказал. “О Боже, ты ведь пойдешь за Томасом, правда?”

“Сначала я перепробую все возможности для дипломатического решения, - сказал я.

Она бросила на меня настороженный взгляд.

“Мне нравятся свартальвы, - объяснил я. “Они хорошие люди. И у них есть дети. Я не собираюсь врываться к ним с оружием в руках.”

Ее брови поползли вверх. “И ты думаешь, я смогу что-то сделать?”

- Ты нравишься свартальвам, - сказал я. “Насколько я могу судить, ты почетный свартальф. И каждый из них обожает красивых девушек, в том числе и тебя.”

Взмах ее руки подтвердил факт, без прикрас. “Я думаю, ты переоцениваешь мое влияние в свете подобных событий, - сказала она. - Этри и его люди- старой закалки. Пролилась кровь. Там будет всё посчитано, точка, и они не будут заинтересованы в милосердии.”

- Ты недооцениваешь, Молли, насколько я верю в твои творческие способности, ум и находчивость.”

- Она поморщилась. “Ты же понимаешь, что, если дойдет до этого, я не смогу напрямую помочь тебе его вытащить. Если Королева Фейри так грубо нарушит соглашение, оно рухнет. Это означало бы мировой хаос.”

“Так я и думал, - сказал я.

Она ухмыльнулась. “Ты ведь многого не просишь, правда?”

“Это кажется не более сложным, чем переехать обратно к родителям после того, как ты сделала весь этот пирсинг и татуировки.”

Она склонила голову набок, признавая правоту этого высказывания. - Полагаю, в то время это казалось совершенно невозможным.”

- Помоги мне, - сказал я. Я услужливо наклонился, поднял банку "Доктора Пеппера" и протянул ей. “Я принес тебе Нутеллу и все остальное.”

“Все, чего ты добился, это дал мне повод не давать тебе пощечину за то, что ты посмел вызвать меня,-откровенно сказала она. “Честно говоря, у меня есть работа, ты знаешь. Это очень важно. Я действительно не могу позволить себе поощрять людей прерывать меня все время.”

Она взяла содовую и сделала глоток.

- Это Томас, - сказал я.

- Это Томас, - согласилась она. - Она выдохнула. “ты понимаешь, что обратился ко мне за помощью. Ты ведь знаешь, что это означает?”

- Обязательства, - сказал я.

“Да. Ты будешь мне должен. И эти веса должны быть сбалансированы. Это. . . как зуд, и я не могу почесаться, пока они этого не сделают.”

“Ты все еще остаешься собой, кузнечик.”

Она смотрела на меня мгновение, ее возможно-не совсем-человеческие глаза были огромными, светящимися и тревожно, беспокойно красивыми на ее изможденном лице. Ее голос прозвучал шепотом, который я в последний раз слышал в освещенной зеленоватым светом пещере с корнями на острове. “Не всегда.”

Я почувствовал, как внутри меня пробежал холодок.

Она покачала головой и внезапно снова превратилась в кузнечика. “Я готова сделать все, что в моих силах, чтобы помочь тебе. Готов ли ты уравновесить все, что я предлагаю?”

“Он мой брат, - сказал я. - Да.”

- Она кивнула. “Чего же ты хочешь?”

Я рассказал ей.

Она долго молчала. Потом она сказала: "Хитро. Сложно.”

“Если бы я мог сделать это сам, я бы не просил тебя, кузнечик. Ты можешь это сделать?”

Она отпила еще глоток напитка, ее глаза сузились и заблестели. “Вы сомневаетесь в моих феноменальных космических способностях?”

“Ну, ты была так занята, катаясь по свету и занимаясь делами Зимней Леди, - протянул я. “Скажем так, мне любопытно, сохранила ли ты свои магические мускулы в форме.”

- Ха!- сказала она, ухмыляясь. Затем выражение ее лица посерьезнело. - В последнее время я проделала кое-какую подобную работу. Дело не в навыках.- Она слегка наклонилась ко мне, ее глаза были полны решимости. “Гарри. Мне нужно, чтобы ты был абсолютно уверен. Как только сделка заключена, пути назад уже нет. И ты мне будешь должен за это.- Ее лицо дрогнуло, и на секунду оно вдруг стало выглядеть куда менее уверенным. “У меня нет выбора в этом.”

“Он мой брат, - сказал я. “Я уверен.”

Зимняя Леди кивнула, и ее глаза внезапно заблестели, словно в них мог утонуть мужчина. Затем она подошла ко мне, встала на цыпочки, протянула руку и притянула мои губы к своим. Она нежно поцеловала меня в губы, на девяносто девять процентов по-сестрински, и пробормотала:”Готово”

Было ощущение, что что-то прочно встало на место, где-то внутри меня, как будто я был сделан из Лего, одна из деталек сдвинулась, и Молли только что плотно втавила ее обратно. Это вызвало у меня легкую дрожь, и я вздрогнул, когда сделка была заключена.

И, черт побери, у Молли были мягкие, прекрасные губы, о которых не стоило и думать.

Она отошла от меня гораздо медленнее, опустив глаза. Она провела рукой по губам и пробормотала: “Мэб будет в ярости, если я не получу расчет, но- Она кивнула. “Я сделаю для тебя игрушку.”

“Ты самая лучшая.”

- Я потрясающая, - согласилась она. “Но это же полный неразбериха. Я не знаю, насколько много непосредственной помощи я смогу оказать.”

“В данный момент, - сказал я, - Возьму все, что ты сможешь мне дать.”

Глава 17

Я отвёз Молли обратно в город и высадил у посольства свартальвов. Охранник с явно незнакомым лицом поприветствовал её с огромным почтением. Я всё ещё не знал точно, что Кузнечик сделала для свартальвов, что они так сходили по ней с ума, но было ясно, что что бы она не сделала, она впечатлила их, и не просто хорошеньким личиком.

Я проследил за тем, как она вошла и убедился, что она в безопасности в здании, как если бы был подростком, подвёзшим её со свидания, и затем уехал.

Я чувствовал себя ужасно.

Я чувствовал себя просто ужасно.

Я хотел домой.

Дом, как страсть, злость, бой и мир, это одно из тех слов, которые настолько важны, что им не нужно больше одного слога. Дом - это часть ткани, из которой соткан человек. Не имеет значения, вампир ты, чародей, секретарь и школьный учитель, у тебя должен быть дом, даже если только формально, должна быть точка отсчёта, то, что ты сравниваешь со всем остальным. Обычно это дом.

Это может быть хорошо, так как это помогает ориентироваться в нашем сбивающем с толку мире. Если ты не знаешь, куда ставишь ногу, ты никак не можешь узнать, куда придёшь, когда начнёшь идти. Это может быть плохо, когда ты оказываешься где-то, что настолько отличается от твоего дома, что это пугает и злит тебя. Это часть того, чтобы быть человеком.

Но есть и другое, более глубокое определение дома. Что-то проще, примитивнее.

Это место, где ты ешь лучшую пищу, потому что другие хищники не могут так просто отобрать её у тебя.

Это место, где ты и твоя половина наиболее близки.

Это место, где твои дети могут расти в безопасности от мира, в котором с ними могут произойти жуткие вещи.

Это место, где ты спишь в безопасности.

Где отдыхаешь.

Где ты мечтаешь.

Дом - это место, где ты принимаешь настоящее и строишь планы на будущее.

Там, где твои книги.

И что самое важное, это место, где строишь тот мир, который ты хочешь.

Я ехал по улицам Чикаго ранним утром и не хотел ничего чувствовать. Моя голова болела из-за недостатка сна и недостаточного количества недостаточно питательной еды. Моё тело болело, особенно руки и предплечья. Моя голова всё ещё кружилась от малейшего движения, мои кишки посылали мне постоянные жалобы.

Мой брат был в беде и я не знал, смогу ли его вытащить.

Я думал о страданиях и страхе Жюстины, и о доверии, которое увидел в её глазах, когда я сказал, что помогу Томасу. Внезапно я почувствовал себя очень усталым.

Я очень, очень хотел домой.

И у меня его не было.

Моя удобная, неряшливая, старая квартира исчезла, её сровнял с землёй джентльмен Джонни Макроне, чтобы освободить место для своего дурацкого маленького замка и Общества Светлого Будущего. Конечно, это было после того, как Красная Коллегия сожгла мой дом, но, полагаю, я обратил их в прах вскоре после этого. Я был даже готов предсказать это.

Но я скучал по своему дивану и удобным креслам у камина. Я скучал по тому, чтобы часами читать книги, пока Мышь уютно сопит около меня, а Мистер мурлычет у моих ног. Я скучал по своей загромождённой, полностью функциональной лаборатории в подвале, по Бобу на полке. Я скучал по таким простым проблемам, как колдун-негодяй, пытающийся управлять собственным наркокартелем.

Я скучал по тому, чтобы не бояться за людей, которых люблю.

На светофоре я опустил голову и заплакал. Парню за мной пришлось сигналить, чтобы я снова поднял голову. Я подумывал о том, чтобы заглушить его двигатель в порыве чистого раздражения, но передумал, в конце концов это я не ехал на зелёный.

Я не знал, что ещё мне делать.

Я чувствовал себя усталым, потерянным и больным. Что оставляло мне только одно место, куда я мог отправиться.

* * *

Небо едва начало желтеть на востоке, когда я остановился у дома Карпентеров. Когда я вышел из машины, сосед через несколько домов ниже по улице, престарелый джентльмен в фланелевой рубашке и красной бейсболке, вышел из дома и пошёл по подъездной дорожке за утренней газетой. Он пробуравил меня взглядом, как будто я лично подошёл и перепутал все страницы в его газете, затем сложил их снова и угрюмо вернулся в дом.

Вау. Хотел бы быть достаточно старым, чтобы иррационально ворчать на случайного парня на улице. Я мог бы взорвать его двигатель.

Я не постучал в дверь. Я пошёл на задний двор. Там я обнаружил домик на дереве, который выглядел как что-то из диснеевского фильма, расположенный на массивном старом дубе. Чуть позади него было мастерская, дверь которой сейчас была широко открыта. Старое радио играло классический рок на фоне, и один из лучших людей, которых я знал, упражнялся на скамейке для жима.

Майкл Карпентер выше шеи выглядел на свои пятьдесят, с серебристыми волосами, серыми глазами и хорошо державшейся бородой цвета соли-с-перцем. От шеи и ниже, он был на двадцать или тридцать лет моложе. Он выполнял жим лёжа с примерно двумястами пятьюдесятью фунтами на штанге. Майкл делал медленные повторы.

Я не видел начала упражнения, но насчитал четырнадцать повторов, прежде чем он аккуратно опустил штангу обратно на стойку, так что он вероятно сделал двадцать. Опоры скамейки немного скрипнули, когда на них легла тяжесть.

Майкл глянул на меня и улыбнулся. Он сел, дыша тяжело, но контролируемо, и сказал:

- Гарри! Уже встал или ещё не ложился?

- Ещё не ложился, - сказал я, и мы ударились кулаками. - Лёгкая разминка этим утром?

Его улыбка стала чуть шире.

- Как и в любое другое утро. Это всё мои плечи. Они просто больше не могут поднимать тяжёлые вещи.

Я посмотрел на вес штанги и сказал:

- Ага, ты слабак.

Он рассмеялся:

- Твоя очередь?

Я чувствовал себя ужасно. И злился из-за этого. Зимней мантии было плевать, что я не спал и мне было плохо. Она хотела, чтобы я убил кого-нибудь, или переспал с кем-нибудь. Упражнения были самым близким к этому, что я мог сделать. Проклятье.

- Конечно.

Он любезно освободил мне место, используя алюминиевую трость, лежавшую рядом со скамьей. Майкл получит множественные ранения из автомата Калашникова несколько лет назад. Он не должен был выжить. Но он выкарабкался из этого с повреждённым бедром, ногой, глазом, сильной хромотой и единственным не посмертным выходом на пенсию, о котором я слышал у Рыцарей Креста.

Он воодушевлённо прохромал к изголовью скамьи, чтобы подстраховать меня. Я снял свой пыльник, лёг и приступил к упражнению.

- Ты выглядишь, - Майкл сделал паузу, подбирая слова, - отрешённым.

Он был моим другом. Я рассказал ему, что происходит. Он серьёзно выслушал.

- Гарри, ты идиот, - мягко сказал он. - Иди поспи немного.

Я бросил не него свирепый взгляд и продолжил упражнение.

Он был одним из относительно немногих людей в моей жизни, на которых этот взгляд не действовал.

- Мускулы не выведут тебя из этой ситуации, и ты не способен думать ясно в таком состоянии, чтобы найти выход. Помоги своему брату. Поспи немного.

Я размышлял об этом до тех пор, пока ледяная прохлада Зимы не скользнула в мои руки и грудь, и я не задышал, как паровоз. Тогда я опустил штангу.

- Сколько было? - спросил я.

- Я перестал считать после сорока. - Майкл положил руку мне на плечо и сказал: - Достаточно, Гарри. Отдохни немного.

- Не могу, - неожиданно жестко ответил я. Я резко сел. - Кто-то заставил моего брата это сделать. Каким-то образом. Я должен их остановить. И должен сразиться с ними.

- Да, - терпеливо ответил Майкл. - Но сражаться тебе надо умнее, а не жестче.

Я нахмурился и глянул на него через плечо.

- Ты уже не ребенок, Гарри. Но послушай того, кто уже очень давно этим занимается: спи всякий раз, как есть возможность. Никогда не знаешь, когда будет у тебя не будет выбора.

Я покачал головой.

- А если что-нибудь случится, пока я сплю? Что, если эти потерянные часы будут стоить его спасения и...

- А если завтра на планету упадет метеорит? - ответил Майкл. - Гарри, в этом мире очень мало того, что мы можем контролировать. Ты должен осознать, когда достиг пределов того, что ты можешь сделать, чтобы изменить ситуацию.

- Когда ты достигаешь своих пределов, - тихо сказал я, - вероятно, пора их менять.

Эти слова канули в долгой молчаливой паузе.

Когда Майкл заговорил, его голос звучал искренне.

- Насколько хорошо это сработало для тебя в прошлый раз?

Я слегка склонил голову, принимая удар.

- Гарри, - сказал он. - за эти годы я много раз говорил с тобой о посещении церкви.

- Бесконечно, - сказал я.

Он весело кивнул.

- И это приглашение - постоянное. Но все, что я когда-либо хотел - это помочь тебе развиваться в твоей вере.

- Я не уверен, насколько мне нужно развивать католицизм, - сказал я.

Майкл махнул рукой.

- Не религию, Гарри. Вера. Вера - это не только Бог или бог, ты знаешь.

Я пристально посмотрел на него.

- У меня есть, - сказал он. - Этот путь для меня очень хорош. Он подарил мне весьма чудесную жизнь. Но, возможно, это не единственный путь. В конце концов, многие дети учатся совсем по-разному. Мне кажется, что Бог должен быть достаточно хорошим учителем, чтобы принять это во внимание, - Он покачал головой. - Но вера - это нечто большее. Как, например, у Уолдо.

- Что ты имеешь в виду? - спросил я.

- Он не особенно религиозен, - сказал Майкл. - Но я никогда, никогда не встречал человека, более преданного идее, что завтра может быть лучше, чем сегодня. Что люди, все мы, способны взаимодействовать, чтобы сделать вещи лучше - и что друзья всегда помогают. Несмотря на все безобразия, которые он видел на своей работе и в других своих, э-э, интересах. Он держится за это.

- Полька в морге, - сказал я.

Майкл улыбнулся.

- Да. Да, точно. Но мне кажется, ты меня не понял.

Я наклонил голову в его сторону.

- У него есть вера в тебя, Гарри Дрездена, - сказал Майкл. - На том пути, которым ты шел и на котором он теперь подражает тебе.

Я почувствовала, как мои брови медленно поползли вверх от ужаса.

- Он... что теперь?

Майкл удивленно кивнул.

- Ты - пример для подражания. Для Уолдо, - его голос смягчился. - И для Молли.

Я вздохнул.

- Да.

- Ты можешь подумать о них, когда будешь обдумывать свои дальнейшие шаги. И ты мог бы сам попытаться обрести немного веры.

- Во что?

- В себя, дружище, - сказал он, почти смеясь. - Гарри, неужели ты действительно думаешь, что оказываешься там, где оказываешься, снова и снова, по случайному капризу вселенной? Ты замечал, как часто ты выходил более-менее победителем?

- Да, - сказа я. - Типа того.

- Тогда, возможно, ты тот самый человек, который нам нужен, в нужное время и в нужном месте, - сказал Майкл. - Снова. Верь в это. И поспи немного.

С минуту я пристально смотрел на него.

- Кажется ужасно эгоистичным взглядом на вселенную, - мрачно заметил я.

- Как это может быть эгоистичным, если я тебе на это указываю? - возразил Майкл.

Майкл в таких разговорах был гораздо лучше меня. Я сердито посмотрел на него, а затем усмехнулся, уступая:

- Я попытаюсь уснуть. Но не обещаю.

- Хорошо, - сказал он. Он Он прохромал к маленькому холодильнику и достал пару бутылок воды. Он принес мне одну, и я взял ее. Мы молча выпили их вместе. Затем Майкл сказал: - Гарри?

- Да?

- Ты недавно видел Молли?

- Немного, - сказал я.

Он долго колебался, потом медленно промолвил:

- Можешь... попросить ее навестить нас?

Я вздернул брови.

- А она не заходила?

Мы с ней так и не встретились - сказал он. - Разминулись.

- Она была очень занята на своей новой работе, я знаю, что много путешествовала... - начал было я.

Майкл посмотрел на меня очень прямо.

- Гарри. Пожалуйста, не думай, что я не понимаю, когда что-то скрывают. Терпимость - это не то же самое, что невежество. Но я доверяю тебе. Я доверяю Молли.

И тут я врубился, что происходит.

- А. Но Черити - нет.

Майкл ответил уклончиво.

- Она... беспокоится, что ее дочь - еще очень молода и живет в мире, который вознаграждает неопытность болью. Она очень хочет убедиться, что с ее дочерью все в порядке. И я не уверен, что это неразумная позиция.

Я с ужасом осознал, что Молли до сих пор не рассказала маме и папе о своей новой роли Зимней Леди. А это было... довольно давно?

Адские колокола. Мой желудок сжался. Я совсем не был уверен, как Черити и Майкл отреагируют на новость о том, что их дочь связалась со злыми зимним фейри. Это было дальше, гораздо дальше, чем если бы она просто связалась с плохой компанией. Если бы она пришла прямо к ним в самом начале, то, вероятно, они бы сразу это обсудили. Но после более года сомнений, молчания, избегания и беспокойства... Вау.

Семья усложняет всякое.

И, в конце концов, они были абсолютно правы в своем беспокойстве о своей дочери.

Проклятье. Я тоже беспокоился.

- Может, и так, - отозвался я.

- Спасибо, - сказал он. - Я знаю, она уже взрослая женщина, но... она все еще наша маленькая девочка.

- Уверен, она бы закатила глаза, если бы слышала это, - сказал я.

- Скорее всего, - ответил Майкл, грустно улыбаясь. - Но, может, она посмеется с нами.

- Я поговорю с Молли, - пообещал я.

И зевнул.

Да. Вот, что я должен сделать. Быть в здравом уме. Быть умным. Отдохни немного и приди к ним свежим, Гарри.

При условии, что ты выяснишь, кто они такие.

Глава 18

В последнее время у Карпентеров пустовало много спален, и я ввалился в старую комнату Дэниела. Оправившись от полученных травм и избежав серьезных проблем с законом, Дэниел вернулся в армию. Он был на базе где-то на юго-западе, женат, в ожидании первого внука в семье.

Было что-то ужасно одинокое в его старой комнате - плакаты на стенах с группами, о которых помнили уже только единицы. Одежда, висевшая в стенном шкафу, давно вышла из моды, преданно ожидая кого-то, кто уже бы в нее не влез. Кровать казалась слишком маленькой для человека, которого я знал, который сражался с настоящей тьмой и расплачивался за свое мужество, и, конечно же, она была слишком маленькой для мужа и отца, которым он стал.

Но держу пари, что это будет отличная комната для внуков, когда они будут навещать суетливых старых бабушку и дедушку Карпентер, скучных стариканов, которые никогда не делали ничего интересного.

Хах.

И, между прочим, она достаточно хороша для обеспокоенного, уставшего от мира чародея.

Я спал, недолго, но очень крепко, и проснулся от того, что маленькое личико находилось в двух дюймах от моего, а в окно струился послеполуденный солнечный свет.

- Привет, - сказала Мэгги, когда я сумел открыть один глаз.

- Мгмм, - сказал я самым нежным тоном, какой смог изобразить.

- Ты уже проснулся, - спросила она.

Я моргнул. Ушло где-то минут пять на это дело.

- По-видимому.

- Хорошо, - серьезно произнесла она. - Мне нельзя было тебя беспокоить, пока ты спал.

Она оттолкнулась от кровати и выбежала из комнаты.

Какое-то время раздумывал над этим, а потом услышал, как она топает по лестнице. Она несла большую коробку, завернутую в белую бумагу и перевязанную серебряным шнурком. Она хмыкнула и

водрузила ее мне на колени, с той аккуратностью, которой обладали лишь маленькие дети и большинство животных.

Я вздрогнул и поймал коробку, предотвращая любые возможные травмы, и одурманено сел.

- Что это такое?

- Это оказалось на крыльце этим утром, - сказала Мэгги. - Мышь не считает, что там бомба или что-то такое.

Я посмотрел на коробку. Сверху была записка. Я взял ее и щурился, пока не смог разобрать почерк Молли.

Я ЗНАЮ, ОДНАЖДЫ ТЫ ХОТЕЛ ПОЛУЧИТЬ ЭТО. М.

- Хммм, - сказал я и открыл коробку, а Мэгги смотрела на меня с живым интересом.

- А-а-а, - разочарованно протянула она, когда я вытащил из коробки новый костюм. - Это всего лишь одежда.

- С одеждой все в порядке, - сказал я.

- Да, но это мог быть нож, или пистолет, или волшебный меч, или что-то еще, - Она вздохнула. - Ну, ты знаешь. Классная волшебная штукавина, которая поможет тебе бороться с чудищами. - Она взяла в руки серебристо-серый грубый шелк пиджака. - И ткань какая-то странная.

Я провел рукой по ткани, ощупывая.

- Насколько странная?

- Как-то... ощущается странно и выглядит чудно. В смысле, посмотри на нее. Ты видел что-то похожее по телеку?

- Это паучий шелк, - задумчиво сказал я. - Думаю, это костюм из паучьего шелка.

- Фу, - сказала Мэгги, отдергивая руку. Потом она решительно потрогала ткань снова. - Это так отвратительно.

- И он зачарован, - задумчиво произнес я. Я чувствовал тонкие потоки энергии, проходящие сквозь ткань под моими ладонями. Я на мгновение закрыл глаза и ощутил знакомые очертания своих собственных защитных формул, тех же самых, которые я использовал на кожаном плаще. Я научил Кузнечика основам зачаровывания снаряжения, используя свои максимально изученные формулы. Вероятно, она была единственным живым человеком, который мог так точно воспроизвести мою собственную работу. - Ага, видишь? Как только я надену его, он будет накапливать энергию тепла моего тела,

моих движений и использовать ее, чтобы отразить внешнее воздействие.

Мэгги выглядела скептической.

- Ладно. Зачарованный жучиный бронированный костюм лучше, чем просто костюм, полагаю.

- Да, точно, - сказал я. Я проверил коробку. Она содержала все дополнительные элементы, включая пуговицы и запонки, а также гербовое кольцо на мизинец в сверкающих темно-синих опалах, любимых Зимним Двором.

Кольцо пульсировало накопленной силой, с тугими завихрениями магической энергии. Я ощущал ее своей кожей, словно миниатюрное солнце. Я осторожно положил его в карман, потом передумал и надел. Если мне нужна эта вещь, то скорее всего понадобится она мне безотлагательно.

- Это тот же самый материал, из которого сделаны плащи Стражей. - Я отложил костюм и на мгновение нахмурился. - Итак, Молли хочет сделать моим нарядом заявление.

- О том, что ты не боишься пауков? - спросила Молли. - Я имею в виду, что бы это еще могло значить?

Я поджал губы.

- Знаешь... Я не уверен.

Так значит, появились какие-то новые подводные течения, но никто об этом не говорит. Это нормально, когда имеешь дело с Мэб, с Молли я привык к более открытому общению. Только... принятие мантии Зимней Леди дало моему бывшему Падавану много власти, и независимо от того, говорим мы о сверхъестественном мире или любом другом, больше власти означало больше обязательств, больше ответственности. Возможно, у Молли больше не было полной свободы воли в обычном понимании.

Да и Мэб любит свои секреты. Если она хочет их хранить, не уверен, что у Молли есть возможность рассказать мне о них.

Ну, а может у меня просто паранойя.

Что ж. Я достаточно преуспел в деле выживания, так что моя паранойя оправданна. Может, оформить страховой полис не такая уж плохая идея.

- Папа? - просила меня Мэгги. - Что такое? Ты смотришь вникуда уже около трех минут.

Я моргнул

- Не могла бы ты сбегать и сказать Майклу, что мне нужен его кабинет для одного личного звонка? - спросил я ее.

- Хорошо, - сказала она и вскочила с энергией ребенка, выбегающего из дома в солнечный день. Мыш неуклюже поднялся на ноги, нежно ткнулся мне в лицо своим большим слюнявым ртом и побрел за ней.

Я беспомощно огляделся по сторонам, вытер лицо одеялом, достал бумажник, обнаружил, что он пуст, и начал рыться в карманах в поисках мелочи.

Я оделся и сделал звонок из по-спартански обставленному кабинета Майкла. Как только я закрыл тяжелую деревянную дверь, звуки телевизора в гостиной и стук дерева о дерево, доносящиеся с заднего двора, практически стихли.

- Это Дрезден, - сказал я, когда он ответил.

- О боже.

- Мне нужна помощь, - сказал я.

- В чем?

- В добром деле.

Голос его звучал скептически.

- Ах. Это.

- Есть симпатичная девушка.

- Это мне нравится.

- С ней нельзя ничего делать, - сказал я.

- Теперь мне это нравится меньше.

- В деле или нет?

- Плата обычная, - сказал он.

- Я украл только кучу камней.

Он фыркнул.

- Тогда найди кого-то другого.

- Мужик, ты меня убиваешь.

- Только если это ради благого дела. Расскажи мне об этой девушке.

Я рассказал ему, где найти Жюстину и как она выглядит.

- Ты же понимаешь, что она явно роковая женщина?

Я выгнул бровь.

- Она... типа не такая.
- Ну-ну, - сказал он.
- Она не такая.
- Клиент всегда прав. Какой результат ты хочешь?

Я слегка вздрогнул. Лично для него не имело значения, прошу я ее убить или спасти. Но чем больше у меня было опыта в этом мире, тем больше я приходил к мысли, что чудовищность или ее отсутствие было намного менее важно, чем то, сдержит ли монстр свое слово.

Этот сдержит.

- Скрытое наблюдение. Проследи, чтобы с ней ничего плохого не случилось.

- Я шпион или телохранитель?

- Да.

- Ох. Ты запутался.

Я совершенно точно не запутался.

- Я совершенно точно не запутался, - абсолютно уверенно заявил я. - Я... просто мне нужно больше информации, прежде чем я смогу начать действовать.

- Ну-ну, - сказал он. Только еще более раздражающе. - Оппозиция?

- Неизвестна, - сказал я.

Он какое-то время молчал.

- Тебе, - сказал он.

- Ага.

- Сейчас.

- Ага.

- Здесь.

- Ага.

- О, - сказал он. - Супер.

- Если я заполучу легкую работенку, позвоню на биржу труда.

- Я не лезу в политику, - сказал он. - Добрые дела обычно вне ее.

- С этим я разберусь, - сказал я. - Твоя забота - только о девушке и ребенке. Она беременна. Просто убереги их от опасности.

- А, - сказал он, как будто я только что упростил ему жизнь. - Правила ведения боя?

- Что ж, я думаю, ты должен...

- Вопрос с подвохом, - сказал он и положил трубку.

Я посмотрел на телефон.

Потом я залез в карман, вытащил долларовую купюру, которая затерялась в кармане во время прошлой поездки в прачечную и ныне превратилась в скомканный кусок псевдодерева. Я положил ее в конверт, запечатал и написал на нем розовым фломастером "Грей". Я положил его в карман. Молодец, Гарри, возьми с полки пирожок.

Потом я встал и вышел.

Баттерс был очень подвижным маленький парнем - быстрым, прыгучим, с горящими глазами.

Человек, следовавший за ним по двору Карпентеров, был больше похож на медведя - огромного, сильного и слишком быстрого для его размеров. Он полностью побрил голову, и его кожа цвета темного шоколада была покрыта капельками пота, а яркое послеполуденное солнце беспричинно играло на его мускулах. Саня был ростом и телосложением полузащитника НФЛ, и зубы его обнажались в широкой усмешке всякий раз, как он вступал в бой.

Пока я смотрел, двое мужчин встали лицом друг к другу, держа в руках куски дерева, с виду напоминающие самурайские мечи. Баттерс держал свой двумя руками высоко над головой. На коротышке были спортивные очки, майка и облегающие спортивные штаны. Он был похож на главных героев старых гонконгских фильмов - тонкий, гибкий, жилистый, с подтянутой мускулатурой, с основным упором на скорость и рефлексy.

Саня, одетый в потрепанные синие джинсы и байкерские ботинки, поворачивал тренировочным мечом одной рукой, сделал пару взмахов и встал в фехтовальную стойку перед Баттерсом, чуть вне его досягаемости, убрав свободную руку за спину.

- Ты стал гораздо плавнее, - сказал Саня глубоким рокочущим голосом с сильным русским акцентом на гласных.

- Но все еще не быстрее, - сказал Баттерс. А потом его тренировочный меч расплылся, устремляясь к Сане. Саня перехватил его парирующим ударом, хотя его мускулов и массы Баттерса было достаточно, чтобы этого не делать. Его ответный удар скользнул вниз по рукояти тренировочного меча Баттерса так быстро, что я услышал, как он попал по большому пальцу Уолдо. Он взвизгнул и отскочил назад, тряся этой рукой - но не потеряв своего тренировочного оружия.

- Плавность всегда лучше скорости, - сказал Саня, отступая назад и поднимая руку, знаменуя паузу в тренировке. - Плавность - это техника. Изящество. Плавность позволяет думать во время боя.

- А это имеет большое значение? - спросил Баттерс.

- Главное, - сказал Саня. - Драка - это наименее цивилизованная вещь, которую можно сделать. Интеллект не создан для борьбы. Ты уже бывал в драках, да?

- Да. Это ужасно.

- Да, - ответил Саня. - Трудно пройти тест, когда какая-то вонючая тварь тычет тебя лицом в вонючую подмышку. - Он осторожно прислонил тренировочный меч к стене маленькой мастерской Карпендеров, а затем взял старую, поношенную кавалерийскую саблю с обмотанной проволокой рукоятью в потертых кожаных ножнах. - Трудно много думать в бою, - сказал Саня. Он ткнул большим пальцем в свой бицепс. - Мускулы могут быть полезным инструментом - или мертвым грузом, - сказал Саня. - Он ткнул себя большим пальцем в лоб. - Но это самое опасное оружие.

Баттерс на мгновение задержал взгляд на гораздо более крупном мужчине.

- Да, каждый имеет такое.

- Совершенно верно, - сказал Саня. - Опасное место, планета Земля. Опасные животные, люди. - Его ухмылка стала еще более волчьей. - Будь более человечным, чем следующий парень. И возьми в руки Меч.

Баттерс приподнял бровь.

- Эм. Ты уверен, что хочешь играть с ними? В смысле, с ними нет права на ошибку.

- Всегда нет права на ошибку, - спокойно сказал Саня. Он вытащил старую саблю. Каким бы изношенным ни было оружие, его зазубренный клинок сиял на солнце ярко и правдиво. Эспераккиус, меч надежды, пел яркую, тихую песню силы, которую я ощущал на своем лице и груди, как солнечный свет.

- Чувак, - сказал Баттерс. Он отступил в сторону и полез в старую сумку, лежавшую на земле неподалеку. - Я не знаю, что эта штука сделает с Эспераккиусом.

Саня раскатисто рассмеялся.

- Я тоже. Но верь.

Баттерс нахмурился.

- Но что, если...

Русский покачал головой.

- Если существует меч, против которого я не могу устоять, я должен знать.

- А что случилось с верой? - спросил Баттерс.

Саня бросил на Баттерса недоуменный взгляд, прежде чем улыбка вернулась на его лицо.

- Полагаю, я не возражаю против веры в отсутствии знания, - сказал он. - Но знания тоже хороши, да?

- Да, - твердо сказал я.

Оба мужчины посмотрели на меня, удивленные моим присутствием. Они просто были заняты. Баттерс, нахмурившись, пару раз подкинул рукоять Фиделакиуса.

- Ты уверен?

- Стоит узнать, не так ли? - спросил я. - В мире повсюду носятся с зачарованными мечами. Они были главным видом вооружения достаточно долгий срок. Судя по тому, что я слышал, узнать как использовать Силу среди этой кучи стали, весьма разумно. Если то, что случилось с Мечом Веры, представляет собой серьезную эскалацию,меняющую игру, было бы хорошо знать.

- Ну, я не хочу, чтобы Бог кричал на меня, если я сломаю Его вещь, - Баттерс вздохнул.

- Это если он есть, - сказал Саня.

Баттерс непонимающе посмотрел на Саню и сказал:

- Ты очень странный человек.

- Да, - весело согласился Саня. Затем он поднял меч, снова принявшись за дело, и сказал: - En garde.

Баттерс поморщился. Но его ноги приняли боевую стойку, и он поднял Фиделакиус. Он внимательно оглядел соседние дома, чтобы убедиться, что никто не стоит во дворах, подглядывая, и сказал:

- Только не долго. Ладно?

- Да, да, - сказал Саня.

Баттерс мрачно кивнул один раз, и раздался гул силы и вспышка дополнительного солнечного света, когда сверкающее лезвие меча Веры выскочило из его разбитой рукояти. Мягкий, колеблющийся

аккорд призрачной хоровой музыки следовал за каждым движением клинка, когда Баттерс поднял его в защитное положение над головой.

- Всегда с высокой защитой, - прокомментировал Саня.

- Все выше меня, - заметил Баттерс.

Затем он замахнулся Мечом Веры на руку Сани.

Саня двигался плавно, прямо парируя и направляя силу стали Меча в его руке против оппонента.

Вспыхнул свет, будто от зеркала проезжающего автомобиля отразилось солнце, и призрачная хоровая музыка на мгновение стала громче и интереснее. От соприкосновения оружий полетели искры, и в том месте, где они соприкоснулись, вспыхнул свет, такой белый и чистый, что мне показалось, будто подобного ему не видели по меньшей мере несколько миллиардов лет. Может быть, с тех пор, как Кто-то сказал: "Да будет свет."

Затем мужчины разошлись. Саня отвел клинок в сторону и внимательно осмотрел его, но сталь была блестящей, яркой и неизменной.

Баттерс нахмурился. Затем он повернулся к старому пню во дворе, к которому крепились остатки старой наковальни. Примерно половина наковальни исчезла, как будто ее отрезали под углом. Баттерс на секунду задержал взгляд на наковальне, перевел дух и взмахнул Мечом Веры. Раздался вой от меча, каскад искр, а затем кусок наковальни толщиной с обеденную тарелку упал на землю, где раскаленный металл быстро разжег небольшой костер в сухой летней траве.

Баттерс взвизгнул, схватил ближайшую бутылку с водой и потушил огонь с громким шипением, топотом и небольшим облачком пара.

Лицо Сани, тем временем, осветилось еще более яркой версией его обычной улыбки, и когда он снова перевел взгляд на Баттерса, глаза его ярко засияли.

Баттерс настороженно посмотрел на выражение лица оппонента и потом медленно улыбнулся.

- Да, - сказал он. - Окей.

И, не говоря ни слова, два Рыцаря бросились друг на друга с высоко поднятыми Мечами.

Мечи снова столкнулись, только теперь все было по-другому. Саня больше не доминировал в битве, преимущество было у Баттерса.

Эспераккиус метался и кружился, и скользил, но как бы Саня не был быстр со своим клинком, стальной меч не был невесомым.

Фиделаккиус, Меч Веры, был.

Баттерс продолжал атаку абсолютно безжалостно, не давая русскому передышки, постоянно наступая ему на пятки. Саня начал отступать всерьез, парируя и отбивая атаки как мог - что случалось редко, перед лицом натиска Баттерса.

Рослый русский споткнулся о пятигаллонное ведро, аккуратно поставленное рядом с открытым краном для воды, перекувырнулся назад и едва успел вскочить на ноги, чтобы поймать клинком Эспераккиуса Меч Веры. Он расхохотался, когда Баттерс безжалостно отбросил его назад, и его мерцающая сабля перешла почти в полную защиту.

- Это даже несправедливо! Это замечательно!

Баттерс издал ответный смешок, и когда он это сделал, Саня сжульничал. Высокий рыцарь пнул ногой часть лужайки Майкла прямо в лицо Баттерсу, и тот отпрянул назад. Саня пошел на риск и рванул, и время было выбрано удачно. Он подобрался ближе, держа клинок за спиной Баттерса, и ударил его по голове свободной рукой.

Он недооценил скорость реакции маленького парня. Баттерс двигался чисто инстинктивно, сверкающее лезвие его меча метнулось в сторону.

И прямо сквозь запястье Сани.

Здоровяк закричал и упал на колени, согнувшись пополам, скрывая запястье.

- Саня! - крикнул Баттерс. Какое-то мгновение он с ужасом смотрел на сияющий меч, а потом бросил его. Лезвие мелькнуло и исчезло, когда рукоять отскочила от лужайки. Затем он побежал к здоровяку.

Я повернулся к дому и заорал: "Врача!". Потом я присоединился к Баттерсу рядом с Саней.

Здоровяк раскачивался взад-вперед, его сильно трясло, мускулы на спине и плечах резко выделялись.

- Ого, нас предупреждали, а мы не слушали, - пробормотал я. - Сколько рук мы видели улетающими?

- Я знаю, - сказал Баттерс с ужасом в голосе. - Саня, да ладно тебе. Дай мне посмотреть.

- Все в порядке, - процедил Саня сквозь зубы. - Для сабли нужна только одна рука. Все еще могу быть Рыцарем.

- Господи, какой же я идиот, - сказал Баттерс. - Я вообще не должен был доставать эту штуку, если тут не было зла. Дай взглянуть, чувак.

- Не вини себя, Уолдо, - серьезно сказал Саня. - Я не считаю себя христианином, но у них хорошие представления о прощении. Я прощу тебя, брат.

Я резко встал и скрестил руки на груди, выгнув бровь.

- Боже, Саня, - сказал Баттерс. - Это был несчастный случай. Мне так жаль. Я... - Он внезапно нахмурился. - Эй!

Глубокий голос Сани перешел в булькающий смех, который поднимался откуда-то от пальцев ног и прокатился по животу и груди, прежде чем, наконец, выплеснуться изо рта. Он поднял пальцы своей "искалеченной" руки и пошевелил ими, все еще смеясь.

- О, - пробормотал Баттерс. - Ох, ох, ох. Ты придурок.

Саня поднялся, все еще смеясь, провел рукой по бритой голове. Он подошел к брошенным ножам. Он достал тряпку из небольшого футляра на поясе ножен, вытер саблю и аккуратно убрал ее.

- Я так не думал.

- Думал что? - спросил я.

Он пожал плечами.

- Это был инстинкт. Я не чувствовал, что мне угрожает опасность от этого меча.

- Инстинкт? - спросил Баттерс. Он снова запустил руку в копну своих волос. - Ради Бога, мужик. Если бы ты ошибся...

- Не ошибся, - с улыбкой ответил Саня.

Баттерс раздраженно фыркнул и схватил рукоять Фиделаккиуса, но лицо его было озадаченным.

- Что только что произошло?

- Очевидно, он не смог его порезать, - сказал я. - Вопрос в том, почему. - Я осмотрел задний двор. Честно говоря, было очень мало шансов, что кто-то увидит большую часть того, что происходило. Между розовыми кустами, посаженными вдоль заборов, несколькими кустарниками, огромным деревом и настоящим частным забором на заднем дворе, было не так уж много мест, откуда можно подглядывать. Майкл все спланировал заранее.

И, словно эта мысль вызвала его, он вышел через заднюю дверь дома, тяжело хромя, с тростью и ремнем от большой аптечки, перекинутой через плечо. Он замедлил шаг, изучая язык тела каждого, и вопросительно посмотрел на меня.

- Саня нас разыграл, - сказал я.

- Не смог удержаться, - хмыкнул Саня. - Вы такие провинциальные простачки.

Я ударил его кулаком по руке, в то время как Баттерс пнул его по голени. Это только заставило его снова рассмеяться.

- Что случилось? - спокойно спросил Майкл.

Баттерс рассказал ему.

- Хах, - сказал Майкл, поднимая брови. - Ты когда-нибудь прикасался к лезвию меча?

- Господи, нет, - сказал Баттерс. - В смысле... да брось, нет. Просто нет.

- Но он уже резал людей прежде, - сказал я. - Так ведь?

- Да, - начал было Баттерс. Затем его голос затих. - Нет. Не людей. Он рубил монстров.

Мы вчетвером на мгновение задумались.

- Что ж, - сказал я. - Зажигай его. Попробуем.

- Думаю, нам придется это сделать. - Баттерс вздохнул. Он поднял меч, просто держа его лезвием вверх, и тот ожил с хоровым гулом.

Не колеблясь ни секунды, Саня протянул руку и вложил ее прямо в свет лезвия.

Абсолютно ничего не произошло. Лезвие просто вошло в его плоть, а затем продолжилось с другой стороны, как будто не было никакого препятствия.

- Странно, - выдохнул Баттерс. Он протянул руку и проверил его мизинцем, а потом сунул в луч и всю ладонь. - Хм, - сказал он. - Просто немного тепло.

Майкл был следующим, спокойно вложив туда руку с первой попытки.

- Интересно.

- Моя очередь, - сказал я и ткнул обожженным указательным пальцем левой руки в лезвие. Было тепло, неприятно пекло, но терпимо, как будто мыть посуду под струей горячей воды. Я ощущал сырую энергию меча, которая буквально кипела накопленным

потенциалом, как будто сила звезды могла быть заточена в физическую форму.

- Но он все равно режет вещи, - сказал я. Я махнул рукой в сторону разрезанной наковальни. - Он сделал это всего пять минут назад.

Майкл на мгновение поджал губы. Затем он посмотрел на меня и сказал:

- Сохранение энергии.

Я нахмурился, а потом понял, что он имел в виду.

- О. Да, держу пари, ты прав. В этом есть смысл.

Баттерс покачал головой.

- В чем есть смысл?

- Законы вселенной, - сказал я. - Материя и энергия не могут быть созданы или уничтожены. Все, что ты можешь - это изменить их.

- Конечно, - сказал Баттерс. - Какое это имеет отношение к Мечу?

Я нахмурился, пытаюсь придумать, как объяснить.

- У всех Мечей есть... какая-то сверхъестественная масса, да? Представитель их власти в мире и их роли в нем. Понятно?

- Конечно - медленно ответил Баттерс.

- Когда Меч был уязвим и Никодимус сломал Фиделаккиус, он не уничтожил его, - сказал я. - Может быть, он не смог его уничтожить. Может быть, все, что он мог сделать - это изменить его. Теперь, по идее, для него, он хотел изменить его на что-то нефункциональное. Но Мечи - одни из самых мощных артефактов, которые я когда-либо видел. Вещи с такой силой, как правило, сопротивляются изменению, точно так же, как вещи с большой массой трудно перемещать.

- Ты хочешь сказать, что Меч дал отпор, - сказал Баттерс.

- Он говорит, - твердо сказал Майкл, - что ключевым словом в Мече Веры никогда не был Меч.

Я бросил на Майкла укоризненный взгляд.

- Я говорю, что даже сломленная, сверхъестественная сила Меча Веры все еще имела ту же цель - поддерживать веру и защищать беспомощных от зла. Даже... находясь в состоянии изменения, уязвимый к повреждениям, он все еще пытался найти способ выполнить свое предназначение. Я думаю, что когда ты прикоснулся к нему, Баттерс, он заглянул в твое занудное-презанудное сердце и увидел способ, которым он смог бы продолжать это делать.

- Что? - с благоговением произнес Баттерс, глядя на сверкающее лезвие.

- Меч взглянул на тебя, - задумчиво произнес Саня, - и увидел джедая. Увидел способ продолжать борьбу. Так он стал световым мечом.

- Более могущественным чем обычный стальной меч, - сказал Майкл. - Но в то же время и менее.

Я кивнул.

Потому что баланс должен сохраняться. Он не мог стать сильнее, чем был на самом деле. Но и слабее тоже не мог.

- Теперь он больше влияет на духовный мир, чем до того, как был разрушен, - сказал Майкл. - Поэтому на физический мир будет оказывать меньше влияния.

Я покачал головой.

- Не на физический мир. На мир смертных. С нарезкой стали на слайсы все в порядке. Но с людьми он больше не взаимодействует.

- Как он определяет разницу между людьми и монстрами? - спросил Баттерс.

- Это может быть что-то вроде резонанса с определенными видами энергии. Злые существа склонны источать негативную энергию - черную магию. Вполне возможно, что меч реагирует на это. Я имею в виду, я не могу придумать никакого способа заставить это работать, но у кого-то умнее и лучше, чем я, может не быть этой проблемы. - Я откинулся назад, размышляя. - Или бритва Оккама, - медленно проговорил я. - Может быть, потому, что он знает разницу.

Майкл нахмурился.

- Гарри?

- Рыцари темного динария несут по одной серебряной монете Иуды с падшим ангелом внутри, - сказал я. - Вы, ребята, их... противоположность. Каждый из вас носит меч с гвоздем от распятия... - я ободряюще махнул рукой.

- С ангелом внутри, - выдохнул Баттерс.

В маленьком кружке воцарилась ошеломленная тишина.

- Баланс, - сказал я. - Думаю, он знает, потому что он знает, Баттерс.

- О Боже, - прошептал Баттерс. - Однажды я случайно его постирал.

Саня издал утробный смешок.

Майкл снова прикоснулся к лезвию Фиделаккиуса, более трепетно.

- Ангелам не позволено вмешиваться в жизнь смертных и их свободную волю, - сказал он. - Если ты прав, Гарри... этот клинок света является прямым выражением воли ангела. Он не может посягать на свободу воли смертного. Он может бороться только со злыми существами, которые пытаются сделать то же самое.

- Люди могут быть злыми, - сказал Баттерс. - Он бы разрезал Чака Мэнсона?

- Люди могут быть злыми, - сказал Майкл. - Могут быть добрыми. Они могут выбирать. Это то... что делает нас людьми. - Он покачал головой. - За эти годы я научился распознавать присутствие зла. Истинная тьма очень отличается от простой ярости, ужаса, жадности или жажды мести. Я встречал лишь горстку смертных, которые были по-настоящему злыми. Никодимус и ему подобные.

Я кивнул.

- Ангелы мыслят абсолютами. Ты должен быть чертовски абсолютным, чтобы квалифицироваться как зло - или добро - по их стандартам. Вот почему они так любят Майкла.

Майкл пожал плечами и кивнул.

- Так... - сказал Баттерс. - Какой из всего этого вывод?

- Твой Меч бесполезен против смертных, - тихо сказал я. - Это лучше, чем что-либо в борьбе с монстрами, но если один из них наймет громилу из людей, этот парень устроит тебе взбучку.

Саня хлопнул Баттерса по плечу, сдвинув его на шесть дюймов, и предложил:

- Пора раздобыть автомат Калашникова.

- Фантастика, - пробормотал Баттерс. Он убрал меч и вздохнул. - Должны ли мы... типа, поговорить с ним или что-то вроде? Я чувствую, что был очень груб все это время.

- Вежливость никогда не помешает, - сказал я.

- Ты это в какой-то книге вычитал, чародей? - невинно спросил Саня. - Наверное, очень, очень давно?

- Если в клинках и есть ангелы, то они уже давно этим занимаются, - успокаивающе сказал Майкл Баттерсу. - Я уверен, что они понимают наши пределы.

- Но они бы нам сказали, верно?- Спросил Баттерс. - Я имею в виду, если это правда, то это кажется довольно важным. Они бы нам сказали. Так ведь?

Майкл пожал плечами.

- Уриил не особенно свободен в информировании. Он ведет войну. Войну. Это означает оперативную безопасность.

- Но почему? - спросил Саня. - Что бы изменилось, если бы знали?

Я пожал плечами.

- Эй, я всего-то пытаюсь объяснить, почему у Баттерса безопасный меч.

Баттерс просиял.

- Я вроде как понимаю, да?

- Я буду придерживаться стали, - сказал Саня. - И свинца, конечно же.

Я взглянул на солнце.

- Адские колокола. Мне пора выдвигаться. Вечером планируется вечеринка, знаменующая начало мирных переговоров.

- Что ты хочешь, чтобы мы делали, Гарри? - спросил Баттерс.

Я на секунду задумался, а потом положил руку на плечо Баттерса.

- Я все еще работаю вслепую. Но вы же Рыцари Креста. Если я что-то придумаю, то позвоню тебе и сообщу подробности. А до тех пор делайте то, что вы делаете, и мы будем надеяться, что выйдет как нужно.

Баттерс неуверенно посмотрел на меня.

- Да, это хороший план, - сказал Саня. Он хлопнул меня по плечу так сильно, что я подумал, не обратиться ли мне к мануальному терапевту. - Дрезден до сих пор выполнял больше Рыцарской работы, чем ты. Это хороший план. Чародей знает, о чем говорит.

- Нет, на самом деле, не знаю, - сказал я. - В этом и проблема.

- Но ты знаешь, что не знаешь, - сказал Майкл. - Что весьма мудро.

Я фыркнул.

- Если осознание собственной невежественности является мерой мудрости, то я долбаный Соломон, Уолтер Кронкайт и Судья Джуди в одном лице.

Саня изобразил из своих пальцев квадрат, обрамляя мое лицо, как фотограф.

- Мне всегда казалось, что ты больше похож на Джуди.

Я попрощался с Рыцарями, нынешними и бывшими, погладил Мыша, обнял Мэгги, сказал ей, что люблю ее и чтобы она вела себя хорошо, и вышел.

Пора на вечеринку.

Глава 19

У нас была скучная деловая встреча в шесть, вечеринка начиналась ровно в семь тридцать, где никто не появился по крайней мере до восьми, и бедная делегация свартальвов, должно быть, провела полчаса, гадая, не ошиблись ли они адресом.

Мне не нужны были указания. Вечеринка проходила в штаб-квартире Общества Светлого Будущего, маленьком, но настоящем замке, который джентльмен Джонни Марконе привез откуда-то из Шотландии, камень за камнем, и собрал заново на месте сгоревшего пансиона.

Моего старого дома.

Сгинувшего.

В огне.

Я хотел пойти домой.

Я ехал по этим знакомым улицам, которые вели к моему старому дому, и у меня болело в груди. Потом я увидел замок, и он снова указал моему глупому сердцу, что дома больше нет.

Это был не тот замок, что можно увидеть в Диснейленде или где-то еще. Этот был построен для дела - солидный каменный блок с узкими зарешеченными окнами, начинавшимися только на втором этаже. Он стоял на площади, как жирная лягушка, занимающая весь лист водной лилии, его стены начинались не более чем в шести дюймах от тротуара, и поэтому ему удавалось угрожающе нависать над пешеходами, несмотря на то, в нем было всего три этажа

Он слегка выделялся на фоне эстетики моего старого района, как лучадор на викторианском чаепитии.

Сегодня вечером здесь горели прожекторы, сияя золотом и играя на каменных стенах с наступлением сумерек. Когда совсем стемнеет, замок Марконе будет выглядеть так, будто он держит под подбородком фонарик. Несколько человек в красных куртках предлагали услуги парковки. Вместо этого я припарковался на улице. Лучше знать, где моя машина и как к ней вернуться.

Я сидел за рулем, наблюдая, как подъезжают и отъезжают машины, и ждал, пока через несколько минут не подъехала пара белых,

отделанных золотом лимузинов. Они остановились перед замком, и персонал начал действовать, открывая двери и протягивая руки.

Я вышел из своей машины почти в то же время, что и мой дед вышел из своей. Он был одет в свой максимально официальный наряд, развевающуюся темную чародейскую мантию с пурпурным плащом, ниспадающем с его плеч. Учитывая его коренастую фигуру и ширину все еще мускулистых плеч старика, наряд делал его похожим на неваляшку - ту игрушку, что все время качается, но не падает. Он сбрил свою обычную челку из тонких серебристых волос и выглядел моложе из-за этого, и он держал посох в правой руке.

Эбинизер, прищурившись, оглядел замок, потом резко обернулся и кивнул, увидев меня.

- Хосс, - сказал он.

- Сэр.

Эбинизер повернулся, чтобы помочь следующему человеку, а я оглянулся на второй лимузин, чтобы увидеть Рамиреса и его команду, покидающих машину, двигаясь спокойно и быстро, чтобы занять оборонительные позиции вокруг ведущего лимузина. Проходя мимо, Карлос вежливо и нейтрально кивнул мне.

Я обернулся и увидел высокую, крепкую женщину с темной кожей и густыми серебристыми волосами, которая отмахнулась от предложенной Эбинизером руки. И когда это не сработало, она достала костыль из салона автомобиля и ткнула деда в живот.

- Я не какая-нибудь увядающая фиалка, Эбинизер Маккой. Отойди.

Мой дед пожал плечами и спокойно отступил на шаг, пока Марта Либерти с трудом выбиралась из лимузина. Она тоже была одета в черную мантию и пурпурный плащ, но вдобавок щеголяла старомодной белой гипсовой повязкой на правой ноге, очевидно, обездвиживающей колено. Я не очень хорошо знал эту женщину, но она всегда казалась мне жесткой, рассудительной и более или менее справедливой. Она вытянула ногу, расставила костыли и, пошатываясь, поднялась на ноги, слегка приподняв пострадавшую ногу над землей.

Она посмотрела на меня и коротко кивнула.

- Страж Дрезден.

- Госпожа Старейшина, - вежливо ответил я, возвращая кивок.

- Прошу меня простить, - раздался мужской голос из недр лимузина. - Мне бы хотелось уладить все с Этри до того, как он успеет выпустить пар.

Марта Либерти отступила в сторону, чтобы Кристос, одетый в такую же мантию и накидку, что и остальные, мог выйти из лимузина. У новоиспеченного Старейшины была густая грива седых волос, зачесанных назад и ниспадающих на воротник. Он носил дорогой костюм под своей официальной мантией, был немного выше среднего, немного более мускулистым, чем в среднем, и немного более вероятным членом Черного Совета, чем в среднем. Он обменялся нейтральным взглядом с Эбинизером, сухо кивнул мне и быстро зашагал ко входу в замок.

- Вечно он куда-то спешит, - послышался голос из лимузина. - Привет, Хосс Дрезден. Дай-ка старику свою руку.

Я ухмыльнулся и шагнул к машине, чтобы пожать руку Слушающему Ветер. Он был одним из старейших членов Белого Совета и одним из самых любимых всеми. Будучи индейским шаманом, он видел закат мира своего народа и возникновение нового и продолжал жить непокорно. Его кожа была цвета дымчатой меди и покрыта сетью морщин. Его серебристые косы все еще были густыми, и даже если он слегка сутулился, когда поднимался из машины, его темные глаза ярко блестели на морщинистом лице. Он был одет так же, как и остальные, хотя и отказался сменить сандалии на официальные туфли.

- Рад вас видеть, - сказал я, это и имея виду.

Слушающий Ветер пожал мою руку и коротко, устало улыбнулся.

- И я тебя. Ты выглядишь лучше, чем когда я видел тебя в последний раз. Более легкий.

- Разве что немного, - сказал я.

- Этим вечером у нас есть общий друг, - сказал он. - Но он не очень ладит с толпой. Может быть, ты поможешь мне в какой-то момент вмешаться в его дела.

- Конечно, - сказал я. - Эм. А кто это?

- Хах, - ответил он. - Мэтти, идем?

Марта Либерти улыбнулась, и они вдвоем неторопливо двинулись к замку, бок о бок.

Эбинизер подошел, чтобы встать рядом со мной и посмотреть им вслед.

- Старый добрый Слушающий Ветер, - сказал старик. - Этот человек любит свои розыгрыши. - Затем он прочистил горло и сказал: - Стражи, ко мне, пожалуйста.

Рамирес подошел к нам, подавая знак общего сбора, и остальные Стражи тоже подошли.

- Так, народ, - сказал Эбинизер, - помним, что это важное событие. Законы гостеприимства действуют в полную силу, и я надеюсь, что вы будете неукоснительно их соблюдать. Понятно?

Прокатился ропот согласия.

- Тем не менее, не думайте, что другие будут столь же вежливы, как и мы. Бдим всю ночь.

Дикий Билл подал голос.

- А если мы увидим что-нибудь подозрительное?

- Будь благоразумен, - ответил мой дед, - и помни, что в комнате будет Мэб, которая вполне способна привести в исполнение пункты Неблагих Соглашений.

Я одобрительно фыркнул.

- Она воспринимает нарушения как нечто личное.

Младшие Стражи обменялись тревожными взглядами.

- Самое мудрое - строго соблюдать Соглашения и законы гостеприимства, - сказал Эбинизер уверенным тоном. - Если вы не нарушите первыми законы, сможете использовать это как аргументированную самооборону.

- Если мы будем ждать, пока враг первым нарушит закон, то может оказаться слишком поздно для самообороны, - заметил Рамирес.

- Никто и не говорил, что работа будет легкой, - сказал я. - Только, что сделает нас богатыми.

После этого раздался взрыв смеха; Стражам платили в основном язвительностью.

- Расслабьтесь, ребята, - сказал я. - Поверьте мне, все остальные так же, как и мы, боятся разозлить Мэб. Будьте начеку, вежливы, и к десяти мы будем дома.

- Страж Рамирес, - молвил Эбинизер.

- Вы его слышали, ребята, - Рамирес дал сигнал. - Пойдем тусоваться.

Технически, это был не первый мой визит в маленькую крепость Марконе, но это был первый раз, когда я делал это физически. Я был мертв во время последнего визита, или почти мертв, или в коме и проецировал туда свой дух, или что-то в этом роде.

Я стараюсь не увязать в таких деталях.

Но когда я подошел к входной двери, меня поразили две вещи: во-первых, скромная, простая бронзовая табличка, прикрепленная к стене, на которой были выбиты слова "ОБЩЕСТВО СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО" буквами в дюйм высотой. Во-вторых, мои магические чувства были почти атакованы гудящей силой защитных чар, которые, очевидно, были встроены в каждый отдельный камень замка. Мне пришлось на мгновение остановиться и создать мягкую ментальную защиту от гула незнакомой силы, и у меня создалось впечатление, что другие волшебники со мной должны были бы сделать то же самое.

Кто бы ни построил это место, он защитил его по меньшей мере так же сильно, как и штаб-квартиру Белого Совета под Эдинбургом. Я мог бы швырять энергию в это место весь день, и это имело бы примерно такой же эффект, как от бросания пригоршней песка в лист металла. Он был точно так же укреплен против духовного вторжения, единственными возможными точками доступа были тяжело бронированные входы - и даже они были улучшены с тех пор, как я проскользнул своей нематериальной сущностью через открытую дверь.

Теперь уже ничего не проникло бы внутрь. Замок чертовски хорошо защищен.

Или, как сказала какая-то мерзкая, подозрительная часть меня, ничего не выберется из него, превратив его в адскую ловушку.

- Хах, - сказал Эбинизер, прищурившись на замок. - Это старая работа. Очень старая.

- Наших, вы думаете? - спросил я его.

- Нннгх, - сказал он, что означало, что он так не думал. - Может, Тилвит Тег. Или даже Туата.

- Туата?

Уголки рта старика приподнялись, а глаза смотрели задумчиво и одобрительно.

- Древние враги Фоморов, - сказал он.

- А, - сказал я. - Делаются некоторые заявления.

- Общество Светлого Будущего? - спросил Рамирес, пялясь на табличку.

- М... Барон Марконе, Белая Коллегия, и Паранетчики заключили союз против Фомор тут, в Чикаго несколько лет назад, - сказал я. - Слишком много детей стало пропадать.

Дикий Билл мрачно нахмурился.

- Они обратились за помощью к преступникам и Белой Коллегии, не так ли?

Я выпрямился и медленно повернулся к Дикому Биллу, глядя прямо на него.

- У них забирали детей. И не то чтобы мы им помогали.

Дикий Билл быстро отвел от меня взгляд. Наступило неловкое молчание.

- Причина этих переговоров в том, чтобы попытаться разрешить много слухов, - устало сказал Эбинизер. - Ну же, детишки. Давайте приступим к работе.

Я вошел следом за стариком. За дверью была прихожая, где нас вежливо приветствовал красивый молодой человек с таким смешанным происхождением, что невозможно было определить с континентом, но в целом можно было ограничиться Средищемноморьем. Его волосы были выкрашены в белый цвет, и у мужчины были действительно тревожащие глаза, каким-то образом сочетающие смешение цветов блестящего золота и старого плюща. Он был одет в серый шелковый костюм, в котором не было заметно никакого скрытого оружия, которое он мог носить. Я наблюдал за ним однажды, когда был занят тем, что был мертв. Он был одним из устранителей проблем Марконе, и звали его Чайлдс.

Рядом с ним спокойно стояла немецкая овчарка, одетая в простую черную нейлоновую шлейку с одной из этих ручек для переноски.

- Привет, Чайлдс, - сказал я. - Как делишки?

Я протянул руку немецкой овчарке, которая вежливо обнюхала ее, а затем посмотрела на меня с гораздо большим спокойствием и профессионализмом, чем я чувствовал.

- Добрый вечер, леди, джентльмены, - вежливо сказал он. - Мы разве встречались, сэр?

- Я тебя встречал, Чайлдс, - сказал я. - Зачем собака?

Мужчина явно чувствовал себя неловко.

- Главная забота моего работодателя сегодня вечером заключается в том, чтобы никто не пронес внутрь никаких взрывчатых веществ, - спокойно сказал он.

- Да. Было бы хреново, если бы все взорвалось и дом сгорел дотла, - сказал я. - Я говорю по собственному опыту.

Может быть, я одарил его зубастой ухмылкой, говоря это.

- Хосс, - мягко упрекнул меня Эбинизер.

Чайлдс сглотнул, вероятно, именно так сильно, как того требовала ситуация, но вежливо улыбнулся нам.

- Пожалуйста, наслаждайтесь вечером, леди и джентльмены.

- Хм, - сказал Эбинизер и зашел внутрь. Я позволил младшим стражам следовать за стариком и замкнул шествие.

- Хорошая работа, - сказал я собаке, проходя мимо. Я ткнул большим пальцем в Чайлдса. - Проследи, чтобы он получил печеньку позже. Он такой джентльмен.

Пес наклонил голову, как это делают собаки, и один раз ударил хвостом по ноге Чайлдса. Устранитель проблем одарил меня несколько кислой улыбкой и намеренно переключил свое внимание обратно на входную дверь.

Мы прошли в главный внутренний коридор. Замок был таким, каким я его помнил: стены из мрачного камня, не покрытые штукатуркой или краской, все из грубо отесанных блоков размером с торс крупного мужчины. Свечи горели в канделябрах через каждые несколько шагов, освещая путь, наполняя воздух запахом пчелиного воска и чего-то слегка цветочного. На стенах не было ничего похожего на украшения, и защитная сила заклинаний вокруг этого места была настолько сильна, что я мог чувствовать ее через подошвы своих ботинок.

Рамирес оглянулся на меня через плечо и сказал:

- Нет охраны.

- Не рассчитывай на это, - сказал я. - Марконе держит наготове взвод эйнхерий. Помнишь?

- Точно, - мрачно сказал Рамирес. - Эти парни.

- Какие парни? - спросил Дикий Билл.

- Немертвые викинги с многовековым опытом ведения всех видов войн, известных человечеству, - уточнил я. - Парни, которые

сражаются и пируют в Валгалле. Они не против умереть. У них есть в этом опыт.

- Считайте их самыми опасными смертными воинами на планете, - прорычал Эбинизер из начала процессии. - Так и есть. Не контактируйте больше, чем требуется. Многие из них - берсеркеры, и безопаснее всего оставить их в покое.

Рамирес поднял бровь, кивнул и снова замолчал. Как только он это сделал, мы повернули за угол, и из широко распахнутых двойных дверей впереди нас донеслась музыка, сопровождаемая всплеском яркого света.

Эбинизер взглянул на меня, и его седые брови нахмурились.

- Хосс. Ты в порядке?

Я взял себя в руки, пытаюсь вернуть себе бесстрастное выражение лица.

- В прошлый раз, когда я был на таком приеме, - сказал я, - все пошло наперекосяк.

- Хех, - сказал старик. - У меня тоже. Просто помни, чему я тебя учил.

- Никогда не начинай бой. Всегда заканчивай его.

- Не это.

- Застели постель и займись домашними делами?

- Не это.

- Что же, что же, никогда не позволяй им видеть, как ты потеешь?

Усмешка мелькнула на морщинистом лице старика, но тут же исчезла.

- Достаточно близко.

Затем он перехватил свой обрубок посоха и шагнул вперед в толпу.

Я сделал глубокий вдох.

И последовал за ним.

Глава 20

В маленьком замке Марконе большой центральный зал занимал, должно быть, значительную часть первого этажа.

Комнату освещали куски светящихся кристаллов, вставленных в подсвечники. Работа брауни, если я не ошибаюсь, со слабым оттенком весеннего зеленого и желтого, переливающиеся куски белого кварца - сами по себе мощные амулеты против темной магии, когда они правильно настроены. Это сразу же привлекло мое внимание. Определенно работа Летнего Двора.

И, очевидно, Барон Марконе убедил их помочь ему.

Музыка лилась откуда-то неподалеку, возможно музыканты скрывались в алькове за занавесками. Я не смог опознать композитора этой маленькой оркестровой пьесы, но это лишь означало, что это точно не Вивальди. Скорее всего, кто-то из немцев. Кто бы ни играл, они не были людьми. В них было слишком много точности, слишком много единства звука, как будто один разум играл на всех инструментах, и дрожащие ноты совершенной гармонии, которые он издавал, вызвали древнее очарование музыки, не имевшее ничего общего с магией. Это была работа сидхе, иначе я съел бы свой галстук, и, судя по убийственной точности, за это отвечали подданные Неблагого двора.

И они играли для вечеринки Марконе. Что-то, что они явно делали не из удовольствия - если они делали это для смертного, это было потому, что они платили за услугу.

Я подумал о хранилищах, которые мы частично разрушили в подвале банка Марконе, которые принадлежали минимум дюжине представителей различных сверхъестественных наций. Сколько же маркеров раздал Марконе? Сколько по-настоящему страшных существ было в долгу у этого человека?

Я нахмурился. Разбойничий барон Чикаго становился настоящей проблемой.

И, черт возьми, я не был уверен, что жители моего города были, по крайней мере, хоть чуточку лучше. Несмотря на весь вред, который

он причинил миру, люди Марконе дали бой Фоморам, когда они атаковали город.

Водоворот посетителей был немного ослепительным, и я воспользовался моментом, чтобы просто влиться в него.

Широкие полотнища шелка самых разных цветов украшали крышу и стены, струясь сверху вниз, чтобы смутно имитировать интерьер огромного шатра, где, несомненно, происходили переговоры на поле боя между древними армиями. Потребовалось мгновение, но я узнал различные цвета и узоры, представляющие многие нации Неблагого Соглашения, расположенные достаточно тонко, чтобы быть замеченными только подсознательно, если не приглядываться. Но здесь, конечно, все смотрели. Я рассматривал различные цвета и узоры на шелке и понял намерение.

Наш хозяин придумал что-то вроде рассадки гостей.

Или, вероятно...

Боевых порядков.

Водоворот серебряной и ониксовой ткани с узором из строгих геометрических линий ниспадаля вниз, обрамляя небольшую площадку, заставленную мастерски изготовленной мебелью, вырезанной из... чего-то, похожего на черное дерево с выделкой из серебра. В кресле с высокой спинкой восседал Король Свартальвов Этри, явившийся в своем миниатюрном естественном обличье, с серой кожей и огромными выделяющимися темными глазами. Он был одет в безупречный костюм из серебристого шелка в черную полосу и держал в правой руке трость из сверкающего серебра.

Этри выглядел решительно - и измученно. Его широкий покрылся складками морщин, пока он внимательно слушал Старешину Кристоса, сидящего в кресле рядом с ним. Чародей принял примирительную позу, слегка наклонившись вперед, с раскрытыми ладонями, и тихо разговаривал с предводителем свартальвов.

Сестра Этри Эванна сидела рядом с ним, элегантная в своем черном костюме, ее прекрасные серебристо-белые волосы рассыпались по плечам, как жидкий металл. Ее лоб пересекала полоса какого-то металла, которая, казалось, отражала цвета, которых на самом деле не было в комнате. Ее темные глаза метнулись в мою сторону и тут же подозрительно сузились, увидев меня.

Пятеро воинов Этри молча рассредоточились позади этой пары, и каждый из них повернул свои темные глаза ко мне на долю секунды позже Эванны. Их подозрительность была ощутимой силой.

- На что они уставились? - пробормотал Дикий Билл рядом со мной.

Йошимо спокойно положила руку ему на плечо.

- Полегче. Они ничего не сделали.

- Писк, - пробормотал Билл.

- Мы сейчас окружены камнем, - сказал Рамирес. - Не самое лучшее место для драки с этой командой. Тем более, что Мэб встанет на их сторону, если ты это сделаешь.

Дикий Билл сердито посмотрел на Рамиреса, но успокоился.

- Мне не нравятся косые взгляды, вот и все.

- О, это прямые взгляды, - заметил я. Я кивнул Эванне, достаточно низко, чтобы сделать это небольшим поклоном. Выражение ее лица стало более нейтральным, и она точно ответила на мой кивок. Но ее глаза не изменились, даже когда она направила их в другое место. - Может, нам стоит прикрыть стариков, детишки?

- Да, - сказал Рамирес своим обычным голосом. - Йошимо, остаешься со возле Старейшины Кристоса. Билл, ты прикроешь Маккоя. Мы с Чендлером возьмем на себя Либерти и Служающего Ветер.

Ауч.

- А где мое место?

- Связной, - сказал Рамирес. - Предотвращай неприятности, пока они не начались. Будь моим разведчиком в комнате. Ты уже встречался со многими в этой комнате.

Я на секунду поджал губы, а потом спросил:

- Кого ты здесь защищаешь, Карлос?

Он легонько хлопнул своей рукой по моей.

- Надеюсь, всех. Глаза открыты. Погнались, народ.

Молодые Стражи целеустремленно ринулись прочь. Я поморщился, схватил бокал шампанского с подноса проходящего мимо официанта и из вежливости поднес его к губам, прежде чем продолжить медленный осмотр комнаты.

Напротив цветов свартальвов развевалось шелковое знамя чистого белого цвета, замысловато расшитое извилистыми фигурами сиясь

Лара Рейт и ее свита. Лара была одета в простое белое платье-футляр, сшитое так, чтобы было видно значительную длину ее ног, и ее иссиня-черные волосы были заколоты изящными локонами. Алые драгоценные камни в ее ушах и на запястьях мерцали кроваво-красным огнем волшебном свете фейри. Она сидела в центре одного из диванов, как на троне.

Фрейдис, одетая в облегающее белое трико и мужской пиджак, сидела на полу у ног Лары, словно какое-то экзотическое домашнее животное, ее зеленые глаза ярко выделялись на фоне коротко стриженных рыжих волос. Валькирия выглядела рассеянной и сонной, и не была ни той, ни другой. Позади Лары стояли Райли и четверо телохранителей Лары, все они выглядели подтянутыми и злыми, с одинаковыми стрижками и костюмами, которые скрывали оружие, которое, несомненно было при них.

Лара подняла глаза, на секунду встретилась со мной взглядом и серьезно кивнула. Она слегка пошевелила правой рукой, ладонью вверх, указывая на диван рядом с собой. Я кивнул и направился к ней.

- Гарри, - сказала она легким и радостным тоном. - Как я рада вас видеть! Не присядете ли вы на минутку?

- Очень любезно, - сказал я и присел рядом с ней на край дивана, откуда мог быстро подняться. Я не прикасался к ней. - Так что же такая милая девушка, как вы, делает в такой дыре?

Лара запрокинула голову и по-девичьи рассмеялась. Это была явная фальшь, и ее невозможно было не признать привлекательной.

- Вы такой забавный. Вы всегда такой забавный, Гарри.

Я моргнул. Лара, конечно, не была заядлой тусовщицей, но производила чертовски хорошее впечатление.

Она распознала, когда я понял, что что-то случилось. Ее глаза скользнули в сторону и последовали за Рамиресом, который медленно ковылял за Слушающим Ветер и Мартой Либерти, опираясь на трость. Их цвет сменился со средне-серого на более искрящийся с металлическими серебряными крапинками.

- Ах, этот бедный мальчик. Такой красивый и раненый, и так много неудач. Вы совершенно уверены, что он не предназначен в качестве подарка?

Я услышал слабый, резкий треск, как будто кто-то сломал пару зубочисток. В воздухе послышался едва различимый шепот силы, и

через секунду Фрейдис сунула маленькую сломанную деревянную табличку в карман своего пиджака и твердо сказала:

- Чисто.

Хихиканье Лары прекратилось, и ее улыбка исчезла.

- У нас есть примерно минута до того, как иллюзия счастливой болтовни исчезнет. Что у тебя есть?

Я напряг свои чувства достаточно, чтобы почувствовать аккуратную маленькую комбинацию заклинания уединения и внешней иллюзии, которая теперь скрывала нас.

- Немного. Я приставил к Жюстине человека, которому доверяю.

- Там мои люди.

- Не бывает слишком безопасно, - сказал я.

Лара поморщилась.

- Кристос заверяет Этри, что Белый Совет полностью поддержит его в этом вопросе. Наверное, предлагал ему вырыть могилу для моего брата.

- Этри не из тех, кто берет субподряд на свою работу, - сказал я. - И он в ярости.

Лара, прищурившись, посмотрела на короля свартальвов, сидевшего в другом конце большой комнаты.

- Должен же быть какой-то способ урезонить его.

- Как правило, да, - ответил я. - Но сейчас у него есть все основания злиться.

- У него есть мой брат, - прорычала Лара.

- Этри и его люди выглядят как кучка маленьких гиков, - сказал я.

- Тебе и твоим людям не стоит совершать ошибку, опираясь на внешность. Если бы они были слабы, кто-нибудь уже прикончил бы их.

Лара стиснула зубы.

- Если я ничего не придумаю, мне придется оставить Томаса гнить. - Она вдохнула. - Или изменить свою позицию.

Что было вежливым аналогом фразы "Начать Убивать Людей".

Я искоса взглянул на Лару. Может быть, она не руководствовалась тем холодным политическим расчетом, в который она заставила меня поверить. Может быть, все было не так ясно, когда речь шла о ее младшем брате, как она заставила меня поверить.

Я был почти уверен, что в последнее время не оказывал никакого содействия мирному процессу, поэтому я размышлял изо всех сил.

- Когда у тебя есть проблема, у тебя есть проблема, - задумчиво сказал я. Я кивнул на Кристоса. - Когда у тебя есть две проблемы, иногда одна из них - это замаскированное решение.

Лара посмотрела на меня и прищурилась.

- Кристос считает себя политиком, посредником в установлении мира и справедливости, и все такое, - сказал я. Я сделал глубокий вдох. - Попроси его о помощи.

- Зачем ему это делать?

- Он будет хорошо выглядеть, если заставит обе стороны пойти на уступки, - сказал я. - Он хочет обрести лицо и репутацию. Этри жаждет правосудия и он достаточно расстроен, чтобы не мыслить ясно. Если ты не сможешь о чем-то договориться, ты не та, кем я тебя себе представлял.

Лара долго смотрела на меня пристальным, напряженным, молчаливым взглядом. Я почувствовал, что начинаю соскальзывать в ее душу, и отвел глаза, прежде чем все стало еще более интимно.

- Я хочу, чтобы ты меня представил, - сказала она.

- Буду рад дать совет, - сказал я. - Не уверен, что это поможет, если я...

Ее голос стал жестче.

- Мне должны услуги. Ты обязан их возместить.

И глубоко внутри меня что-то скрутилось от острого дискомфорта, как будто слова Лары только что проникли в мои внутренности и начали пинать их, а затем затопили мою совесть до кучи. Из-под Зимней Мантии выплеснулось твердое и ясное знание, что Лара требует долг, и нет никакой возможности не возместить ей его. Неважно, насколько это неудобно или лично унижительно может оказаться.

Вау.

Так вот как это ощущается с точки зрения фейри.

Неудивительно, что многие из них так меня не любят.

- Прекрасно, - проворчал я. Мой голос прозвучал напряженно, сдавленно. Я встал и предложил ей руку, незаметно разрушив маленькое иллюзорное заклинание вокруг нас. - Идем.

- Все остальные остаются здесь, - твердо сказала Лара. Она подняла палец, упреждая вероятные протесты Фрейдис и Райли. - Нет. Я пойду одна.

Она встала, легонько положила руку мне на предплечье и кивнула. Я повел ее через комнату.

- Мне жаль поступать так с тобой, - тихо сказала она после нескольких шагов. - Он член семьи.

- Мне это тоже не очень понравилось, - сказал я. Я все еще чувствовал легкую тошноту, хотя дискомфорт быстро начал исчезать, как только я согласился. - Я все понял. Не превращай это в привычку.

Она слегка сжала мою руку сквозь паучий шелковый костюм и посмотрела на меня с довольно грустной улыбкой, в которой не было ни капли сожаления. Ее светло-серые глаза были полны решимости.

- Только если придется.

Мы прошли через комнату в гостиную Этри, и я направился прямо к королю свартальвов.

Кристос, который как раз собирался сказать что-то очень искреннее, посмотрел на меня и нахмурился.

- Страж Дрезден.

- Извините, что прерываю, - сказал я еще более искренне, - но я увидел возможность помочь нашим соседям.

Кристос изогнул бровь и уже стал говорить, но поднятая Этри рука заставила его замолчать. Йошимо, в шести футах сзади и с боку от Кристося, адресовала мне вопросительный взгляд.

- Этри, - сказал я. - Позвольте представить вам Лару Рейт, дочь лорда Рейта и его правую руку в Белой коллегии.

- Я знаю, кто она, - сказал Этри, его взгляд был ровным и не враждебным. Он кивнул Ларе, и та в точности повторила его жест. - Боюсь, нам почти нечего сказать друг другу, леди Лара.

- Зависит от того, что говорить, сэр, - ответила Лара. - И когда встречаются двое потенциальных врагов, присутствие общего союзника может многое сделать, чтобы развеять страх и подозрения. - Она повернулась и склонила голову пред Кристосом. - Сэр, ваша репутация специалиста в таких вопросах хорошо известна. Я убеждена, что вы осознаете напряженность между нашими государствами в это деликатное время. Возможно, то самое

примирение между народом короля Этри и Коллегией моего отца, на которое мы все надеемся, сможет начаться здесь.

- Смешно, - сказала Эванна ломким голосом.

Этри устало взглянул на сестру и снова поднял руку.

- Леди Лара, я вижу мало надежды на какое-либо разрешение этого вопроса, кроме того, что предписано Соглашениями.

Брови Кристоса сдвинулись и он сложил задумчиво руки.

- И все же, если вы видите мало надежды, стало быть она существует. Возможно, немного надежды - это неплохое начало. Разумеется, Этри, нет вреда в диалоге, пока мы находимся под защитой права гостей.

Свартальв устало потер лоб несколькими пальцами, явно раздраженный, и взглянул на меня.

- Гарри Дрезден, - сказал он. - Ты был гостем и другом моему народу. Ты был дружен с Остри. Ей можно доверять?

Я смерил Лару взглядом и снова повернулся к Этри.

- Если она даст тебе слово, то сдержит его.

Что... собственно не было ложью. Лара была верна своему слову. Так же как Мэб. И так же как Этри. И, говоря откровенно, ни одному из них я не доверял вне этих рамок.

- С другой стороны, когда доходит до этого, что ещё остается? Чего большего на самом деле можно желать?

Этри какое-то время изучающе смотрел на меня и после кивнул. И было у меня впечатление, что он понял интуитивно именно то, что я подразумевал. Его рот сжался в тонкую линию, что говорило о том, что он ничуть не в восторге от такой перспективы, но также о том, что он твердо решил обходиться со своими собратьями вежливо.

- Что ж, хорошо. Леди Лара, прошу вас, присоединяйтесь. Желаете послать за напитками?

Лара тепло улыбнулась мне и устроилась в кресле, которое один из людей Этри принес для нее, оставляя её, Этри и Кристоса сидящими по углам треугольника.

- Благодарю вас, Страж Дрезден, за содействие в нашем знакомстве.

- Пустяки, - откликнулся я.

- Пожалуйста, Страж, - произнёс Кристос бархатным голосом, но с раздражением во взгляде, - не позволяйте нам и далее вас отвлекать

от ваших обязанностей.

Угу, - ответил я Кростосу голосом, который был громче и гораздо гнусавее, чем должен был быть. - Окей. Пока-пока.

Я дурашливо застрелил Йошимо указательным пальцем и зашагал прочь. Где-то в углу этого зала находился буфет. Мой нос уже уловил запах какой-то вкуснятины и доложил об этом желудку. Желудок немедленно разразился урчанием. Я вспомнил, что был слишком занят, чтобы сегодня поесть, и было чертовски похоже на то, что эту дурную привычку пора бы перерасти.

Ну, что же. Морить себя голодом, без необходимости, не было смысла. И было у меня подозрение, что чем дольше мой рот занят едой, тем меньше останется времени, чтобы я успел облажаться на этой дурацкой вечеринке. Я пошел за едой.

Народу в комнате становилось всё больше. Под тошнотворно-зеленым полотнищем сидели представители клана ЛаШезов. По центру - краснолицый дородный мужик с большими старыми бакенбардами, который, судя по его виду, обожал мясо с картошкой. Картер ЛаШез, глава обширной семьи вурдалаков, которые заправляли множеством сверхъестественных дел в землях каджунов. Они разместились вокруг стола, с жадностью поглощая бифштекс. По крайней мере, я на это надеялся. Выглядело странно похоже на полотно с "Тайной вечерей".

Какое-то время я размышлял, а не поджечь ли их скопом, пока на меня не стали с подозрением поглядывать из-за стола. Только тогда я заметил, что широко улыбаюсь, и двинулся дальше.

Черный штандарт с черными самоцветами задрапировали в форме полу-алькова, чтобы он окружал единственное огромное кресло в тени. Очень высокий, очень крупный мужчина, на вид лет пятидесяти, лениво сидел в этом кресле и молча разглядывал собравшихся в зале.

Он небрежно держал позабытую трубку в руке, на вид не зажженную, но с каждым выдохом дым у него из ноздрей сочился спиралями вниз. Его глаза отражали свет в комнате словно кошачьи.

Ферровакс - дракон в человеческом обличье. В последний раз мы встречались на похожем мероприятии, и он шпынял меня, как захотел, будто игрушку. Я избегал встречаться с ним взглядом, и его губы скривились в ухмылке, когда он проследил за моим продвижением. Одна моя выходка несколько месяцев ранее нанесла некий урон его

сокровищам, хранившимся в сейфе Марконе. У меня было стойкое ощущение, что он это воспринял как личное.

Меня передёрнуло. Я был чертовски уверен, от этого дела будет ещё до фига неприятностей, которым ещё предстояло случиться.

Разнообразие присутствующих делегаций ошеломяло. Летний Двор Фэйри занимал дальнюю сторону комнаты, на равноудалённой дистанции как от свартальвов, так и от Белой Коллегии. Прямо напротив Зимнего Двора с другой стороны. По центру обоих находилось по одному троподобному креслу, но главные представители ещё не объявились. Только пятеро Сидхе в доспехах, согласно цветам их Королев. Тёмно-синих, зеленых и пурпурных, принадлежащих зиме, и более тёплых зеленых и золотых, характерных для лета.

Остальные создания толпились буквально повсюду. Я опознал нага из неразберихи, в которую вляпался как-то в бурные выходные несколькими годами назад. В данный момент она была в образе женщины с дымчатой кожей в очаровательном белом вечернем платье и болтала с Ивой Архивом, которая была неожиданно старше, чем в последнюю встречу, и тоже одета в подходящее чёрное вечернее платье без украшений или других аксессуаров.

Разве Иве пора было обзаводиться подобными бедрами? Я немного прикинул, стараясь не считать откровенно на пальцах, и понял, что действительно мы не видались настолько давно. Теперь она выглядела как девушка с выпускного, только намного более самоуверенной. И она, очевидно, появилась одна. Телохранителя, которого я по привычке ассоциировал с ней - так же, как кофе и пончики, не было рядом. Где же Кинкейд? Проходя мимо, я попытался поймать её взгляд, но либо Ива была слишком увлечена разговором, чтобы заметить, либо решила меня игнорировать.

Было неловко. Никогда не ощущал себя на своём месте на вечеринках.

Я миновал небесно-голубое полотнище с облачно-белыми и сверкающими золотыми полосками, прямо напротив уютной норы Ферровакса, и обменялся кивком с Ваддерунгом - генеральным директором "Монок Секьюритиз". Его мягкое кресло казалось удобным, чтоб хорошо провести там время за книгой. Ваддерунг выглядел высоким мускулистым мужчиной, немного за шестьдесят.

Определённо способным выжать вес мотоцикла из положения лёжа. Тёмно-серый костюм, длинные по-волчьи серые волосы и подстриженная борода приобретали щегольской вид из-за черной повязки на глаз на кожаном ремешке. Как Ферровакс, он был один, без охраны, в компании довольно большого бокала вина и дымящейся трубки в каждой руке.

Мы обменялись кивками, пока я проходил, и он одними губами просигналил мне "позже".

Я успешно добрался к буфету, не причинив по дороге никаких крупных дипломатических кризисов, что для меня примечательно. Выбрал тарелку и начал с блюда с крошечными бифштексами. Я имею в виду, они и должны быть пустяковыми мини-закусками, но если вы сложите дюжину вместе, у вас будет нечто, близкое к настоящему стейку.

Я двинулся дальше в поисках деликатесов, когда волосатая ручища размером с поднос в кафетерии, бугристая от шрамов и мышц, сомкнулась вокруг моего правого плеча.

Я в панике чуть не выпрыгнул из ботинок, когда мой мозг живо напомнил мне о событиях многомесячной давности. Тогда владелец похожей лапищи гнался за мной по горящим руинам одного из оружейных хранилищ, принадлежащих Королю Подземного Мира. Лично Аиду. Дженосква занимал солидное место в моих кошмарах - куда больше обычного - и внезапный прилив адреналина, заставивший Зимнюю Мантию просто взбеситься, подготовило моё тело к сражению без промедления.

Вот только всё это уже запоздало. Пальцы, толстые словно сардельки, уже сжались вокруг. Оно схватило меня.

- Дрезден, - прорычал сильный рокочущий голос. - Хорошо. Наконец, я смогу отплатить тебе как полагается.

Глава 21

Мёрфи научила меня, что когда вас кто-то схватил, применяется правило пальца. Я назвал его Правилom Пальца. Идея заключается в том, чтоб выворачивать любую часть тела, за которую ухватился вражина, круговым движением в сторону собственного большого пальца. Базовый принцип - легче преодолеть силу одного большого пальца, чем четырех пальцев и большого в придачу. Хватка Дженосквы была невероятно сильна — но Зимняя мантия давала мне достаточно физических сил, чтобы в моменты, как этот, я не был девяностофунтовым слабаком.

Его правая рука была на моем правом плече. Поэтому я внезапно нырнул, вращаясь по часовой и резко подаваясь вниз и назад, напирая всем своим весом и направляя всю силу против единственного пальца монстра.

Я выполнил всё так как надо — и даже при этом, едва сумел разорвать его хватку и вырваться. Не говоря уж о том, что налетел на буфет, заставив задребезжать подносы на нём, и почти опрокинул его своей пятой точкой, когда пригибался, роняя тарелку, и выбрасывал руки в бессмысленном жесте самозащиты.

Только это был не Дженосква.

Передо мной стоял проклятый Сасквотч, волосатая человекообразная фигура не менее девяти футов ростом, мускулистая, с темно-каштановыми волосами. На нем было надето - я не шучу - что-то вроде смокинга викторианской эпохи, скроенного с учётом его огромных размеров. У него были очки на широком плоском носу, их линзы были размером с чайное блюдце, и они все равно казались ему маленькими. Его волосы, те, что были видны, были вымыты шампунем и кондиционером, и на секунду мне показалось, что я смотрю на вуки.

- Ха, - пророкотал Сасквотч. Его лицо расплылось в смущённой улыбке, показав мне широкие зубы, которые выглядели так словно могли похрустеть сваей забора как стеблем сельдерея. - Слышал, ты встречался с моим кузеном.

Я моргнул несколько раз, а потом до меня дошло, что все в комнате рядом вытаращились на нас. Я выронил жезл и тарелку с закусками, и было похоже на то, что официанты за буфетным столом мечтают исчезнуть по-тихому. Я с шумом выдохнул воздух, задвинул поглубже Зимнюю Мантию, с рёвом рвущуюся в кровавую битву, и произнёс:

- Ух ты. Река в Плечах? Это ты?

- Аргх, - утвердительно буркнул Река в Плечах, с неловкостью указав на свой смокинг. - Пришлось надеть этот мартышкин костюм. Не планировал маскироваться.

Сила Реки в Его Плечах был шаманом Лесных Людей, которые с древних времён жили у всех прямо под носом сотнями лет. Он нанял меня для кое-какой работёнки однажды, и он был порядочным парнем. Но при этом был очень большим и довольно пугающим.

- Что ты делаешь здесь? – спросил я у него.

Он пожал плечами. Эти плечи были добрых пять с половиною футов по диагонали, так что жест производил неизгладимое впечатление.

- После тех неприятностей в Оклахоме я много думал о том, что ты сказал. О моём ребенке. Ты был прав. - Он поджал коротко губы. – Перегнул палку, был самонадеян, но прав.

Я почувствовал, что скалюсь в улыбке.

- В самый раз для чародея.

Он согласился:

- Ну... для человека возможно. Я созвал совет среди своих. Сказал им, чтобы оставили моего сына в покое или начну ломать черепа. А потом мы решили присоединиться к Соглашениям.

Я немного склонил голову на бок.

- После того, как вы скрывались так долго? - я не мог не спросить.

- Но почему?

Река в Плечах огляделся немного нервозно.

- Чтобы я мог вернуть тебе долг. То, что ты для меня сделал, для нашей семьи, было большим, чем просто работа по найму. Тебе было не все равно. Ты рискнул разозлить меня, но указал мне на то, что я веду себя глупо. Даже когда я действительно разозлился. Именно так и поступают друзья. И ты помог мне обрести сына.

Я прочистил перехватившее горло и отвёл в сторону взгляд.

- Ну... что ж... ну, да.

- Слышал, ты вышел против одного из Лесных Людей и побил его в схватке.

- Убил его, - сказал я.

Река в Плечах посмотрел на меня и повторил: "Побил его."

Холодок пробежал по моему телу.

- Что?

Он кивнул.

- Главная причина, почему я здесь. Хотел предупредить тебя.

- Как? - спросил я. - Там от него остался только кетчуп.

Река в Плечах снова пожал плечами.

- Я не знаю - как. Но я видел его менее луны назад. Кровь на Его Душе не забывает обид. Держи глаза открытыми, ладно?

Он снова нервно провёл глазами по комнате.

- Эй, тебе не кажется, что здесь жарковато?

И тут я вспомнил о загадочной фразе Слушающего Ветер. Река в Плечах совсем не был трусом, но все равно очень трудно прервать свое долгое уединение, чтобы появиться на сборище самых опасных сверхъестественных созданий на планете.

- О, точно, - сказал я. Я повернулся к одному из сотрудников буфета и произнес, - А есть какое-то более тихое место?

Мужик из персонала в основном пялился на Реку в Плечах, но ответил:

- А. Да. Конечно, - и стал отворачиваться.

Река в Плечах протянул руку, слегка дотронулся кончиками пальцев плеча мужчины и сказал:

- Эй, Эйнхерий.

Мужик замер и обернулся, жёстко уставившись на Реку в Плечах, а затем на его руку.

Река кивнул и осторожно убрал руку.

- Слушай. Грендель оказался гнилым яйцом. Плодил гнилые яйца. Большинство моего народа считали его сумасшедшим. Так что сейчас, единственная ссора между нами - та, что ты принес с собой.

Мужчина изучил Реку в Плечах, затем его смокинг и очки. Он медленно кивнул и сказал:

- Да. Сэр. Пройдемте в спортзал.

Я оглядел комнату и заметил, как много красных пиджаков небрежно смешалось с толпой. Да. У Марконе здесь было полно народу.

Мы проследовали за Эйнзерием обратно сквозь несколько дверей в небольшой холл, вверх по лестнице в спортзал, который я уже раньше посещал, духом. Он был невелик, но оснащен всем необходимым, включая небольшой боксерский ринг. Горела пара ламп, но в остальном было темно и тихо. Наш проводник еще раз задумчиво оглядел Реку в Плечах и молча удалился.

Река в Плечах вздохнуть и опустился на каменный пол, прислонившись спиной к стене. Он снял очки и засунул в карман.

- Очки-то зачем? - спросил я с любопытством.

- Пытаюсь выглядеть менее угрожающим. Как та горилла в видеоигре.

Я выгнул бровь.

- Ты играешь в видеоигры?

- Я изучаю человеческие культуры, - сказал Река в Плечах. - Что вы, ребята, думаете о нас, и о существах, которых вы считаете похожими на нас. Горилла в видео игре придумала лучше, чем Кинг-Конг, понимаешь? - он покачал головой. - Люди боятся почти всего. Проблема в том, что их первая реакция на страх...

- Попытка уничтожить источник, - закончил я вместо него, с согласным кивком. Я поразмыслил о своём супер-клёвом костюме и пришёл к выводу, что в целом костюмы не жалую. Я сел на полу рядом с Рекою в Плечах.

- Мне близка эта проблема.

- Ха, - сказал здоровяк. Он покачал головой. - Спасибо, что вытащил меня оттуда. - Он поморщился. - Там просто слишком напряженно. Слишком много ненависти. Вожделение. Жадность. Страх.

Я поднял глаза на Реку в Плечах и осознал, что ему было страшно быть здесь. Беззащитным, в окружении большого количества шума и движения, чем он мог переварить. Я знал, что Река обладает собственной силой, и если бедняга был ещё и эмпатом к тому же, то эта комната должна была быть для него той ещё пыткой.

- Да уж, подобные сборища - сущий кошмар, - сказал я сочувственно.

Он хмыкнул, сделал глубокий вдох и выдохнул. Он дышал, как загнанная лошадь.

- Эйхерии тоже здесь. Это всегда неприятности.

- В смысле? - спросил я.

Он сморщил нос, огромные брови нахмурились.

- Мой народ идет тремя путями, - сказал он. Он указал на себя. - Путь Неба, как мой. Мы учимся. Мы помним. Смотрим на звезды. Читаем. Разговариваем с вами, людьми, в основном по телефону. Размышляем. - Он вздохнул. - Нас не очень много.

Я нахмурился и сказал:

- Как чародеи для людей.

Он пожал плечами.

- Не совсем неправильный взгляд на это. Вероятно, мы потому и ладили.

- Так точно. Окей.

- Второй - это Путь Леса. Ему следует большинство, наверное, девять из десяти. С точки зрения Пути Леса, люди - хороший пример как делать не надо. Что надо оставаться ближе к природе. Избегать встреч. Огня. Инструментов. Быть тихим и незаметным, жить в гармонии с природой.

- Их люди и видят время от времени, - сказал я.

Река кивнул.

- Хотя мы с ребятами из резервации смотрим передачи о том, как вы нас ищете. Чертовски забавно. И немного печально.

Я наклонил голову и предположил.

- Дженосква. Он на третьем Пути.

- Путь Войны, - согласился Река. - Они считают, что наши люди - первые люди. Считают, что мы должны убить большинство из вас. Остальных сделать скотом и рабами.

Он немного подумал и откровенно добавил:

- Злыдни они. И вроде как идиоты. Но их не так уж много, поэтому они не способны получить, что хотят. Довольствуются тем, что шатаются у национальных парков, заставляют людей исчезать время от времени, когда те, кто следует Пути Неба, их не останавливают.

- Грендель был первым, кто встал на Путь Войны?

Река кивнул.

- Научил свое племя. В те времена их было достаточно, чтоб попытаться. Другие Пути оставили их безумствовать, прошли через льды, присоединились к нашему народу здесь. Племя Гренделя изгнало людей из ряда мест. Люди зависели от земель, от урожая. Они мало что могли с этим поделать.

- Что произошло?

- Они затеяли драку не с теми людьми, - сказал Река в Плечах. - С викингами. У викингов был защитник. Учитель.

- Беовульф?- Спросил я.

- Беовульф. Ваддерунг. У него было много имен, много лиц, - кивнул Река в Плечах. - Он жил и сражался, как смертный. Показал им, как быть бесстрашными. Помог построить культуру воителей. Сразился с великанами. Некоторые из его народа даже пересекли море, нашли нас и не тратили время на переговоры. Но здесь нас было слишком много и они ушли.

- Так чего ты пристал к тому парню, до того как он провёл нас сюда?

Река в Плечах покачал головой.

- Многие Эйнхерии попали в Валгаллу, сражаясь с нашим племенем на Пути Войны. Они помнят.

- Значит, Дженосква...

- Наше обозначение Пути Войны, - признал Река в Плечах. - Кровь на Душе более высокомерен, чем большинство. И намного опаснее. Воображает, что он - воплощённый воитель. Само совершенство.

Сасквоч поджал губы, ненадолго задумавшись.

- И он может быть.

- Он сильно больше тебя, - заметил я.

- Ага, - дружелюбно откликнулся Река в Плечах и зевнул. Это было разом и невинно, и жутко. В его рот поместился бы мяч для волейбола. И ещё бы место осталось.

- Я, типа, - малявка.

- Ну, знаешь ли, это как раз была моя первая мысль, когда я тебя увидел.

Он ухмыльнулся. Это тоже было жутко. Но я уже начал к этому привыкать.

- Ты ведь не привык говорить с людьми, которые выше тебя?

- Есть, наверное, в этом доля правды, - сказал я. - Как ты себя чувствуешь?

- Получше, - сказал он. - Слушающий Ветер - хороший ребёнок. Помогал оградить меня от всего, - он неопределённо помахал вокруг своей головы, с явным трудом подбирая слова, - от этого шума. Но сегодня у него есть свои собственные обязательства.

- Хороший ребёнок?

- И сколько конкретно тебе стукнуло лет? - спросил я его.

- Много лун, - с серьёзнейшим видом и с преувеличенно индейским акцентом объявил Река в Плечах.

- Иногда трудноато поддерживать счёт, - пожимая плечами, вернулся он к прежнему тону. - Я был рождён при переходе через ледник. В мои юные годы еды было мало. Скорее всего, потому я и вырос тщедушным. По прикидкам, я где-то среднего возраста.

Что, по-видимому, делало его примерно ровесником сказки о Беовульфе. Это намного старше тысячи лет. Как минимум.

Неудивительно, что он мог делать с помощью магии такие вещи, которые я никогда раньше не видел.

- Знаешь что, Хосс Дрезден?

- Что?

- Ты всегда хорошо ко мне относился. Даже когда тебе было страшно. Требуется мужество, чтобы вести себя так с кем-то, кто так сильно от тебя отличается.

- Не так уж трудно быть вежливым с тем, кто может послать меня на Луну.

- История твоей жизни говорит об обратном, - мягко поддразнивая, сказал Река в Плечах. - Ты отлично умеешь бросать вызов людям, которые того заслуживают. И ты все лучше понимаешь, кто эти люди. Слушающий Ветер говорит, что у тебя было тяжелое детство.

- Как и у многих, - сказал я. - Мне повезло с хорошим учителем. Не уверен, что у меня много смелости.

- Кажется, что немного есть, - ответил он. - Хотя, смелость - еще не все. Но ты формируешь на этом все остальное. - Он взглянул на меня, и его лицо было одновременно встревоженным и решительным, как у человека, который принял трудное решение. - Когда-нибудь, когда ты захочешь узнать больше, найти меня.

- И как это сделать? С громкими воплями дубасить посохом по деревьям? - спросил я шутливо.

Его глаза блеснули весельем из глубоких теней под бровями.

- Лучше позвони моей женщине. Так будет быстрее. И не так идиотски смотреться.

Я нахмурился и сказал: "Ты серьезно?."

- Слышающий Ветер говорит, что ты хорошая инвестиция. Просто есть некоторые шероховатости и надо узнать побольше. Особенно с этой штуковиной, что Мэб возложила тебе на плечи.

Я нахмурился.

- Слышающий Ветер мне тоже предлагал что-то такое.

- Ну да, - сказал Река. - Но его учил я. Кроме того, он почти что достиг завершения пути.

Ему явно стало неловко.

- Многие из чародеев, кто важен, близки к завершению. Держатся на чистом упрямстве.

Я склонил голову набок.

- Почему?

- Не тот человек, время или место говорить тебе об этом, звезднорожденный.

Я поджал губы.

- Шестьсот шестьдесят шесть лет, - наугад бросил я.

Скалообразные брови Реки приподнялись, что само по себе было подвигом сверхчеловеческой силы.

- Ха, - сказал он. - Кое-что ты выучил.

- Я выучил это, - сказал я.

- Мы довольно близки к этому времени, - сказал он. - Вроде как обещал тебе не говорить. Хреново. Необходимо. Но на твоём месте я бы серьёзно задумался, что стоит принять мое предложение.

Глаза Реки в Плечах метнулись к двери, и он стал осторожно мостить очки обратно на нос.

- Кто-то идет.

Прошло добрых десять секунд, прежде чем я услышал шорох легких шагов по камню, а затем в комнату ворвалась Молли. Зимняя Леди была одета в переливающее облегающее платье, которое очень сильно подчеркивало то, что она дочь моего лучшего друга и что я не должен замечать этого в ней, черт возьми.

- Гарри, - сказала она, потом замолкла, глядя на Реку в Плечах. - Эм, то есть, Гарри Дрезден.

Река в Плечах одним легким плавным движением поднялся на ноги.

- Если вы захотите оскорбить меня, придется придумать что-то похуже, чем назвать меня волосатым, мисс Зимняя Леди, - сказал он и слегка склонился в поклоне. - Прощу меня извинить. Мисс. Хосс.

- Хорошо поговорили, - сказал я. - В следующий раз костер и бифштексы.

Река в плечах кивнул и покинул комнату широкими тихими расслабленными шагами, примерно с той скоростью, какой я бегал трусцой.

Молли дождалась пока он уйдет прежде, чем требовать объяснений:

- Какого дьявола, Гарри? Что ты здесь делаешь?

- Поддерживаю связь, - сказал я. - Слушающий Ветер попросил меня присмотреть за ним.

- Что ж, мне нужно, чтобы ты ещё кое-что сделал, - сказала она. - Скрипач решил, что ему приглянулась Страж Йошимо, и попытался сглазить её.

- Я встал. - Адские колокола. Это сработало?

- Не на долго. Но с этим следует разобраться открыто, у всех на виду. И это должен быть ты.

Верно. Как номинальный силовик Мэб, я был тем самым парнем, которого она посылала, ну... приводить в исполнение Соглашения. Если только нарушение не совершил кто-нибудь вне моей лиги.

- Хорошо, - сказал я. - Покажи.

Она многозначительно посмотрела на мою руку. Я протянул ее ей, и мы пошли обратно в главный зал.

- Молли, я сегодня разговаривал с твоим отцом.

- О? - совершенно нейтрально спросила она.

- Он говорит, ты давно не заглядывала домой.

Она тайком взглянула на меня.

- Я был занята. Не было времени.

Я остановился, и она волей-неволей остановилась вместе со мной. Я хмуро посмотрел на нее и сказал:

- Дитя. Найди время.

Ее голос стал резче.

- Ты мне не отец, Гарри. Ты даже больше не мой наставник.

- Нет, - согласился я. - Но я твой друг.

- Мы можем поговорить об этом позже, - сказала она, потянув меня за руку.

Я не сдвинулся с места.

- Похоже, сейчас самое подходящее время. Твоя семья скучает по тебе. И ты им кое-что должна, Молли.

- Гарри...

- Просто скажи, что приедешь. Слова Зимней Леди будет вполне достаточно.

- Гарри, я не могу, - сказала она.

- А почему нет?

Она выпятила нижнюю губу.

- Все очень сложно.

- Прийти на воскресный ужин не сложно, - я повернулся к ней и положил руку ей на плечо. - У тебя есть кое-что ценное. У тебя есть семья. И они любят тебя. И ты, вероятно, будешь жить очень долго без них. Глупо упускать шанс побыть с ними, пока есть такая возможность.

Она отвернулась от меня, и ее глаза заблестели от слез.

- Да ладно, - мягко сказал я. - Не становись такой знаменитой и не забывай о людях, с которыми начинала, принцесса фейри. Они должны гордиться тем, что в их семье есть знаменитость.

Молли закрыла глаза, и слезы полились из ее глаз.

Затем она сказала тоненьким голоском:

- Они не знают.

Я ошарашенно заморгал.

- Что?

- Я... я не рассказала. О том, что стала Зимней Леди.

- Да, - вздохнул я. - Я знаю. Звезды и камни, Моллс, о чем ты только думала?

Она покачала головой.

- Это . . . Они будут рассматривать это как сделку, заключенную с темными силами. Если они узнают...

- Не если, - возразил я, - когда. Ты не сможешь вечно скрывать. Только не это.

Она молчаливо замотала головой в отрицании.

- Это необходимо, - продолжал я настаивать. - Они заслужили знать правду. Как минимум.

- Я не могу, - прошипела она. Она открыла глаза и посмотрела в мои. - Это папа. Я хотела сказать ему. Тысячу раз. Но он не поймёт. Я просто... просто представь выражение у него на лице, когда он узнает... и от этого мучительно больно, Гарри.

Она закрыла глаза, опять замотав головой.

- Я не вынесу этого. Я не могу.

Она замолчала, только слезы падали в тишине.

Было больно смотреть как она мучается.

И я обнял её.

Она с силой вцепилась в меня.

- Это причиняет страдания тебе. И это причиняет страдания им. Им тоже, даже если они пока что не знают причины.

- Я знаю, - вздохнула она.

- Это должно быть сделано, Молли, - сказал я нежно, но твёрдо.

- Я не могу.

- Можешь, - сказал я. - Я буду там. Вместе с тобой.

Она задрожала и прижалась сильнее.

- Я не могу просить тебя о таком.

- Тебе и не надо.

Её дрожь ослабла через пару секунд.

- Ты будешь со мной?

- Для чего же ещё нам друзья?

На миг она прильнула ко мне немного сильнее с благодарностью.

- Спасибо тебе.

- Обращайся. В любое время.

* * *

Мы спустились назад в главный зал, где я немедленно пересёк комнату в направлении алькова со скрытыми в нём музыкантами. Протянул руку и сорвал вниз закрывавшую нишу полосу ткани. Рвущийся шёлк издавал мерзкий чудовищный визг.

Музыка немедленно смолкла и всё собрание сделало паузу, чтобы уставиться на меня с поднятыми на лоб бровями. Я заметил Йошимо в окружении других Стражей и старших членов Совета. Её взгляд был полон боли и ярости.

За занавесом сидело с полдюжины сидхе с музыкальными инструментами. Теперь они тоже молча таращились своими большими глазами, похожими на драгоценные камни. Правящий класс Феерии - Сидхе были стройными, прекрасными, древними и смертоносными. Самым высоким среди них был мужчина с серебристо-белыми волосами и глазами словно янтарь. Он был красивее девяти из десяти женщин с обложек журналов. В руке у него была скрипка.

Без единого слова я призвал силу Зимы и пнул его в грудь, прежде чем он смог полностью подняться на ноги.

Сидхе с грохотом проломился сквозь остальную часть камерного оркестра, опрокидывая по пути стулья и ломая музыкальные инструменты, и врезался в камень стены с хрустом ломающихся костей. Отскочив от стены, он рухнул на землю в агонии и попытался кричать, но ему не хватило дыхания.

Я оглянулся на Молли, ткнул большим пальцем через плечо и осведомился:

- Этот парень? Выглядел самым наглым придурком из них.

Молли, хлопнув ресницами, молча кивнула.

Я кивнул ей в ответ и развернулся обратно к упавшему Сидхе.

- Эти люди здесь гости, обладающие всеми правами гостей, - сказал я, позволив своему голосу далеко разноситься по комнате.

- Никто не пострадал, - выплюнула одна из прочих Сидхе, женщина с виолончелью. - Это была всего лишь игра.

- Игра закончена, - ответил я, поднял правую руку, снова призывая Зиму, и прогремел:

- Инфрига!

Воздух немедленно протестующе взвыл, когда почти-на-абсолютном-нуле холод вырвался из моей руки и окутал упавшего скрипача глыбой прозрачного синего льда. Даже другие Зимние Сидхе прянули прочь от свирепого укуса мороза, а их волосы, уши и кончики пальцев оказались покрыты корочкой льда. Все они уставились на меня, замерев, ба-да-бум, дзынь.

Никто не шевелился.

Только скрипач. Его глаза двигались, отчаянные и полные муки.

Я повернулся, чтобы увидеть приближение Молли - полный режим Зимняя Леди включён. Её шаги были решительны, осанка по-настоящему царственной. Я склонил перед ней голову и произнёс:

- Миледи, какова ваша воля?

- Поведение подобного рода недопустимо, - сказала она и её голос также был слышен по всему залу. - Несмотря на то, что это не один из моих приближённых, я приношу самые искренние извинения Белому Совету и Стражу Йошимо в связи с инцидентом. Барон Марконе, как хозяин этого места, дал своё согласие Зимнему Двору разрешить это дело между собой, - продолжала она, оглядев комнату. - Поместите нарушителя на буфетный стол. Ледяная скульптура там будет уместной. Если он останется жив, когда разморозится, его ждёт изгнание с земель и владений Зимы. Под угрозой смерти.

Она подошла к глыбе льда и склонилась, чтобы взглянуть в широко раскрытые глаза скрипача. Она просто смотрела какое-то время, хладнокровная и леденящая, а затем произнесла очень спокойным, очень жестким тоном:

- Нехорошо так поступать с девушками на вечеринках.

Она выпрямилась с повелительным жестом руки. Определённо, Молли знала, как дать понять, что она вовсе не шутит. Полдюжины Эйнхериев в красных пиджаках официантов немедленно приблизились к ней, подняли глыбу льда и потащили к столу.

- Великолепно, - одобрила Молли и, повернувшись лицом к собравшимся в зале, произнесла:

- Приносим извинения за беспокойство, уважаемые дамы и господа. Я сожалею об этой необходимости.

Она взглянула на оставшихся музыкантов и с улыбкой сказала:

- Пожалуйста, возвращайтесь к обязанностям, - с небольшим ударением на слове "обязанности".

И музыка, претерпев значительные изменения, опять заиграла "à tout de suite".

Сидхе - хищники. Не следует показывать хищникам слабости или сомнения. Это самый простой путь взаимодействия с ними. Молли уже научилась, как доносить свою точку зрения.

Через минуту к нам приблизилась Лара, склонив перед Молли уважительно голову. Молли вернула поклон.

- Зимняя Леди, - произнесла Лара. - Мне нужен глоток свежего воздуха. Не одолжите ли вы мне вашего Рыцаря для прогулки снаружи на пару минут? Я верну его незамедлительно.

Молли какое-то время молча смотрела на Лару, не проявляя эмоций. Затем чуть заметно кивнула.

- Прелестно, - откликнулась Лара, одарив меня лучезарной улыбкой и сказала, - Пройдёмте?

Я предложил ей свою руку и мы двинулись к выходу, пока болтовня вокруг нас постепенно возобновилась. Хотя это якобы я её сопровождал, именно Лара направляла меня, меняя силу давления пальцев на мою руку, пока мы не вышли из замка и не направились по тротуару в сторону домов по соседству.

Я взглянул на нее и увидел решительно сжатые челюсти и горящие опасным азартом глаза. Когда мы оказались в нескольких сотнях футов от замка, она произнесла:

- Я сделала это.

- Сделала что? - переспросил я.

- Создала возможности, - отозвалась она. - Было вполне вероятно, что Этри удерживал Томаса, потому что желал получить за него выкуп, но это, очевидно, не так. Он хочет крови. Мне не удалось убедить Этри снять обвинения с Томаса. Но вместе с Кростосом мы убедили его, что, покуда Томас в плену во владениях Этри, это создаёт впечатление, что месть для него важнее правосудия.

Я задрал в недоумении брови.

- И что это меняет?

Барон Марконе, как хозяин собрания, выдвинул предложение перенести заключение моего брата на его территорию. Пока дело не будет улажено через уполномоченного эмиссара, - её глаза ярко вспыхнули. - Брата перевезут в замок.

- По-прежнему не понимаю, что это меняет, - признал я.

- Настоящие переговоры начнутся лишь завтра вечером, - сказала она. - Здесь. Не на территории свартальвов.

Я медленно выдохнул.

- О, нет. Скажи мне, что ты не думаешь о том, о чем я думаю, что ты думаешь.

- Мой брат будет здесь - в здании, которое мне прекрасно известно, и все будут заняты, - сказала она. - И мне не придётся осквернять границы свартальвов. Как это уладить с Марконе я придумаю позже. Он разумно относится к бизнесу.

Она остановилась и повернулась ко мне, её грифельно-серые глаза были жестче камней.

- Я пыталась апеллировать к благоразумию. Этри отказался идти мне навстречу. Пришло время создать лучшую диспозицию. Итак, завтра вечером, пока все будут отвлечены, я заберу своего брата обратно. И переступлю через любого, кто встанет у меня на пути.

Ох, адские колокола. Я знал, что последует дальше.

Вот вам и дипломатическое решение.

Её зубы ослепительно бело сверкнули, когда понимание настигло меня.

- И я требую в оплату вторую услугу. Сэр Рыцарь, вы поможете мне.

Глава 22

- Она что, рехнулась? - возмутилась Кэррин.

Я развёл уныло руками.

Её голубые глаза пристально всмотрелись в меня и она подытожила спокойным, деловым голосом:

- О, Господи. Ты этого хочешь.

- Нет, не хочу, - возразил я. - Но это мой брат.

Она подняла здоровую руку, прижав напротив носа кулак.

- Господи, Гарри, бывают моменты, когда я готова тебя задушить.

- Угу, - признал я устало. - Я тоже.

На полке камина - газового и небольшого, с облицовкой из стали - мерно тикали часы её бабушки. Должно быть, когда этот дом был только построен, этот камин был самой модной новинкой в округе. В этот день Кэррин решила затеять уборку. Плохой знак. Это было одной из её реакций на стресс. Вот когда она начинала чистить оружие, тогда всё действительно катилось к чертям.

- Ситуация уже достаточно напряженная, - сказала она. - Если это сорвет переговоры о мире, будут последствия.

- Знаю.

- Я так понимаю, вся конференция в целом - детище Марконе.

Я промычал в знак согласия.

- Он фактически делает то, о чем Кристос только воображает, что делает это, - сказал я. - Строит альянсы.

- И если ты испоганишь планы Марконе? - прямолинейно спросила Кэррин.

- Пострадает его репутация, - констатировал я.

- И он ответит на это.

- Марконе прекрасно осведомлён о концепции мести, - тут мы были согласны.

Кэррин зыркнула злобно.

- Гарри, я не так хорошо разбираюсь во всех существах, с которыми ты имеешь дела. Но я знаю Марконе. И он пугает меня.

Я молча уставился на неё.

Я был чертовски уверен, что никому на целой планете Кэррин не призналась бы в этом.

Она вернула мой взгляд и задержала его на мгновение. Мне пришлось отвести глаза в сторону. Она знала, что только что мне показала. Намеренно выбрала так поступить.

- Эй, - позвал я, садясь рядом с ней на диван и обернув вокруг неё руку в объятии. Она идеально вписалась рядом со мной, прижавшись своей щекой к моей груди ненадолго.

- Что произойдёт, если ты скажешь "нет" Ларе? - спросила она.

- Будет... довольно болезненно, - пришлось мне признать.

- Ты уже имел дело с болью, - сказала она. - Что они тебе сделают?

- Мэб тоже не чурается мести, - сказал я. - Она будет действовать.

И прибавил, нахмурясь:

- Проклятье. Если я попадусь, помогая Ларе нарушать её Соглашения, исполняя обязанности её личного стража порядка, Мэб придется действовать тоже. Публично и быстро.

- Неужели Белый Совет не может сказать ей, чтобы она отвалила?

Я обдумал это секунду.

- Возможно, они бы могли. Вопрос - захотят ли? Я почти что уверен, ответ - отрицательный.

- Они бесполезны, - пробормотала она.

- Не то что бы я был примером для подражания, - признал я. - Скорее всего, они перевяжут меня ленточкой и поднесут Мэб на блюде. Лишь бы не вызвать её неудовольствия.

- Не может твой дед прекратить это?

Я отрицательно покачал головой.

- Я так не думаю. В прошлый раз Марта Либерти его поддержала. Не знаю, как повернется на этот раз. В отрицательном случае, голосование Старейшин Совета определенно закончится не в мою пользу. Так что ему придется поставить вопрос на открытое голосование всех членов Совета, ну и ... ну...

- Они бесполезны, - повторила она гораздо увереннее. Она отстранилась, с трудом поднимаясь на ноги, и вышла из комнаты, хромя и опираясь на трость.

Она вернулась обратно с синим пластиковым футляром для пистолета в руках. Устроила его на столе и, усевшись на прежнее

место, решительно открыла футляр.

Только вместо пистолета она вытащила оттуда ручной многофункциональный резак и бросила мне конец от шнура питания.

- Подключи это.

Я немного пошарил вокруг, пока не нащупал розетку между диваном и столиком. Вставив вилку в разъём, я поспешил отодвинуться. Чародеи и технологии не особенно ладят друг с другом. Но за последние несколько месяцев я достиг новых высот самоконтроля. Если я не приближался к чему-то довольно простому, такому, как электрический двигатель, при определённом везении, я был способен его не испортить. Пока оставался спокойным. Скорее всего.

- Что ты задумала? - спросил я у неё.

Вместо ответа она с резким щелчком вогнала ножовку в разъём инструмента, клацнула переключателем, заставив лезвие зажужжать, и поднесла его к гипсу у себя на плече.

- Кэррин, - выпалил я, поднимаясь на ноги.

- Отойди, пока ты всё не закоротил, - огрызнулась она. - Ступай-ка постой там - на кухне. Иди.

- Какого черта ты делаешь? - потребовал я.

Она метнула в меня короткий взгляд, наполненный раздражением.

- Ты явно полезешь туда, не важно насколько глупа эта идея. Я не сумею помочь тебе избежать неприятностей, изображая морскую звезду.

Я сжал кулак, вдавил его в нос и сказал:

- Бывают моменты, когда я тоже готов тебя задушить.

- Попробуй, и я тебе запястье сломаю, - мрачно пообещала она.

Я сделал шаг в её направлении.

- Нет, не приближайся, чтобы помочь мне, болван. Я могу это сделать сама.

- Кэррин, - позвал я ещё раз.

Возможно, мой голос звучал немного испуганно.

Она заколебалась.

- Кэррин, - повторил я более мягко. - Мёрф. Ты не можешь и дальше делать это с собой. Ты пострадала. Тебе нужно время, чтоб излечиться. Пожалуйста.

Она смотрела куда-то мимо меня, плотно сжав губы.

- Мои травмы, вероятно, уже исцелились, насколько это было возможно для практических целей, - сказала она. Её голос был очень тонким.

- Ты всё ещё можешь помочь, - убеждал я её. - Ты можешь координировать связь между друзьями...

Она покачала головой несколько раз.

- Нет. Нет, Гарри. Я не собираюсь менять как мне жить мою жизнь. Это мой выбор. И не тебе бросать в меня камни, когда речь заходит о глупых планах. Либо поддержи меня, либо убирайся с дороги.

Меня пронзило отчаяние. Кэррин была чертовски близка к сверхчеловеку, но она не была сверхъестественна. Она боролась. Она была избита. Она была ранена. Она была не в том состоянии, чтобы ввязываться в очередную из моих проблем, где была вполне реальная возможность погибнуть. У нее больше не было защиты в виде значка, и она больше не могла на полную использовать возможности своего тела, которое всю жизнь помогало ей в борьбе с хищниками того или иного вида.

И у нее были враги, которые могли доказать это.

Конечно, то, что делало Кэррин Мерфи опасной, никогда не было ее руками и ногами. Это был разум, который руководил ими. Но даже в этом у меня были сомнения. Ей всегда надо было что-то доказывать самой себе и другим людям - и она никогда не могла мириться с проявлением слабости. Влияло ли это на ее суждения сейчас?

Или, может, все было гораздо проще.

Может, она просто боялась за любимого человека.

Я сглотнул.

Какое-то время я размышлял, не угробить ли мне маленькую пилу. Простое заклятие превратит ее в хлам. А потом я понял, насколько тупой была эта идея. Кэррин бы просто не простила мне этого - и просто бы нашла другой способ снять этот проклятый гипс, пока я не буду видеть. Скорее всего, у нее есть вторая пила в гараже в коробке с надписью "ЗАМЕНА ВЕЩАМ, КОТОРЫЕ ГАРРИ ИСПОГАНИЛ". Она верила в подготовку.

Я не мог ее остановить. Это было бы то же самое, что сказать ей, что она слаба и должна сидеть дома. Что она недостаточно сильна, чтобы помочь мне. Это сломает ее.

И к тому же.

Вы не можете ходить везде, решая все за людей. Только не в случае, если вы их любите.

Поэтому я отступил назад, пересекая черту между деревянными полами гостиной и кафелем кухни.

- Спасибо, - спокойно сказала Кэррин.

- Мерф, - сказал я.

Она остановилась с пилой возле гипса и посмотрела на меня.

- То, что сейчас происходит... у тебя там вообще нет никакого веса. Ни защиты Соглашений. Ни значка.

Она смотрела на меня с серьезным выражением лица.

- Это джунгли, - сказал я. - И ни у кого из игроков не будет проблем с похоронами, если это означает сохранение Соглашений.

- Ты подразумеваешь меня, - сказала она.

- Я подразумеваю тебя, - ответил я.

- Ты уже мог колдануть пилу, - сказала она.

- Нет, - сказал я. - Я не мог.

- Хорошо. Ты не полный идиот, - слабо улыбаясь, сказала она.

- Это еще предстоит узнать, - сказал я. - Я тебя достаточно хорошо знаю, чтобы понимать, когда пытаться тебя остановить бесполезно. Но, я... я должен быть уверен, что ты идешь на это с открытыми глазами, Мерф.

Она долго смотрела вниз. Потом подняла глаза на меня и сказала:

- Я должна это сделать.

Я смотрел на ее перебинтованное, изломанное тело.

Потом я стиснул зубы и кивнул один раз.

- Окей, - сказал я. - Я помогу.

Взгляд Мерф на мгновение смягчился.

Затем она поднесла пилу к гипсу и начала его срезать.

Сделать надрезы на гипсе не заняло много времени, хотя она и шипела от дискомфорта пару раз.

- Не порежь себя, - сказал я. - Если ты истечешь кровью, тут неделю все отмывать придется.

- Это ожоги, - раздраженно сказала она. - Пила не режет плоть, а нагревает гипс. Я просто слишком нетерпелива.

- Без шуток, - беспечно отозвался я.

- Окей, - сказала она. - Давай помоги мне снять его.

Я помог.

Слушайте, когда вы проводите столько времени в гипсе, как Кэррин, результаты, типа, ошеломляют. Там, где раньше была ее кожа, скопились белые и твердые хлопья мертвых кожных чешуек. Это не приукрасишь.

- Нгх, - произнесла Кэррин, сморщив нос, когда ее рука стала свободна. - Меня раздражает этот запах.

- Шкафчики в спортзале средней школы были так же плохи, - сказал я.

- Фу, мальчишки, - сказала она. Она слегка приподняла раненую руку, медленно двигая ей и морщась.

- Теперь нога, - сказал я.

Тут было еще хуже. Она зашипела, освобождаясь от гипса, и положила руку на спину.

- О Боже мой, - пробормотала она. - Мои бедра разучились стоять под таким углом. - Она посмотрела на меня с выражением боли на лице. - У меня есть скобки. Мы должны их...

Она замолчала, когда я просто взял ее на руки, так осторожно, как только мог. Она обняла меня здоровой рукой за шею и помогала, чем могла.

- Ну и что это ты делаешь? - спросила она.

- Несу тебя в горячую ванну, - сказал я. - Не шевелись. Просто... позволь мне это сделать. Хорошо?

Выражение ее голубых глаз на мгновение стало очень мягким, и она опустила взгляд.

- На минутку, - сказала она.

Я отнес ее в ванную, отодвинул в сторону лежавшее там вспомогательное оборудование и осторожно опустил на унитаз. Мне потребовалось всего мгновение, чтобы наполнить ванну, а затем помочь ей снять одежду и осторожно опустить в воду.

Мы не разговаривали. Я двигался медленно, поливая теплой водой высохшую кожу там, где это было необходимо, и позволил ей понежиться в теплой воде некоторое время. Под рукой было немного нежного мыла, спустя некоторое время с его помощью я принялся руками, как можно осторожнее очистить кожу, стараясь не счищать при этом слои кожи до самого юного.

Кэррин поначалу наблюдала за мной. Через некоторое время она закрыла глаза и просто погрузилась в ванну, расслабившись. Ее волосы слегка развевались в воде. Она выглядела выжатой, с изможденными лицом и шеей - и умиротворенной.

- Я люблю тебя, - сказал я.

Она открыла глаза и заморгала. Затем она прочистила ухо от воды и сказала:

- Что ты сказал?

Я улыбнулся. Затем я принялся нежно гладить ее руку ладонями, снимая частички мертвых чешуек. Возвращение к нормальной жизни займет у нее много времени.

- Ох, - сказала она, изучая мое лицо.

Потом она села в воде, слегка повернулась ко мне и обвила обеими руками мою шею. Она притянула мой рот к своему с силой, которая меня уже не удивляла.

Но внезапная, сладкая, почти отчаянная нежность последовавшего поцелуя чуть не сбила меня с ног.

И где-то в середине, она выдохнула:

- Я тоже тебя люблю.

Глава 23

Мы были где-то на полпути к Шато Рейт, когда Мерфи спросила:

- Ты это видишь?

- Краун Вик позади нас? - спросил я. - Да.

- Да, его, - нетерпеливо отозвалась Мерфи. - И еще две другие тачки.

Я нахмурился. Я сидел за рулем Монстромобиля, в котором Мерфи терпеть не могла ездить, потому что сиденье нестандартного размера не регулировалось, а ее ноги не доставали до моих педалей. Почти на фут. Старая машина была построена не совсем так, чтобы водитель мог глазеть по сторонам, но я, нахмурившись, изучал раннее утреннее движение.

Мне потребовалась добрая минута, чтобы заметить то, о чем меня уже предупредила Мерфи - темно-синий Краун Вик, что следовал примерно тремя машинами позади. Вероятно, Рудольф и Брэдли в одной из машин отдела внутренних расследований. Позади них, может быть, еще через три машины, ехал потрепанный старый джип, который выглядел так, словно ему проще и удобнее катать где-то в Скалистых горах. А потом появилась третья машина, серебристый микроавтобус, следовавший по дороге за джипом.

- Ты слегка популярен, - сказала Мерфи.

- Адские колокола, - пробормотал я. - Это что, целая группа наблюдения?

- Тогда они худшие в мире, - сказала Мерфи. - Если бы эти трое работали вместе, не было бы причины все время держать нас в поле зрения.

- Хах, - сказал я и еще пару минут изучал машины. - Так они не работают вместе. Нас преследуют три разные группировки?

- Рудольф и Брэдли тут из-за меня, - сказала Мерфи. - А кто оставшиеся двое?

Я задумчиво пожевал внутреннюю сторону щеки, размышляя.

- Хм. Ну, я думаю, что мог бы начать вести машину как сумасшедший, чтобы выяснить это.

- В этой старой смертельной ловушке? - вздрогнув, спросила она.
- Нет, спасибо. Стоит ли им позволять следовать за нами?

- Сложно сказать, если мы не знаем, кто там позади, - сказал я. - О Рудольфе я вообще не беспокоюсь, но не хотелось бы, чтобы Брэдли совал голову в петлю. Он просто пытается правильно выполнять свою работу.

- Да, на этой барже от Краун Вика не оторваться.

- Правда, - сказал я. - Так что стоит воспользоваться другим вариантом.

- Магия? - спросила она. - Я правда не хочу идти пешком остаток пути.

Я покачал головой.

- Эта старая смертельная ловушка была изготовлена почти век назад, - сказал я. - Весь смысл его вождения в том, что он может выдержать воздействие активных магических сил и продолжать делать "врум-врум". - Я покосился на дорогу. - Ну, ты знаешь. Недолго.

Мерфи вздохнула.

- Какой план, Гарри?

- Нам надо исчезнуть с виду на мгновение и потом я прикрою нас завесой, - сказал я. Я поразмышлял об этом. - Нам придется остаться на шоссе. Если я сверну на обочину, не смогу прикрыть пыль и мусор, которые мы поднимем.

- Но другие машины нас видеть не будут, - сказала Мерфи.

- И у нас не будет возможности их хорошо видеть, тоже, - сказал я.
- Как вести машину в сильный дождь.

Она скривилась, явно недовольная всей этой ситуацией.

- И мы едем в почти неуправляемом кирпиче.

- В кирпиче, который тяжелее, чем большинство грузовиков на этом шоссе, - сказал я. - и сделан из стали. Возможно, он не справляется с управлением и не разгоняется, как современный автомобиль, но он и не сделан из гипсокартона и бумаги.

Мерфи нетерпеливо на меня посмотрела.

- Гарри, ты хоть понимаешь, что современная техника означает, что более легкие машины на самом деле более безопасные, чем такие, как эта?

- Не тогда, когда в них врежется такая машина, как эта, - заметил я.

- Да, они не принимали во внимание динозавров, - проворчала она.

- Сейчас будет съезд, - объявил я. - Ну, начинаем.

Я перестроился в правый ряд и плавно разогнался, без особых усилий старого автомобиля. При помощи моего старого механика Майка и эльфов-сапожников, которых Мэб призвала для обслуживания и ремонта, Монстромобиль мурлыкал, как котенок весом в три тысячи фунтов.

Я въехал на эстакаду, втопив педаль газа в пол, и машинам, следовавшим за мной, не оставалось ничего, кроме как последовать моему примеру. Впрочем, я хорошо рассчитал время. Я собрал всю свою волю, наблюдая, как пара непричастных автомобилей преградила путь моим преследователям, и добрался до пика эстакады как раз вовремя, когда зажегся зеленый свет. Я пролетел напрямик через перекресток обратно на въездную эстакаду и снова спустился к шоссе, и в процессе махнул рукой в жесте, напоминающем натягивание капюшона на голову, и пробормотал: "Обскурата".

Возникло странное ощущение, будто меня окутал тонкий холодный туман, и салон машины потускнел, как будто тяжелые облака внезапно настолько заслонили солнечный свет, что трудно было сказать, который час, глядя на положение Солнца.

Видимость резко упала. Магия - это потрясающе, но даром в ней ничего не получить - надо тонко рассчитать, сколько света будет отражаться от вашего тела, а так же сколько света дойдет для ваших глазных яблок, или, раз уж на то пошло, сколько света будет доступно для поддержания тепла. Стать невидимкой не является сверхсложной операцией, а вот сделать это, не ослепляя и не замораживая себя - самая трудная часть. Я остановился на разработке заклинания завесы, которое было посередине между комфортом

и видимостью - по выбору, конечно же, а не потому, что у меня в этом практически не было таланта - и в результате, смотреть изнутри моей завесы было лишь слегка проще, чем снаружи. Мир потускнел, и в тот же миг Мерфи выпрямилась и ее глаза заблестели.

- Эй, - сказала она. - А это заклинание может обойти радар?

- Эм, - сказал я. Я уже поддерживал завесу и ехал быстрее, чем это было безопасно, и мое внимание не могло делиться на такое

количество вещей. - Не мое. А вот завеса Молли обходит почти все, но я беспокоился только о видимости, пото...

Мерфи протянула руку, пока я говорил, и сильно надавила на мое правое колено, вдавив педаль газа.

- Быстрее.

Я бросил на нее раздраженный взгляд и потом так и сделал. Старый двигатель играюще взревел, и мы набрали скорость, спускаясь по эстакаде, быстро достигая скорости, которая исключала любой шанс отделаться предупреждением.

Я посмотрел в зеркало заднего вида как раз вовремя, чтобы увидеть, как наша свита влетает на эстакаду...

...как раз в тот момент, когда моя более или менее невидимая машина миновала пару патрульных машин, стоящих на краю эстакады, высматривая гонщиков, пролетающих под мостом.

Я успел заметить, как оба офицера дорожного патруля вытянулись по стойке "смирно" за рулем, не отрывая глаз от своих радарных приборов, а затем переключились на явно пустую дорогу - и оба мужчины уставились на наших преследователей, как на единственный видимый источник показаний их приборов.

Я пронесся мимо них и едва успел увидеть, как они зашевелили булками, прежде чем они исчезли в тумане, созданном моей завесой.

- О, - восхищенно объявил я Мерфи. - Это просто подло.

- Правда? - спросила она меня, улыбаясь. Она похлопала меня по ноге и сказала: - Молодец, что следуешь указаниям.

Что было другим способом сказать "Спасибо, что доверился мне".

Я прикусил губу. Если я поеду по правой полосе, мне придется ехать медленно, чтобы избежать проблем, и я должен попытаться увернуться от любого, кто попытается съехать с шоссе. Если я поеду в крайнем левом ряду, рискую, что идиоты просто врежутся мне в зад. Я решил, что шансы лучше при попадании в аварию на низкой скорости, поэтому я встал позади грузовика на правой полосе, подобрался достаточно близко, чтобы он не мог видеть меня в зеркалах, и остался там.

- А ты не боишься, что люди крышей поедут, когда ты внезапно появишься? - спросила она.

- А, - сказал я. - Не особенно. Вообще, люди очень стараются не замечать необычных вещей. Ты уже знаешь, как это происходит, - я

пожал плечами. - Большинство людей сталкивались с чем-то, что выглядит чертовски странно, что просто не вписывается. И в основном они просто объясняют это, независимо от того, насколько хорошо это объяснение звучит, или они просто не думают об этом. Все говорят, что им нужна магия, но на самом деле никто не хочет чувствовать себя смущенным и напуганным или не спать ночами, беспокоясь о темных силах, с которыми они ничего не могут поделать.

- И это магия, - сказала она.

- Это лишь часть магии, - сказал я. - Там еще много хорошего. Еще и власть. Все зависит от того, что ты с ней будешь делать.

- И, как и любая другая власть, - сказала Мерфи, - она развращает. Что ж.

С этим сложно спорить.

Люди, способные ответственно распоряжаться Силой или властью, никогда не станут угрозой мировой продовольственной безопасности.

Из тумана, созданного моею завесой, вынырнул тот самый джип, что преследовал нас. Он пристроился прямо за нами, его фары три раза коротко, быстро мигнули.

- Я решила проблему с теми двумя, - заметила Мерфи. - Этот - полностью твой.

- Ага, - я не возражал, наблюдая за нашей компанией через зеркало заднего вида. Затем я сбросил завесу, включил поворотник направо и направился к следующему съезду с шоссе. Мёрфи выгнула бровь, но ничего не сказала. Я свернул на обочину и джип тормознул позади.

- Этот тот кто я думаю? - уточнила Мёрфи.

- Угум, - подтвердил я. - Заключил с ним контракт на выполнение подрядных работ.

Одарив меня взглядом, Мёрфи слегка удивлённо признала:

- Хм. Может быть, ты и научился чему-то. Давно уж пора.

- Поразительно, правда? - Я потянулся назад и открыл заднюю дверь со стороны пассажирского кресла.

Гудман Грей забрался в машину и устало ссутулился на заднем сидении. Он был, пожалуй, одним из самых не запоминающихся людей, которых я когда-либо видел. Ничем не примечательным во всех отношениях. Среднего роста и среднего телосложения. Внешность

приятная, но не в выдающемся смысле. И если действительно сильно присматриваться, то откуда-то в нём вылезало даже истинно коренное американское происхождение. Он был также одним из самых опасных оборотней на планете. Его рабочая ставка была один доллар за одно дело и он спас меня от ужасной кончины в пучине Тартара.

- Какого черта, чувак? - потребовал я у него, когда он наконец уместился с удобством. - Предполагалось, ты будешь следить за Жюстиной.

- Я и все остальные, - недовольно поморщился он. - Тебе следовало спросить у меня про мои групповые тарифы. Мисс Мёрфи. Привет.

- Гудман, - откликнулась Мёрфи. - Всё ещё работаешь на всяких сомнительных личностей, как я посмотрю.

- Торговые риски, мадам, - ответил ей Грей.

- Эй, погоди-ка, - притормозил я его. - Кто еще следит за Жюстиной?

- Да кто за ней не следит? - спросил Грей с недовольством. - Белый Совет, копы, федералы, какой-то чокнутый псих. То ли извращенец, то ли просто больной. Потому как он делает это, хакнув камеры наблюдения по интернету...

- Звучит очень похоже на Параноика Гэри, - сказал я. - Он... имеет проблемы.

Мёрфи недоуменно нахмурилась.

- Подожди. Как тебе вообще удалось выяснить это?

Грей пожал плечами вместо ответа.

Мёрфи выгнула бровь, продолжая смотреть на него.

- Насколько ты уверен в своей информации?

- Мисс Мёрфи, пожалуйста, - Грей смахнул воображаемую пылинку с плеча и принялся. - Так же как Дрезден, часть работы я делаю сам. Для другой части задачи есть специальные люди.

- Но федералы откуда? - недоумевала она. - Я имею в виду, местных копов ещё можно понять. Но при чем тут федералы?

- Мы дали наводку агенту Тилли, забыла? - напомнил я ей.

Грей согласно кивнул.

- Это не Тилли, но его парни из местного офиса.

Я хмыкнул, спросив:

- И все они в курсе про остальных?

- Они знают частично и они понимают частично, - заявил Грей несколько самодовольно. - Я знаю всё обо всех.

- Если только чего-то не упускаешь, - напомнила Мёрфи.

- Если только чего-нибудь не упускаю, - не теряя невозмутимости, согласился с ней Грей. - Но любой, кто попытается сделать движение в сторону девушки, неизбежно расстроит три разных группы опасных людей. И это как минимум. И я решил, что тебе следует знать, что затевается.

- Ага, - пробормотал я под нос. - Мне нужно подумать.

Я прикрыл на секунду глаза, чтобы немного пораскинуть мозгами.

- Ты только не навреди себе этим, - предупредил меня Грей.

Я открыл один глаз, чтоб пригвоздить его негодующим взглядом, но из-за этого его злобная сила уменьшилась на половину. Так что ему это заметно не повредило. Я закрыл свой глаз снова, вернувшись к своим размышлениям.

- Кто-то из тех, кто следит за Жюстиной, является тем, кто ей угрожал, - озвучила свои выводы Мёрфи. - И они, должно быть, поставили Томаса перед ультиматумом. И потому, что он такой же как и ты идиот, Гарри, он ничего не сказал ей об этом.

- Да, похоже на это, - согласился я с ней.

- Ох, чёрт, - выдохнул Грей. - Это про то неудавшееся покушение?

- Ага, - подтвердил я. - Думаю, его кто-то использовал, принудив угрозами девушке.

- Хм, - Грей откинулся на спинку сидения. - Ну, теперь он покойник. Свартальвы не шутят.

Я открыл оба глаза и посмотрел на Грея сквозь зеркало заднего вида.

Оборотень пожал плечами и ответил мне пустым, ничего не выражающим взглядом. Ни враждебности, ни страха я там не увидел.

- Оу. Так это личное. Ты и он, кто мог бы подумать?

- Он был на моей стороне, когда у меня были проблемы, - сказал я.

- А, - произнёс Грей, словно ему вдруг снизошло озарение. - Окей. Мы с Мёрфи кивнули.

- Итак, что потребуется от меня? - спросил Грей

- Всё то же самое, - сказал я в ответ. - Защита Жюстины.

- Да, - согласился он, растянув единственный слог в несколько раз.

- Но здесь полно других игроков. Иногда, нет лучшей защиты, чем

нападение, верно?

Я хмуро взглянул на него.

- Эй, кто здесь платит наличные, а?

Грей пожал плечами и поинтересовался у Мёрфи.

- Не хотите ему объяснить?

- Он только один человек, Гарри. И не имеет значения насколько выдающимися способностями он обладает, - рассудительно произнесла Мёрфи. - Когда так много неизвестных угроз, если он не будет стоять прямо напротив неё, он мало что сможет, если кто-то решит застрелить её через окно.

Что-то слабо заныло в груди. Иногда это случалось, когда я представлял себе, как в кого-то из моих знакомых стреляют. Это случалось всегда, когда я представлял, что стреляют в меня.

- Позвольте мне подобраться поближе и выяснить больше, - выдвинул предложение Грей. - Больше информации может реально помочь. А если я ничего не найду или объявится настоящая угроза, я могу выдернуть девушку и доставить её в безопасное место.

- У тебя есть такое? - спросила Мёрфи.

Грей подмигнул ей.

- Скажем так, я могу его одолжить.

Я хмуро кивнул, соглашаясь с ними обоими.

- Электронную почту использовать сможешь?

- Да кто не может... - начал было Грей, но потом посмотрел на меня. - Ах, да. Ну, разумеется.

- Мёрф, можешь дать ему ящик Параноика Гэри? - уточнил я у неё.

- Последняя, мне известная версия была ещё до того, как меня ранило, - предупредила она. - Возможно, он уже его поменял.

Она достала блокнот из пиджака и пролистала страницы. Обнаружив искомое, перевернула страницу и стала строчить. Мёрфи ушла из полиции довольно давно, но на привычки её это не повлияло. Она оторвала листок, протянув его Грею. Адресом был бессвязный длинный набор из букв и цифр.

- Вот. Обязательно дай ему знать, кто дал тебе адрес. Иначе он тут же решит, что ты - кто-то из "Них".

Грей принял записку, мельком взглянул на нее и тут же вернул ей бумажку обратно.

- Так почему вы доверяете этому парню? Напомни ещё раз.

- Остаётся возможность, что Лара играет со мной, - сказал я ему. - Значит, за этим могут стоять её люди. Местные копы, скорее всего, в кармане Марконе. А ему я доверяю ровно на столько, как далеко могу его пнуть. Не знаю, как в этом замешаны федералы или кто их натравил, и хотя мне нравится Тилли, он прямолинеен как двери, и это кажется чертовски странной игрой для него. И мне никогда особо не нравилось иметь дело с правительством.

- А, - флегматично отреагировал Грей. - А парень из Интернета, значит, надёжен?

- Параноик Гэри может и стрёмный чудила, но он наш стрёмный чудила, - возразил я ему. - Если хакерством занимается он, то, скорее всего, он сможет помочь. Если это не он, то он, вероятно, сможет выяснить - кто это делает.

- Если он согласится, - вставила Мёрфи.

- Ну, разумеется, - прокомментировал Грей почти что с весельем. - Потому что он параноик. - Он покачал головой.

- Что ж. С тобой не соскучишься, Дрезден.

- Да, я настолько хорош, - не стал скромничать я.

- Ну, хотя бы ты платишь прилично, - сказал он, кивая в сторону Мёрфи. - Мадам.

- В конце концов, тебе всё же понадобится, чтобы кто-то тебя подменил, - сказала Мёрфи ему напоследок.

- Только если это затянется на пару недель, - откликнулся он. Ещё раз кивнув ей, он вышел из Монстромобиля и направился к своему старому джипу.

- Полезный знакомый, - отметила Мёрфи, пока Грей заводил двигатель джипа и уезжал, отвернув обратно в Чикаго.

- Весьма.

- Ты ему доверяешь?

- Ну. Я нанял его. Я верю, что он справится с этим.

- Как Никодимус, - заметила Мёрфи. - Но перед этим его нанял кто-то другой. Что будет, если кто-то другой перекупил его первым ещё раз?

Я скривился в гримасе.

- Большое спасибо, за напоминание.

- Ты хороший человек, Гарри. Ты доверяешь другим слишком легко. - Она поёрзала на сидении и тоже поморщилась.

- Нога? - предположил я.

- Бедро, - коротко отозвалась она. - Не забывай про лекарство против простуды.

Мёрфи давала мне что-то, что обещало прекратить выделение слизи, чихание, кашель и боль на восемь часов и всё это - одновременно. И уже миновало часов семь из восьми. Я открыл маленькую бутылочку и принял ещё.

- Вот она старость? - спросил я её. - Так вот какая она?

Она слегка улыбнулась, покачав головой.

- Так и есть, - она повернулась ко мне. - Думаешь, за всем этим стоит Лара?

- Мои инстинкты утверждают обратное. Но она довольно хитра, чтобы быть способной на это. Предательство, потому так называется, что ты не ожидаешь его, - сказал я. - И всё же, однако. Как ни крути, а она подошла очень близко к тому, чтоб наступить Мэб на любимый мозоль.

- Её реакция на предложение, многое скажет, - отметила Мёрфи.

- Ты помнишь хоть один случай, когда у нас была полная информация по расследованию на старте? – поинтересовался я у неё.

Она фыркнула.

- В точку.

- Реакция Лары может нам что-то сказать, - сказал я. - Это лучшее, на что мы можем надеяться.

- Мы идём наугад, - признала она.

- Может быть, - я снова вывернул на дорогу и направил машину к шоссе. - Но толку-то время терять.

Глава 24

Фрейдис встретила нас у дверей Шато Рейт, сходу начав с претензий:

- Серьёзно? Ты просто приехал сюда и прошёл к центральному входу? Чересчур очевидно?

- Оу, - сказал я. - Это так мило, когда вы, ребята, пытаетесь болтать на жаргоне. Всегда - мимо цели. Заметила?

Рыжая Валькирия одарила меня злобно суженным взглядом.

- Не вынуждай меня останавливаться.

- Станным образом, эта попытка - и хуже, и лучше одновременно, - сказал я одобрительно.

Фрейдис фыркнула.

- Кто эта смертная?

- Я вас умоляю, - ответила Мёрфи вместо меня. - Вы знаете - кто я. И знаете - чем занимаюсь.

Фрейдис оскалила зубы.

- Эйхерии симпатизируют вам, Мисс Мёрфи. Но это не имеет значения. Это внутренний вопрос. И вы не являетесь его частью.

- Я давно его часть, - ответила Мёрфи. - Долгие годы. Если только Мисс Рэйт не предпочитает, чтобы общеизвестный секрет её отца перестал быть секретом.

- Ты угрожаешь моей нанимательнице? - ровно спросила Фрейдис.

- Я сама - угроза для твоей нанимательницы, - спокойно поведала Мёрфи. - Но не существует причин, по которым при этом мы не могли бы вести себя цивилизованно.

- Я могу убить тебя прямо сейчас, - отметила Фрейдис.

- Ты можешь попробовать, - ответила Мёрфи. - Но тогда, как бы всё ни обернулось, вашему боссу придётся работать без помощи Дрездена.

Глаза Фрейдис угрожающе сузились и она повернулась ко мне.

- Что ты скажешь, Дрезден?

- Доброе утро, - воспользовался я приглашением. - Тут ни отнять, ни прибавить.

- Эта женщина говорит за тебя?
- Она говорит за себя. Просто не вижу смысла повторять её слова.
- Её травмы... - начала Фрейдис.

Мёрфи не двигалась особенно быстро, но зато - с плавной точностью, когда она шагнула вперед и в сторону, всадив локоть своей раненой руки прямо Фрейдис в живот. Удар был не сильным, но Валькирия утратила равновесие, а Мёрфи следовала за ней по пятам в такт стуку упавшей на крыльцо трости. Она шагнула в личное пространство Валькирии, прижав её к косяку, и тут пистолет Мёрфи вынырнул из ниоткуда и упёрся Фрейдис под подбородок.

- Я начинаю уставать, - произнесла Мерфи с лёгким раздражением в голосе, - от людей, использующих эту фразу так, словно я не стою прямо здесь.

Фрейдис долго смотрела на Мёрфи с высоты своего роста. Если пистолет под подбородком как-то её беспокоил, у неё на лице это не отразилось. Она кивнула и подняла руки ладонями вверх.

- Входи, воительница.

Мерфи встретила её взглядом и кивнула. Она осторожно отступила, держа Фрейдис на мушке до последнего, а затем, прихрамывая, сделала шаг назад. Я поднял её трость и держал, пока она убирала пистолет, не сводя глаз с Валькирии. Она с кивком приняла трость.

Я махнул рукой в сторону дома, сказав:

- Ну, показывай что ли дорогу?

Фрейдис подняла руку и, коротко потеряв подбородок там, где пистолетное дуло оставило небольшую отметину, и спросила у Мёрфи:

- А ты с кем-то встречаешься?

Мерфи моргнула.

- Из смертных получают самые лучшие любовники, - объяснила Фрейдис. - А с этой работой у меня тут сплошная сексуальная неудовлетворенность. Но мне трудно найти смертных, которых я уважаю.

Щеки Мерфи стали ярко-розового цвета.

- Эм.

Фрейдис слегка нахмурилась и перевела взгляд с Мерфи на меня и обратно.

- Я не против поделиться.

- Я... я католичка, - сказала Мерфи.

Глаза Фрейдис сверкнули немного злорадно.

- Сложности меня не пугают.

Мерфи бросила на меня несколько отчаянный взгляд.

Хах. Вот теперь я официально видел все. Мерфи просит помощи.

Монстры и безумцы не смогли добиться этого.

А рыжеволосая ее довела.

- Сначала бизнес, не так ли? - предложил я дипломатично.

- К утру мы все, вероятно, будем мертвы, - отметила Фрейдис. -

Но как пожелаете.

* * *

Фрейдис проводила нас к задней части шато и наружу - к садам, которых я раньше не видел. Там даже был лабиринт из живой изгороди добрых десяти футов высотой. Или, быть может, "место, где можно увиливать". Зависело от того, у кого вы спросили. И Фрейдис повела нас прямо туда.

- Прошу прощения за долгую прогулку, Мисс Мёрфи, - нарушила молчание Фрейдис.

Мёрфи продолжила мрачно хромать, опираясь на трость.

- Я в порядке.

Фрейдис согласно кивнула, бросив взгляд в мою сторону. И возможно, мне лишь показалось, что после - в течение следующей пары минут - её шаги постепенно и незаметно замедлились. И оставались такими, пока мы не вышли в центр лабиринта.

Мы вступили в травянистую нишу. Там были посажены яблони вдоль красиво оформленного... не пруда, но это определенно был водный объект... в центре которого сплетались друг с другом абстрактные статуи двух безликих любовников. По их переплетённым фигурам струилась вода. Было очень похоже, что накануне здесь была вечеринка. На траве были разбросаны бутылки, тарелки с остатками пищи, а также предметы одежды. Многие были разорваны.

Центром ниши было... Ну, я убеждён - у "этого" было какое-то официальное садовое название, но по сути оно сводилось к кровати. Гигантской и с балдахинном. На ней могло поместиться минимум шесть человек. Может быть, больше, если убрать тонкие белые занавески вокруг. Утренний свет делал их туманно-прозрачными, а свежий бриз,

достаточно сильный, чтоб отгонять обещание ещё одного жаркого дня, перебирал их нежными складками.

В изголовье кровати, скрестив ноги и потягивая эспрессо из крохотной чашечки, сидела Лара Рейт. В свободной синей футболке не по размеру и старых обрезанных спортивных штанах с пятнами краски на них. Её волосы были взлохмачены, на лице - ни грамма косметики. Когда мы вошли, она подняла взгляд. Радужки глаз у неё были абсолютно сапфирово-синими, почти как драгоценные камни. Она потянулась, как любой человек по утрам, хотя не многие среди нас сумели бы выглядеть так хорошо в этой одежде, и улыбнулась нам.

- Гарри. Мисс Мёрфи. Доброе утро.

Я осмотрелся вокруг.

- Поздняя ночь?

- Твой народ и свартальвы - далеко не единственные, с кем я практикую дипломатические отношения, - ответила Лара. - И не повредит, хорошо подкрепиться в преддверии ожидаемых затруднений.

Мёрфи оперлась на свою трость.

- Ты готовишься к затруднениям при помощи секса?

- Я вампир, Мисс Мёрфи, - спокойно произнесла Лара. - У меня есть определённые физиологические потребности. Так что, ответ на ваш вопрос будет - да. Секс также часто необходим чтобы отметить победу. Или чтобы восстановится при поражении.

- Я вижу закономерность, - сухим тоном отметила Мёрфи.

Лара лишь рассмеялась на это. Это был просто смех. В её голосе не было того сверхъестественно-обольстительного призыва, что я слышал в нём раньше.

- По нашим сведениям, до снятия гипса оставалась неделя.

- Четыре дня, - поправила Мёрфи. - Мне стало скучно. Но, всё равно, это не светский визит.

- О, как непрофессионально с моей стороны, - ответила Лара.

Я ещё раз огляделся по сторонам и спросил:

- Кто-то подкинул жучок тебе в офис, не так ли?

Лара отсалютовала мне своей маленькой чашечкой.

- А говорят, ты - громила безмозглый.

- Кто? - спросил я.

- Даже если бы мне захотелось поделиться с тобой... - она кокетливо заиграла ресницами, - интимными деталями, Гарри, почему

ты решил, что это разумно?

- Просто спросил, - поспешил я произнести. - Как один профессионал у другого.

- Я знаю, ты хотел мне польстить, - сухо ответила Лара, - так что я приму во внимание твоё намерение.

Она надолго задумалась, прежде, чем продолжать:

- Я не уверена. Но слишком много утечек было за последние несколько недель. Я очень хорошо защищена от прослушки техническими средствами. И у меня никогда не возникало проблем с неизбежным предательством среди своих.

- Даже в Провале Рейтов? - спросил я.

Она снисходительно махнула рукой.

- О, то было обычное предательство. Это другое.

- Как?

- По большей части это не вышло за пределы семьи, - сказала она.

- Для всей Белой Коллегии выгодно иметь самого сильного и самого способного лидера. Как и периодически оспаривать это лидерство, для контроля над всеобщими целями, выгодно всем.

- Я едва не погиб. Как и ты. - пробормотал я.

- Не будь нытиком, Гарри, - сказала Лара. - Мы оба выжили. Когда мои люди оборачиваются против меня, в основном это остаётся среди нас. Эта информация попала в чужие руки. Я, конечно, работаю с консультантами по таким случаям, но и они не смогли обнаружить магического наблюдения. Моя рабочая теория состоит в том, что один из ваших людей управлял заклятием, которое они не сумели засечь.

Я нахмурился. Белый Совет имел тенденцию вести информационную войну всякий раз, когда это было возможно, до тех пор, пока не приходило время срывать спутники с орбиты и вызывать извержения вулканов, исходя из теории, что при достаточном знании рычаги воздействия будут гораздо более эффективными, устраняя необходимость в открытой войне. Это была отвратительная, высокомерная позиция в этих вопросах - и она работала.

По большей части.

Это не означает, что быть целью для жесткого прессинга по слежке было весело. Мне не очень нравилось, когда они проверяли меня излишне тщательно в начале моей карьеры.

Иногда чародеи бывают невероятно настырными.

- Желаете кофе? - спросила она.

Мы желали. И Фрейдис нас обеспечила им. Её глаза никогда не смотрели на что-то конкретное, как будто она пыталась охватить всё пространство за раз.

- Итак, - сказала Лара. - Зачем вы здесь?

- По поводу этого вечера, - ответил я.

Она одарила меня острым взглядом и её глаза переметнулись на Мёрфи.

- Ты запросила мою помощь, - сказал я. - Ты ее получишь. На моих условиях.

Что-то очень похожее на гнев изменило очертания её лица, сделав его отстранённо-холодным. Через мгновение это впечатление бесследно исчезло.

- Понятно, - она перевела взгляд на Мёрфи. - Я сожалею, что вы были втянуты в это дело.

- Так зачем ты это делаешь? - спросила Мерфи.

Я немного сместился, так чтобы мое бедро прижалось к бедру Мерфи. Ладно, оно прижималось к ее предплечью.

Лара на мгновение задумалась и медленно кивнула.

- Понятно. Я надеюсь, что вы можете сохранить это дело профессиональным?

- Попробуй воткнуть нам нож в спину или кормиться жизненной силой кого-то из нас, и я наделаю дырок у тебя в черепе, - ответила Мёрфи. - Играй по правилам и никто не пострадает. Мне нравится твой брат.

- Ты только что угрожала мне в моем собственном саду? - спросила Лара.

- Я лишь пояснила тебе нашу позицию, - сказала Мерфи.

Лара уставилась на меня.

Я пожал плечами.

- Лучше открыть карты сразу, чем держать под столом.

Она улыбнулась и склонила голову набок.

- Полагаю, мы все здесь из-за Томаса, разве нет?

- Поэтому мы и пришли, - сказал я. - Это не может быть простой налет.

Лара нахмурилась.

- Учитывая уровень охраны вокруг него, я не вижу других вариантов.

- Ты хочешь начать войну со Свартальхеймом? А как же стремление избежать открытого конфликта?

Она бросила на меня страдальческий взгляд и резко отвернулась.

- Концепция изменилась, когда они перевезли моего брата. У меня будут огромные личные проблемы, если мой родной брат будет предан смерти. Мои враги при дворе используют это как причину, чтобы сплотиться против меня. Если я не могу защитить свою собственную семью, как я могу защитить их и так далее. - Она покачала головой. - Союзники за пределами Коллегии тоже будут наблюдать. Быстрый конфликт и заключенный при помощи посредника мир могут сделать мою позицию сильнее, чем она есть сейчас.

- Так все из-за власти, - заметила Мерфи.

- В том числе из-за власти, - поправила Лара её. - Для людей в моём положении, забота о сохранности власти - константа. Но Томас - мой единственный брат. Он часто меня раздражает, но... - она пожала плечами. - он нравится мне. Семья - это не то, от чего можно легко отказаться.

Я подумал о своём старике.

- Так и есть, - тихо сказал я. - Но что, если существует возможность вытащить Томаса чисто? Без кровопролития.

- Чего мы этим добьёмся? - спросила она. - Люди Этри выследят и убьют его позже. Участники Соглашений, теоретически, будут обязаны оказать помощь свартальвам.

- Думаю, я смогу его спрятать, - сказал я. - Ото всех.

- Даже от своих?

- Особенно от этих засранцев, - сказал я.

Лара вздернула брови.

- Если мы провернем это достаточно гладко, - сказала Мерфи, - мы сможем обойтись без насилия, и это будет свершившийся факт. Он будет вне их власти и недосягаем. У тебя будет время, чтобы все уладить. И поскольку ты сделаешь это, не проливая больше крови, участники Соглашения смогут оказать на Этри давление, чтобы восстановить мир и решить вопрос через вергильд.

- Очень крутой вергильд, - заметила Лара.

- Все равно это дешевле, чем перебить свартальвов, - сказал я, - или подавить восстание твоих же людей.

Лара нахмурилась, задумчиво прищурившись на целую минуту. Ее подбородок слегка покачивался вверх-вниз.

- Я так понимаю, Мэб это устраивает?

- Мэб может быть очень изобретательной в отношении того, что она замечает, - сказал я. - Особенно если обставить всё правильно. Отсутствие кровопролития в решении конфликта, который, по её мнению, задевает её зону ответственности, поможет в дальнейшем умиротворить её.

- Но она же не знает, - настаивала Лара

- Она одолжила меня тебе как раз для того, чтобы не знать.

Лара допила свой эспрессо.

- Что означает... что после возможны последствия для тебя лично.

- Особенно, если мы налажаем, - сказал я.

- Если мы попытаемся и у нас не получится, - заметила Лара, - моё положение ухудшится. Даже в сравнении с полным бездействием.

- Томас - семья.

Её сапфировые глаза встретили мои на одну опасную секунду, а затем обратились на Мёрфи.

- Я так понимаю, это твой план?

- Мне всё равно, кому возносят хвалу, - ответила Мёрфи. - Пока план даёт результат.

Лара глубоко вздохнула.

- Хорошо, - сказала она. - Посвятите меня в детали этого плана.

Глава 25

- Он не сложный, - ответила Мёрфи.

Лара наклонила голову и сказала:

- Пожалуйста, не надо считать меня настолько тупой, чтоб я не видела очевидных вариантов.

- Ты была в этом здании на собраниях Общества Светлого Будущего, - сказала Мерфи. - Я же больше года тренировалась там каждый день. С охраной.

Лара выгнула бровь.

- Я полагала, ты была сторожевой собакой при тех семьях, что скрывались там от опасности.

- Была, - ответила Мёрфи. - И одновременно изучала всё, что могла про это место.

Она фыркнула.

- Марконе владеет им. Держи своих друзей близко...

Ответная улыбка Лары была и одобрительной, и хищной одновременно.

- Итак, ты располагаешь информацией, которой не было у меня, когда я планировала операцию.

- Укреплённые комнаты расположены в подвале, - сказала Мерфи.

- Единственный вход и единственный выход, - отметила Лара.

- Это не первая наша проблема, с которой нужно начать, - сказала Мёрфи.

Я согласно кивнул.

- Прежде, чем мы отправимся внутрь, надо позаботится об отходах наружу.

* * *

Я прибыл на приём вовремя, в своём серебристом костюме и плаще Стража. Но, плащ был не настоящим - тем, что со следами от слёз, ожогов и пятен, который я предпочитал, а просто похожим - парадным, из какого-то мерцающего серого шёлка. Я снова входил вместе со Стражами и членами Совета Старейшин. Впрочем сегодня Рамирес, одетый так же, как и я, немного отстал, опираясь на трость тяжелее, чем накануне.

Хищники непременно заметили бы, что он был легкой мишенью - в одиночестве и отставший от остальных, а эти переговоры можно было справедливо назвать собранием большинства самых смертоносных хищников в мире. Я замедлил шаги, чтобы идти рядом с ним и он был не один.

Ночь выдалась душная, с легким, угрюмым дождем, от которого в теплом воздухе пахло горячим асфальтом, моторным маслом и скошенной травой. Дождь был ожидаем для любого времени года, когда могущественные силы и Лета, и Зимы находились в непосредственной близости.

- Эй, - тихо позвал я. - Ты в порядке, приятель?

Рамирес сжал челюсти, секунду смотрел на меня, а после сказал:

- Буду в порядке. На данный момент это не важно. По крайней мере, я не прикован к инвалидному креслу.

- Что случилось? - спросил я.

Мускулы на его челюсти напряглись, прежде чем он заговорил.

- Спутался не с тем монстром.

- По долгу службы?

Он дернул плечом.

- Как оказалось.

Я нахмурился. В паузах между его словами слышались гнев и боль. Я видел, как страдал Карлос во время войны с Красной коллегией. Это никогда не останавливало его улыбку надолго.

А это смогло.

- Мне очень жаль, - сказал я.

Его губы сжались в тонкую линию.

- Да, - он легонько потряс головой, как будто прогонял насекомое.

- Слышал о голосовании в Совете, приятель. Чувшь собачья. Как бы ты не был для них неудобен, нравится кому-то из них или нет, ты - чародей, Гарри.

- ТЫ ВОЛШЕБНИК, ГАРРИ! - прорычал я.

Он не улыбнулся, но в глазах блеснуло веселье.

- Суть в том, что я уже проголосовал в твою пользу. Как и большинство других Стражей.

На секунду я замолчал, горло у меня перехватило.

- Ох. Спасибо.

- Да, конечно. Мы просто парни, которым приходится сражаться и выполнять грязную работу, - горько сказал он. - Все эти чародеи, которые целыми днями просиживают свои жирные задницы, что они могут знать? Ты их пугаешь.

- Прежде ты не ругался так много, - заметил я. И никогда раньше его голос не звучал с такой горечью. Черт.

Рамиресу неслабо от кого-то досталось.

Я сделал себе мысленную заметку взять бутылку чего-нибудь очень горячего и в скором времени переговорить с Карлосом.

- Как дела у Кэррин? - спросил он.

- Как всегда, только медленнее и ворчливее.

- Я слышал, что она сделала. Сошлась в битве Никодимусом Архлеоне и выжила.

- Там все наоборот было, но да, - сказал я. - Разница в том, что она еще может жить в своем доме.

- Ха, - сказал он, сверкнув зубами. - Да. Не поверишь, сколько людей обратилось к Совету с просьбой помочь им найти его.

- А мы поможем?

- О да, чёрт побери, - ответил Рамирес. - Этот парень проклятый монстр. Но он также скользкий как дьявол.

- Точная характеристика.

- Кто-нибудь до него доберется, рано или поздно.

- Для меня - не достаточно рано, - сказал я. - Так, что ещё за дела с ещё одним официальным приёмом? Я думал, он был вчера. Что, одной вечеринки уже недостаточно?

- О, Господи, нет, - ответил Рамирес. - Вчера было так, только лёд растопить. Церемония открытия будет сегодня.

- Что, конечно, уже совсем другая вечеринка.

- Очевидно. Соглашения предоставляют место для большого количества деловых встреч на высшем уровне. Новые заявители, обращение с жалобами, публичные объявления, недвусмысленно заявляющие о цели переговоров, что - то в этом роде. Вот для чего нужны церемонии открытия, прежде чем начнутся настоящие торги.

Я хмыкнул.

- Уии.

- Не любишь вечеринки, Гарри? - спросил Рамирес. Тень его старого юмора появилась в голосе и на лице.

- Ну, - сказал я. - По крайней мере я слышал, там будут симпатичные девчонки.

Бам. Было почти слышно, как выражение его лица превратилось в закрытую дверь.

- Лос? - спросил я.

Он покачал головой и сказал:

- Просто больно. Прикуплю обезболивающих после приема.

Я кивнул. Как и огонь, боль была чем-то, что, казалось, имело свою собственную сверхтяжелую экзистенциальную массу. Магия могла притупить или стереть боль, но не без побочных эффектов, которые были почти такими же серьезными, как у симптоматической терапии. Требовался кто-то с многовековым опытом в такого рода магии, чтобы сделать это безопасно, и это не был ни один из нас. Я старше Карлоса на восемь лет, но по стандартам чародеев, мы оба были салагами начального уровня во многих смыслах. Вполне логично, что он не хотел бы, чтобы его чувства притупились в такую ночь, как эта.

Что делало то, что я собирался сделать, трудным и болезненным.

И обязательным.

Я положил руку ему на плечо и сказал:

- Держись, мужик. Как только мы закончим с этим, может быть, нам стоит взять Дикого Билла и Йошимо и снова отправиться в поход или что-то типа того.

- Конечно, - нейтрально ответил он. - Должно быть неплохо.

Он не заметил маленькую ампулу в моей руке, не заметил, как она сломалась и жидкость растеклась по его плащу и моей коже. Никто не заметит лишнюю каплю жидкости, попавшую на его одежду. Я опустил руку, сжимая сломанную ампулу, и Рамирес ничего не заметил.

Да и с чего бы ему?

Он был другом. Он доверял мне.

Мне стало хреново.

* * *

- Ты уверен, что сможешь проделать это с другим чародеем, Дрезден? - напряженно спросила Лара.

- Нет причин, чтобы это не сработало, - сказал я. - И если я сделаю это с кем-то, кроме другого чародея, я определенно перейду

черту, как тот глупый ублюдок со скрипкой.

- Если тебя поймают...

- Если любого из нас поймают, нам крышка, - сказал я. - Без риска нет награды.

- В точку, - сказала Лара. - Что дальше?

- Следующий шаг - это правдоподобно увести вас обоих с приема, - сказала Мерфи.

- И как мы сделаем это? - спросила Лара.

Мерфи мрачно улыбнулась.

- Используем ожидания.

* * *

Мы вновь прошли мимо Чайлдса и его сторожевой собаки, чтобы вернуться в большой зал. Вновь комната была разбита на лагерь, границы которых были тонко обозначены стилем мебели и полосами ниспадающего шелка, придавая всему месту немного цирковой атмосферы, с единственным отличием - точно по центру комнаты, на стыке всех лагерей, была установлена небольшая круглая сцена для выступлений.

Играла музыка, скрипки опять. Очевидно, Марконе удалось заменить скрипача-сидхе, оскорбившего всех прошлой ночью. Или, может быть, прежнему удалось выжить. Лично мне - было плевать при любом повороте событий.

Помяни дьявола. Этим вечером Марконе присутствовал лично. Расположившись на диване времён Старого Света из резного красного дерева, с тёмно-зеленой обивкой из кожи, в окружении кучи подушек с золотыми заклёпками, он разговаривал с Этри. Барон Марконе был привлекательным мужчиной среднего возраста. Возможно, чуть выше среднего роста. В безупречном костюме делового покроя серого цвета. Он почти не изменился за годы, что я его знал. Те немногие признаки возраста, что появились на нем, делали его еще более сдержанным, суровым и опасным на вид.

По бокам от него, как всегда, находились Сигрун Гард и Хендрикс. Для женщины Гард была достаточно высокого роста, чтобы играть в баскетбол, и сложена как пауэрлифтер, с заметной мускулатурой. На ней был костюм, не хуже, чем у Марконе, а её золотисто-русые волосы были причудливо заплетены в тугую, аккуратную косу. Так, чтобы противнику было не за что ухватиться.

Силуэт костюма портил топор, который она пристегнула за спину, но не похоже, чтобы у полиции моды хватило бы смелости доставать её этим.

Хендрикс, стоявший по другой конец дивана, был один в один рыжий тягач Мак Трак в костюме. У него были тяжелые надбровные дуги, короткая борода на несколько тонов темнее его волос, и руки, похожие на лопаты. Его костюм был сшит на заказ, но не для того, чтобы он лучше сидел по фигуре, а чтобы спрятать оружие, которое он, без сомнения, таскал на себе под костюмом.

Марконе поднял глаза, когда вошла делегация Белого Совета, и на мгновение посмотрел на меня с нейтральным выражением лица. В прошлый раз, когда я брался за крупное дело, я нанес значительный ущерб убранству его хранилища, если не содержимому внутри, и один из его людей был убит сумасшедшими, с которыми я работал. Я заплатил вергильд за смерть этого человека - но ублажить кого-то и быть с ним в мире - две совершенно разные вещи.

Я вернул ему взгляд, с настолько каменным выражением, на какое был только способен. И мы оба одновременно отвели глаза в сторону, как будто заранее тренировались. Я стиснул зубы. Козёл. Не могу вспомнить случая, когда бы мне не хотелось дать ему в морду.

Я представил Марконе без пары зубов с раззявленным ртом в кресле дантиста, пока Гард и Хендрикс запугивают бедного стоматолога своими злобными взглядами, и это заставило меня улыбнуться. Вот. Кто говорил, что я не могу изобразить приличное праздничное лицо? Я знал, что врачи у них есть. Интересно, а дантисты имеются?

Если у какого-нибудь босса преступного мира и была стоматология для сотрудников, то точно у Марконе.

Это напомнило мне - надо бы Мэгги записать на осмотр. Прежде, чем она отправится осенью в свою новую школу, и... нет, погоди. Дрезден, сосредоточься. Переживи пока этот вечер, визиты Мэгги к зубному запланируешь позже.

И я с начал тусить. Обменялся парой слов с Рекою в Плечах, пока он общался с Эванной. Напротив синих и пурпурных шелков Зимы располагались золотые и зеленые цвета Лета. Так что я подошел к краю их лагеря, чтобы обменяться кивками с Летней Леди, Сариссой, и крепким рукопожатием с Фиксом - Летним Рыцарем, моим антиподом

на их стороне и порядочным парнем, пока их служба охраны, сверлила меня подозрительно взглядами.

Я прогулялся мимо клана ЛаШез, получив несколько мрачных взглядов в упор, которые с интересом вернул. Я не особо терпим к вурдалакам. Потому что я видел, как они пожирали детей, которых я тренировал во время войны с ныне покойной Красной Коллегией. Этот конкретный клан также не был подарком для жителей в дельте реки Миссисипи, и в прошлом нам уже доводилось сшибаться лбами друг с другом по рабочим делам. Казалось, некоторые из клана ЛаШеза были не прочь затеять драку со мной, но несколько взглядов в сторону чёрного, всё ещё пустовавшего, трона Мэб в Зимнем лагере, похоже, заставили их передумать.

Я был не против сразиться, если б они начали первыми. Не утверждаю, что единственный хороший вурдалак - это мёртвый вурдалак, но я никогда не встречал ни одного из них, кто дал бы мне повод думать иначе. И я видел слишком много трупов, оставленных ими, чтобы переживать из-за возможных предубеждений. Но пока они соблюдали перемирие, они были гостями и находились под защитой хозяина. Что не мешало надеяться, что какое-нибудь непонимание появиться позже, когда переговоры закончатся и все начнут разъезжаться.

В центре зала, на открытом пространстве вокруг трибуны для выступлений, танцевало несколько человек. Эванна и Река в Плечах составляли особенно странную пару, причем Река держал маленькую леди полностью над землей, одной рукой, кружась в движениях осторожного, величественного вальса.

Фрейдис совершенно незаметно подошла ко мне, выглядя потрясающе в своем белом с серебром платье. Конечно, у большинства дам не было такого количества шикарных застарелых шрамов, чтобы похвастаться ими, как у нее, но они только придавали ей опасно сексуальную ауру. Рыжеволосая валькирия ослепительно улыбнулась мне, провела рукой по моей руке и спросила:

- Привет, seidrmaðr. Кого девице тут надо прикончить, чтоб потанцевать?

Я улыбнулся и очень тихо сказал:

- Мэб еще даже не появилась.

Фрейдис проигнорировала мое возражение и придвинулась ближе ко мне, положив свою левую руку мне на плечо и взяв мою левую руку своей правой рукой.

- Ох, нет. Тебе придется потанцевать с потрясающей женщиной на несколько минут дольше необходимого. Как же ты выдержишь это, бедняга?

Что ж. В этом есть смысл. Поэтому я поднял руку, положил ладонь ей на талию и повел в простом вальсе.

Фрейдис не вальсировала ранее, но быстро подхватила и уже через минуту грациозно плыла в движениях вместе со мной. Она сжала мою левую руку и спросила:

- Шрамы. Ожоги?

- Вампир Черной коллегии организовала себе логово в местной психушке, - сказал я. - У одного из ее ренфилдов был самодельный огнемёт.

- Только рука? Или шрамы идут до самого верха?

- На тыльной стороне запястья, - ответил я. - На ладони меньше. Я держал щит этой рукой.

- Я так понимаю, ты их убил?

- С чего ты взяла?

- По моему опыту, ожоги делают смертных весьма мстительными.

- Это... долгая история, - сказал я. - Вамп сбежал. Мавра.

- Ах, эта, - сказала Фрейдис. - У нее сложилась неплохая репутация за эти годы.

- О?

- Наверное, мне не следовало говорить тебе это бесплатно, но я обожаю танцевать и мне редко выпадает такая возможность, и ты нравишься моему боссу, - сказала Фрейдис.

Я сделал паузу, чтоб поглядеть на Ваддерунга. Он снова сидел в своём кресле через зал от Ферровакса - оба упорно и непримиримо сверлили взглядом друг друга.

- Он кажется одним из тех парней, которые советуют тебе сказать что-то подобное, когда просят передать мне какую-то информацию, - сказал я.

Ее зеленые глаза вспыхнули одобрением.

- О. Ты только что перешел от тройки к шестерке, seidermadr. Мне нравятся мужчины, которые смотрят в суть вещей. И ты танцуешь.

- Я везунчик, - сказал я. - Итак?

- Итак, если ты напоишь меня до чертиков, а больше никого интересного не появится, я смогу показать тебе всю коллекцию интересных шрамов. Приведи свою женщину, и мы обойдемся без выпивки.

Мои щеки потеплели.

- Эм. Я имел в виду Мавру, - сказал я.

- Лишь то, что в последний раз мы заметили ее передвижения около года назад, - сказала Фрейдис, невозмутимо сменив тему. - Если ты рассчитывал, что она никогда не вернется, возможно, придется тебе еще разок повторить свои расчеты.

- Намечается неделя воссоединения, - пожаловался я.

- Ох, бедняжка, - сказала Фрейдис, насмешливо выпятив нижнюю губу. - Поживи с мое, и ты поймешь, что никто из нас никогда по-настоящему не избегает прошлого. Оно просто возвращается, чтобы преследовать тебя.

- Я не видел ничего, что могло бы свидетельствовать об обратном, - признался я. Произведение закончилось, и мы перешли от вальса к фокстроту, который она снова почти сразу же подхватила, и во время одного из поворотов я краем глаза заметил движение, и температура в комнате, казалось, упала примерно на три градуса. - Там. Это она?

- Холодная, прекрасная и пугающая? - спросила Фрейдис. - Да, это она. Начинаем сейчас?

- Подожди, пока она не присядет, - сказал я.

Ее зеленые глаза скользнули мимо моего плеча, пристально наблюдая.

- Она разговаривает с большим гренделькиным.

- Он не гренделькин, - пробормотал я.

Она вопросительно выгнула бровь.

- Тебе придется поверить мне. Лесные люди отличаются от гренделькиных.

- Большой, волосатый, сильный, смрадный. . . Если он ходит как Грендель и говорит как ...

- Ты и я, - сказал я, встретившись с валькирией взглядом, - вот-вот серьезно разойдёмся во мнениях.

В глазах Фрейдис мелькнул вызов, но она первая отвела взгляд.

- Это Река в Плечах. Он классный. Передай своему боссу, что я это сказал.

- Почему бы тебе самому не сделать это?

- Потому что, пока он использует мессенджер, я тоже буду - сказал я.

Не знаю, почему он держится на расстоянии, но я уважаю его позицию. Может быть, он не хочет выглядеть со мной слишком дружелюбным. Суть в том, чтобы сказать ему, что Река в Плечах не гренделькин.

- Он достаточно болтлив, чтобы оказаться одним из них, - прорычала Фрейдис. На очередном повороте, я увидел, как Река в Плечах уважительно разговаривает (А как иначе?) с Мэб. Мэб внимательно слушала его (Разве могло быть по-другому?)

Я видел, как она кивнула, произнесла короткую фразу и повернулась к креслу в назначенном ей месте. Молли шла на шаг позади правее нее. Она остановилась, чтобы положить ладонь на массивную руку Реки и сказать что-то, что заставило его рокоchure рассмеяться. Она лучезарно улыбнулась ему, снова похлопала его по руке и поспешила за Мэб.

- Вот, - сказала Фрейдис мгновением позже, когда поворот скрыл Мэб из моего поля зрения.

- Она села

Я наклонился и прошептал Фрейдис на ухо:

- Ладно. Давай сделаем это.

- Ничего личного, тигр. - прошептала она мне.

Затем Фрейдис отпрянула с возмущённым лицом и дала мне пощёчину.

Нормально.

Хотя, пожалуй, я недооценил это.

Валькирия, которая в принципе способна поднять и недалеко отбросить целый автомобиль, нанесла мне удар ладонью по скуле со всей силой своего тела. Это было похоже на правый навес профессионального боксёра-тяжеловеса. Если бы я не повернулся вместе с ним, она бы вышибла меня с моей ошеломлённой задницей из сознания.

По сценарию я должен был слегка пощупать ее, когда она отошла от меня, именно такого поведения все ожидали от зимнего Рыцаря, но

мои мозги были настолько затуманены, что я вряд ли смог изобразить это как общественно неприемлемое объятие, от которого она уклонялась. Она направилась к лагерю Белой Коллегии, прямо к Ларе. Рыжая выглядела фантастически и при этом привлекла внимание всей комнаты. Она вполголоса отчиталась перед Ларой, по пути ткнув в меня пальцем, и выражение ее лица менялось от возмущения к напряжению, а затем к явному огорчению.

Лара вонзила на меня испепеляющий взгляд через всю комнату, приобняв в знак поддержки Фрейдис за плечи. Она увлекла её прочь, задержавшись в тех же дверях, где и я отыскал временное тихое пристанище прошлой ночью. Лара переговорила с кем-то из официантов и вышла вместе с Фрейдис.

В зале сделалось тихо, только музыка продолжала играть, и все уставились на меня.

- Сэр Рыцарь, - прозвучал голос Мэб. Очень чёткий и очень спокойный.

Это привлекло внимание всех, хотя большинство старалось не показывать этого. Даже Ваддерунг и Ферровакс прервали свою игру в гляделки, чтоб посмотреть, что происходит вокруг.

Я мог бы поклясться, что платье Мэб было глубокого пурпурного цвета, когда она вступила в зал минуту назад. Но когда я оглянулся на её трон, ткань стала тёмной, как полночь, и черные пряди уже заструились среди её серебристо-белых волос.

С момента как мы начали реализовывать план ограбления, прошло меньше, чем десять секунд, а Мэб уже наполовину переключилась на роль судьи, присяжных и палача Зимы в едином лице. Великолепно.

Я глянул в сторону и обнаружил, что смотрю прямо на деда. У Эбинизера был такой панический взгляд, какого я у него ещё ни разу не видел. Мне захотелось как-то его ободрить, ну, подмигнуть ему что-ли. Но я не хотел, чтобы кто-то это заметил. Особенно в свете того, что должно было произойти. Поэтому вместо этого я пожал плечами слегка, развернулся в сторону Мэб и склонил почтительно голову. Затем я отправился к ней.

- Сэр Рыцарь, - промолвила Мэб. Её тон понизился до интимного.
- Вы рассердили ценного союзника. Объясните свою позицию.

- Вы не хотите, чтобы я этого делал, - ответил я ей в этом же тоне.
- Послушайте, мне нужно попросить вас о том, чего я не ожидал, что когда-либо стану просить.

Мэб выгнула бровь.

- И это будет?

- Ваше доверие, - сказал я. - Верьте, я действую в ваших же интересах.

Глаза Мэб едва заметно расширились.

- Мне нужна ваша помощь, - продолжал я. - Посмотрите на дверь, через которую только что вышла Лара, а потом на меня. Как будто желаете прикончить меня.

- Для этого мне вряд ли понадобится притворяться, - пробормотала Мэб саркастично. Но она дёрнула подбородком в сторону двери, через которую зал покинула Лара, а затем снова вернула ко мне широко распахнутые непроницаемо чёрные глаза.

- Это публичная пантомима. Ты играешь с высокими ставками. - Её глаза угрожающе сузились. - Не поставь меня в неловкое положение своей неудачей.

- Ни в коем случае, моя Королева, - сказал я достаточно громко, чтобы меня услышали все. Я отступил от нее с низким поклоном, прежде чем изобразить на лице выражение, которое, как я очень надеялся, выражало злость и огорчение, и поспешил вслед за Ларой.

* * *

- Что мы выиграем, если нас пропустят в спортзал? - спросила Лара. - Я его видела. В камеры предварительного заключения от туда не попадёшь.

Мёрфи в ответ ухмыльнулась.

- Как я уже говорила. Ты посещала это место несколько раз. Я там жила. Особенно в этом спортзале.

* * *

Казалось, один из людей Марконе в красных пиджаках, вот-вот начнёт возражать против моего продвижения дальше по лестнице, ведущей в спортзал, но я поднял руки в успокоительном жесте и произнёс:

- Мне нужно это уладить или мой босс прикончит меня. Просто дай мне минуту.

Это был один из тех же парней, что и вчера. Охранник перевел взгляд от меня на лагерь Марконе. Марконе не стал отвлекаться от своего разговора, но Хендрикс, сидевший по его правую руку, согласно кивнул.

Охранник отступил в сторону и с гримасой сказал:

- Будь осторожен с этой Фрейдис, приятель. Она тебя выпотрошит, как только увидит.

- Болтаешь за троих - сказал я. Он выглядел растерявшимся, а я продолжил двигаться дальше.

Я поднялся по лестнице на звук тихих всхлипываний Фрейдис. Лара стояла у ближайшего угла боксерского ринга, обнимая Валькирию за плечи. Я проверил лестницу позади, чтоб убедиться, что она совершенно пуста, закрыл дверь и объявил:

- Горизонт чист.

- Клянусь кровью Одина, надо было становиться актрисой, - сказала довольно Фрейдис, отстраняясь от Лары.

- Не скажи. Эйнхерии на твой балаган не купились, - просветил я её. - Все знают, что ты что-то замыслила.

Лара мне ухмыльнулась. Даже без вампирского обольщения, у неё была такая ухмылка, ради которую можно было бы умереть. А её маленькое черное платье было стильным и потрясающим. Она шутливо согнула пальцы в форме когтей и сказала:

- Запустить мои когти в Рыцаря Мэб, разумеется.

- Очевидно, - откликнулся я, направляясь в дальнюю часть комнаты, к полкам со сложенными полотенцами. На ходу я сбросил пиджак и жилет, после ботинки и брюки с рубашкой. Пока не остался только в трусах и майке с носками. Это было необходимо.

- Я все ещё считаю, что это серьезное пренебрежение безопасностью, - пожаловалась Лара, снимая через голову платье и бросая его на скамью. Туда же отправились её туфли, только более аккуратно. Больше на ней ничего не осталось. Отлично. Я отвел глаза в сторону.

- Ты не знакома с Эйнхериями, - убежденно сказала Фрейдис. - Как только они вобьют себе в голову, что что-то должно быть именно так, а не иначе, то - всё. Именно так оно и должно быть устроено.

По звучанию голоса Лары было похоже, что она наморщила нос.

- Но всё же. Тайная старая шахта?

- Как только они осознали, что могут использовать её, чтобы бросать свои полотенца прямо в подвал рядом с прачечной, вместо того, чтобы таскать их корзинами вниз, прекратить это было уже невозможно, - сказала Фрейдис. - Они просто пробили гантелями дыры в стене и начали сбрасывать полотенца. Марконе пришлось принять поражение с достоинством и установить двери подъемника.

Я подошел к упомянутой двери и, щелкнув щеколдой, открыл её. Она плавно поднялась, обнажая тёмный зев шахты, что начиналась где-то над нами и вела отвесно вниз, в темноту. И она была не особо просторна.

Вначале появился невероятно чудесный запах - цветы и корица, и что-то более тёмное и более сладкое, а затем Лара встала рядом со мной. Её обнаженное плечо коснулось моего локтя. Локоть восторженно одобрил эту идею, но Лара вдруг подскочила и издала короткий сдавленный звук дискомфорта.

Она глянула вниз - себе на плечо. Там краснело пятно в форме кончика моего локтя - как я догадался - словно она провела им по горячей сковороде.

У вампиров Белой Коллегии сильнейшая аллергия на искреннюю любовь, так же как у Чёрной Коллегии на солнечные ванны. Контакт "кожа к коже" с людьми, которые любят и которых любят в ответ, для Белой Коллегии опасней всего.

Что означало, что...

Ох.

Ну что же. Я не думал о том, что у меня появится такая защитная аура, когда мы с Кэррин брались за дело, но было приятно её получить.

И было приятно узнать, что это по-настоящему. Очень приятно.

- Ауч, - воскликнула Лара несколько раздражено. Бросила взгляд на меня и выражение у неё на лице внезапно стало довольным.

- О. Ты и мисс-полицейский? Мои поздравления, чародей.

- Мои отношения - тебя не касаются, - я ответил сварливо.

Лара кивнула на ствол старой шахты.

- Мы оба вот-вот поползём вместе вниз. Так что я бы сказала, не помешало бы заранее знать, если я могу получить ожоги второй и третьей степени из-за того, что наткнулся на тебя.

Она скептически оценила пространство.

- Маловато. Ты точно поместишься?

- Завязывай с пошлыми шутками, - выразил я своё недовольство. - Я разберусь. Ты уверена, что совладаешь с охраной?

Лара слегка повернула ко мне свою голову, опустила глаза и закусила губу, прежде чем медленно взглянуть на меня. Внезапно свет испарился из комнаты, за исключением тех мест, где он соприкасался с бледным совершенством её восхитительной кожи.

Я разве-что не взревел и не стал колотить себя в грудь кулаками, так сильно я вдруг её захотел. Я вздохнул глубоко, чтобы взять себя в руки и заставить себя отвести глаза от неё.

- Я разберусь, - мурлыкнула Лара и болезненное давление моего желания резко ослабло.

Я стиснул зубы и процедил через них:

- Я спрашивал о деталях. Ты уверена, что он больше ничего не увидит и не услышит?

- Дай мне шестьдесят секунд, - заверила Лара. - Как только я подберусь достаточно близко, он больше ничего не заметит. Даже если ты пройдешь мимо, играя на трубе и колотя в барабаны. И даже если заметит, не вспомнит об этом.

- Шестьдесят секунд, - вздохнула Фрейдис, с механической точностью связывая полотенца. - Мужчины.

Лара перевела взгляд на Фрейдис, и у той внезапно перехватило дыхание, а на щеках вспыхнул румянец.

- Дорогая, это совсем не одно и то же, - промурлыкала Лара. - Жаль, что твой контракт был так специфичен, а то бы я устроила тебе демонстрацию.

Фрейдис глубоко вздохнула и, не поднимая глаз, вернулась к связыванию полотенец.

Лара озорно улыбнулась мне и, протянув руки, сказала:

- Подсади меня, Гарри.

- Тебе моя помощь не требуется, - ответил я несколько хрипло. Даже когда она не ослепляла меня "приди-же-ко-мне" прожектором прямо в лицо, Лара Рейт все равно оставляла меня слегка ослеплённым.

De facto монаршая особа Белой Коллегии ответила мне весёлым смехом и прыгнула в шахту, словно ныряльщица, бесшумно пропав в темноте.

- Шестьдесят секунд, - пробормотал я. - Мне понадобится вдвое больше, чтобы просто спуститься туда.

- У меня крыша поедет на этой проклятой работе, - откликнулась Фрейдис. - Пять минут и верёвка будет готова.

- Прикрытие, - напомнил я ей.

- А, точно, - покачав головой, она сунула руку под платье и вытащила маленькую деревянную дощечку. - Голова совершенно забита другим. Никогда ещё не работала на клиента, который бы так отвлекал.

Она подняла мой пиджак и платье Лары и забросила их на боксерский ринг. Затем прикоснулась к табличке и что-то пробормотала, щёлкнув по дереву пальцами. Ослепительная вспышка оставила на моей сетчатке пурпурную руну в форме молнии, и внезапно я оказался там - сверху на Ларе на ринге, страстно целуя её.

Иллюзия получилась отменная. Действительно очень... детальная. Может быть, даже слишком детальная. Я отвернулся, немного смущаясь.

- А знаешь, ты нравишься ей, - заметила Фрейдис, разглядывая иллюзию с весельем и удовольствием.

- Насколько я мог судить, Ларе в основном нравится Лара, - сказал я.

- Возможно. Но с тобой она обращается иначе, чем с остальными.

Я хмыкнул, заметив:

- Чудесно. Как раз того рода внимание, что мне не хватало по жизни.

А потом я просунул свои плечи и голову в узкую, лишённую света и опоры для рук каменную шахту и извиваясь пополз по ней вниз в одном нижнем белье.

Глава 26

Спуск вниз головой по каменной шахте, длинной в три этажа, в непроницаемой тьме вряд ли сойдёт за развлечение. Сила давления, которое я прикладывал к стенкам, была единственным, что удерживало меня от падения. В этом смысле ограниченное пространство внутри было довольно полезным. Ибо оно означало, что большая часть поверхности моего тела могла быть прижата к стенам и меньше нагрузки приходилось на что-то одно.

Если только проход из обработанных вручную камней не сузится в поперечнике и я не застряну. И в этом случае я реально попал. Или, если расстояние между стенками шахты не раздастся по сторонам. И тогда - я тоже попал. Может быть, я и крут, но приземление на голову после падения с высоты третьего этажа ни чем хорошим не кончится.

Я начал сползать. Это было не просто, но я выполнял много кардиотренировок.

Видимо Лара оставила дверь подъёмника открытой и тусклый свет, что сквозь неё пробивался, позволил мне рассмотреть комковатую белую массу из полотенец на дне и форму стен. Как только у меня появилось представление о расстоянии, я смог перемещаться быстрее - то есть просто немного расслабиться и частично соскальзывать вниз.

Это стоило мне ободранной кожи, но могло быть и хуже. Камни замка были стары. Время (и я не хотел слишком много думать о том, что это ещё могло быть) стерло многие из грубых краев. До тех пор, пока я не начну истекать кровью на стены и они не превратятся в каток, всё должно быть в порядке.

Прекрасно. Я чувствовал себя комком бумаги, который пытается не дать продуть себя через соломинку, а в остальном всё было отлично.

Я опускался со всей осторожностью, передвигая только одну конечность за раз, как дружелюбный сосед Человек-паук. За исключением того, что я не мог на самом деле прилипнуть к стене. А если я подскользнусь, у меня нет паутины, чтобы спастись, и я упаду, и сверну себе шею.

- Может он по стенам лезть, а врагов его не счесть, - напевал я под нос, медленно спускаясь всё ниже. - Ведь сосед наш он и друг,

Человек-паук!

Мои плечи застряли.

Сердце тут же забилося намного быстрее.

Не потому, что я был напуган или вроде того. Просто ещё одна кардиотренировка.

Клаустрофобия мне ни почём. Я - чародей Белого Совета. Мы - чародеи - не позволяем эмоциям собой управлять.

Я заставил себя дышать медленно, перестать двигаться и начать думать. Я застрял, потому что мои мышцы были напряжены, удерживая меня между стенами шахты. Мне нужно было расслабиться. Но если я это сделаю, то я упаду и умру, что контрпродуктивно. Фокус был в том, чтобы расслабить лишь часть меня, а остальную - держать в напряжении.

Я вытянул руку, пытаюсь уменьшить нагрузку на плечи, прижатые к стенам, но этот план не сработал. Я почувствовал, что проседаю сильнее, и мое дыхание опять участилось. Я потянулся вперёд с большим усилием и сразу почувствовал, что давление на суставы усилилось.

- Может ли он качаться на ниточке? - пропыхтел я.

Подожди.

Остановись, Гарри. Подумай. Используй свой мозг.

- Посмотри сверху, - мой мозг продолжал бормотать.

Правильно. Сверху.

Это была проблема вроде китайской ловушки для пальцев. Чем больше стараешься бороться с ней напрямую, тем сильнее в ней увязаешь.

Поэтому я напряг мускулы и оттолкнулся назад, вверх по стволу шахты. Это было непросто, но в последнее время я много тренировался. Борьба с инстинктами Зимней Мантии принесла мне кое-какие физические дивиденды. Я смог подняться на несколько дюймов, изменить угол плеч и проскользнуть мимо узкого места.

- Смотрите-ка! - выдохнул я. - Человек-Паук побеждает.

Я продолжал двигаться вниз. Стараясь не думать о том, как трудно мне было дышать. Или о том, как я был пойман в ловушку с руками, застрявшими над головой. Или о том, что если гигантский паук (у них есть такие, я видел) начнет спускаться в шахту следом за мной, то я ни черта не смогу с этим поделать.

Спасибо, воображение. Мне явно не хватает проблем. Поэтому я действительно ценю твои старания придумать ещё одну, просто чтобы держать меня в напряжении.

Я старался сделать моё пыхтение как можно тише, когда добрался до дна шахты и обнаружил там кучу потных полотенец и достаточно тусклого света, чтобы их разглядеть.

Что ж. Не было способа выйти из этой ситуации с грацией. Я высунул руки сквозь дверь и стал извиваться, выталкивая тело наружу, прижимая подбородок к груди, чтобы принять основной вес на свои плечи при приземлении.

Когда я наконец высунул голову из конца шахты, то врезался в стену абсолютнейшей похоти.

Серьезно. Это было похоже на то, как если бы мне вдруг снова стало пятнадцать, когда мои гормоны бесились, а я понятия не имел, как с ними бороться. Моя кожа стала гиперчувствительной и я внезапно остро почувствовал прикосновение камня к спине и ногам, и что я покрылся грязью и пылью по пути вниз. Телесная боль снова нахлынула на меня: болезненность мышц, которая должна была сильно ограничивать мою подвижность, тупое нытьё старых ран, настойчивая пульсация недавних повреждений в руках - всё, что до сих пор приглушала Зимняя Мантия.

Как оказалось, когда могущественный вампир Белой Коллегии хочет, чтобы вы обратили внимание на ощущения вашего тела, вы его обращаете. Точка.

Я повернул голову и обнаружил, что мои мышцы реагируют только замедленно, вяло.

Шахта выходила в сумрачный коридор. Свет исходил от единственной настольной лампы в его противоположном конце - рядом с тяжелой пластиковой рамой, похожей на металлоискатель.

Один из Эйнхериев стоял перед столом. Он был по меньшей мере одного роста со мной, только на семьдесят или восемьдесят фунтов тяжелее и шире, с коротким ёжиком черных волос и встопорщенной черной бородой. Он был вооружён тяжелой винтовкой - одной из тех AR, модифицированных для антиматериальных патронов. Она была у него на плече, ствол смотрел мне прямо в лицо.

Но он не имел никакого значения.

Единственное, что имело значение, - была Лара Рейт.

Она стояла примерно в трех шагах от Эйнхерия, балансируя на кончиках пальцев. Пока одна прелестная ножка скользяще-медленно двигалась, продвигаясь вперед. Это движение заставляло её мышцы растягиваться и сокращаться, а тени струиться по её телу, что не должно было быть даже возможным, не говоря уж о том, чтобы так безумно возбуждающе действовать.

Я забыл, что я делал на полу этого замка.

Это не имело значения.

Лара имела значение.

Я обнаружил, что просто завороченно смотрю на неё. На самую яркую, опасную, великолепную женщину, которую я когда-либо видел. На расстоянии жалких нескольких футов. Обнаженную и пульсирующую эротической энергией. Меня не волновали следы грязи на этой бледной безупречной коже. Меня не волновало, что моё собственное тело было испачкано грязью. Меня не волновала ни наша миссия, ни кошмарная паучья шахта, по которой я только что сполз, ни теперь уже незнакомые нытьё и боль в мышцах. До тех пор, пока я мог не отрываться от самого невероятного зрелища, которое только мог наблюдать человек...

И вдруг я чихнул. Громко. Без всякой причины. Раз пять или шесть.

Магия хлынула из меня, выплёскивая наружу энергию с каждым произвольным сокращением мышц.

Голова Лары резко обернулась ко мне, её серебристо-голубые глаза расширились, словно у кошки.

Здоровые пауки - Чёрные вдовы - размером с баскетбольные мячи кучей посыпались из шахты сзади меня. Пять или шесть штук.

Остекленевший взгляд Эйнхерия резко сменился сосредоточенностью и его холодные серые глаза быстро метнулись от Лары ко мне и от меня к паукам. Его палец переместился из положения готовности вдоль приёмника к спусковому крючку.

Фигура Лары расплылась.

Она оказалась рядом с Эйнхерием прежде, чем я полностью осознал, что она начала двигаться, поднырнув и поднимаясь уже в кольцо его рук - между ним и винтовкой, спиной к его груди. Прежде чем он успел сделать хоть что-то, кроме как дернуться от неожиданности, она схватила оружие, сбив его руку со спускового

крючка. И они схлестнулись в борьбе за винтовку. Эйнхерий оставил попытки вернуть контроль над оружием и сжал свою огромную руку вокруг горла Лары. Мышцы и сухожилия на его предплечьях вздулись, словно тросы, когда он сдавил её шею.

Тем временем пауки застрекотали и зашипели, и набросились на ближайшую цель. То есть - меня, разумеется.

- Гла! - заорал я. Как и подобает мужчине.

Да ладно, большие жуки - реально жуткая штука. Я имею в виду, только представьте. Вот вы посмотрели вниз на своё тело, защищённое только нижним бельём, и увидели гигантских крабов с Аляски, карабкающихся по нему вверх, размахивая агрессивно клешнями. Вы бы тоже орали, как подобает мужчине. Чтобы морально подготовиться к битве.

Здесь не было достаточно света, а времени - и того меньше. Я лихорадочно пнул одного огромного паука, отшвырнув его в сторону, как дряблый мячик, набитый арахисовым маслом. Вторую тварь я оттолкнул уже в воздухе, у себя перед лицом, а затем ощутил ужасные уколы от ран, когда остальные четыре впились в меня. Когда чьи-то зубы вонзаются в плоть, секунду-другую не особенно больно. Пока то, что вас укусило, не начинает дёргаться взад и вперёд, пытаясь вырвать кусок. Тогда это похоже на то, что через тебя кто-то пропустил электричество. И острые серебряные молнии пронзают укушенную конечность то вверх, то вниз. Клыки вонзались. Яд обжигал. Пульс просто зашкаливал.

Две другие вдовы отскочили от того места, куда я отшвырнул их, и вернулись ко мне.

А затем, спустя несколько судорожных вдохов, фигуры пауков задрожали и внезапно превратились в прозрачную слизь. Буквально только что десятки твердых, крошечных паучьих лапок втыкались в меня повсюду, а паучьи клыки причиняли обжигающую боль. Секундой позже я уже обтекал эктоплазмой весь покрытый мелкими ранами.

Проклятые призывалки.

Мне оставалось только надеяться, что не будет никаких негативных последствий от попадания эктоплазмы в мой кровоток. Потому что каким бы ни был тот яд, теперь он определенно стал эктоплазмой.

Я плюхнулся вниз, как выброшенная на берег рыба - экто-слизь сделала пол гораздо более скользким, чем водяная горка - и забарахтался в ней, пока мои глаза не нашли Лару опять.

Она все еще стояла спиной к Эйнхерию. Они вырвали ствол во время борьбы и теперь уже обе его руки стискивали Лару за горло. Её лицо налилось ярко-розовым цветом, губы приобрели уродливый сероватый оттенок. Я не понимал, почему она не отбивается, пока не заметил, что её руки находились у неё за спиной. Где-то на уровне поясицы.

Она не пыталась вырваться из его хватки. Она готовила смертельный удар.

Лара выгнулась, извиваясь и прилагая все силы, и бедняга повис на её шее. Он то думал, что побеждает в этом бою.

Затем его армейские штаны заметно ослабли. Губы Лары скривились в торжествующем оскале. Их тела всколыхнулись волной, а затем Эйнхерий издал потрясённый сдавленный звук. Его глаза расширились и расфокусировались.

Борьба прекратилась. На полузадушенном лице Лары медленно расплывалась улыбка. Она скользнула ладонями вверх по рукам Эйнхерия, потянув его мягко за пальцы. Его руки тут же разжались, скользнув по плечам на её груди. Она кашлянула, затем издала низкий мурлычущий звук, и её бедра начали двигаться в медленном ритме.

Эйнхерий завалился назад, тяжело опустившись на стол, что был у него за спиной, и едва сохранив равновесие. Лара синхронно сдвинулась с ним. И хотя это движение должно было выйти неловким, она двигалась плавно и быстро, легко подстраиваясь под него, соединяя в себе грацию партнёра по танцу, искусной любовницы и голодного паука, окутывающего паутиной свою добычу в предвкушении пира.

Она оглянулась на свою жертву с зубастым оскалом, а затем обернулась ко мне. Её глаза стали двумя зеркалами из жидкого серебра. Глубокие розовые следы от чужих пальцев на её шее угрожали стать синяками, но за то небольшое время, пока я смотрел на неё, они уже исчезали - а дыхание Эйнхерия становилось все тяжелее и отчаяннее.

- Что, чёрт возьми, это было? - потребовала она у меня. Её голос был тихим и грубым, как будто она десять лет к ряду глушила вискарь.

- Гигантские пауки? Проклятие, Дрезден.

Я осознал, что просто таращусь какое-то время. Она уже не излучала прежней ауры, но все равно представляла собой одно из самых эротичных и пугающих зрелищ, которые я когда-либо видел. Её очарование притягивало меня, вызывая к моим исключительно человеческим гормонам. И, естественно, Зимняя Мантия буквально сходила с ума от вожделения к ней. Мантия ничего не хотела сильнее, чем бросить вызов Эйнхерию, забить его до смерти, а затем заявить на Лару права как на трофей победителя.

Но это не было мной. Не настоящим мной. Это были просто мантия и плоть, желавшие того, чего они желали. Я боролся с ними своим разумом и своей волей, пока не вспомнил о цели.

Томас.

Нужно спасти моего брата.

Я поднялся на ноги и в носках, пропитанных эктоплазмой, похлопал вперёд.

- Не убивай его, - прошипел я напряженно, стараясь не смотреть на неё. - Все усилия будут напрасны, если ты прикончишь его.

- Не задерживайся, - возразила она, её голос был хриплым и чувственным, с намеком на стон при каждом слове. К этому времени её глаза стали почти полностью белыми, а зрачки напоминали чёрные бусинки в центре. Они выглядели совершенно нечеловеческими и точно такими же, как у демона Голода, которого годы назад я увидел магическим взглядом внутри своего брата.

- Он сильнее, чем кажется. Нанёс мне серьёзные повреждения. Я всё ещё исцеляюсь

Эйнхерий не двигался с места. С пустыми глазами, с искажённым в муке лицом, двигаясь ровно настолько, чтобы соответствовать движениям Лары. Она была крошечной по сравнению с его вылепленной из чистых мускулов массой. И у него не было шансов против неё в этот момент. Человек на протяжении веков посвятил себя профессии воина и это не имело значения перед лицом её силы. Здесь не оставалось места достоинству.

Неужели мы все выглядим так глупо и неуклюже во время процесса?

М-да. Скорее всего. Даже когда в этом не замешан суккуб.

Я протиснулся мимо вампирши и её жертвы и попытался припомнить, когда это я стал выступать на одной стороне с порождениями ночи, а не против них.

А потом я отогнал эти мысли, сгрёб несколько полотенец в охапку и отправился на поиски брата.

Глава 27

В конце коридора я нашёл в полу тяжелый люк.

Я замер.

Мое сердцебиение участилось.

Люк не подходил к убранству замка. Он был не совсем точно подогнан к камню. Он был сделан из плотной древесины, и ещё он был старым.

И на нем были следы от огня.

Потому что это был мой люк.

Мой люк, мой собственный, из моей старой квартиры; дверь в мою подвальную лабораторию. В нем даже до сих пор осталось кольцо, которое я использовал, чтобы поднимать его. А ещё на нем был дополнительный засов, которого не было раньше.

Я встряхнулся и потянулся дрожащей рукой, чтобы сдвинуть засов и открыть люк. Это вышло с лёгкостью; черт побери, он даже заскрипел в нужном месте, в точности как это было всегда. У меня внезапно засадило в груди и защипало в глазах.

Адские колокола, я хотел бы почувствовать себя снова дома.

А вместо этого я стоял в доме Марконе.

Что-то зашевелилось во мне, глубоко внутри. Это не было яростью. Это не было чем-то столь эфемерным и временным, как ярость. Это не было связано с моей эмоциональной болью. Тут что-то более древнее. Первобытное. У меня было отнято то, что было моим.

Это было неправильно. И никто не собирался ничего с этим делать.

Если только это буду не я.

В моей голове что-то щелкнуло.

С тех пор, как Красная Коллегия похитила мою дочь, меня швыряло от одной катастрофы к другой, но я выживал. Вся эта ситуация была просто еще одним энтропийным шквалом, который вдарил по моей жизни, заставляя меня снова трепыхаться, и возможно, убивая меня. (Снова. Технически.)

Теперь всё иначе. Я — часть жизни Мэгги. И однажды ей может понадобиться, чтобы я повел ее к алтарю.

Может быть, пришло время действовать на опережение.

Возможно, пришло время стать более серьезным.

Мой брат лежал свернувшись клубочком, в позе эмбриона, голый и чудовищно худой, как будто за последний день он потерял фунтов сорок мышц. Выглядел он уже получше но всё ещё хреново. Синяки исчезли, как и кровь. Его руки все еще выглядели искореженными и ужасными, но лицо снова стало узнаваемым. У вампира есть свои преимущества, пускай его кожа и выглядела так, как будто она должна была быть на пару размеров больше, туго обтягивая то, что осталось от его ранее мускулистого тела.

От выражения его лица меня затошнило. Он поднял ртутного цвета глаза, тусклые и остекленевшие от простой звериной боли.

- Томас - прошептал я. - Это Гарри.

Он молча моргнул на свет.

- Ты слышишь меня, чувак?

Он вздрогнул и издал тихий сипящий звук.

- Адские колокола - сказал я. А лестница не ждала меня внизу. Я поморщился, перебросил через край ноги и спрыгнул в люк так тихо, насколько у меня вышло.

Это было немного похоже на падение, но мне удалось не приземлиться на Томаса и даже не шлёпнуться на задницу ...

- Пойдем, - сказал я. - Нам нужно идти.

Довольно долгое время ничего не происходило. Потом он пошевелился, и я выдохнул, даже не осознав, что задерживал дыхание. Мой брат был жив.

Но от него мало что осталось.

Звезды и камни, свартальвы его изрядно потрепали. Его даже не заковали в кандалы. Они просто били его до тех пор, пока у него не осталось ни малейшей возможности сбежать самому. Это могло бы меня разозлить, но среди сверхъестественных рас их действия будут сочтены рациональными, а не садистскими. Черт, да для них было бы проще простого убить его на месте, а затем объявить, что убийца покушался на Этри и был убит прежде, чем смог сделать своё дело. Но вместо этого они придерживались Соглашений.

Он был жив. Но его Голод, очевидно, пожирал его собственное тело, чтобы поддерживать его в таком состоянии.

- Томас, у нас мало времени, - сказал я. - Поднимай свою ленивую задницу. Нам нужно идти.

Он посмотрел на меня и нахмурился. Я был не совсем уверен, что он меня понимает.

- Ну конечно - сказал я. - Я должен делать всё сам.

Я поднял амулет, оглядел комнату, и мое сердце сжалось. Это была моя старая лаборатория. Я провел там бесчисленное количество часов, работая, изучая, варя, колдуя, призывая, поджигая свои волосы - ну, вы знаете, волшебные штуки. И Молли тоже. На полу были пропадины, и я мог видеть квадраты и прямоугольники там, где стояла моя старая мебель, ножки столов, основания книжных полок, дыры в стене, в которые я вкрутил каркасные полки для хранения вещей. Мой старый медный круг призыва каким-то образом сохранился в дальнем конце комнаты. Возможно, бывший пол моей гостиной рухнул на него, защитив его от сильнейшего пламени.

Но это ничем мне не помогало.

Мне не составило бы труда протянуть руку и ухватиться за край люка, а затем выбраться наружу. Но вылезать неся на руках моего брата, было бы чертовски сложно. Проклятье, я жалел, что не потратил больше времени на изучение магии Земли. Изменение гравитации на несколько секунд сделало бы это действительно лёгким делом — но выполнение этого на моем текущем уровне мастерства заняло бы время, которого у нас не было.

Мне пришлось выбрать альтернативный вариант и надеяться, что это не убьёт нас обоих. - Вперёд, я!.

Я наклонился, завернул открытую кожу в полотенца, насколько это было возможно, и взял Томаса за руки. Он со свистом выдохнул, но не двинулся с места, его тело сопротивлялось, как вареная макаронина. Он был поразительно легкий, но обмякший человек - это полуторный головняк при переноске, даже если он нетяжёлый. Мне потребовалась минута, чтобы поднять его и перекинуть через плечо как мешок картошки. После этого я встал под дверью, извернувшись всем телом и надеясь не содрать с Томаса кожу при выходе.

- Я должен сделать левитационную мантию - пробормотал я.

- У Доктора Стрэнджа ни за что бы не возникло такой проблемы.

Я почувствовал вспышку вины за то, что зря тратил время на хитрожопость, и задвинул её подальше. Будет ещё время для этого,

когда мой брат окажется в безопасности.

А затем я присел, занял лучшее положение, которое мог, собрал свою волю и упёр правую руку в пол, прорывав: - Forzare!

Грубая кинетическая сила обрушилась на пол подо мной, и согласно Сэру Исааку Ньютону, она же подбросила меня вверх. Я взмыл в воздух, но неверно оценил нужное количество силы. Магия - это больше искусство, чем наука, и мне было значительно труднее достигать точности без использования вспомогательных инструментов. Так что вместо того, чтобы грациозно взлететь до уровня коридора и приземлиться на пол, я типа выбросился из люка только по пояс, а затем начал падать обратно.

Я ухватился за пол коридора и отчаянно уперся коленом в отверстие, чтобы создать себе пару точек упора - но это было едва ли устойчивое положение. Я изо всех сил подтянулся на правой руке, но она была вытянута сильно вперед, а только в плече и верхней части спины было недостаточно мощи. Я напрягся, чтобы поднять брата до пола, но у меня не было рычагов, а мое положение было слишком уж шатким, чтоб применить много силы. Мои мышцы горели, а затем начали медленно поддаваться. Я стиснул зубы, собирая все свои силы, и напрягся, только лишь чтоб выиграть несколько долей дюйма, которые почти сразу же и потерял.

Я уже начал готовиться к контролируемому падению, которое, как я надеялся, защитит моего брата - но затем его вес внезапно исчез с моего плеча.

Лара оттащила Томаса в сторону. Быстро и эффективно. Её голубые глаза ярко блестели, на щеках всё ещё сохранялся румянец. Схватив тяжелую кожаную куртку охранника, она бросила мне один из рукавов. Я поспешил ухватиться.

- Ты копаешься целую вечность, - сказала она, вытаскивая меня из дыры.

- И все же именно ты буквально валяешь дурака на работе, - возразил я.

- Ты об этом? - спросила она, кивнув головой на пост охраны и одарив меня знающей, порочной улыбкой. - Нет. Это было просто кормление. В противном случае это требует гораздо, гораздо большего времени. И, желательно, свечей и шампанского.

Я еле успел убрать ноги с дороги, прежде чем она захлопнула люк - мой люк - и вернула на место засов.

- Как он? - спросила она.

Я поднял свой амулет, чтобы она смогла рассмотреть Томаса лучше.

- Пустая Ночь, - чертыхнулась она. Она склонилась над ним, оттягивая веки назад и проделав тоже с губами. Его дёсны распухли и были покрыты тёмными пятнами.

- Что происходит? - спросил я у неё.

- Он перенёс слишком много травм, не питаясь, - сказала она. - Его Голоду нужна жизненная энергия и он забирает её у него. Голод обернулся против носителя и убивает его.

Вампиры Белой Коллегии ведут странное симбиотическое существование: они рождаются связанными с демоном Голода, что существует в нематериальном тандеме с носителем. Это демон давал им их силу, их скорость, их долгую жизнь, их способность оправляться от ран. Взамен они должны были питаться жизненной силой других, утоляя потребности Голода. Я знал, что мой брат был довольно выдающимся представителем из их породы. Что означало, что его Голод был тоже довольно силен.

И теперь он за это расплачивался.

- Что мы можем сделать?

Она покачала головой в отрицании с закаменевшим лицом.

- Именно так наступает смерть вампира Белой Коллегии. Однажды так умрёт мой отец.

- Жюстина, - сказал я.

Звучание её имени пробило к нему, вызвав реакцию. Томас поднял голову и посмотрел на меня своими зеркальными глазами. Он протянул ко мне слабую руку, но истощение оборвало это движение на полпути.

- Нет, - ответила Лара, не сводя глаз с его лица. - К тому времени, когда Голод обращается на носителя, он становится безумным, неконтролируемым и ненасытным. Даже если мы сможем перенаправить его, это убьет и её, и ребёнка, а Томас умрёт все равно, - мускулы на её челюсти сжались. - Здесь всё ещё сохранилась какая-то частица его. Возможно, я сумею до него достучаться, если мы его вытащим... и если мы поторопимся.

- Точно, - сказал я, закидывая брата опять к себе на плечо.

Лара одобрительно кивнула мне, поднимаясь следом за мной. Двигаясь как можно тише, мы оба направились к шахте подъемника. Мы прошли мимо огромной туши охранника, что растянулась поверх стола. Штаны были снова на нём, но не застегнуты. От него просто разило бурбоном. Я задержался подле него достаточно долго, чтоб убедиться, что его грудь поднималась и опускалась.

- Похмелье у него будет адское, - заметила Лара.

- Ты тоже пила? - спросил я. - И когда только успела? У тебя есть вампирские тусовочные суперспособности, о которых мне не известно?

- Я нашла бутылку в столе после того, как закончила с ним, и вылила её на него, - чопорным голосом произнесла Лара. Как будто она была одета в викторианский костюм школьной учительницы, а не в кучу очень хорошо подогнанного по фигуре совсем ничего. Она подошла к двери подъемника и открыла её.

- Простое объяснение тому, почему он проснётся с головной болью и спутанной памятью, - она склонила голову набок. - А те пауки были к чему? Зачем ты их вызвал?

Я обречённо вздохнул.

- Ну... Так получилось.

Она на полсекунды нахмурилась, а затем в уголках её губ задрожала улыбка, которую она пыталась убрать.

- О, Пустая Ночь. У тебя призывалки? Я слышала, как это бывает неловко, когда дети волшебников цепляют эту болезнь. Разве ты несколько... не староват для такого? Лет так на десяток-другой.

- Я же не планировал это.

- Но было бы мило, если бы предупредил, - отметила Лара. - Это всё, о чём я прошу.

- Я принял лекарство против простуды, - возразил я, защищаясь. Лара выгнула бровь.

- Ты это серьёзно?

- Неужели все знают об этой болезни, кроме меня? - возмутился я недовольно, потирая нос о предплечье, чтобы унять очередной приступ зуда.

С мягким шлепком из отверстия шахты выкатился ком полотенец. Концы были аккуратно связаны вместе.

- Поторопитесь, - прошипел голос Фрейдис из шахты над нами. - Моя иллюзия только рассчитана на быстрый перепихон.

- Помоги мне, - сказал я Ларе и вместе нам удалось обмотать тело Томаса самодельной веревкой.

* * *

Поднимать моего брата через узкую шахту было не лёгкой задачей, пусть даже руки Фрейдис тянули его с неуклонностью тяжелой лебёдки. Он был слишком слаб, чтобы держать голову твёрдо, и получил несколько царапин с ушибами по пути вверх, но мы его дотащили.

После этого мы двигались в темпе. Вытащив несколько влажных салфеток, Фрейдис протёрла кожу Лары на руках и ногах, пока та надевала платье обратно и обувалась. На мне был костюм и не так много открытой кожи, что нуждалась в очистке. Я вытер лицо, шею и руки салфеткой, провел расческой по волосам и оделся, показав свою лучшую скорость.

Все время, пока я одевался, я изо всех сил старался не обращать внимания на образ на боксерском ринге, где мы с Ларой сонно целовались и двигались медленно вместе в посткоитальной истоме. Мое изображение тяжело дышало и издавало самодовольные смешки у ее горла. Волосы ее образа были растрёпаны, а лицо и шея были самого бледного розового оттенка, какой только возможен, и было чертовски легко представить, как это должно ощущаться на губах моего образа.

- Это очень мило, правда - отметила Лара.

- Такие личные детали под конец. Может быть не очень правдоподобно, но все-таки это красиво придумано.

- Мне стоит надраться и написать чёртов роман, - согласилась Фрейдис. Она окинула меня прищуренным взглядом.

- Я придала мужской партии слишком большое значение. Но этот кажется менее никудышным, по сравнению с прочими.

Разглаживая свое платье, Лара бросила на меня взгляд, от которого мне захотелось использовать все тренажеры в спортзале, одновременно колотя себя в грудь, и я отвернулся, чувствуя, как мое лицо горит. Проблема с таким накалом страстей заключалась в том, что он выталкивал наружу множество глубоких, примитивных вещей, которые обычно можно было держать в секрете.

- Можем ли мы сосредоточиться, пожалуйста? - сказал я, с немного грубоватой интонацией.

Внезапно в воздухе что-то щелкнуло, словно мощный разряд статического электричества, и картинка на ринге расплылась в спектре цветов и исчезла, оставив после себя только почерневшую, дымящуюся деревянную дощечку размером с костяшку домино

- Производство Фрейдис, - объявила валькирия.

- Кстати, тут заглянул один из официантов и застал представление. Он явно купился и незаметно ушёл, так что, для всех обеспокоенных участников переговоров, вы, ребята, в абсолютном порядке. О, и да, прошёл уже час.

Я моргнул.

- Гм, что?

- Зелье, - сказала Лара, доставая пробирку из своей крошечной сумочки. Она встряхнула её, и откупорила сморщив нос от мутной, грязной жидкости внутри. Затем закрыв глаза, она сделала быстрый глоток и передала флакон Фрейдис.

Валькирия взглянула на него с подозрением.

- Обычно я не принимаю питье от парней вроде тебя, сейдрмадр. Что, если твоё зелье заставит меня позабыть о том, что я защищаю Лару?

- Все, кто его выпьет, окажутся внутри... серого поля, - сказал я. - Мы будем чётко видны друг для друга. Но для всех остальных будем казаться безынтересным, ненавязчивым фоном, уже опознанным и не заслуживающим внимания.

Фрейдис выглядела еще более скептически.

- И эта штука на самом деле работает?

- Она работает чересчур хорошо, вот в чем проблема, - мрачно ответил я. - Пей.

Она свирепо зыркнула на меня, но всё-таки выпила. Я взял пробирку и, подойдя к Томасу, капнул ему немного в рот. Он давился и дёргался, но проглотил. Последней была моя очередь.

Подробности состава не очень важны, но магические зелья редко имеют вкус чего-либо действительно пригодного в пищу для человека. На вкус это было похоже и имело текстуру несвежего и пористого картона, на котором, возможно, недавно выросла плесень. Я типа с трудом его проглотил, жалея, что план "Миссия невыполнима" не

содержал запас достаточного количества воды, чтобы избавиться от послевкусия.

Это заняло пару ударов моего сердца, а затем мир словно бы сдвинулся, едва уловимо меняясь. Похоже на то, как облака постепенно наползают на солнце. Краски в комнате начали блекнуть, пока мир не остался окрашен во все возможные оттенки серого цвета, утратив все остальные. Я отчетливо видел своего брата, Лару и Фрейдис по-прежнему в полном цвете на монохромном фоне. Воздух стал чуть холоднее и немного более влажным, или, может быть, нам это просто казалось. Психологический резонанс, вызванный зельем, оказывал на выпившего какой-то странный побочный эффект, который однажды я уже испытал когда-то давно.

- Ладно, - сказал я, наклоняясь и забрасывая руку Томаса себе на плечо. Лара взяла его под другую руку и мы вздёрнули его на ноги.

- Двигайтесь спокойно и плавно. Если мы начнем бегать вокруг, вуаль гламура начнёт морщиться по краям и это заставит людей взглянуть на нас ещё раз. Как только они это сделают, мы попали. Так что держитесь спокойно и всё будет в порядке.

Фрейдис с ухмылкой обменялась взглядами с Ларой.

- Детишки, - сказала она.

- Я думаю, он очень мил, - ответила Лара.

Точно. Из нас троих, кто участвовал в разговоре, я был самым юным. По меньшей мере, на пару столетий. Они обе, вероятно, бывали в достаточном количестве передряг, чтобы воспринимать всю мою карьеру как многообещающий дебют новичка. Мне захотелось ответить им что-нибудь остроумное. Когда это случается, нет лучше идеи, чем держать рот на замке.

Так что я просто начал идти, предоставив Ларе меня догонять. Она так и сделала, не прилагая особых усилий, её голубые глаза ярко сияли. Нам приходилось поддерживать примерно девяносто процентов веса Томаса и мы держались так близко друг к другу, как только могли. Фрейдис шла позади нас, тоже держась очень близко. Даже в мире сверхъестественного существуют законы и ограничения. Зелье невнимательности обладало ограниченной мощностью. Чем меньше физического пространства будет покрыто гламуром, тем плотнее и эффективнее он будет. Растяните его на слишком большое

пространство, и нам останется кричать на бегу - не обращайтесь внимания на того человека за занавеской.

Это была невероятно тонкая магия. Такая, что без помощи Боба-черепа, находилась бы далеко за пределами моих возможностей. Она спрятала меня так эффективно, что даже когда я кричал на людей, пытаясь предупредить, что они вот-вот умрут - они не замечали.

Но эти люди не были самыми искусными, могущественными мастерами сверхъестественного мира и его различных искусств. Это было намного, намного более жесткой игрой. И я был готов противопоставить коварство Боба-черепа осторожности и подозрительности некоторых из самых могущественных существ сверхъестественного мира - с полной катастрофой, которая может случиться, если что-то пойдет не так. Мы дошли до дверей, ведущих в большой зал, и я остановился там, переводя дыхание и борясь с ознобом, пытающимся пробежать по моему хребту.

- Ты уверен, - очень тихо спросила Лара, - что присутствующие не смогут увидеть сквозь... маскировку?

- Это лучшее, что у меня есть - сказал я.

- Это совсем не ответ.

- Ага - согласился я, кладя руку на дверь и готовясь открыть её. - Но это лучшее, что у меня есть.

Глава 28

Мой отец, Малькольм, умер, когда я был маленьким. У меня не так много воспоминаний о нем, хотя я понял примерно в возрасте десяти лет, что потеряю даже это, если их не запомню. Поэтому, когда я был мальчишкой, я тихонько лежал по ночам без сна и думал о нем - о его лице, его голосе, о том, что он говорил, и о том, что он делал.

Однажды, по дороге на одно из его выступлений, мы подобрали две парочки автостопщиков и проехали с ними триста миль. Папа накормил их и заменил две пары обуви, хотя самим нам едва хватало на еду. Как-то раз он нашел больного маленького котенка в переулке возле клуба, в котором выступал, где-то в Огайо, и провел следующие три недели, таская его с собой, чтобы выходить его и найти ему постоянное жильё. И он никогда не проходил мимо книжных лавок. Он любил книги.

Он водил меня смотреть Звездные Войны.

Мы с ним.

Но это всегда были мы с ним. Пока он не умер.

Самыми яркими и лучшими воспоминаниями о нем были уроки магии. Не настоящей, не Искусства - папа был иллюзионистом.

* * *

- Все, кто приходит на представление, знают, что я собираюсь их надуть - сказал однажды вечером мой отец. Мы сидели в ночном кафе, когда он произнёс это, обедая по дороге на шоу, которое он давал в Колорадо. Он был худощавым темноволосым мужчиной с серьезным взглядом и лёгкой улыбкой. На нем была джинсовая куртка и бейсболка "Кабс".

- Я знаю, что им это известно. Именно так в эту игру и играют.

- В какую игру? - спросил я у него.

Он достал монету и положил ее на ладонь так, чтобы я мог ее видеть.

- Когда кто-то подозревает что-то, он ищет, на что обратить внимание, - сказал он.

- Иногда лучший способ перехитрить их - это показать то, чего нет. Как только они на этом сосредоточатся, станет понятно, куда они

смотрят.

Раздался громкий треск, и я подпрыгнул. Стул, стоявший возле отца, опрокинулся на пол.

Когда я снова посмотрел на него, его рука по-прежнему была там, но монета пропала.

- Это довольно грубый пример, но он неплохо работает. Когда ты знаешь, куда они смотрят, ты также знаешь, чего они не видят. Тогда у тебя появляется место для воплощения иллюзии. Это называется дезориентацией. Если всё сделать правильно, это будет похоже на волшебство, и все будут довольны

- А что, если ты напортачишь?

Он улыбнулся и потянулся к моему уху. Я поймал его за запястье. Возможно, я и был маленьким, но к тому времени уже знал некоторые его приёмы. Он засунул четвертак в складку кожи на тыльной стороне ладони между большим и указательным пальцами.

Я ухмыльнулся, взял монету и сунул ее в карман. Таков был наш уговор. Если я буду достаточно умен, чтобы разгадать его трюк, монета станет моей наградой, и я смогу использовать ее в любой видеоигре, какую захочу.

- Если я напортачу, то зрители сочтут меня некомпетентным и тупым, и что я думаю, что они достаточно глупы, чтобы быть обманутыми таким простым трюком. - он криво усмехнулся.

- Публика не очень хорошо на такое реагирует.

* * *

Сложная публика, подумал я про себя. Не уверен, пап, что ты когда-нибудь выступал перед толпой, которая могла бы отреагировать с таким же . . . выраженным энтузиазмом, как эта.

Мне пора перестать разговаривать с призраками.

Время для шоу.

Я толкнул дверь за буфетным столом и оглядел комнату. Выглядело достаточно просто. Крестос уже стоял на маленькой сцене для выступлений и все важные шишки наблюдали за ним.

- ... и я очень рад сообщить, что с нами связался Король Фоморов Корб, который скоро прибудет. Государственные дела потребовали его немедленного внимания, но они уже разрешены, и до появления Его Величества осталось несколько минут.

Последовали вежливые аплодисменты, на которые Кристос ответил сияющей улыбкой.

- Недавние события среди сверхъестественных народов, возможно, вызвали большую путаницу и смятение, но они также могут стать возможностью наладить еще более прочные связи между различными нациями. Я надеюсь, что в случае успешного заключения договора наши соседи-фоморы будут работать рука об руку с остальными участниками Соглашений...

После этого стало скучно даже для черно-белого фильма. Несмотря на великолепное выступление Кристоса. Если вся сверхъестественная верхушка находила его таким же приторным, как и я, они здорово это скрывали. Конечно, мой отвлекающий манёвр не был запланирован по времени так, чтобы прервать Кристоса и его речь.

Это было просто счастливое совпадение.

Я достал из внутреннего кармана костюма вторую ампулу, идентичную той, что я раздавил на Рамиресе, и раздавил её той же рукой, что и первую. Я позаботился, чтоб не стереть это пятно на ладони, и зелье в свежей ампуле смешалось с остатками от того, которое мой хлопок оставил на плече у Рамиреса.

Моя рука дрогнула, судорожно сжавшись несколько раз. И я вдруг почувствовал тяжесть, как будто на мою руку набросили большое, слегка влажное пляжное полотенце.

- На меня, - прошептал я. - Поехали.

Растопырив пальцы, словно управляя марионеткой, я начал быстро их двигать, пока мы с Ларой тащили Томаса к выходу, Фрейдис сразу за нами.

Зелье, которое я размазал на плаще у Рамиреса, составляло половину целого варева. То, что сейчас было у меня на руке, было второй половиной. Обе части были магически связаны каплей моей крови - самым мощным средством для магической привязки среди известных. Когда эта связь сформировалась, стало достаточно просто послать импульс энергии от моей руки к плащу бедного Карлоса.

Серая ткань резко взвилась и бешено завертелась, словно на ураганном ветру. Немедленно сбив молодого Стража с ног, плащ поволок его по полу - в дальний конец зала, в противоположную сторону от входной двери.

Люди и не-люди разразились тревожными вскриками. Десятки разных служб безопасности бросились к своим первостепенным объектам охраны. Куча народу оказалась сбита на пол своими собственными вассалами. Я мельком увидел как Молли была взята в кольцо группой Сидхе, и поспешил в другой конец комнаты - и я узнал одного из них, проклятого Красную Шляпу. Кровожадный убийца-Сидхе сменил прежнюю бейсболку на алую кожаную повязку, о происхождении которой мне было жутко подумать.

Мы двигались сквозь этот хаос, пока Карлос боролся с плащом. Ему удалось отстегнуть его и проклятая штука тут же захлопала крыльями, как огромная летучая мышь.

И это сработало. Комната оставалась черно-белой. Паранойя каждого была настолько сосредоточена на потенциальной угрозе, что у них не оставалось достаточной мощности для когнитивных процессов, чтобы быть параноидальными ещё и по отношению к нам.

Зелье было не очень-то сильным (большая часть моих усилий ушла на создание зелья невнимательности, чтоб сделать нас незаметными) и эффект его действия сохранится не долго. Было похоже, что батарейки плаща уже заметно садились - его движения стали менее беспорядочными. На самом деле нам могло не хватить времени, чтобы добраться до двери. Я немного ускорил шаги, насколько осмелился.

И на полдороге к двери две фигуры внезапно вспыхнули цветом и посмотрели прямо на нас.

Я застыл, когда дракон Ферровакс, всё ещё сидевший в своем кресле, испуская дым из ноздрей, уставился прямиком на меня - и одарил меня медленной, зубастой улыбкой.

Ох. Адские колокола.

Если он поднимет тревогу, с нами будет покончено.

Ферровакс сделал вдох, готовясь привлечь к нам внимание.

И поверх шума комнаты я услышал три резких, быстрых удара деревом по камню.

Я резко повернул голову в противоположную сторону и увидел, что Ваддерунг, тоже цветной, всё ещё сидит в своём кресле, всё ещё лицом к лицу с Ферриваксом. Чёрная повязка у него на глазу придавала ему особенно зловещий вид. В правой руке он держал элегантную трость из серебристого дерева. Непонятная игра света отбрасывала от

трости тень в три раза длиннее, чем было положено, на заднюю стену. Ваддерунг, не мигая, уставился на Ферровакса. Едва заметная улыбка тронула уголок его рта.

Срань господня. В последний раз когда дракон был убит в материальном мире смертных, это было в районе под названием Тунгуска. Если бы Ферровакс решил бросить вызов на бой в центре Чикаго - огромного и многолюдного города - списки погибших стали бы самой катастрофической, самой концентрированной потерей человеческих жизней в истории.

И, отчасти, виноват буду я.

У меня сердце зашло. Я опять посмотрел на замаскированного дракона округлившимися глазами.

Ферровакс даже не взглянул на меня. По его меркам, я, вероятно, не заслуживал внимания. Моей единственной заметной чертой, насколько он мог судить, была моя способность выделяться при разговоре с драконами. С минуту он смотрел на Ваддерунга прищуренным взглядом. Затем его полуоткрытый рот превратился в ухмылку и его губы сомкнулись. Он выдохнул воздух, который набрал, чтобы выдать меня, через нос, вместе с двумя тяжелыми струями едкого дыма.

Я снова посмотрел на Ваддерунга. Он не сводил глаз с дракона. И просто дернул коленом в сторону выхода.

Я кивнул ему коротко, по-волчьи оскалившись, и мы двинулись дальше.

Мы выбрались из большого зала в коридор за ним как раз в тот момент, когда энергия, оживлявшая плащ Рамиреса, начала иссякать. Из фойе появился Чайлдс со своей собакой, и поспешил в нашу сторону, но они оба остались монохромными, когда проходили мимо нас.

Я ускорил шаг ещё. Мы спешили к выходу и я молил Бога, чтобы Мерфи не забыла выпить свою порцию отвлекающего зелья.

У нее всё получилось. Под это дело она взяла напрокат машину, а люди Лары снабдили ее фальшивыми номерами. Зажглись фары шикарного седана, и она плавно выехала на улицу, остановившись поблизости.

Мы поспешили к машине. Мерфи высунулась из окна, и по её глазам стало заметно, что её отпустило, когда она увидела меня.

- Как все прошло?

Я подмигнул ей.

- Думаю, нам сойдет это с рук, если мы достаточно быстро сбежим - сказал я.

Лара первой села на заднее сиденье, и я пропихнул Томаса за ней. Вдвоем мы смогли его усадить. Фрейдис забралась за ним следом, а я направился в обход к пассажирской двери.

Только я приоткрыл ее, как с другой стороны к нам ревя двигателем подъехал грузовик-длинномер и я с ужасом осознал — настоящая проблема зелья невнимательности заключается в том, что оно отвлекает чертовски сильно. Вполне возможно, что водитель грузовика на самом деле не заметил ни нас, ни нашу машину. Магия зелья, похоже, повлияла на его подсознание, сказав ему, что мы - что-то вроде большой картонной коробки, мечтающей, чтобы ее переехали.

Но в последнюю минуту грузовик вильнул, заехав парой колес на тротуар, и с визгом затормозил перед зданием Общества Светлого Будущего.

Наружняя прислуга и персонал стояли вокруг, озадаченные таким поворотом событий, кроме одного охранника, который схватившись за свое оружие и нащупав рацию, кричал в нее что-то испуганным, срывающимся голосом.

Он успел сказать пару слов, прежде чем двери грузовика распахнулись, и что-то, похожее по звуку на ломающийся пневматический механизм, разорвало его туловище в клочья и послало алый веер крови на стену позади него. То, что упало на землю, не было больше человеком.

Из кузова грузовика вывалился десяток мужчин в черной тактической форме, держа в руках полуавтоматические карабины с глушителями. Они открыли огонь, звук напоминал размазанные щелчки, шипение и шлепки.

На всё им понадобилось не более трёх секунд. Никто из персонала и встречающих не выжил. Те, кто упав ещё шевелились, получили по пуле в голову.

- Срань господня - выдохнула Мерфи. И в её руке появился пистолет.

- Не шевелитесь - предупредил я.

- Не стреляйте. Лара?

Голос вампириши был напряжен. - Это не мои.

- Чисто! - гаркнул один из солдат, и я вспыхнул от гнева, узнав его. Его звали Слухач. Он был среднего роста, безобидно сложен, голова гладка, как бильярдный шар, и он руководил тактической частью усилий фоморов здесь, в Чикаго - что было вежливым способом сказать, что он и его водолазки потратили годы, похищая людей со слабыми магическими способностями и утаскивая их Бог знает зачем, для своих хозяев. А ещё он убивал или убегал от всех, кто пытался помешать его задачам.

Терпеть не могу, когда у плохих парней хорошая поддержка.

Слухач быстро вернулся к грузовику, склонил голову и сказал: - Ваше величество, ваш приказ выполнен.

- Великолепно - прохрипел тяжелый, булькающий голос. Послышались шаги, и из грузовика вышло какое-то существо. Оно было почти восьми футов в высоту и больше всего напоминало громадную жабу, имеющую отличного портного. Он носил шелковые одежды, которые чем-то напоминали кимоно эпохи Эдо, но с плавными, слегка изогнутыми линиями. Причудливый рисунок и тревожные образы вышивки на ткани цвета морской волны, бывшие на каждом слое одежды, вызвали у меня лёгкую тошноту.

Парень в мантии был далеко не красавцем. Его лицо было слишком крупным и бугристым, чтобы быть человеческим. Его рот был так широк, что он мог бы сунуть туда банан поперёк, а губы походили на тянучие, чёрные, подгнившие плоды того же сорта. Кожа у него была рябой, бородавчатой и болезненно-сине-зеленой там, где не была призрачно бледной, а глаза - огромными, водянистыми, выпуклыми и беспокойными. У него были волосы, похожие на высохшие черные водоросли, которые неровными прядями ниспадали на голову и плечи. Он двигался с какой-то неистовой, судорожной энергией, и я инстинктивно оценивал его, как кого-то опасного и не особо здравомыслящего

Король фоморов Корб, предположил я.

Фоморский монарх некоторое время смотрел на трупы, потом поднял глаза на Слухача

- Ведите нас внутрь, капитан.

Слухач вытянулся по стойке смирно и начал отдавать отрывистые команды своим "людям". Водолазки были технически людьми, но

фоморы повозились с ними, лепя их тела по своему разумению. Члены этой бригады будут быстрее, выносливее и сильнее любой нормальной группы смертных, и их будет чертовски трудно убить, примерно как вурдалаков. Они среагировали мгновенно, выстроившись по обе стороны дверного проема.

Корб сошел с грузовика, развернулся на каблуках и с удивительной выдержкой и грацией опустился на одно колено у основания пандуса, склонив голову.

Я почувствовал, как мои брови поднимаются.

На пандусе снова слышались шаги, на этот раз ещё более тяжелые. В основном гуманоидная, довольно женственная фигура в тяжелом плаще с капюшоном из какой-то странной металлической ткани неспешно спускалась по трапу. Кем бы она ни была, она была выше Корба, и ей пришлось осторожно выбираться из грузовика. Были видны ее босые ноги, идеальных пропорций, просто огромные.

Они выглядели так, как будто она давным-давно покрыла их бронзой, потом бронза позеленела, а затем её слегка отполировали. Комки и узлы на ее коже, как у расплавленного воска, изгибались и двигались, как живые. Эта бронзовая экзоплоть мерцала погружёнными в неё металлическими и разноцветными кристаллами. .

Она протянула руку, коснулась плеча Корба и скользнула мимо него, демонстрируя все ту же металлическую плоть. Она была грациозна, несмотря на свой рост, ее шаги были широкими и целеустремленными. Корб пристроился рядом с ней, отстав на шаг. Не глядя на него, она протянула ему руку. Корб полез в свою мантию и вытащил оттуда длинную цепь футов десяти длиной. Один конец был прикреплен к металлической ленте у основания его шеи, почти полностью скрытой одеждой. Он протянул другой конец женщине-титану.

Она приняла его, не замедлив хода, и зашагала в замок, воины шли позади своих предводителей, держа оружие наготове.

- Звезды и камни - выдохнул я.

Это было нападение.

Так начинаются войны.

У меня появилось отвратительное, тошнотворное предчувствие, которое просочилось настолько глубоко, что и у моих пальцев ног появились плохие ощущения насчёт этого.

- Гарри - прошипела Мёрфи.

- Залазь.

- Не могу - решился я.

- Я должен посмотреть, что здесь происходит.

Я наклонился, чтобы посмотреть на Мёрфи. - Отвези их на остров

- Зачем? - потребовала Мёрфи. - Без тебя это бессмысленно.

- Я вас догоню, - пообещал я. - Честное слово.

Глаза Мерфи округлились. - Ты боишься?

- Мне нужно, чтобы ты доверилась мне - сказал я. - Сейчас не время.

Мёрф явно хотела возразить, но вместо этого нахмурилась и убрала пистолет.

- Проклятье!

- Дрезден, это не входило в наш план - предупредила Лара.

- Нет - сказал я - Не входило. Идите, я встречу с вами, как только пойму, что происходит.

- Если тебя поймают ...

- Я всё ещё под зельем - сказал я. - Вхожу и выхожу, Мисс Ло. Прямо как ветер.

Лара перевела с меня на брата растерянный взгляд. Минутная нерешительность дорого ей обошлась. Мёрфи воткнула передачу и плавно помчалась на восток, прочь от замка.

Я остался один в непосредственной близости от множества до абсурда могущественных сверхъестественных существ и небольшой кучки тел, которые, казалось обещали, что это только начало ночи.

Всё выглядело так, что дело идет очень, очень плохо.

Я сглотнул и отправился на мирные переговоры, вслед за кровожадным королем фоморов и той силой, которая, по всей видимости, стояла за его тронном.

Глава 29

Король Корб и компания вошли в большой зал с таким видом, словно это место им принадлежало.

Они появились посреди хаоса, оставленного моим предыдущим уходом. В переполненном зале стоял напряжённый гул голосов и каждая нация, по-видимому, рефлексивно отступила на первоначально отведенную для них территорию.

Я огляделся и направился к той части зала, где находились Рамирес со Стражами - впереди старших членов Совета. Это также позволило мне оказаться на расстоянии нескольких длинных шагов от трона в дальнем торце зала, где в настоящее время были Мэб с Молли, Красная Шляпа и четверо других Сидхе.

Корб и его свита, казалось, наслаждались тем, как постепенно зал наполняла неловкая тишина. Затем он вышел вперёд, звякая цепью, и небрежно подбросил в воздух какой-то предмет.

Что-то увесистое, размером с кулак, подпрыгнуло от удара о пол и покатилося.

Оно остановилось у подножия помоста, где высился трон.

Это была очень маленькая отрубленная голова. Прошло уже много времени с тех пор, как её отрубили, и кожа на ней туго сморщилась, кое-где распадаясь на лоскуты.

Я узнал черты на лице.

Это был Гвинн ап Нудд, Король Тилвит-Тег, одной из самых больших провинций Феерии. В прошлом я как-то вёл дело против него, и он до сих пор время от времени присылал мне билеты на игры "Кабс". Именно он наложил знаменитое Проклятие Козла Билли на стадион. И он был участником Неблагих Соглашений.

Вздых потрясения пронёсся по комнате.

Мэб смотрела вниз на отрубленную голову целых три секунды. Тишина растянулась в бесконечный хрустальный момент.

Когда Королева Воздуха и Тьмы подняла непроницаемо-черные глаза на короля Корба, температура в комнате резко упала. Кристаллы изморози начали формироваться на каждой металлической

поверхности и тьма завихрилась, распространяясь по серебристо-белым волосам Мэб и по её платью.

Её шепот был слышен каждому в зале.

- Я жду объяснений.

Фомор чванливо выдвинулся на шаг.

- Это дар мира, - сказал он. Его бархатистый, абсолютно искренний тон не сочетался с улыбкой на его лягушачьем лице. Его выпученные глаза были холодны и насмешливы, а ухмылка - абсолютно злорадной.

- Для старухи, уже исчерпавшей свой век.

Корб махнул рукой и его люди начали действовать. Десяток стволов с глушителями издали лязг и щелчки, и все сервировщики и официанты в зале повалились замертво.

Марконе поднялся со своего места. Хендрикс с силой опустил свою ладонь ему на плечо, а Мисс Гард заняла позицию перед ними - спиной к Марконе, положив на топор руку. Приглушенный крик шока и ужаса вырвался у гостей.

Потому что они были гостями.

Мэб медленно поднялась, и пока она вставала, её волосы, глаза и вороньи когти стали черными, как смоль, а кожа блее коня Смерти.

- Ты посмел. ДА КАК ТЫ ПОСМЕЛ! ТЫ - ГОСТЬ В ЭТОМ ДОМЕ!

- Читай свои собственные законы, женщина, - выплюнул Корб. - Эти наемники не были членами дома, не были вассалами или лакеями. Они - движимое имущество в лучшем случае. - Корб повернулся к Марконе и презрительным жестом руки отправил в полет бархатный мешочек. Он приземлился перед Гард с безошибочным металлическим звоном.

- Твой вергильд, человечиска.

В комнате стало еще холоднее. Облачка взволнованного, учащенного дыхания начали появляться перед напряженными лицами.

- Старуха, - насмешничал Корб. - Я помню тебя плаксивым отродьем. Помню твое прыщавое лицо, когда ты ехала в свите Завоевателя. Помню, как ты рыдала, когда Мерлин изгнал тебя.

Лицо Мэб...

... исказила неприкрытая, уродливая, абсолютная ярость. Её тело стало таким жёстким, таким неподвижным, какое не могло бы

принадлежать ни одному живому созданию.

- Скажи мне, - промурлыкал Корб. - Если бы он всё ещё был среди живых, как ты думаешь, он бы любил тебя? Он бы гордился той, кем ты стала?

Мэб не столько спустилась с помоста, сколько сама реальность, казалось, сделала вежливый шаг в сторону с её пути. Только что она была здесь, а в следующее мгновение за ней по идеальной прямой тянулся след падающего снега и покрытого инеем пола, и Мэб оказалась на расстоянии вытянутой руки от Корба.

- Твои слизкие губы недостойны произносить его имя, - прошипела она.

- А, вот она где, - произнёс Корб одобрительным тоном. - Я знал, что ты должна быть где-то внутри этого льда. Потрясай своей силой, сколько захочешь, старуха. Ты знаешь, кто ты, как и я. Ты - никто.

Лицо Мэб исказилось в настолько человеческой ярости, что это напугало меня сильнее, чем всё, что я видел за долгое время. Её губы растянулись в оскале, и она начала говорить, но тут её черные глаза расширились. Её взгляд переместился, проследив вверх по цепочке к бронзово-хрустальному кулаку женщины, которая держала её.

Корб откинул назад голову и издал радостное кудахчущее хихиканье.

Фигура в плаще двигалась так же быстро, как Мэб. Только что она находилась в десяти футах позади Корба. В следующее мгновение раздался звук, похожий на раскат грома.

Было практически невозможно уследить за происходящим. Я предположил, что фигура в плаще сделала пинок ногой. По моим ощущениям, Мэб окружала защита из чистой энергии, превосходящая всё, с чем я мог бы справиться. И что удар прошел сквозь эту защиту, как будто её не существовало. За громовым ударом почти-что мгновенно последовал ещё один звук - грохот разбитого камня.

Я повернул голову, чувствуя, что моё тело будто бы было погружено в желатин, и увидел, как то, что осталось от трона разлетается облаком пыли. В каменной стене сразу за ним была рваная дыра размером где-то с пол-гроба.

А Королевы Воздуха и Тьмы нигде не было видно.

Потрясённая тишина опустилась на комнату.

Фигура в плаще подняла руки в очень медленном, умышленно драматическом жесте и медленно откинула свой капюшон.

Женщина под капюшоном состояла из бронзы и хрусталя, и была прекрасна сверх всякой меры. Её волосы, длинные и гладкие, как будто она только что вышла из воды, были похожи на шелк, сотканный из серебра.

Её глаза - вот, что беспокоило меня больше всего. Вернее, один из её глаз. Один её глаз был кристально-изумрудного цвета.

Другой же...

На этом прекрасном бронзовом лице увечье её второго глаза выделялось, как виселица в общественном парке. Надбровная дуга и скула вокруг глазницы были покрыты белыми, похожими на гранит шрамами, как будто его пыталась выцарапать самая большая и уродливая кошка, которую только можно представить. Глаз не ввалился, хотя веко было закрыто. И этот искорёженный глаз был слегка выпучен, как будто предназначался для существа значительно крупнее её.

Вокруг неё пульсирующе гудела энергия, не похожая ни на что, что я когда-либо ощущал. Сила настолько древняя и ужасная, что мир позабыл о ней. Эта сила требовала моего уважения, моего повиновения, моего обожания, моего малодушного ужаса, и внезапно я понял, что происходит.

Я находился в присутствии богини.

Я едва был способен дышать.

Я не смог бы пошевелиться, даже если бы захотел.

По комнате пронёсся стон, и я с беспокойством вдруг осознал, что один из стонущих голосов был моим.

Какая-то часть меня отметила, что Ваддерунг и Ферровакс поднялись со своих мест, сжав кулаки, и больше не смотрят в направлении друг на друга. Они оба пристально смотрели на женщину.

Богиня обвела зрячим глазом по комнате, переводя его с одного лица на другое. Одарила зимнюю Леди взглядом, наполненным чистым презрением, и с точно таким выражением обратилась к остальным участникам Соглашений.

Её голос...

О, Господи.

Её голос был словно секс, шоколад, горячий суп и ванна в холодную дождливую ночь. Этот голос обещал многое и вы вдруг понимали, что слушаете его с абсолютным вниманием. Он заполнил собою всю комнату, как будто она говорила через громкую связь, хотя это было не так.

- Дети, дети, дети, - бормотала она, качая головой с неодобрением. - Мир перешёл в руки детей. - Её взгляд достиг Ферровакса и остановился на нём. На одной из её щек дёрнулся мускул. Она перевела взгляд с дракона на Ваддерунга, и когда увидела его, её зубы сверкнули белизной и совершенством.

- Одноглазый. Ты по-прежнему участвуешь в этой Игре? Всё ещё настолько высокомерен? Посмотри, как низко ты пал. Якшаешься с насекомыми, как будто ты сам только лишь смертный.

Никто не пошевелился.

Никто не заговорил.

И тут прозвучали шаги по камню полов.

Джентльмен Джон Марконе вышел из-за неподвижной Гард, безупречный в своём костюме. Он не выглядел испуганным, хотя должен был быть. Он просто шагнул вперед, в сторону от своих охранников, и произнёс:

- Добрый вечер, мадам. Я - барон Джон Марконе. Это мой дом. Позвольте осведомиться, как вы желаете, чтобы к вам обращались?

Глаза богини сощурились, наблюдая за Марконе с тем отвращением, которое обычно приберегают для копошения кучи личинок. Она покачала головой, исключая Марконе из сферы внимания, и снова уставилась на Ваддерунга.

- Это твой хозяин? - потребовала ответа она. - Ты позволяешь смертному находиться среди вас? Где твоё достоинство? Где твоя гордость? - Она покачала головой.

- Этот мир сбил с пути. Мы подвели его. И я больше не стану в страхе прятаться в море и смотреть, как смертные превращают его в свой грязный улей.

Богиня вышла вперед, глядя сверху вниз на Марконе. Обошла его кругом, осуждающе покачивая головой. По-прежнему никто не шевелился. Она не глядя указала пальцем на Ферровакса и приказала:

- Представь меня этому недолговечному.

На несколько секунд воцарилась полная тишина. А затем Ферровакс заговорил прерывистым голосом, который звучал словно его силой тащили сквозь его зубы.

- Это Этниу. Дочь Балора. Последний Титан.

Этниу опустила свой указующий перст. Ферровакс задохнулся, отшатываясь и хватаясь рукой за спинку своего кресла, чтобы удержать равновесие. Его дыхание было тяжёлым.

- Этот мир потерпел крах, - продолжала она, обращаясь теперь уже ко всему залу. - Вы мнили себя мудрыми, объединившись. Ведя тихую жизнь. Поддерживая, - её губы изогнулись в усмешке, - цивилизованные отношения. Со смертными, которые дрожали при звуке наших шагов.

Лично я чертовски сильно дрожал в тот самый момент. И всё ещё был не способен пошевелиться по собственной воле.

- Я слишком долго бездействовала, - говорила Этниу, медленно расхаживая по комнате. - Я наблюдала, как одно священное место за другим попадало под влияние смертных. Лес за лесом. Море за морем. Они осмеливаются ходить там, где им никогда не суждено было быть. И когда они это делают, божественное отступает, увядает, умирает. - Она сделала паузу и её изумрудный взгляд упал на меня, как грузовик гружённый свинцом, оценил и счёл меня недостойным за время равное половине удара сердца. - Они становятся всё более многочисленными, всё более мелочными, всё более злобными, оскверняя наш мир - мир, который мы помогли создавать, своей грязью, своим шумом, своими зданиями и своими машинами.

Она остановилась рядом с королем Корбом и почти с нежностью положила руку ему на плечо.

- Это закончится. Сегодняшней ночью.

Она повернулась и отправилась в сторону Ваддерунга. Опустившись на одно колено, чтоб их глаза оказались на одном уровне, она произнесла:

- Я помню, кем ты был. Из уважения к этому, я могу предположить, что ты мог видеть некую искупительную ценность в этих... - она махнула рукой в сторону комнаты, - детях. И из-за этого уважения я предлагаю тебе то, чего мне никогда не давали: выбор.

Она оглядела комнату.

- Я предлагаю его всем присутствующим здесь потомкам богов. Сегодня ночью, в час колдовства, мы, те, кого вы считали павшими, побежденными, изгнанными и униженными, возвращаем себе власть над миром смертных - начиная с этого зловонного улья вокруг. - Она медленно улыбнулась. - Наконец-то.

Ваддерунг заговорил. Казалось кто-то приклеил его язык к задней части зубов.

- Этниу. Не делай этого.

Какое-то мгновение она смотрела на него почти с жалостью.

- Я помню, что некогда ты был велик, - тихо сказала она. - Ради того бывшего величия, я предлагаю тебе единственный шанс: не вмешивайся. Моя вражда - только со смертными. Отойди в сторону, в конфликте не будет нужды. - Она указала на дыру в стене за тронем Мэб. - Это существо не может защитить тебя. Не может силой утвердить свою справедливость. Каждый из потомков богов здесь должен выбрать: покинуть мир смертных или сгореть вместе с ним.

Её закрытый глаз задрожал, и внезапно за изуродованным веком возник красный свет, пульсирующий сквозь тонкую кожу. Она запрокинула голову, сделала глубокий вдох и открыла свой глаз - Тот Глаз - и закричала.

Крик сам по себе грозил оглушить меня своей громкостью, но его воздействие причиняло гораздо большую боль, чем просто физическая. Я чувствовал, как он давит на своды моего разума. Эмоции, что наполняли его, настолько неистовые и концентрированные, угрожали разорвать в клочки мой рассудок, если я впущу хотя бы часть из них в свою голову.

Свет вырвался из Этниу, яростно хлеща по потолку. Там, где он касался свисающих полотнищ ткани, они сгнивали и отслаивались, тлели по краям и вспыхивали огнём. Когда он коснулся камней потолка, здание чудовищно сотряслось и тёмно-серые камни внезапно вспыхнули холодным голубым сиянием, исходящим от ранее невидимых рун и сигил, начертанных на каждой поверхности. Когда магическая защита замка столкнулась с силой богини, я почувствовал как нарастает давление. У меня, наверняка, заложило бы уши, если бы оно было физическим.

Защита замка не выдержала.

Камень рассыпался в пыль и энергия пробилась сквозь потолок, сквозь верхние этажи и через крышу в летнюю ночь. Чистая магическая энергия хлынула вместе с этим потоком, через комнату, в ночь, волной такой ширины и такой силы, что пять минут назад я счел бы это немыслимым.

Оглядываясь назад, я понимал, что именно в этот момент все стало меняться.

В воздухе бушевала магия. Она завывала по улицам и переулкам Чикаго. Она грохотала по туннелям и дорогам, словно цунами необузданной силы.

И где бы она ни прошла, мир смертных погружался во тьму.

Взрывались электростанции. Электронные устройства завывали и сыпали искрами. Экраны воспроизводили дьявольские образы и визжали демоническими голосами перед тем как погаснуть. Машины останавливались, системы отказывали, поезда теряли энергию и замедляли движение. Позже стало известно, что в тот момент произошло около полутора тысяч автомобильных аварий, что привело к десяткам смертей.

Чикаго погрузился в кромешную тьму.

Некоторое время спустя я обнаружил, что стою на коленях, тяжело дыша и издавая невнятные звуки от боли. Похожие звуки издавали и все остальные. Освещение в большом зале не изменилось, в первую очередь из-за того, что главным источником света было пламя камина.

Король Корб и последний Титан исчезли.

Я понял, что таращусь на Ваддерунга. Он тяжело рухнул на своё кресло с ошеломленным лицом.

Глава 30

Спустя добрую четверть минуты ошеломленного молчания, джентльмен Джон Марконе поднялся на ноги, оглядел разрушения и беспорядок в зале и задумчиво произнес:

- Похоже, мы знаем мнение фоморов по поводу перемирия.

Следующим встал Эбенизер. Он оглядел комнату и сказал

- Раненые есть?

- Похоже, есть мертвые, - сказал Марконе. Он направился к высокому креслу и подал Молли руку. Она сердито посмотрела на него, но взялась за руку и поднялась, вежливо кивнув. Он произнёс тихим, напряженным голосом, который не мог быть услышан большинством присутствующих.

- Оцените состояние Мэб, пожалуйста, Зимняя Леди.

Молли на секунду задержала на нём взгляд. Затем она подошла к дыре в каменной стене за высоким сиденьем. - А что там, по ту сторону стены? - спросила она, пристально глядя на него.

- Хранилище - сказал Марконе.

- С другой стороны - сказала Молли и исчезла в дыре

Этри и его сестра одновременно встали. Голоса сливались в неразборчивый смятенный и тревожный гомон. Все начали приходить в себя и никто не выглядел так, будто он рад случившемуся.

Мой дед огляделся вокруг, ища глазами что-то. Он наклонился к Рамиресу и что-то пробурчал. Страж кивнул и тихо сказал что-то остальным охранникам.

Картер ЛаШез и его вурдалаки встали и направились к выходу.

- ЛаШез - окликнул Марконе намеренно громко, чтобы быть услышанным всеми.

Вурдалак оглянулся на Марконе через плечо.

- Куда вы собрались, сэр? - Спросил Марконе.

ЛаШез указал пальцем на дыру в задней стене. Его голос звучал как плотный, наваристый луизианский суп с капелькой виски.

- Вы слышали это чудовище. И видели, что она сделала.

- Да - сказал Марконе скучающим тоном.

- Также я уверен, что видел вашу подпись внизу Соглашений Неблагих.

- И?

Голос Марконе звучал мягко.

- В них оговаривается совместная защита от нации-агрессора

- Мэб была гарантом Соглашений, - выплюнул ЛаШез.

- Ты посмотри, что Титан сделала с ней.

- Я так и поступлю - ответил Марконе.

- Если она может такое сделать с Мэб, какие у нас тогда шансы? - Спросил ЛаШез. Он оглядел остальную часть комнаты.

- Все мы подписались, потому что боимся Мэб. Кто-нибудь из вас думает, что вы можете противостоять Корбу и Этниу, если даже Мэб прихлопнули, как муху? Пусть этот смертный откажется от своей короткой жизни, если таково его желание. Остальные наши, вели дела задолго до этих недавних соглашений и мы можем снова делать это с полным комфортом.

ЛаШез повернулся, чтобы увести свою массивную тушу вслед за полудюжиной вурдалаков.

- Вы трус, сэр? - спросил Марконе убийственно тихим голосом.

Вурдалак повернулся, легкий и быстрый при всей своей массе, и по комнате разнеслось низкое рычание.

- Вопрос, сэр - сказал Марконе.

- Не утверждение.

- Будь осторожен, смертный - сказал Лашез.

- Я бы с удовольствием накрутил колбас из твоих кишок.

- Я спрашиваю вас - сказал Марконе

- Потому что ваши следующие действия покажут всем здесь, кто вы, ЛаШез.

ЛаШез задрожал, его лицо исказилось от ярости. Фактически, он начал превращаться из человеческой формы во что-то более звериное. Раздалось неприятное потрескивание, когда его плечи округлились и сгорбились, а спина изогнулась подходяще для громоздкой формы вурдалака.

- Голос Марконе сорвался.

- Вы - гость, сэр. В моем доме.

Глаза ЛаШеза уже стали отвратительно гадючьими. Он переместил вес, чтобы сделать шаг к Марконе, но слова последнего

удержали его на месте так же жёстко, как стальные оковы. Он оглядел зал и увидел, что всё руководство подписавших Соглашения пристально смотрит на него.

- Барон Марконе прав - сказал Этри.

- Вы подписали Соглашения, как и все мы. Вы обязаны встать на защиту Мэб. Также как и все мы.

Челюсть ЛаШеза слегка раздвинулась, и это сделало его голос рычащим и булькающим.

- Твои ребята истекают кровью, подравшись с простым убийцей из Белой Коллегии - прошипел вурдалак.

- Как же ты думаешь бросить вызов Титану, Этри?

- Не в одиночку - спокойно сказал Этри. Он повернулся к Марконе и твердо кивнул.

- Свартальвхейм не берет на себя только легкие обязательства. Мы встанем на защиту этого города.

Марконе кивнул в ответ.

- Глупцы - сказал ЛаШез.

- Это безнадежно. У врага была полная свобода действий чтобы подготовиться. У нас же есть всего несколько часов, чтобы собрать наши силы, это если допустить, что атака еще не началась. Ты думаешь, Корб будет сражаться честно?

- Очевидно, нет, - сказал Марконе.

- Что заставляет меня думать, что он не непобедим — иначе он просто атаковал бы, без всего этого . . . представления. Это попытка разрушить Соглашения без единого выстрела - разделить нас, сделать так, чтобы нас легко было взять по одному.

- А как же Титан? - потребовал ответа ЛаШез. - Вы видели, во что она была одета?

- Титаническая бронза - промолвил Этри - сплав, который не под силу даже моим людям. Только Сторукие знали его секрет. Он посмотрел на Марконе и пояснил:

- Простой физической силой её остановить нельзя. Только у самых могучих сил есть шанс сделать больше, чем просто разозлить её.

- Эту проблему нужно преодолеть - сказал Марконе и посмотрел на Кристоса.

- Возможно, у наших умных друзей из Белого Совета есть решение.

Кристос посмотрел на Эбенизера. Они обменялись взглядами с Мартой Либерти и Слушающим Ветер, и старейшины склонили головы вместе для короткого совещания. Слушающий Ветер оторвался от него и кивнул Марконе.

- Возможно, да. И в любом случае, мы встанем рядом с вами и призовем отряд Стражей на защиту города.

- Возможно, они смогут что-нибудь сделать, - усмехнулся Лашез. Он оглядел остальную часть комнаты. - Что значат этот город, эти смертные для любого из вас? Я утверждаю, лучше позволить Фоморам истощить свои силы на смертных.

- Идиот, - рявкнул Ферровакс. Из его ноздрей вырвался столб густого вулканического дыма. - Ты знаешь смертных не хуже меня. Стоит их разбудить, напугать их, и, считай - ты разозлил их. Они будут набрасываться на любую сверхъестественную угрозу, какую только смогут найти. И позволь тебе напомнить, ЛаШез, - тебе недоступна роскошь безопасной жизни под океаном, который они едва ли начали изучать.

- Змей прав, - сказал Ваддерунг.

Они обменялись с Ферроваксом кивками. - Мы должны остановить Этнию здесь и сейчас. Если позволить ей разорить город такого размера, сдержать ярость смертных в дальнейшем уже не выйдет. Они слепы и глупы, но их много и они полны отваги, которую даёт им невежество. Никому из нас не удастся вести дела после такого. А Корб и Этнию будут просто сидеть в своём подводном дворце и смеяться, глядя на то, как мы пытаемся выжить.

- Не вижу, чем всеобщая гибель в идиотском сражении, считается улучшением нашего положения, - едко заметил ЛаШез. - Если Этнию может так поступить с Мэб, что любой из нас может ей противопоставить? Какое оружие у нас есть против неё?

Марконе уставился на Лашеза так, словно тот был простофилей.

- Мужество, сэр, - сказал криминальный барон Чикаго. - Навыки. И силу воли. - Он повернулся к Ваддерунгу, сказав:

- Я желаю нанять всех доступных Эйнхериев на одну ночь.

- Я могу собрать здесь пять сотен в ближайшие несколько часов, - сказал Ваддерунг.

Марконе кивнул.

- Этри?

Король Свартальвов сложил пальцы домиком.

- Мой народ скорее ремесленники, чем воины. Мы будем сражаться, но наша помощь в создании обороны и в обеспечении необходимого оборудования окажет гораздо большую пользу. Барон, наши арсеналы открыты для вас.

Марконе кивнул и посмотрел на Ферровакса.

- Сэр?

- Мой вклад в оборону должен быть не очевидным, - сказал Ферровакс. - Поступить иначе означало бы риск вызвать в городе большие разрушения, чем я мог бы предотвратить. - Он глубокомысленно кивнул. - С согласия и содействия Этри, я закрою для них подземный мир, не позволю им двигаться ни сквозь землю, ни под землей. Одноглазый?

Ваддерунг медленно кивнул, очевидно, проследив ход мыслей Ферровакса.

- Я закрою для них все Пути внутри самого города. Учитывая, кто они, это оставит им только один жизнеспособный путь для подхода.

- Воду? - уточнил Марконе.

- Точно так - сказал Ваддерунг.

- Они гораздо сильнее под водой. Им по силам прорвать оборону под озером.

- Тогда мы сможем сосредоточить наши основные силы против нападения с озера, - сказал Марконе. - Я направлю туда все силы моей собственной организации.

Послышалось вежливое покашливание. Или то, что было бы вежливым покашливанием, если бы его издавал человек. Учитывая, что он исходил из груди Реки в Плечах, это больше походило на выстрел из маленькой пушки. Сасквоч поправил свой галстук-бабочку, немного вышел вперед и сдвинул повыше очки в проволочной оправе на широком носу.

- Мой народ, - пророкотал он, - не подписывал Соглашения. Пока ещё нет. Но, если я все правильно понял, то происходящее здесь может принести вред и моему народу. Я буду сражаться рядом с вами.

- Ха, - воскликнул Слушающий Ветер. Его истертые зубы обнажились в широкой улыбке. - Будет здорово снова работать с

тобою, Река.

Река в Плечах посмотрел в сторону Слушающего Ветер и подмигнул. Я был под впечатлением. Река был не из тех, кто принимает решения наспех. И на моей памяти, мне не приходилось сталкиваться с чем-то более опасным, чем один из Лесных Людей, когда они всерьёз брались за дело.

- Что на счёт Белой Коллегии? - спросил Эбинизер. - Где Мисс Рейт?

На этих словах, послышался недоумённый шёпот, а затем все взгляды устремились к местам, отведённым для Белой Коллегии, где для ведения переговоров оставался один Райли.

- У мисс Рейт появились важные государственные дела, - сказал он размеренно.

- Мне потребуется её подтверждение, прежде чем вступить в бой, но я уже послал гонца с приказом привести её гарнизон в боевую готовность, а это сотня стволов, плюс те, кто проживает в замке.

- Коммуникации и транспортировка, - сказал Марконе. - Если проклятие Этниу похоже на те, что я видел у других, и так же эффективно уничтожает технологии, нас ждут трудности по обеспечению связи со всеми и сбору всех в нужном месте.

Послышалось покашливание из дальнего конца зала, где всё это время тихо сидела Летняя Леди. Её окружала охрана, включая Летнего Рыцаря. Волосы Сариссы превратились в облако шелковистых белых локонов ниспадающих поверх платья, которое до того, как я выпил зелье незаметности, было зелёным словно листва. Она... говоря откровенно, была пугающе похожа на Молли. Или, быть может, Молли стала сильнее походить на неё.

Сарисса встала, выглядя крайне неловко, и сказала:

- Я могу помочь с коммуникациями. Маленький народец хорошо подходит для подобных задач. Я бы рекомендовала крышу этого замка для организации командного центра, в целях обеспечения легкого доступа.

Послышался шорох, и Молли выскользнула из дыры за помостом для Зимнего Двора.

- Я уже некоторое время управляю транспортировкой Зимних войск. Я могу привести больше, если буду знать, где они понадобятся.

- Превосходно, - отозвался Марконе. - Полагаю, обеспечение коммуникаций является первостепенной задачей.

- Также как централизованный сбор наших военных ресурсов, - прозвучал хриплый голос.

Мэб вышла из дыры в стене. Она была... разбита. Буквально. Половина её тела была раздавлена и искалечена, словно в результате несчастного случая на производстве. Её движения, когда она пролезала через дыру были дёрганными и слишком быстрыми. Она опять выглядела как королева в пурпурном и белом, хотя и была покрыта каменной пылью. В её коже в десятках мест виднелись вмятины, как будто она была сделана из какого-то преимущественно твёрдого материала, повреждённого градом. Пока я смотрел, раздался отвратительный треск и её сломанное плечо, неестественно хрустнув в суставе, снова вернулось в свое обычное состояние бледного совершенства.

Она медленно обвела взглядом комнату. ЛаШез избегал её взгляда и выглядел так, словно хотел провалиться сквозь землю.

- Королева Мэб, - сказал Марконе. - Было бы неплохо узнать, какие силы Зимний Двор намерен направить на защиту города.

Мэб смотрела на Марконе молча какое-то время, прежде чем произнесла:

- Мой помощник сообщил мне, что час назад все силы Зимы экстренно потребовались в другом месте. Внешние Врата подверглись ожесточённой атаке.

Я почувствовал, как от этой новости сжался желудок. Внешние Врата были... конечной границей нашей реальности, расположенной на самых дальних пределах Небывальщины. За ними начинался изначальный хаос, Вне мироздания, наполненный существами, известными как Иные, которые вечно жаждали ворваться и поглотить всю реальность, смертную или любую другую. Если Внешние Врата подверглись внезапному нападению, это значило, что выбор времени для действий Этниу никак не мог быть совпадением.

Это значило, что последний Титан была в союзе с Иными.

Это значило, что больше чем несколько могущественных организаций, очевидно, решили, что народы, подписавшие Соглашения, должны уйти. И недвусмысленно заявляли о своих намерениях.

Не все в комнате поняли, что именно происходило, но я мог видеть, кто владел достаточной информацией, чтобы понять, недосказанное Мэб, очень ясно. Одноглазый и Ферровакс, Совет Старейшин, Река в Плечах, Этри и ещё кое-кто внезапно побледнели так же, как я. Они понимали, так же хорошо, как и я, что произойдёт, если эта битва будет проиграна.

Мэб посмотрела через зал на Фикса, Летнего Рыцаря, жилистого маленького парня с копной белых волос, узловатыми руками механика и жесткими глазами, которые были зелёными, когда окружающий мир не выглядел монохромным.

- Сэр Рыцарь. Я считаю, что королева Титания должна быть немедленно проинформирована о сложившейся ситуации.

- Тогда почему бы вам это не сделать? - спросил Фикс очень вежливым и мягким тоном. - Ваше Величество.

- Она не желает... отвечать на мой вызов, - произнесла Мэб. - Она поступит так, как поступит, но её необходимо поставить в известность. Это её право.

Фикс нахмурился, но Сарисса подняла палец, сказав:

- Она права. Ступай прямо сейчас.

Летний Рыцарь кивнул, поклонился ей и немедленно удалился. Это произвело на меня впечатление. Он не соглашался подвергать предыдущую Летнюю Леди опасности, вплоть до параноидального уровня. Сарисса, очевидно, установила иную динамику в их отношениях.

- Королева Мэб, - слышался голос Эбенизера. Голос старика звучал спокойно, но уважительно. Мэб плохо реагировала на агрессию, а еще хуже - на слабость.

- Если позволите спросить . . . где же Зимний рыцарь?

- В последний раз его видели в обществе Мисс Рейт, - небрежно сказала Мэб. Она взглянула в мою сторону, и ее глаза внезапно стали ярко-зелеными и очень холодными.

- Будьте уверены, он примет участие в обороне города, как только закончит свои дела.

Челюсть Эбинизера напряглась.

- Мэм, при всём уважении. Мне будет нужно скоординировать с ним наши действия. Чем скорее, тем лучше.

- Я пришлю его к тебе, - сказала Мэб, холодно глядя на старика.

Эбенизер на мгновение встретился с ней глазами, а затем кивнул, неохотно соглашаясь.

Отлично. Теперь мне придётся объяснять ещё и это.

- Что ж, хорошо, - сказал Марконе.

- Дамы и господа, если каждый из вас отправит со мной кого-то, способного принимать управленческие решения, мы создадим командный центр для обороны города. . .

Комната оживилась, выражаясь иносказательно. Голоса стали громче, народ зашевелился и я понял намек, сделанный Мэб. Мне тоже нужно было закончить кое-какие дела. Вечер, конечно, полностью пошёл по наклонной... но каким бы ни был исход битвы, если после неё Этри будет всё ещё среди нас, он продолжит преследовать моего брата. Прямо сейчас единственное, что удерживало его от того, чтобы выследить и убить Томаса, был кризис с Этниу. Ну, и тот факт, что никто пока-что не понял, что Томас сбежал. Просто теперь, необходимость чтобы я его спрятал, стала ещё более настоящей.

Было только одно место, где я мог это сделать, но очень мало времени, чтобы добраться туда. Инструкции Мэб были ясны даже мне - сделай это и возвращайся.

Я направился к двери сквозь море встревоженных бесцветных лиц и рванул в ночь.

Глава 31

Быть Зимним Рыцарем по большей части - отстой, но у этого есть несколько бонусов, которые могут быть охренительно удобными.

Во-первых, я сильный. Не такой сильный, как Человек-Паук, но я настолько силен, насколько может быть силен кто-то вроде меня, а я не такой уж мелкий парень. В рамках сделки я по большей части умер, и ко времени возвращения в мир живых, мое тело истощилось до предела. Частью восстановления была физическая подготовка — её было чертовски много. А ввиду того, что постоянное первобытное давление мантии можно безопасно ослабить с помощью интенсивных упражнений, я продолжал их делать.

Это не сделало меня супергероем на постоянку или что-то в этом роде, но ты точно не захочешь, чтобы я дал тебе в нос.

Во-вторых, я могу не замечать боль и дискомфорт. По большей части, это означает такие вещи, как частые порезы во время бритья. Иногда, я встаю после долгого чтения, не замечая, что моя нога уснула, и падаю. Я должен быть очень внимательным, чтобы заметить боль, большую часть времени. Возможно, мне было бы полезно поработать немного над самосознанием, но это недостаточно весело.

С другой стороны, когда ты занимаешься чем-то, для чего боль является серьезным препятствием, например бегом, это может быть весьма удобно.

Среднестатистический крепкий молодой человек может выдать около шестнадцати-восемнадцати миль в час на короткой дистанции. Максимальная скорость человеческого спринта - около двадцати восьми миль в час. Я не могу бежать так быстро. Но я могу бежать значительно быстрее, чем в среднем, где-то, двадцать две или двадцать четыре мили в час, и я могу делать это более или менее не замедляясь, так долго, как это потребуется.

Поэтому, когда я вышел на улицу, я двигался всерьёз. Я знал, что доберусь до набережной совсем скоро. На самом деле, больше всего меня беспокоило то, что я сломаю лодыжку и не замечу этого, пока не раздавлю свою ногу в кашу, продолжая бежать.

Но чикагские улицы изменились.

Машины просто остановились мертвыми рядами. Не было ни уличных фонарей, ни огней в зданиях, ни указателей, ни светофоров. Ничего этого. Люди вышли из машин и стояли небольшими группами, нервно переговариваясь. У всех в руках были телефоны. Ни одно из устройств не работало. Единственное искусственное освещение исходило от аварийных дорожных фонарей, которые люди использовали в качестве источников света. Если бы не растущая луна, было бы слишком темно, чтобы двигаться настолько быстро, как я.

Стояла зловещая тишина. Обычно, Чикаго - довольно оживленное место. В любое время дня и ночи можно услышать множество звуков современного мира: рев радиоприемников, глубокие басы из чьей-то навороченной автомобильной стереосистемы, дорожное движение, гудки, сирены, шум строительного оборудования, публичные объявления, испытания системы экстренного вещания - всё что захотите.

Это всё пропало.

Единственными звуками были встревоженные голоса и мои торопливые шаги.

Ни криков, ни дыма.

Ещё нет.

Но оно приближалось. Боже мой, оно надвигалось. Если Этниу и фоморы нападут на город во время затемнения, то возникший хаос может убить десятки тысяч людей, независимо от того, замахнется ли кто-нибудь клинком или выстрелит. Внезапное отключение света должно было привести к гибели людей в больницах, в автомобильных столкновениях, возможно, даже в самолетах. Я имею в виду, откуда мне знать? Я не видел шоссе. Самолет мог упасть в нескольких кварталах отсюда, и если б я не видел, как это произошло, и если бы не было каких-нибудь пожаров отмечающих аварию, я бы ни за что этого отсюда не заметил.

Все нации, подписавшие Соглашения, готовились к тотальной войне. Чёртов Ферровакс также участвовал.

Подбегая к докам, я понял кое-что действительно пугающее:

- Я понятия не имею, что будет дальше.

Это было вне пределов моего опыта, за гранью того, что я знал о мире. Сверхъестественные нации иногда вызывали проблемы, и когда мы сражались, порой случался сопутствующий ущерб — но по

большей части, среди нас самих. Старые развалины, джунгли, пустыни, подземные пещеры - вот где мы бились в основном.

А не в городах.

Только не на чёртовых улицах Чикаго.

Я имею в виду, Господи, она пнула Мэб сквозь стены. Мэб. Стены, во множественном числе. Этни переступила через неё, как будто она - ничто.

Существо, обладающее такой силой, может и не воспринимать никак семь или восемь миллиардов смертных. Она вполне может быть настроена играть в лиге богов-создателей, из старой школы, примерно в той же весовой категории, что и устроители Содома и Гоморры.

Еще до наступления ночи город будет сражаться за свою жизнь. Мой дед, мои друзья и союзники в Совете будут в центре всего этого. Боже мой, я должен был покончить с делом Томаса до того, как это началось. Я должен был предупредить людей. Я имею в виду, что слухи в сверхъестественном сообществе разлетятся, как лесной пожар, и все будут внимательно наблюдать, потому что я всем расскажу, чтобы они держали глаза и уши открытыми - но это оставит остальной Чикаго в неведении. Девяносто девять процентов населения города не будет знать, что творится, когда начнется атака.

Мда, так себе идея.

Посвящение в сверхъестественный мир было тяжёлым, даже если это происходило мягко, - тем более, когда он совсем скатился и сорвал с себя маску.

Порядка восьми миллионов человекотреагируют паникой. С ужасом. И насилием.

И моя дочь будет в центре этого.

Эта мысль как-будто придала крылья моим ногам.

Только две вещи удерживали меня от того, чтобы отправиться к ней. Во-первых, место, где она находилась. Она была гостьей в доме Майкла Карпентера и находилась под его покровительством. Что означало, что пока она там, за ней присматривал герой, что только недавно вышел в отставку, и отряд настоящих ангелов-хранителей. Без разницы, насколько ты крут, включая мою весовую категорию, ты не захочешь затевать драку с ангелом. Эти создания являются абсолютными силами Вселенной и они из жуткого Ветхого Завета.

Связываться с одним из них было не тем же самым, что ввязаться в уличную драку. Скорее это похоже на драку с самой улицей. Это трудно представить и вы, почти наверняка, будете выглядеть невероятно нелепо. И какой бы подход вы ни выбрали, в подобной драке всё, наверняка, пойдет не по-вашему. Вряд ли для Мэгги было более безопасное место во всём городе, чем под их защитой.

Второй причиной был мой брат. Я старался сохранять хладнокровие, пока мы осуществляли план по спасению, но мне было страшно за него. Он был в плохой форме. На острове я мог бы... не то чтобы спасти его, но я мог сохранить ему жизнь. В том всё и дело. Там у меня было гораздо больше власти, чтобы решать, что случится. Там, я мог защитить его от следящей магии, от смертельных проклятий, от враждебных посылок. Я мог запретить свартальвам там появляться и силой принудить их к этому. Там у него будет шанс.

Если нам повезет, я мог спасти брата и вернуться в город раньше Этниу и Корба. Я ненавидел эту мысль, но предстоящее нападение обеспечило нам чертовски хороший отвлекающий фактор. Нам просто нужно было доставить его на остров, пока нас не поймали.

Но пока ещё он не был там.

Я обогнул последний угол в своем лучшем темпе, тяжело стуча ногами по бетону, перебежал улицу и добрался до входа в доки в Бернем-Харбор, где был пришвартован "Жучок-Плавунец". Я пролетел сквозь ворота, ориентируясь в темноте по белой краске на ступенях и деревянном настиле дорожки. Здесь больше никого не было, больше никто не пытался убраться из города.

Пока ещё нет.

Мои шаги загрохотали по причалу, громко и отчётливо разносясь над открытой водой, и я даже не пытался их приглушить. Скорость решала всё.

Я пролетел последний отрезок дока до лодки и увидел зелёный свет, исходящий из нижней палубы и из каюты. "Жучок-Плавунец" был стареньким изношенным рыболовецким океаническим траулером, почти близнецом Орки из фильма "Челюсти". Когда я замедлился, громко дыша, мои шаги стали ещё громче и стройная фигура Фрейдис появилась на палубе, с зелёным химическим аварийным фонариком в руке. Мёрфи, прихрамывая, вышла из кабины секундою позже со второй сияющей трубкой. Поперек её груди на ремне висел P90.

- Иисус, Мария, Иосиф... Гарри! - выдохнула она. - Этот взрыв света. Это был электромагнитный импульс?

- Или проклятие, - сказал я, - или и то, и другое. Где Лара?

- Она забрала Томаса вниз, - сказала Мёрфи напряженным голосом. - Его дела плохи.

Я кивнул и поставил ногу на сходни.

- Ладно, тогда давай...

И за моею спиной запел глубокий, пульсирующий гул, не похожий ни на что, что я когда-либо слышал.

Отец мой, иллюзионист. Я незаметно стянул кольцо с тёмным опалом, которое мне дала Молли, с своего пальца и спрятал в ладони.

Затем я обернулся.

Нависая в футах двадцати над землёй, твердо упираясь ногами в камень размером с Бьюик, парил Чёрный Посох - Эбинизер МакКой. Одна его рука была вытянута в сторону для равновесия, пальцы скрючены в мистическом знаке - чём-то вроде лаконичной кинетической версии того заклинания, которое удерживало этот валун в воздухе.

Другая рука сжимала его посох, украшенный такими же рунами, как у меня. Они светились угрюмой красно-оранжевой энергией. Его лицо искажала гримаса холодной, несгибаемой ярости. По поверхности камня плясали искры статического электричества.

- Ты дурак, - заявил он. - Ты проклятый дурак.

Я снова сошёл на причал. Потом я опустился на колено и завязал шнурки на ботинке.

- Парень, - сказал он. - Они используют тебя.

Я спрятал ладонь с кольцом за пятку, подальше от чужих глаз. И выдохнул практически шёпотом Слово.

На мгновение у меня закружилась голова, а потом я встал и посмотрел на деда. Я собрал всю свою волю. Щит-браслет на моем левом запястье начал сыпать каплями зеленых и золотых световых искр. Руны моего посоха начали светиться той же энергией.

- Сэр - сказал я. - Каковы ваши намерения?

- Спасти хоть что-нибудь из этого месива, парень, - взорвался он. - Челюсти капкана почти-что сомкнулись. Я собираюсь раскрыть тебе глаза. - Его взгляд скользнул мимо меня к кораблю и очередная

вспышка электричества на камне издала треск, похожий на миниатюрную молнию.

- Вампир там, не так ли?

- Вы его там не видели, - уточнил я, - вы понятия не имеете.

- Не играй со мной, парень, - выплюнул старикан. - Я не один из твоих новых друзей-фейри. И я не юрист.

- Он работает на меня, - раздался ясный, спокойный голос.

Я оглянулся через плечо на Лару Рейт, всё ещё в праздничном платье, стоявшую на палубе "Жучка-Плавунца", уперев руки в бёдра. Я не видел у неё никакого оружия. Не представлял, где в таком платье можно было спрятать оружие. Но она стояла там, как будто была готова выхватить ствол и начать пальбу. И, учитывая все обстоятельства, я бы поставил на то, что её угроза была достаточно веской.

- Я помогла Мэб урегулировать некоторые проблемы с визами для нескольких из её подданных, - сказала Лара. - Она задолжала мне услугу. Он её возвращает.

Взгляд старика на мгновение задержался на мне, становясь всё ожесточенней, горячее и враждебней. Я видел, как закипает ярость в его глазах, прежде чем он медленно перевел взгляд на Лару.

- Вампир, - сказал он, - Соглашения - это единственная причина, по которой я до сих пор не поотрывал тебе руки и ноги, и не швырнул тебя в озеро. Твоего брата обвиняют в убийстве. Он ответит за это.

Голос, которым произнёс эти слова дед . . . Я уже слышал его раньше.

Когда-то это был и мой голос.

Я подумал о вурдалаках, зарытых по шею в землю. Я подумал о свирепом удовлетворении, наполнявшем меня, пока я это делал. Потому что они поступили неправильно, и я видел, что они совершили. С детьми. И воздать справедливое возмездие за это преступление означало стать правой рукой самого Господа, исполниться чистой, справедливой, бесспорно праведной ненависти.

Боже мой, я знал, что он чувствовал. Я знал, как ярко и чисто горит этот огонь. Но когда это происходило, я не чувствовал, как он обжигает меня самого.

Потом мне просто пришлось жить со шрамами.

Вампиры Белой Коллегии ранили моего деда в самое сердце. И он упорно старался, чтобы это никогда больше не повторилось. И чтобы они поплатились за то, что сделали.

Если бы тут стояла и раздавала советы Мэб, она бы сказала мне что-то вроде:

- Это его слабость. Используй её против него.

И она бы не ошиблась.

Эбинизер обратил ненавидящий взгляд на Лару и я осознал с замиранием сердца, что был только один выход из этого положения. Его глаза были полны ненависти. Она ослепляла его. Не оставляла места чему-то другому.

- Отчаливайте, - сказал я спокойным, твердым голосом, не сводя глаз с моего деда. - Следуйте плану. Я вас догоню.

- Дрезден? - позвала Лара. - Ты в этом уверен?

- Чёрт возьми, Лара! - вскричал я раздраженно.

Я рискнул бросить взгляд через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть, как Мёрфи подошла к Ларе, поймав её взгляд и твердо кивнув.

- Фрейдис, - произнесла Лара.

Валькирия сделала движение в направлении веревок.

- Сделай это, - предупредил Эбинизер, - и я потоплю эту лодку прямо сейчас.

- Нет, - сказал я спокойно и твёрдо. Я сглотнул и повернулся лицом к старику. - Ты не сделаешь этого.

Его брови нахмурились и воздух вдруг стал хрупким и неровным, как разбитое стекло.

- Если я позволю тебе это сделать, - сказал мне старик с отчаянием в голосе, - Совет изгонит тебя. Ты окажешься вне закона. Свартальвам нет дела, кто там кого нанимал. Они будут знать, что ты помешал им добиться справедливости. И они убьют тебя за это. Это единственный результат, который будет приемлем для их мировоззрения. Разве ты не понимаешь этого, парень? Ты будешь уязвим, скомпрометирован. Мэб и это существо, они изолируют тебя. Именно так поступают те, кто хотят тебя подчинить.

Мое сердце разбилось.

- Я думаю, - тихо сказал я, - мне уже хватит делать свой выбор, руководствуясь твоими ошибками.

Он уставился на меня.

- Ты не знаешь меня, - продолжал говорить я, не повышая свой голос. - Не по-настоящему. Большую часть времени тебя не было рядом. И Томаса ты тоже не знаешь.

Позади меня раздались два тихих удара, когда швартовочный трос уронили на палубу лодки.

- Я знаю достаточно, чтобы узнать лягушку со скорпионом, когда они передо мной, - ответил он. - Ты провёл рядом с ними десяток с копейками лет и тебе кажется, что ты их узнал. Но я веками имел дело с подобными им. Они обернутся против тебя, лягушонок. Даже если это их уничтожит. У них просто нет выбора. В этом их суть.

Лара уставилась на старика диким...

...затравленным...

...взглядом.

Мёрфи вошла в рубку и завела древний двигатель "Жучка-Плавунца". Это был старый дизель, даже без свечей зажигания. Проклятия, электромагнитные импульсы, всё это не имело значения. Если одноглазой паралитической белки было достаточно для технического обслуживания, двигатель будет работать до тех пор, пока его молекулы не распадутся на атомы.

Глаза Эбинизера перескочили на лодку и потяжелели.

Я втянул в себя воздух, готовясь выпустить Силу.

Бог мой.

Неужели это действительно произойдет? Неужели старик в самом деле собрался сразаться со мной?

Он не станет ничего слушать. Звёзды и камни, я не мог заставить его принять, что вампир Белой Коллегии хотя бы частично является человеком. Если я скажу ему, что Томас - его внук, то он... воспримет новости не хорошо.

Темперамент у старика был взрывной, как у вулкана.

И это была не метафора.

Если это случится... Я действительно не был уверен, что последует дальше.

Двигатель "Жучка-Плавунца" не столько взревел оживая, сколько зашипел и громко закашлял. На фоне почти-что беззвучного журчания воды о причалы и корабли этот звук казался оглушительным в неестественной тишине города.

Эбинизер МакКой вскинул посох перед своим телом в вертикальном салюте, объявляя начало дуэли.

Моё сердце резко ускорило обороты.

Я вернул салют своего деда собственным посохом.

А потом мы со стариком развязали войну друг против друга.

Глава 32

Вот вам несколько бесплатных советов: Никогда не деритесь со стариками.

У них уже всё это было, они такое делали, написали книгу, поставили и снялись в фильме, разработали футболку с этим дизайном, и у них нет сомнений в том, как выиграть бой.

И никогда не деритесь с членами семьи.

Они слишком хорошо вас знают.

Эбенизер, произнеся Слово, одновременно с силой ударил рукой по валуну под собой, и в то же мгновение невидимый клинок заклинания отделил трехсотфунтовый кусок скалы от валуна, на котором он стоял и направил его к моему кораблику со скоростью нескольких сотен футов в секунду.

Я и не собирался пытаться остановить его. Все дело было в избытке энергии, в излишней инерции. Это все равно что поднять средневековый щит, чтобы преградить путь падающему на вас боевому молоту. Конечно, вы можете это сделать, но если вы так поступите, то точно пожалеете об этом.

Нет. Самое разумное - это отвесить по этому молоту один резкий боковой удар, когда он начнет двигаться вперед. Несколько фунтов давления в нужном месте, в нужное время зачастую более эффективны, чем трата героических объемов энергии.

Да и потом: - Если бы я попытался давать на каждый выпад старика симметричный ответ, он бы меня закопал. Не столько потому, что он был сильнее, хотя так оно и было, но потому, что он был покруче меня, более энергоэффективным, выжимал вдвое больше мощности из каждого заклинания, затрачивая на это половину энергии. Магические схватки между старыми и молодыми были обратной картиной обычных мирских стычек между ними. Я был тем, кто был слабее, медленнее, ограничен в том, какие ходы я мог попытаться сделать, и должен был играть умно, если мне хотелось выиграть.

Так что, когда старик послал кусок валуна в Жучка-Плавунца, я поднял свой посох, изменив формулу моего простого заклинания

силового толчка, чтобы направить его с фланга, а не прямо вперед, и с силой метнул заряд в бок камню, когда он начал двигаться.

Он пронесся вперед под углом, раскачиваясь и кувыркаясь в следствии этого, и врезался в одну из лодок дальше по причалу, проломив корпус и часть палубы, прямо через трюм и с другой стороны, с такой силой, что вода плеснула на сотню футов.

Старик крутанул свой валун по дуге, изучающе глядя на меня прищуренными глазами, его голос был полон горечи.

- Теперь ты знаешь, что тебе не нужно каждый раз уклоняться от атаки с помощью щита .

- Ага, - сказал я, разглядывая его в ответ. След раскола на том месте, где был вырезан валун, был немного более темного цвета, чем серая поверхность — живая скала, пропитанная водой.

- Не говори никому. Ты испортишь мою репутацию независимого специалиста.

Он перевел взгляд с меня на Жучка-Плавунца, с пыхтением выходящего в открытое озеро.

- Но по-прежнему не пользуешься своими мозгами.

И он крутанув запястьем поплыл надо мной, над озером, к лодке.

В ту же секунду, как он отвел от меня взгляд, я вытащил свой разрушительный жезл из вшитого кармана пиджака, прицелился во влажный камень валуна и крикнул:

- Fuego!

Зелено-золотой огонь вырвался из разрушительного жезла и врезался в валун - я выпускал его непрерывным потоком.

Валун под ногами моего деда начал издавать что-то вроде шипящего, свистящего визга, и старик рванулся в воздух за полсекунды до того, как вода в камне закипела и разбила его на десятки осколков. Часть из них упала в озеро, а некоторые - на палубы других лодок, стоявших на пристани.

Должно было быть так:

- Старик должен был упасть в озеро, погрузиться глубоко в воду и львиную долю его силы на время должно было смыть. Но вместо этого он рывкнул пару слов, швырнув взрыв энергии в поверхность озера, которая так же сильно оттолкнула его от себя.

Его отбросило в сторону, и он полетел к причалу. Он метнул второй, более слабый заряд в док, замедляя падение, но не прерывая

его, и приземлился, топнув одной ногой с такой силой, что я услышал треск доски и упал на одно колено для равновесия. Его посох все еще был зажат в руках, его лысина блестела, его глаза сверкали.

Адские колокола, он был лучше меня.

Это был Эбинизер МакКой, Чёрный посох, самый страшный чародей планеты Земля.

Не останавливаясь старик стукнул по доскам причала посохом и они изогнулись в прямую линию, направляясь ко мне, как-будто огромная акула плыла ко мне под причалом, а ее спинной плавник поднимал настил дока.

Уперев свой посох в доски я перепрыгнул через надвигающуюся волну энергии. Когда она прошла, я приземлился, призвал ветер, сосредоточил свою волю, и выкрикнул:

- Ventas arctis!

По моей команде воздух зашевелился, и порывистый ветер внезапно хлестнул поверхность озера с злобной ледяной яростью. Миниатюрный циклон брызг льда и воды охватил конец дока вокруг старика, скрывая его из виду, как туман, поднимающийся из-за резкого изменения температуры в мрачном ночном воздухе. И когда это ослепило его, я сделал последнее, что обычно делают волшебники на дуэли.

Я рванул прямо на него.

Я проскочил сквозь мокрый снег, морозный воздух и лед, как-будто их вообще не было, заметил старика, когда был в пяти футах от него, и обратил на себя его внимание при помощи молниеносно быстрого удара моего посоха, нацеленного ему в живот.

Но старик научился владеть своим посохом ещё в Британии, давно, когда это оружие ещё было широко распространено и учился он у мастеров. Его собственный посох поймал мой в парирующем ударе, и он последовал за ним наступающим, круговым размашистым движением, которое вырвало бы мое оружие из рук, если бы я правильно не вывернулся.

Он налетел на меня в вихре атак. Если бы мы были на твердой земле, он бы надрал мою отмороженную задницу. Но мы стояли на прерывистых участках мокрого снега и льда, и в то время как его ноги скользили и спотыкались, мои, казалось, всегда находили идеальную опору. При этих условиях, он достаточно нерешительно двигался

вперёд, чтобы я смог отступать немного быстрее, пока не смогу использовать свою длиннорукость как хорошее преимущество, чтобы остановить его продвижение и быстрым, хлестким комбо, которому меня обучила Мёрфи, поставить его на заднюю ногу.

Он перехватил посох, держа обе руки на ширине плеч, и поднял его защищаясь, когда набросился на меня, как бык. У него не было других вариантов. Вероятно, он мог бы защищаться от меня вечно, но пока у меня есть преимущество в длине ног, я смогу замахнуться на него, пока он не сможет дотянуться до меня в ответ. Если бы он отвлекся, чтобы вызвать энергию для заклинания, я бы почувствовал его приближение и вышиб ему мозги. Так что у него был только один выход - напасть на меня изо всех сил

Я сделал короткий выстрел ему в голову, когда его нога немного соскользнула, но слишком медленный, чтобы попасть.

Или, я попросту не хотел этого делать.

Он поймал его на свой поднятый посох, а потом на меня обрушился вихрь ударов с обеих сторон и со всех направлений.

Я оборонялся. Еле-еле. Если бы я хоть раз поскользнулся, старик заставил бы меня заплатить за это. Во всяком случае, он дважды чуть не прибил меня, и только скользкая, предательская поверхность, на которой ему пришлось биться, давала мне достаточно времени, чтобы организовывать защиту.

Знаешь... А может, он просто тоже не хотел.

Но он погнал меня обратно к причалу, вынудив выйти из зоны мини-ледника, которую я наколдовал. Как только он снова встанет ногами на твёрдую землю, ничем хорошим для меня это не кончится.. Я следил за продвижением Жучка-Плавунца, который с трудом выходил из гавани. Теперь у него была фора в сотню ярдов.

В общем, да. Это было самое благоприятное время.

Нога Эбинизера скользнула по последнему обледелому участку, и он быстро пнул мою левую ногу в колено, когда вошел. Я уклонился, но это вывело меня из равновесия, и посох старика ударил меня по плечу с силой, достаточной чтобы раздробить вдребезги бетон.

Молли хорошо поработала. Костюм из паучьего шелка блеснул вспышкой света, пахло чем-то гнилостно горящим, и было такое чувство, будто по нему вдарил самый опытный игрок из бейсбольной Лиги юниоров.

Я вскрикнул от боли и отшатнулся.

- Хосс, не делай ничего такого, чего не нужно делать - жёстко сказал дедушка. Его следующий удар пришелся по моей правой ноге, и, очевидно, Молли специально не зачаровывала туфли. Что старик, вероятно, и ощутил. Удар был не так силен, как мог бы быть, но он сломал пальцы ног, и вспышки жестокого, режущего жара быстро исчезли в трепещущем холоде Зимней мантии, а я пошатнулся, упав на колено.

Старик ударил меня ногой в середину груди, вышибив воздух из моих легких с болезненным выдохом, и я ударился лопатками и затылком о причал.

Эбенизер с рычанием прижал конец своего посоха к моему кадыку и приказал: - Сдавайся!

- Нет - прохрипел я.

Глаза старика расширились. - Чёрт возьми, парень, ты сейчас разозлишь меня.

- Давай - сказал я, оскалив зубы. - Сделай это. Убей меня. Потому что это то, что нужно.

Его челюсти сжались, и он медленно оскалил зубы.

-Ты . . . высокомерная. . . глупая, самовлюбленная королева драмы!

- Но ведь не я тут прилетел на гору-малютку - посетовал я.

Он подтолкнул посох на четверть дюйма вперед.

- Гларк - сказал я.

Лицо у него было красным. Чересчур красным. Вены резко вздулись на его голове и шее.

И земля дрожала. Я чувствовал это даже через доски причала.

Когда он заговорил, его голос звучал так хладнокровно и монотонно, что меня охватил ужас. Если он и делал это, то лишь потому, что использовал методы ментальной дисциплины, чтобы сдержать свою (я сглотнул) ярость.

- Я задам тебе вопрос - сказал он. - Ты ответишь мне чётко и искренне. Кивни, если понял.

Я кивнул. - Гларк.

- Чем они прижали тебя, парень? - спросил он всё еще неестественно спокойным тоном.

- Что у них на тебя есть? Это не может быть настолько плохо, чтоб я не смог помочь тебе выбраться. - Его взгляд на секунду смягчился.

- Расскажи мне.

Я взглянул на конец его посоха.

- Ох, - сказал он и перестал давить.

Я сглотнул пару раз. Затем прохрипел: - У них ничего на меня нет.

Его глаза снова заблестели, и ...

И на них выступили слёзы.

О, Боже.

- Тогда почему? - спросил он с нажимом. Спокойствия в его голосе оставалось всё меньше. - Зачем ты это делаешь? Почему ты губишь себя ради них?

Я прекрасно знал, что собираюсь сделать.

Но он заслуживал правды. Действительно должен был знать.

- Потому что у меня только один брат, - сказал я. - И я не планирую потерять его.

Старик замер.

- Мама - сказал я глухим, невыразительным голосом.

- Она дала каждому из нас по амулету с записанными на них воспоминаниями, чтобы мы узнали друг друга

Рот Эбенизера несколько раз открылся и закрылся.

- Технически - сводный брат, - сказал я. - Но все равно одна кровь. Он прикрывал мне спину. Я спас его. Вот и все, что нужно было сделать.

Старик прикрыл глаза.

- Ты . . . говоришь. . . эта свинья, Рейт. . . с моей дочерью.

Земля затряслась сильнее. Поверхность озера заплясала, капельки стали взмывать вверх.

- Сэр - сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно,

- У вас есть второй внук.

Если бы я ударил его, не думаю, что смог бы ошарашить сильнее. Он отшатнулся на шаг. И замотал головой.

Я сел. - Послушайте, что было, то прошло. Томас не имел к этому никакого отношения. Но он несколько раз спасал мою жизнь. Он не враг вам, сэр. - Я пару раз моргнул.

- Он член семьи.

И ночь притихла.

- Семья, - раздался голос старика, с трудом скрывающий первобытное рычание.

- Один. Из этих тварей

Он повернулся к убегающей лодке, едва видимой с берега и его посох запылал раскаленным синим пламенем, когда он поднял его в правой руке, руке, которая излучает энергию, отбирая ее.

- Нет! - Я крикнул и бросился к нему.

Он повернулся, с затянутыми белым глазами, с алым лицом, оскалил зубы в рычании и я попытался выхватить его посох...

И что-то похожее на комету размером с двадцатипятицентовик, сверкающее, как звезда, выскочило из посоха, как какая-то необычная случайная искра статического электричества и вонзившись мне в ребра вылетело из позвоночника.

Я рухнул на спину на причал, и звезды вдруг, удивительно ярко засияли надо мной.

Я попытался вздохнуть.

Ничего особо не вышло.

О, Господи, - прошептал старик, его дыхание дрожало.

Его посох с грохотом упал на причал. Это звучало так, словно доносилось откуда-то издалека.

- Гарри?- сказал он.

- Гарри?

Его лицо появилось в конце небольшого черного туннеля.

- Ох, малец... - сказал он со слезами на глазах. - Ох, малец. Я не думал, что ты снова кинешься на меня. Не думал что так будет.

Я ощутил его руки на своем лице, как будто издалека.

- Вот почему ты так старался научить меня самоконтролю, - невнятно промямлил я. - Ты сам едва сдерживаешься.

- Я вспыльчивый болван, - сказал он.

- Я стремлюсь помочь тебе.

- Ты знал, что утратишь его, - сказал я тихо.

- И ты все равно пошел дальше. Ты мог бы подстраховать меня.- Кровь ритмичными маленькими толчками вытекала из пробоины в моей груди.

- А вместо того все кончается этим.

Глаза его наполнились стыдом.

И он отвернулся от меня.

Боль, которую мы чувствуем в жизни, всегда растёт. Когда мы еще маленькие, маленькие боли причиняют нам страдания. Когда мы становимся больше, мы учимся справляться со все большей и большей болью и продолжаем жить, вопреки всему.

Пожилые люди - безусловные чемпионы по преодолению боли.

А дедушке было уже много веков.

Но эта боль.

Он от неё страдал.

Она просто ломала его.

Он склонил голову. Его слёзы падали на доски причала.

Потом прекратил.

Выражение лица его изменилось.

Он поднял на меня взор. Его глаза округлились, а затем лицо исказилось гневом и недоверием. - Что? Ты, изворотливый...

- Отлично сказано, - сказал я, - чародей МакКой.

И я отпустил чары наваждения Зимы, созданные для меня Леди Молли.

Я почувствовал, как мое сознание отступает назад по этому черному туннелю, туда, где я снял и положил на причал опаловое кольцо Молли с мизинца, в то время как я ощущал, как конечная конструкция наваждения, мой двойник, сжимается и сдувается в эктоплазму позади меня. Мое сознание устремилось к камню в кольце, нашло нить моего разума, которую я привязал к нему, а затем стремительно понеслось обратно к моему телу.

Мои глаза открылись, и я оказался на палубе Жучка-Плавунца, в дальнем от Эбенизера конце рубки, где я укрылся после того, как уронил кольцо и запустил иллюзию. Как только я активировал кольцо, завеса вокруг меня позволила мне проскользнуть на борт Жучка-Плавунца, укрыться, а затем спроецировать мое сознание обратно в конструкта-доппельгангера.

Я взорвал свои отношения с дедушкой с помощью дистанционного управления.

Но зато, я не получил в лёгкие кометой.

Когда я вернулся в свое тело, меня охватила такая глубокая усталость, что это была какая-то абсолютно новая форма боли. Я чувствовал, как меня сотрясают судороги. Мёрфи приложила мне ко

рту одну из тех масок с резиновым насосом и качала в меня воздух. Фрейдис пыталась придержать меня.

Я боролся за контроль над своим телом и в конце концов восстановил его, осев на палубу в полном изнеможении. Фрейдис полулежала на мне, тяжело дыша. Мёрфи, вся такая деловая, приподняла мне веко и посветила фонариком в глаз. - Гарри? Ты меня слышишь?

- Да, - сказал я и смахнул маску с лица. - Уф.

- Одиново копьё, seidermadr! - Выдохнула Фрейдис. Она устало поднялась с меня.

- Ты прошёл по самому краешку.

- О чём, чёрт побери, она говорит? - спросила Мёрфи.

- Конструкт, - сказал я.

- Для иллюзии. Гм. Молли сделала для меня очень, очень хорошее эктоплазматическое тело, сохранила его слепок в кольце и связала со мной. Всё, что было нужно - бросить поддельную копию себя на месте в качестве приманки и одновременно сделать себя невидимым. Потом я. . . вроде как вселился в конструкта. Спроецировал в него свое сознание. Послал туда всю свою энергию, через всё это расстояние, что чертовски утомительно. Чудесно поболтал с МакКоем.

Мерфи помогла мне сесть, пристально глядя мне в лицо.

- Что произошло-то? - спросила она.

Я взглянул на нее и безжизненным голосом сказал: - Я выиграл.

- Боже мой, - сказала она. - Он . . .

- Разозлился, - сказал я имитируя тяжёлый, протяжный акцент.

Нахмурившись на мгновение, она прикоснулась к моему виску рукой.

- Он причинил тебе боль.

Я прикрыл глаза. - Видела бы ты другого парня!

- Вы двое - просто очаровашки, - съехидничала валькирия.

- Фрейдис, - сказала Мёрфи вполне дружелюбно, - Потеряйся, сгинь.

Фрейдис оглянулась, посмотрела туда-сюда, на нас, и нахмурившись сказала:

- Есть потеряться-сгинуть, мэм! -

И оставила нам столько уединения, сколько смогла на маленьком корабле, пока Жучок-Плавунец, пыхтя продвигался вперед.

- Гарри, - ласково сказала Мёрф.

Я не открывал глаз. Они все равно были переполнены.

- Он... Он не...

- Не совсем такой герой, каким ты его считал?

Я сжал губы.

- Да, - сказала она. Она опустилась и положила мою голову себе на колени. - Он человек. Какое потрясение!

- Я рассказал ему. - сказал я. - Про Томаса.

- Как видно, он слегка среагировал, - сказала она

- Он прикончил меня, - тихо сказал я. - Я имею в виду настоящего меня. Если бы фальшивый "я" был "мной", то сейчас я был бы мертвым. Он не хотел этого делать. Но это случилось. И он не тот, за кого я его принимал. Он утратил контроль.

Мой голос будто сорвался на последнем предложении. Было чувство, что кинжалы торчат в моей груди. Я прислонился плечами к переборке рулевой рубки и прикрыл глаза левой рукой, сидя на палубе.

- Он утратил контроль.

- О Боже, Гарри, - сказала Мёрфи, и голос её был полон болью.

- Больно, - тихо сказал я. - О Боже. Это больно.

Она положила руку мне на лоб, поглаживая. Я опустил руку и склонился к ней. И расплакался.

Длилось это до тех пор, пока не затихло.

Затем она сказала: - Я слышала завязку разговора. И вы оба ошибаетесь друг в друге, знаете ли. Ты ведь не знаешь, кто он на самом деле. Ещё нет. И он тебя не знает. И вы оба ужасно обижаете друг друга, потому что вы - семья. Потому что то, что ты говоришь и делаешь, значит гораздо больше, чем чужие действия.- Она наклонилась и прижалась щекой к моему лбу.

- Слушай меня. Я знаю, что сейчас тебе больно. Но причина, по которой это так больно, заключается в том, что вы так заботитесь друг о друге. И эта боль в конце концов исчезнет. Но вам обоим будет одинаково безразлично

Она была права. Мне было больно. Та боль, с которой волшебная мантия ничего не может поделать. Настоящая боль в сердце, которая может убить тебя миллионом разных способов.

Чёрт бы побрал этого строптивого старого болвана

- Я знаю, что это нелегко, Гарри. Я помню, как впервые поняла, что мой отец был обычным человеком, - сказала она. - Тогда, когда он застрелился.

Она дала этому повисеть в воздухе какое-то время.

Потом она выпрямилась, обхватила мое лицо руками и уставилась на чернеющее озеро, Ее глаза налились слезами.

- Ты все еще можешь поговорить с ним, Гарри. То, что мне никогда не удавалось сделать. Я хочу, чтобы ты пообещал мне, ради меня, что поговоришь с ним, когда уляжется гнев.

- Кэррин, - сказал я.

Она раздраженно шлепнула меня по щеке. - Это звучало как просьба? Сделай это. Если мои советы хоть что-то значат, сделай это прямо сейчас. Вот насколько это важно.

- А что, если... - Я сглотнул. - А что, если когда-нибудь это буду я? А что, если я уже такой и есть?

- Есть разница между ним и тобой, - сказала Мёрф.

- Правда?

Придвинувшись, она наклонилась и поцеловала меня в лоб.

- Да. У тебя есть я.

И. . . что-то маленькое и теплое пробудилось в моем сердце. Оно не остановило боль. О Господи, неужто эта боль не прекратится?

Но оно сказала мне, что боль не будет вечной.

Хорошо - сказал я. - Я поговорю с ним.

Я устало изобразил крест на своем сердце.

Она одобрительно похлопала меня по щеке и сказала: - Хороший парень.

Я закрыл глаза взял ее за руку и несколько минут провёл уже не так горько плача.

Глава 33

Какое-то время спустя я взял себя в руки. В рулевой рубке был шкаф, в котором я хранил всякие припасы длительного срока годности. Орехи и вяленая говядина, в основном, да еще вода в бутылках. Ничего особенного, но проецирование своего сознания было утомительным занятием, и мое тело так сильно нуждалось в калориях, что черствые орехи и сушеное вяленое мясо были чертовски вкусными. Я жевал и жадно глотал.

Чтобы добраться до острова в обычном режиме, потребовался бы почти целый час, но я дал полный газ, так что мы доберемся туда немного быстрее.

Мерфи, прихрамывая, зашла в рубку и молча составила мне компанию, наблюдая за моим лицом. Примерно через десять минут она сказала:

- Ты боишься.

Я бросил на нее быстрый взгляд. Дернул плечом.

- Настолько плохо?

Я задумался на мгновение, стараясь не думать о том, как мне плохо и насколько встревожен. Тогда я сказал:

- Я могу делать разные вещи. Ну, ты понимаешь? Я могу сжигать здания, если захочу. Я могу взрывать машины. Вызывать всякое из Небывальщины.

Она кивнула.

- Прямо сейчас, прямо у меня под ногами, умирает мой брат. А люди, которые хотят его убить, возможно уже в пути, и мы ещё даже не доставили его на остров. И то, что вот-вот начнёт происходить в городе... - мне не удалось подавить дрожь. - Я чувствую себя очень маленьким.

Мёрфи с минуту спокойно смотрела на меня. А потом её лицо исказилось и она подавилась от хохота.

- Ты... ты... - покачав головой, она легонько пихнула моё плечо своим собственным, продолжая смеяться.

- Что? - спросил я.

- Добро пожаловать в клуб, - сказала она. - Крошка.

- Я серьезно, - сказал я. - Всё очень хреново.

- Прямо сейчас, - заговорила она, - каждый участок в Чикаго пытается наскрести всех офицеров, которых только может достать. Они будут делать все возможное, чтобы как-то контролировать хаос из-за отключения электричества. Пожарные тоже, как бы мало проку от этого ни было. - Она покачала головой. - Они тоже не чувствуют себя слишком большими. А у них даже нет волшебного острова.

Я подумал о тех следах на пляже.

- Возможно, для них это ощущение малозначимости скоро выйдет на новый уровень, - сказал я. - Возможно, мы все почувствуем себя гораздо более мелкими.

Кэррин нахмурилась после моих слов и запахла полы пальто вокруг себя чуть плотнее, прижимаясь ко мне. Я обнял её одной рукой.

- Какой именно уровень хреновости мы тут обсуждаем? - спросила она у меня.

- Фоморы думают, что могут уничтожить город, знаем мы об их приближении или нет, - сказал я. - Они кажутся уверенными.

- Уничтожить, - отметила Мёрфи.

- Старая школа. Вспомни Аттилу. И Чингисхана.

- Господи Иисусе, - выдохнула она, прижимаясь ко мне. - Радио не работает. Интернет в городе - тоже. Как мы их предупредим?

- Ах, если бы только мы раньше попросили их быть начеку, - сказал я не без иронии. - Паранетчики привычны выживать пока большие детишки выясняют между собой отношения. Они соберутся вместе в безопасных домах или у Мака, в подобных местах.

- А все остальные? - напомнила Мёрфи.

- Эй, народ, - сказал я, - мифологические монстры идут, чтобы убить вас. Пожалуйста, эвакуируйтесь.

Она разочарованно поджала губы, но не могла отрицать моей правоты.

- Так что же нам делать?

Я покачал головой.

- Я не знаю.

- Что будет дальше?

Я вглядывался в темноту впереди нас, отслеживая местоположение острова так же уверенно, как следил бы за муравьем,

ползущим по моей руке и отделяя эмоции от мыслей, обдумывал их, как математическую задачу.

- Что делает происходящее необычным? - произнёс я - Этниу. - И чем она вооружена? - Оком Балора.

- Точно, - сказала Мёрфи. - Что насчёт этой штуки?

Я глубоко вздохнул. - В кельтском народном фольклоре чертовски много вариантов. Трудно сказать. Балор был своего рода аналогом греческого титана на кельтской территории. У него был глаз, которым можно было испепелить мир, уничтожить все, что он видел, поджечь его. Он скрывал его за кучей повязок и вуалью для глаз, и он мог снимать несколько из них за раз, чтобы получить различные виды разрушительных эффектов, от разложения вещей до поджога и разноса в пыль.

- Что-то вроде постепенного уменьшения защитных экранов вокруг радиоактивного ядра, - заметила Мёрфи.

- Я. . .- Я моргнул. - Уф. Об этом неприятно думать. Но - да. Я не знаю, насколько точен фольклор, и я еще не разговаривал ни с кем из тех, кто знает точно. Впрочем, можно с уверенностью предположить, что Око - это оружие массового поражения, - сказал я.

- В наш город приехал убийца городов.

- Как они это сделают? - спросила она.

- Зайдут с озера, - сказал я. - После этого - как обычно, по старой школе.

- Убьют всех, кого увидят, - сказала она.

- И используют Око, чтоб погасить все точки жёсткого сопротивления, - сказал я, кивая. - Они убьют или заберут каждого, кого смогут, пока власти смертных блуждают в темноте. И они проделают всё самое худшее при помощи Ока, а я даже понятия не имею, насколько это может быть плохо. Потом они исчезнут до того, как туда доберется Национальная Гвардия.

- Люди, - тихо сказала Мёрфи. - Сегодняшней ночью. Их никто не защитит.

- Чёрта с два, - сказал я и выжал из старого движка еще немного скорости. - Я вернусь раньше, чем они доберутся сюда.

- Ага, ТЫ! - сказала Мёрфи, и я услышал улыбку в ее голосе.

- Против протобога с карманной ядерной бомбой и армией чудищ.

- Не только я, сказал я. - Но если бы это был только я, то да. Я бы с этим хорошо справился. Это же дом. Нужно ведь как-то умереть. Встать против монстра у порога - неплохой способ сделать это.

Она затихла на мгновение, потом сказала,

-Я чувствую тебя.

Я еще крепче прижал ее к себе. - Вот я и начал всё драматизировать. Ты как, держишься?

Она пожала одним плечом. Голос у неё был тяжелый и усталый. - Всё болит. Но двигаться маленько могу.

- Может, тебе лучше спрятаться, - сказал я. - Паранетчики направляются к пабу Мака. Им необходим кто-то, кто сохранит хладнокровие и бдительность.

- Она хмыкнула. - Ты думаешь, я не справлюсь сама?

- Не надо, - тихо сказал я. - Я был готов взять тебя с собой в преисподнюю, и ты это отлично знаешь. Любой боец может пострадать. Но у всего есть пределы. Нет ничего постыдного в том, чтобы признать это.

На какое-то мгновение Мёрфи умолкла. Потом она спросила:

- Если бы ты был ранен, ты бы отсиживался?

Я ничего не сказал в ответ.

- Это и мой дом, Гарри.

Я стиснул зубы.

- И, - сказала она, прислонившись щекой к моему бицепсу, - если ты попытаешься привязать меня к этому проклятому острову, чтобы обезопасить меня, то клянусь Богом, я прострелю тебе ногу.

Я напрягся и виновато взглянул на неё.

Она слабо улыбнулась в зеленом химическом свете, широко раскрыла глаза и произнесла, драматически подражая моему голосу:

- Я вернусь вовремя...

- Она фыркнула. - Переступи через себя. Ты тот, кто ты есть. По большому счёту мне это нравится. Но давай относиться друг к другу как взрослые. Пообещай мне.

Мне стало тошно.

Кэррин была умной, крепкой и способной. Она тоже была ранена. Она тоже была права. И то, что грядет, не обратит на неё внимание отдельно.

Но она та, кто она есть. Кэррин Мерфи не может спокойно сидеть, пока горит Чикаго, как не может отрастить крылья и летать. Она будет драться за свой дом. Она готова умереть за это.

Какая - то часть меня издавала животный скулѐж, где-то глубоко внутри.

В конце концов, люди должны быть теми, кто они есть. Если вы пытаетесь отнять это у них, вы умаляете их. Вы низводите их до уровня детей, неспособных самостоятельно принимать решения. Нет более быстрого способа отравить ваши отношения с кем-то.

Я не хотел ее терять.

Если она будет драться, ее вполне могут у меня отнять.

Если я попытаюсь удержать ее от драки, я точно потеряю ее.

В то время как сердце и огромная часть моей души трепетали от ужаса, мои уста говорили:

- Я обещаю.

Я почувствовал, как ее рука легла мне на поясницу, и она нежно приобняла её на мгновение. - Спасибо.

- Пообещай, что будешь драться с умом, - сказал я.

Она уткнулась головой в мою руку и сказала: - А как ты узнаешь, если я так и сделаю?

У меня вырвался смешок. И мы встали рядом.

Глава 34

Маленький дешёвый пластиковый компас качался в такт лодки, но мне он был не нужен. Теперь, когда я познакомился со скрытыми функциями острова, у меня появился собственный компас, небольшое чувство в моей голове, которое всегда подсказывало мне, где находится это место.

Оно было частью силы Хранителя Предела Демона.

Я почувствовал, когда Жучок-Плавунец коснулся внешнего кольца обороны, примерно в миле от острова. С помощью нескольких слов и усилия воли я мог бы заставить остров вызвать предательские течения, водовороты, утянувшие злоумышленников к острым скалам. Озеро могло разбушеваться, как море во время шторма.

Кэррин тоже чувствовала влияние острова, смутное ощущение, которое вызывало беспокойство у всех, кто подходил к нему. Оно отпугивало случайных посетителей: ни один человек, вошедший в эти воды, не почувствовал бы себя спокойно, пока не изменит курс, чтобы обойти остров. Чёрт, даже самолёты не летали прямо над ним; вот насколько сильным было влияние острова.

Это определенно не была спланированная защита. Это было простое влияние существ, заключенных в плен - зверинца сверхъестественных ужасов, начиная с самых мерзких существ, с которыми мне когда-либо приходилось сталкиваться, и опускаясь к самым глубинам кошмара. Предел Демона был Алькатрасом сверхъестественного мира - и я был парнем, хранящим все ключи.

Я мог бы найти это место с завязанными глазами и в темноте. Черт, да я и нашел его в темноте, ведя корабль без особой необходимости крутить штурвал, пока над нами не поднялась надвигающаяся масса острова.

Мы подготовились к ночному прибытию - плавучий док, который построили мы с братом, "Как дела, Док", был оклеен люминесцентной морской лентой. Я заглушил двигатель и вошёл медленно и осторожно. Даже без учёта плохих парней на воде, управление лодкой было чертовски опасным занятием для дураков, и мне приходилось проявлять особую осторожность.

Я видел, как Фрейдис подходила к носу корабля, когда мы приближались к причалу, её кожа отсвечивала зеленым химическим светом. Она потерла руки несколько раз, когда тень острова упала на нее, как будто её знобило от этого места. Рядом со мной беспокойно заерзала Кэррин.

- Так плохо? - спросил я её.

- Ты вообще этого не чувствуешь? - спросила она.

- Хм. Это... Знакомо чувство, когда снится сон, и понимаешь, что попал в кошмар? - Она кивнула в сторону острова. - Это так же. Только в IМАХ.

Да, - сказал я. - Ну, это и не должно быть местом, где ждут гостей.

Я беспокоюсь о тебе, когда ты здесь, - сказала она. - Что-то он с тобой делает.

Со мной он ничего не делает, - сказал я. - Я - Страж.

Может быть, - сказала она. - Или, может быть, это что-то, что ты не чувствуешь. Что-то другое.

Это была тревожная мысль.

Но ничего нового, о чем бы я раньше не думал.

- Просто доверься мне.

- Доверяю. Поэтому и стою здесь.

Я осторожно подвел корабль к причалу, Фрейдис прыгнула с корабля, как лань, и начала его швартовать.

- Хижина еще пригодна для жизни? - спросила Кэррин. - Есть припасы?

- Все, что нужно, - сказал я. Я заглушил мотор и направился к рубке. - Я проверю, как там Томас.

Я зажег новый химический фонарь и взял его с собой на нижнюю палубу, в маленький жилой отсек лодки.

На лодке было две кровати, покрытые белыми простынями и тяжелыми красными клетчатыми одеялами, ничего особенного. Томас и Лара находились на одной из них. Она сидела в изголовье, а он лежал на спине, его плечи располагались на ее животе. Оба были обнажены, и в этом не было ничего сексуального. Одной рукой она прижала его сломанные руки к его груди, а другой обнимала его за щеку. Ее голова была опущена, словно от изнеможения, а плечи ссутулены. Ее волосы рассыпались по лицу, почти полностью скрывая профиль, и касались его лба.

Глаза брата были открыты, но не сфокусированы ни на чем. Среди серебра в его взгляде присутствовали слабые оттенки серого .

Он был похож на бедного сломленного рыцаря, заключенного в нежные объятия ангела смерти.

- Какого черта происходит? - спросил я.

Лара подняла на меня взгляд, в ее глазах вспыхнули фрагменты яркого серебра, которое отступило, когда я, заметив их, направил на кровать жуткий свет химического фонаря, танцующий вокруг них в калейдоскопе всех оттенков потустороннего зеленого...

Я отвел глаза, прежде чем случилось что-то плохое

- Лара. Что ты делаешь?

Ей потребовалось время, чтобы заговорить. Ее голос оказался обволакивающим и восхитительным. - Я даю ему энергию, которую получила ранее. Это... замедляет урон, который наносит ему его Голод. Но всё очень плохо. И я почти...

Она облизнула губы. При виде этого мне захотелось сорвать рубашку и начать хвастаться своими многочисленными мужественными поступками.

- ... опустошена. Мне нужно будет кормиться, если я дам ему ещё.

- Не вариант, - сказал я. Пришлось прочистить горло после этой фразы. - Мы на месте.

Она пристально посмотрела на меня своими серебряными глазами.

- И ты уверен, что сможешь защитить его здесь? Даже от его собственного Голода?

- От всего, - сказал я. - Дай его мне.

Она кивнула и сказала - Бери.

Она передала мне Томаса, завернутого в одеяло. Воздух вокруг нее был холодным. Приятно холодным. Мне захотелось снять рубашку, растянуться на ней и охладиться. И Зимняя мантия издала низкий рык в моем сознании, как бы говоря, что ужасные идеи, возникшие в моем сознании, на самом деле были весьма интересными.

- Чёрт побери, Лара, - раздраженно сказал я. - У нас есть дело.

Она моргнула, глядя на меня, когда я обернул Томаса одеялом и поднял, как ребенка. Затем она сказала:

- Это непроизвольно. Честно. Мы всегда можем выбирать когда использовать Голод, но мы не всегда можем выбирать когда его не использовать.

- Ну, это раздражает, - проворчал я.

Она подняла руку, быстро спрятав улыбку.

- Ох. Знаешь, мне... ещё никогда такого не говорили. Ни разу.

Я закатил глаза и сказал: - Я тебе верю.

Вынести моего брата по узкой лестнице на палубу было не легко, но это было неважно. Я раздраженно зарычал и вытащил его наружу. Он все ещё был едва в сознании и весил слишком мало.

Дурацкие свартальвы.

Дурацкие вампиры.

Дурацкие Титаны.

Дурацкий Томас. Почему, черт возьми, мой брат вовлек себя в эту неразбериху?

Я поднял его на палубу, там Фрейдис помогла мне. Рыжеволосая валькирия взглянула на меня и кивнула в сторону острова. - Не густо.

- Достаточно, - сказал я. - Не сходи с причала. Не уверен, что с тобой ничего не случится.

Фрейдис посмотрела на меня и вздрогнула. - Не буду.

Я прошел мимо нее и понес брата по причалу на остров. Меня никто не останавливал. Все были слишком обеспокоены тем, что происходило в Чикаго. И это было к лучшему.

Я сказал всем, что Томас окажется в безопасности на острове. Я не сказал им, где именно он окажется.

Видите ли, обеспечение безопасности человека заключается в том, что, если вы действительно хотите обезопасить кого-то по-настоящему, ваш единственный выход - запереть его. Крепость - это тюрьма.

И наоборот.

Я сошел с причала и ступил на неровную землю острова, идя совершенно уверенно, мой интеллектус в этой месте просто не позволял мне поскользнуться или упасть. Я знал Предел Демона, каждое дерево и каждый камень так же хорошо, как свое собственное тело.

Я сделал меньше дюжины шагов по камням острова, прежде чем деревья задрожали. Я остановился, ожидая, пока фигура выскользнет из темноты. Он был огромным, ростом с Титана, и гораздо шире, угрожающей формы в развивающемся темном плаще с капюшоном, скрывавшем его форму от человеческого глаза. Где-то внутри капюшона горела пара зеленых огней, сверхъестественно яркие глаза,

которые сейчас были сужены, что походило на что-то вроде озабоченности.

Огромная фигура остановилась передо мной и медленно, формально поклонилась.

- СТРАЖ, - сказала он. Его голос был скрипучим рокотом камня и рвущейся земли, и я слышал его внутри себя так же как если бы слышал ушами.

- ТЫ ВЕРНУЛСЯ.

- Альфред, - сказал я. - У нас проблемы прямо здесь, в Ривер-Сити.

Дух острова посмотрел на меня в тишине, прежде чем сказал: - ОСТРОВ В ОЗЕРЕ.

Сверхъестественные существа обычно не обращают внимания на какие-либо культурные отсылки, возникшие после времен Возрождения.

- Просто отсылка, Альфред. Не обращай внимания .

- КАК СКАЖЕШЬ, СТРАЖ - Огромный капюшон откинулся в сторону, и зеленый взгляд остановился на неподвижном теле моего брата. - ВАШ ЕДИНОКРОВНЫЙ БРАТ УМИРАЕТ.

Я знаю, - сказал я. - Мы здесь, чтобы помочь ему.

Я НЕ ОКАЗЫВАЮ ПОМОЩЬ, - сказал Альфред. В сказанном не было никакой страсти. Пощады тоже не было. Альфред был... дух тюрьмы, места, построенного так, чтобы содержать магические угрозы, слишком опасные, чтобы позволить им бродить по миру. За тысячелетия более шести тысяч существ ужасной силы были отправлены в туннели под островом: они были легионом кошмаров, наименьший из которых заставил меня содрогнуться от очень реального страха, который я никогда не смогу полностью забыть.

Альфред был создан, чтобы заботиться об их изоляции. Он не был тем, кого можно назвать добродушным.

Да, - сказал я. - Мы должны поместить его в стазис.

Глаза Альфреда вспыхнули на несколько оттенков ярче от нетерпения. - ПРОШЛО МНОГО ВРЕМЕНИ С ТЕХ ПОД КАК ПОСЛЕДНЕЕ СУЩЕСТВО БЫЛО ДОВЕРЕНО МОЕЙ ОХРАНЕ, - говорится в сообщении. - ЭТОТ ПАРАЗИТ КВАЛИФИЦИРУЕТСЯ КАК МИНИМАЛЬНО ОПАСНЫЙ.

Я хочу, задержать его , - сказал я. - хочу, чтобы его Голод оставался беспомощным, пока я не вернусь, чтобы освободить его.

- КАКОЙ ПРОТОКОЛ СОДЕРЖАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ, СТРАЖ?

Существовало несколько видов содержания, в которых могли находиться заключенные. Какие-то были связаны с погружением в темноту. Какие-то с вечными муками. Какие-то с простым заключением. Разные Стражи работали над ними очень и очень долго. Некоторые виды содержания были разработаны ещё до того, как цивилизация была просто скопищем хижин и костров в темноте, и они не были мягкими.

Внизу находился один заключенный, в некоем уникальном стазисе, который можно было бы назвать сном, хотя он мог иногда просыпаться и общаться. Насколько я мог понять, это был единственный протокол, в который был встроен сон, спасающий рассудок.

Эта тюрьма никогда не предназначалась для чего-то столь хрупкого и почти смертного, как мой брат.

Томас издал тихий, противный звук, как будто только его крайнее истощение удерживало его от крика боли.

- Ожидание, - тихо ответил я. - Он должен быть огражден от любого общения с другими заключенными, содержащимися не по такому же протоколу. Дай мне кристалл.

Огромный дух снова поклонился. Когда он выпрямился, осколок кристалла длиной примерно со средний гаечный ключ, похожий на кварц, но пульсирующий мягким зеленым светом, замерцал на земле.

Я опустил брата на землю. Он застонал, когда я положил его. Серость в его глазах снова исчезла, видимо Голод возобновил атаку на его жизненную силу. Он медленно начал проявлять признаки агонии, поскольку та энергия, которую дала ему Лара, начала иссякать.

- Эй, мужик, - сказал я. - Слышишь меня?

Он смог на секунду сфокусировать свой взгляд на мне. Из его рта донеслись звуки боли.

- Смотри, - тихо сказал я. Я вытащила перочинный нож, который засунула в брюки перед выходом, и острием надрезал подушечку кожи между большим и указательным пальцами. Через секунду выступили капельки крови, и я размазал их по лезвию ножа, окрасив его во всю

длину красным, слишком бледным, для человеческой крови. - Я смогу удержать твоего демона от причинения тебе вреда. Сохранить тебе жизнь. Но это не будет легко.

Одна из его рук упала на мою и он слабо пожал её. Хотя этого и не было заметно, но он всё ещё был внутри. Он меня слышал.

Часть процесса попадания в камеры... - Я сделал глубокий вдох. - это страдание от боли, которую ты причинил другим, - сказал я. - Это было сделано, чтобы донести до самых чуждых существ, почему они были заключены здесь. Это нечестно. Это не предназначалось для людей. Это может навредить тебе. Но если я этого не сделаю, ты умрешь.

Мой брат заставил глаза открыться и попытался найти ими меня. - Ж... Ж...

- Жюстина - произнес я - Я понимаю. Я присматриваю за ней.

Он рыдал. Это все, что ещё оставалось в нем.

Я отошел от него, оставив его в свете кристалла.

Альфред навис над Томасом. - У ТЕБЯ ЕСТЬ КЛЕТКА. У ТЕБЯ ЕСТЬ КРОВЬ. НАРИСУЙ КРУГ И СКАЖИ СЛОВА, СТРАЖ.

Я что-то почувствовал и оглянулся через плечо.

Фрейдис стояла на самом краю пристани, глядя на меня. Пока я смотрел на неё, она повернулась и бросилась обратно к кораблю, вскочила на палубу и исчезла в трюме.

Времени оставалось мало. Мой брат угасал, его пожирал его собственный демон.

Я поднялся и собрал всю свою волю, в то же время я своим посохом начертил в земле круг вокруг моего брата. Как только я закончил, я наклонился, коснулся пальцами получившейся траншеи и создал круг, выпустив в него крошечное количество энергии. Он превратился в невидимый экран вокруг моего брата и начал собирать и фокусировать магическую энергию.

Затем я поднял руку с перочинным ножом над головой.

Будь огражден, Томас Рейт, - прошептал я. Я почувствовал, как начало расти сопротивление, сопротивление этого мира открытию прохода в другой. - Будь огражден мой израненный брат, - прорычал я, направляя свою волю в голос, заставляя его звенеть в камнях, деревьях и воде. - Падший воин, будущий отец, я ограждаю его и предаю тебе.

Я услышал позади себя короткий вскрик.

Я отпустил свою волю, когда произносил слова ограждения в третий раз.

И Предел Демона приступил к работе.

У меня не было той силы, которая потребовалась бы, чтобы сделать то, что сделал дух места. Роль энергии, которую я вложил в заклинание, заключалась в том, чтобы просто высвободить часть силы духа - как повернуть ключ в огромном, жестком, упрямом замке. Предел Демона не предназначался для нерешительных или неуверенных, и напряжение, которое пришлось применить, чтобы привести его в действие, не было тем, что я бы хотел повторять на регулярной основе.

Кристалл вспыхнул. Свечение окутало Томаса и было таким ярким, что я мог видеть кости сквозь его кожу.

А потом мой бедный измученный брат начал кричать. Это был тонкий пронзительный звук, в котором было больше эмоций и агонии, чем могло вынести его переломанное тело. Этот звук рвал меня изнутри, причиняя боль, с которой Зимняя мантия абсолютно ничего не могла поделать. Я только что приговорил своего брата к наказанию, от которого был в ужасе сам.

Томас кричал и кричал, и огромная форма духа места возвышалась над ним, нагибаясь.

А потом крик прекратился.

Свет исчез.

Я остался стоять один на холодных камнях.

Там, где раньше был мой раненый брат, не было ничего, кроме слабо светящегося облака зеленого тумана, быстро рассеивающегося и погружающегося в землю Предела Демона.

Ослабев я опустился на одно колено и уперся руками в землю.

Звезды и камни.

Что я только что сделал... выбора не было, особенно сейчас

Но мой брат.

Я услышал низкий крик, угрожающий и болезненно грубый.

Я повернулся и увидел, как Лара приземлилась на причал и бросилась ко мне, бледное пятно сверхъестественной скорости, и что-то, блестело и отражало лунный свет в ее руке.

Глава 35

Лара Рейт не любила драться — именно это превращало ее в смертельно опасного противника, когда ей приходилось делать это. Если уж достала клинки — гордость не позволит ей сделать это впустую. Когда она решит прикончить тебя, то устроит это так быстро и эффективно, как только сможет.

Я лично видел, как она шла через поле боя, полное древних врагов, вооруженная только парой длинных ножей. Она не просто одолела их — она сделала это с лёгкостью. Она была постарше моего брата и научила его драться. Томас вошел в крепость свартальвов, мимо всей охраны, в одиночку — и чёрт бы его побрал, чуть не убил их главаря. Лара была проворнее моего брата, сильнее него и опытнее.

А теперь она шла за мной.

Я понимаю её. Я имею в виду, что это было единственное место в мире, в котором я уверен, что Томас будет в безопасности, но если бы она и знала подробности, она бы сразилась со мной, а времени на это просто не было. По ее мнению, я только что уничтожил ее брата. Окажись я на месте Лары, я бы тоже с ума сошёл.

Она, наверное, не понимала, что выбрала место еще неудачнее, чем мой брат.

Предел демона был построен Мерлином. Мерлином, настоящим, Камелот и Экскалибур, этот самый Мерлин. Он нарушил по крайней мере один из законов магии, чтобы построить это место, взясь со временем, чтобы заложить достаточно прочный фундамент, чтобы выдержать сверхъестественную тяжесть тюрьмы.

В результате остров буквально кипел от энергии — и если знать расположение защитных сооружений и утомительную геомантию, с помощью которой вся эта энергия была собрана в пригодные для использования структуры, то можно было использовать эту энергию практически даром, как личный запас Силы.

Вслед за Ларой Фрейдис и ее дробовик спрыгнули с корабля на берег, валькирия последовала за своим шефом в драку.

Только вот это была не драка.

Даже не рядом.

Я сделал жест, прошипел часть слова, и мягкая земля под ногами Лары резко просела и затем взметнулась назад, посылая её в воздух. Она ударилась об землю, и кусты и трава острова окутали её быстро и полностью.

Я махнул правой рукой, посылая мысленную команду высвободить часть ожидающей энергии острова, и дерево Гикори, возвышавшееся над местом приземления, рухнуло вниз, словно злобный гигант, и громадная ветвь ударила в землю в нескольких футах перед Фрейдис. Удар сбил валькирию с ног, и вторым движением дерево ударило её достаточно сильно, чтобы отправить назад в воды озера.

Я обернулся и увидел, что Лара бешено вырывается из травы и кустов, и мне пришлось поднять обе руки и приложить небольшое усилие воли, чтобы земля просто поглотила ее до шеи.

Лара сопротивлялась коротко, яростно и тихо, её серебряные глаза сияли. Ей понадобилось в два раза меньше времени, чем понадобилось бы мне, чтобы осознать безнадёжность своего положения. Тогда борьба прекратилась, и она застыла и замерла так, что её голова могла бы быть чем-то оторванным от статуи, а не частью настоящего почти человеческого создания. Только её глаза двигались, отслеживая меня. Теперь в её выражении не было ничего игривого. Это было, словно смотреть в глаза большой кошки. Злой кошки.

- В этом не было необходимости, - сказал я, поворачиваясь, чтобы отследить передвижение Фрейдис в воде. Мой интеллектус был немного расплывчатым там, словно я смотрел сквозь грязное окно, что, возможно, было наказанием для моего всего лишь человеческого мозга, из всех сил пытающегося отследить непрекращающееся движение каждой молекулы воды в этой области.

Я нашел Фрейдис в тот момент, когда она оттолкнулась от дна озера, взбивая воду в закрученные спирали силой своих конечностей, когда она прорвала поверхность и вылетела из нее с достаточной инерцией, чтобы преодолеть перила Жучка-Плавунца... и столкнуться с Мёрфи на палубе.

- Нет! - крикнул, я и с усилием воли и еще одним движением запястий, пара деревьев наклонились и потянулись к лодке, дерево напряглось, ветки угрожающе скрипели.

Фрейдис была адски быстра, и Мёрфи даже не пыталась атаковать её. Валькирия оказалась за Мёрфи, близко, одна рука на её талии, другая на горле. Я знал как сильна она была, она могла просто вырвать фунт мяса из шеи Мёрфи одним движением запястья. Глаза Фрейдис были яркими и холодными.

- Назад! - крикнула она.

Сила Предела Демона была огромна и ужасна, и не слишком подходила для хирургической точности. Единственный шанс, который у меня был, это если мы что-то, что убило бы Фрейдис, было бы настолько быстрым, что она не успела бы среагировать, а валькирия была чертовски быстрой. Я бы целился деревьями (ради Бога, мне стоило попрактиковаться в том, чтобы разбивать предметы деревьями) по цели на плавучей, качающейся платформе, и разница в дюйм в любом направлении могла означать жизнь или смерть Мёрфи.

Так что я отошёл, деревья угрожающе заскрипели, отступая.

- Время обмена, - позвала меня Фрейдис. - Твоё на моё.

- С чего бы? - отозвался я.

Фрейдис сжала свою руку, и я увидел, как Мёрфи напряглась от боли.

- Это не та битва, которой предначертано стать для неё последней, - сказала валькирия. - Пока ты не заставишь меня убить её.

Мёрфи просто подняла руки. Послышалось несколько звенящих звуков, и пара кусочков металла вылетела из её рук и разлетелись в обе стороны от Жучка-Плавунца, упав в воду с небольшими всплесками.

Это были маленькие металлические рукоятки. Солдаты называют их чекой.

Мёрфи держала боевые гранаты по обе стороны от их голов.

Глаза Фрейдис широко распахнулись.

- Осколочные, - сказала Мёрфи спокойно. - Твой ход, сука.

Наступило мгновение ледяной тишины.

- Боги, это горячо, - сказала Фрейдис и размытым движением прыгнула через перила, ударившись о воду, как брошенное копьё.

Мёрфи повернулась и бросила гранаты через дальнюю сторону Жучка-Плавунца. Её пришлось бросать одну из них по низу раненой рукой. Они ударились в воду может в семи или восьми ярдах от Жучка, и через пару секунд они взорвались с рёвом вытесненной жидкости, посылая гейзер воды на двадцать футов вверх.

Я проигнорировал это. Осколки были не опасны, окруженные таким большим количеством воды, и вместо них я отслеживал валькирию, пока не нашёл её.

Я повысил свой голос и крикнул туда, где Фрейдис пыталась бесшумно доплыть до берега в тени и под прикрытием нескольких больших старых ив. Она вышла из воды, подобрала камень и собралась двигаться через деревья по кратчайшей дороге к моему затылку.

- Эй, Рыжая! - окликнул я её. - Твой клиент в порядке, у тебя нет причин драться со мной, и если ты заставишь меня тратить остатки моих денег на виру твоему боссу, я и правда расстроюсь.

Фрейдис притормозила в темноте в замешательстве. Я её не винил. Не было способа, как я мог увидеть её с того места, где я стою, и я не мог услышать и движений. Но пока я стоял на земле Предела Демона, я знал обо всём на острове, как если бы это было моё собственное тело. Я мог бы бросить камень так, чтобы он отлетел от пары деревьев и приземлился бы прямо на голову валькирии.

Иногда действия говорят громче слов. Я поднял руку и призвал землю к сотрудничеству. Фрейдис оказалась по пояс в земле в мгновение ока. Я услышал, как она издала короткий сдавленный звук.

- Видишь? - сказал я ей. - Это... просто ужасная идея. Для тебя, я имею в виду. Может нам лучше поговорить?

Голос Фрейдис звучал так, словно ей немного не хватало воздуха: - Лара?

Я взглянул на Лару и сделал нетерпеливый жест одной рукой: - Давай же.

- Я жива, - отозвалась Лара. Затем она посмотрела на меня и сказала ровным тоном: - Предатель.

- Эй, сказал я, раздражённо подняв палец. - Не я бросился на тебя с ножом.

- Что ты с ним сделал? - Спросила Лара, её голос был холодным и взвешенным.

Я слышал этот тон раньше. Когда-то мне пришлось внушать страх перед собой вампиру по имени Бьянка. До этого момента мы были дружелюбными противниками. Всё изменилось, когда я заставил ее почувствовать себя беспомощной. Всё стало немного сложнее.

И только что, я повторил историю.

Только Лара была умнее и сильнее и намного опаснее, чем Бьянка когда-либо могла стать.

Это была одна из тех ситуаций, когда мне следовало быть мудрым в выборе слов.

Я подошёл к Ларе и сел рядом с ней на корточки.

- Я сделал именно то, что и обещал, - сказал я. - Он в безопасности. Заклинания поиска не способны обнаружить его здесь. Его демон не ранит его. Свартальвы до него не доберутся. Мы это сделали.

- Я хочу видеть его, - прошипела Лара. - Я хочу поговорить с ним.

Я потёр глаза. - Ты не можешь, сказал я. Я нахмурился и потянулся к интеллекту острова.

Я почувствовал, что чувствовал мой брат. Этого было не так уж много. Была отдалённая боль, но в основном он просто погрузился в измученный ступор. Его разум был перегружен физическими раздражителями. Теперь он искал убежище в благословенном забвении.

- Он... без сознания.

Она смотрела вдаль, отказываясь смотреть на меня.

- Без сознания?

- Он заперт в одной из клеток, - сказал я. - Он в безопасности. Но он застрял там. И прямо сейчас он измучен. Он отдыхает.

- Ты никогда не говорил ничего о том, что запрёшь его в клетке.

- Я сказал, ему придётся остаться здесь.

Лара горько рассмеялась.

- Ты сказал. И ты сдержал своё слово. Подумать только, я верила, что ты поступил к Мэб на службу в результате несчастья, а не из-за склонностей.

Я вздрогнул от этого.

Оу.

- Полагаю, ты сделал своё заявление, Дрезден, - сказала Лара как-то жёстко. - Текущая расстановка сил не в мою пользу. Действительно необходимо держать меня в этом...положении?

- Ты закончила играть с ножом? - спросил я.

- Я готова к рациональным переговорам, - сказала она.

Я посмотрел на неё с профессиональным подозрением.

Её лицо для покера было лучше, чем у меня.

- Ладно, - сказал я. Я отступил на шаг и сделал жест.

Земля просто соскользнула от неё, поставив её на ноги без каких-либо усилий с её стороны. Когда её правая рука высвободилась, она подняла маленький практичный нож, который прятала. . . где-то. Она сунула его обратно в ножны, которые держала в другой руке, а затем бросила нож на землю между нами.

- Спасибо, - сказала она сухо. - Я была бы признательна, если бы мы могли честно поговорить друг с другом об этом.

- Конечно, - сказал я.

- Чего ты хочешь? - спросила она.

- Для чего?

- Не скромничай, Дрезден, - сказала Лара. - Жизнь моего брата в твоих руках. Какова твоя цена?

Я поднял брови. - Подожди, ты думаешь, что... Вау.

Она наклонила голову.

- Лара, послушай, - сказал я. - Я постепенно всё больше осознаю, но... ты даёшь мне слишком много того, что ты, вероятно, считаешь честью. Я не играю в игры вроде этой.

- Беглый обзор твоих побеждённых врагов требует иного, чародей.

- Я буду играть жёстко, - признал я. - Но я играю честно. Или по крайней мере я не продаю своего чёртового брата ради наживы.

- Ты не такой уж и идеалист, Дрезден, - сказала Лара с жёсткой усмешкой на губах. - В конце концов, ты совершишь геноцид, если будешь считать, что это правильно.

- Ты чертовски права, совершу, - сказал я, потому что эмпирические данные довольно трудно оспорить. - Но если бы я был таким злостным, как ты думаешь, ты не покинула бы остров по своей воле. По крайней мере целиком.

Лара прищурилась: - Что ты имеешь в виду?

Я всплеснул руками.

- Адские колокола, Лара! Слушай, если бы я хотел сделать с тобой что-то плохое, я бы сделал это прямо сейчас. Ты не в том месте, у меня есть преимущество, и если бы я захотел тебя надуть, ты была бы не в состоянии мне помешать.

Слова не могли бы быть более жёсткими, чем те, что она говорила: - Я в курсе.

- Нет! - сказал я. - Это не... Ааа! Слушай, я говорю это не потому что я пытаюсь надавить на тебя. Я указываю тебе на то, что я мог бы сделать, но не буду, потому что это...глупо. И я не пытаюсь избегать такого поведения, если могу.

Лара нахмурилась: - Что?

- Слушай, я понимаю, что ты очень усердно играешь в эту игру, - сказал я. - Это в твоей природе. Но ты так же понимаешь семью.

Она наклонила голову, нахмурившись. - Что ты имеешь в виду?

- Что Томас и моя семья тоже, - сказал я. - Я не буду делать что-то, что я знаю может ранить его. Эээ, снова. И если он во мне нуждается, я буду здесь для него.

- И, - пробормотала Лара задумчиво, - полагаю, что если что-то случится с тобой, ужасные вещи произойдут с моим братом.

Не ужасные, - сказал я. - Просто . . . ничего. Пока его не решит выпустить на свободу следующий Страж. Я еще не закончил обзор всех заключённых здесь. Какая бы ни была архивная система на острове, она была сверхчувственной. Проверка заключенных означала всматривание в самих заключенных.

Из-за первой полудюжины или около того мне пару недель снились кошмары, а это максимум мазохизма, который я могу себе позволить.

- Он пойман здесь навсегда, - сказала Лара.

- Нет. Он в безопасности здесь, пока мы не сможем найти, как его вылечить, - сказал я.

Она посмотрела на меня ровным взглядом: - И как удачный побочный эффект, если я желаю защитить его жизнь, теперь я должна инвестировать ресурсы в защиту твоей.

Это было вообще не то, что я планировал.

И да... по стандартам Лары, это было именно то, что я сделал.

Целая пропасть лежит между намерениями и результатами. Намерения прекрасны, но они не останавливают кровотечения и не удаляют шрамы.

И не лечат сломанных братьев.

Я не планировал этого.

Так ведь?

Может я ошивался вокруг Мэб слишком долго.

- Лара, - сказал я устало. - Я согласен, что дела обстоят именно так. Мы можем говорить всю ночь о том, как это случилось. Но клянусь, я не пытался справиться с тобой. Из всех людей, с которыми тебе приходилось иметь дело, кто больше всех избегал даже касаться твоих...ручек?

Она целую минуту смотрела на меня с нечитаемым выражением на лице. Затем сказала:

- Пустая Ночь, чародей. Или ты искренен и тогда, - она тряхнула головой с недоумением, - я совсем не понимаю тебя. Или ты человек, способный использовать даже неудачу собственного брата и его возможную смерть, чтобы обеспечить себе безопасность, одновременно облачая свои действия в такие моральные доспехи, что это делает их практически неприкосновенными. В таком случае, полагаю... я восхищаюсь твоими способностями улаживать дела.

- Полагаю, ты можешь смотреть на это двояко, - сказал я.

Она выгнула бровь.

- Ты можешь записать это в свою маленькую чёрную книжечку и запомнить это, - сказал я, - потому что я сделал дешёвый выстрел, когда тебе нужна была помощь, когда ты заработала её и пришла просить о ней, ты заслужила получить её. И вместо этого, я давил на тебя.

- Это одна из точек зрения, - согласилась Лара.

- Или, - сказал я, - ты можешь принять, что это как небольшое обстоятельство, которое произошло, потому что обстоятельства чокнутые, абсолютно сумасшедшие, и ни у тебя, ни у меня нет работы для здравомыслящих, рациональных людей. Мы оба делаем её так, как умеем лучше всего. Мы оба ищем ножи, летящие нам в спину, и оба предпринимаем действия, чтобы остановить их. Это подразумевает, что мы мыслим с достаточным подозрением, чтобы немного подстраховаться даже если мы сознательно об этом не думаем.

Что-то вроде скупого понимания промелькнуло в её взгляде на мгновение. Она тихонько фыркнула.

- Так, - сказала она, - ты согласен со стариком. И решил быть очень умной лягушкой с этим скорпионом.

- Я уважаю то, что ты можешь сделать, Лара, - сказал я тихо. - Ты одна из моих любимых заклятых друзей. Но если мы оба хотим

выжить, необходимо будет пройти через некоторое количество шероховатостей.

Она тяжело рассмеялась.

- Тогда, полагаю, я буду ожидать от тебя похожего понимания, когда, однажды, я возьму верх.

Я вздрогнул от её тона. Он был тяжёлым, беспощадным.

Я был почти уверен, что могу придумать несколько ужасных вещей, которые мог бы сделать с Ларой Рейт и которые даже не заставили бы её моргнуть. Но заставить чувствовать себя беспомощной, не входило в этот список.

Я определенно не хотел думать о Ларе, которая одержит верх между нами. Я не хотел думать об этом по нескольким причинам.

- Да, это честно, - вздохнул я. - Когда придёт моя очередь, мне придётся принять это с изяществом. Но слушай, ты получила то, что хотела. Наш брат в безопасности. Он скрыт от любых поисковых заклинаний, и он по крайней мере не в худшей форме, пока он гость здесь. Да, тебе придётся прикрывать мне спину пока мы не сможем вытащить его отсюда, но раз Мэб заставила меня прикрывать твою, это не будет слишком большим усилием для тебя, и у нас есть рыбка побольше прямо сейчас. Давай переживём эту ночь и придумаем, что делать с Томасом завтра. Согласна?

Она продолжала смотреть своими плоскими глазами еще минуту, прежде чем покачала головой и убрала темные волосы с глаз.

- Хорошо, - сказала она. Да, всё так. Твои доводы верны. Нам предстоит столкнуться с более серьезными проблемами. Они должны иметь приоритет. Я принимаю твои условия. Даю слово.

- Спасибо, сказал я.

Лара достала нож и отвернулась от меня.

- А после этого, - сказала она, направляясь обратно к лодке, - моей прерогативой будет восстановить баланс между нами. Начиная с моего телохранителя. Освободи ее, пожалуйста.

Я сделал жест, пробормотал слово, обращаясь к острову, и почувствовал, как напряжение Фрейдис ослабло, когда она выбралась из провала, в который я её отправил. Рыжеволосая валькирия появилась из теней. Она подошла к Ларе, проверив не ранена ли её клиентка, прежде, чем бросить на меня пристальный осторожный взгляд, который люди обычно припасают для опасных животных.

- Теперь мы можем вернуться в город? - спросила Лара. Её голос снова был бархатным и красивым, но я мог почувствовать острые грани.

Чудесно. Именно то, что мне было нужно. Обеспечить людей вроде Лары достаточной мотивацией.

- Идите на лодку, - сказал я. - Мне надо забрать пару вещей. Отправляемся через пять минут.

Лара резко кивнула и отвернулась, направившись к лодке. Она немного прихрамывала и была вся в грязи. Я смотрел ей в след.

- МНЕ ПРИГОТОВИТЬ КЛЕТКУ И ДЛЯ НЕЁ?

Я повернулся и обнаружил, что дух острова навис над моим плечом, и я не почувствовал приближения Альфреда.

Что... беспокоило меня. Я имею в виду, мой интеллектус острова был практически безграничен. Чуть сконцентрировавшись, я мог узнать сколько муравьёв было на острова, сколько птиц, сколько рыб в водах у его берегов. Но я не мог узнать больше об обитателях клеток без того, чтобы пропускать свой мозг через их психическое воздействия, испытывая в некоторой степени то, чем они были и что делали. И я не мог чувствовать Альфреда и его движений. Я имею в виду, дух приходил всего, когда я его звал.

И все это время я предполагал, что так и должно быть.

Но Альфред, очевидно, умел от меня что-то скрывать. Дух мог, например, скрыть свое присутствие от моего интеллектуса острова. И он мог скрыть ужас обитателей острова, не давая ему сказаться на моей психике.

Так что мне пришлось задуматься - что еще может скрывать от меня Предел Демона?

- В этом нет необходимости, - пробормотал я духу. - Альфред, насколько больших существ могут содержать эти клетки?

- ФИЗИЧЕСКИЙ РАЗМЕР НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ, - ответил дух.

- МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ МАССА - ДРУГОЕ ДЕЛО, - зелёные глаза создания внезапно яростно сверкнули. - ПОСЛЕДНИЙ ТИТАН В ПУТИ.

- Да, - просто ответил я. - Ты сможешь сдержать её?

- ЕСЛИ ТЫ СМОЖЕШЬ ВЫПОЛНИТЬ СВЯЗЫВАНИЕ, Я МОГУ СДЕРЖАТЬ ЕЁ, - сказал Альфред.

- Насколько далеко отсюда? - спросил я.

- Я ТЮРЕМЩИК, А НЕ ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ, - ответил Альфред. - ВОЗМОЖНО, С БЕРЕГА ОЗЕРА - ЕСЛИ ТЫ ИСПОЛЬЗУЕШЬ АТАМЕ ИЗ АРСЕНАЛА.

Атаме - магический инструмент, вроде волшебной палочки, но в форме кинжала. Это мощный инструмент для ритуальной магии.

У меня был один такой, запертый в арсенале острова. Я украл его у бога подземного мира с той же полки, что и Плащаницу и Терновый венец. Если это действительно было то, о чём я думал, то его использование дало бы мне долговременные последствия.

Но если шторм, надвигающийся на Чикаго, был таким сильным, как я думал, не использовать его было бы невыносимо.

- На берегу, да? - сказал я. - Хорошо. Принеси мне кинжал. И связывающий кристалл. И табличку.

- ТЫ ХОЧЕШЬ ДВА ОРУЖИЯ?

Альфред звучал... немного испугано.

Вот о каком уровне мощи мы говорим.

- Конечно, - сказал я самым непринуждённым тоном. - В конце концов, это только половина арсенала. И как только я уйду, я хочу, чтобы ты активировал все защитные средства острова. Ничего не входит и не выходит. Понятно?

- ПОНЯТНО, СТРАЖ, - сказала существо с поклоном.

- Отлично, - вздохнул я. - А теперь беги и принеси мне мои игрушки, Альфред. У меня впереди долгая ночь.

Глава 36

Когда я вернулся к лодке, Кэррин сидела на стуле на крыше лодочного сарая. Её Р90, оружие личной защиты, которое было незаконнорожденным ребёнком штурмовой винтовки и коробки бельгийского шоколада, лежало на перилах, его ствол смотрел в том направлении, где я стоял и вёл переговоры мгновение назад.

Я проверил. У неё был хороший обзор того места, где я стоял с Ларой, а также того, где Фрейдис вышла из воды.

- Они обе были под прицелом, а? - спросил я.

Она пожала плечами:

- Я знаю, кто мои друзья.

- Но ты не выстрелила.

Она сложила руки так, сложно замёрзла.

- Я так же знаю и кто мои враги. - Она взглянула вниз, туда, где Лара и Фрейдис отмывались от грязи и переодевались в запасную одежду. Некоторая одежда принадлежала Томасу и вроде бы подходила. - Лара устала и испугалась и действовала инстинктами, - продолжила Кэррин. - Иначе никогда не кинулась бы на тебя так.

Секунду я смотрел на Кэррин. Затем сказал, удивлённо: - Она тебе нравится.

- Я нахожу её ужасающей, - ответила она спокойно. - Но выражу некоторое уважение. Когда мы работали вместе в ОСБ, она всегда делала свою часть работы и держала своё слово. Это не пустой звук.

- Верно, - сказал я. Я открыл лодку, чтобы рёв двигателя помешал Ларе подслушать наш разговор. Вампиры и их слух. - Итак, я сделал из неё врага.

Кэррин фыркнула: - Может быть. Но я всё видела. Ты побил её, но ты не проявил к ней неуважение. Она не такая мелочная, как большинство сверхъестественных существ, которых я встречала. Может она решит пересмотреть это. - Она пожала плечами. - И если она захочет сразиться, мы сразимся.

Эта ночь была напряжённой и особенной. Уверен, что любая битва, которую Лара начнёт в будущем, будет обставлена так, чтобы до нашего хода не дошло, - сказал я.

Кэррин посмотрела на меня яркими голубыми глазами: - И? Ты хочешь убить её прямо сейчас и бросит её в озеро?

- Конечно нет, - сказал я с досадой.

- Тогда брось беспокоиться об этом, - сказала она. - Или разберись с ней сейчас или прими тот, что не сделав этого, ты даёшь ей преимущество. В любом случае, жалобы тебе не помогут.

- Если совет выпнет меня, - сказал я, - ничто не оставит её от того, чтобы придти за мной когда она захочет.

Кэррин фыркнула: - Разве что Мэб.

Я поджал губы. Действительно. Честно говоря, мои долгосрочные прогнозы были на смерть от руки Мэб, так или иначе, но пока я пытаюсь делать что-то для неё, у меня есть определённые преимущества от моей роли официального Бандита Зимы. Я был известным. Любой, кто захочет придти за мной за пределами различных тёмных игр, должен будет составить таблицу рисков, прежде, чем предпринять попытку, и даже тогда, если бы у них не получилось сделать всё идеально, так, что они могли избавиться от тела и избежать моего смертного проклятия, оно всё равно настигло бы их рано или поздно в лице Зимней Королевы.

Никто особенно не заботился о том, чтобы не пересекаться с Зимними, тем более Сидхе, которые правили другими хищниками-фейри с помощью явной злобы и силы. Репутация Мэб и сила её личности создала Неблагие Соглашения, в конце концов.

Мэб не была добрым и мягких боссом, но она и никогда не предавала меня.

Если она давала обещание, она держала его, и все это знали.

Все, кроме Этнуи, видимо.

Я обнаружил, что снова и снова переворачиваю кристалл в руке. Он был около шести дюймов в длину и от дюйма до двух дюймов в толщину и сверкал очень, очень слабым светом, которое можно было увидеть только краем глаза.

- Это такой же, как ты использовал для Томаса? - спросила Мёрфи.

- Ага.

- Ты думаешь, ты сможешь поместить Титана внутрь одного из них?

- Конечно, - солгал я.

Она небрежно сплюнула через борт лодки и посмотрела на меня.

Я поморщился. - Связывание - сложная работа. Ты противопоставляешь свою волю воле того, кого пытаешься связать. Если твоя воля сильнее, это создаёт узлы. Если нет...

- То, что ты пытаешься связать, приходит тебя убить?

- Она сделает это в любом случае, - указал я.

Кэррин склонила голову набок в знак согласия. - Так у тебя голова твёрже, чем у Томаса?

- Оно не был в форме, чтобы сражаться, - сказал я. Я задумчиво пожевал губы. - У него был долгий, долгий день.

Кэррин кивнула. - Ты ранил его, поместив его туда. Так ведь.

- Может больше, чем его когда-либо ранили, сказал я. - Но у меня не было много вариантов.

- Мать Божья, - она посмотрела на меня, а затем в темноту. - Мне жаль, что тебе пришлось сделать это с ним.

- Меня не ранило.

- Конечно. Что случится с Томасом, если ты не выберешься из этой битвы?

- Он останется тут, - сказал я. - Возможно, к лучшему.

- Гарри, мне нужна твоя честность здесь. Его можно вылечить? Или ты просто покупаешь ему время?

Я пожал плечами и тряхнул головой. - Я не знаю.

- Не знаешь?

- Эй, я придумываю на ходу, - я подумал о брате, пойманному в ловушку в тюрьме из кристалла на следующую обозримую вечность. И о Жюстине и её ребёнке, одних. - Но я должен попытаться.

Она выдохнула через зубы и кивнула. - Да.

Лодка медленно плыла через озеро обратно в город. Мы оба стояли, глядя на него, безмолвное напряжение нарастало.

Я почувствовал, как её рука скользнула в мою.

Теперь в городе горели огни, хотя мы не могли видеть их, пока не оказались в пределах видимости берега, - свечи в окнах. Огни большего размера, возможно, в мусорных баках.

Город был тихим и тусклым в темноте, неестественно неподвижным.

Ожидающим.

И где-то в нём, моя дочь сейчас спит, Мыш где-то у её ног.

Я подумал об отвратительном алом свете Ока, пронизывающем маленькую крепость Марконе.

- Это... - я вздохнул. - Это слишком велико.

- Что ты имеешь в виду? - спросила она.

- Это слишком велико, - сказал я. - Это не раздираемая войной страна, где всё можно объяснить. И не чудак-частный детектив с причудливой фишкой. Это Чикаго. Этнуи и Король Корб не пытаются держать всё в тайне. Такая кровь будет пролита... Он будет вопить.

- Люди будут в ужасе, - сказала Мёрфи.

- И они возмутся уничтожать то, что их пугает, - сказал я. - Это сделает Испанскую Инквизицию похожей на надувной замок.

Мёрфи вздрогнула. - Если Этнуи и Корб провернут это дело, это приведёт мир смертных и сверхъестественный мир к войне.

Я смотрел вперёд на тусклый горизонт моего города, призрачного во тьме.

- Да, - прорычал я. - Если.

И я выжал из старой лодки всё, что мог.